

С Е Т Е В О Й Н А У Ч Н Ы Й Ж У Р Н А Л

НОМОТНЕТІКА: ФІЛОСОФІЯ. СОЦІОЛОГІЯ. ПРАВО

S C I E N T I F I C J O U R N A L

NOMOTHETIKA: PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. LAW

2023. Том 48, №3

НОМОТНЕТІКА:
Философия. Социология. Право
2023. Том 48, № 3

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право».

Основан в 1995 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ», Издательский дом «БелГУ». Адрес редакции, издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Римский В.П., доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный институт искусств и культуры)

Заместители главного редактора:

Бабинцев В.П., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Тонков Е.Е., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Ведущий редактор

Почепцов С.С., кандидат философских наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Ответственные секретари:

Новикова А.Е., доктор юридических наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Вангородская С.А., доктор социологических наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Члены редколлегии:

Беляева Г.С., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Петар Боянич, доктор философских наук, профессор (Белградский университет, Сербия)

Быкова М.Ф., доктор философских наук, профессор (Университет Северной Каролины, США)

Барков С.А., доктор социологических наук, профессор (МГУ)

Габов А.В., доктор юридических наук, член-корреспондент РАН (Институт государства и права РАН)

Драч Г.В., доктор философских наук, профессор (Южный федеральный университет)

Зубок Ю.А., доктор социологических наук, профессор (Институт социально-политических исследований РАН)

Власенко Н.А., доктор юридических наук, профессор (Российский университет дружбы народов)

Калинина Г.Н., доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный институт искусств и культуры)

Климова С.М., доктор философских наук, профессор (НИУ «Высшая школа экономики»)

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Мареева Е.В., доктор философских наук, профессор Московского государственного института культуры (Москва, Россия)

Малько А.В., доктор юридических наук, профессор Всероссийского государственного университета юстиции, профессор (Саратов, Россия)

Назаров В.Н., доктор философских наук, профессор (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого)

Никольский С.А., доктор философских наук, профессор (Институт философии РАН)

Проказина Н.В., доктор социологических наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ)

Сивков Ц.Г., доктор юридических наук, профессор (Софийский университет имени Св. Климента Охридского, Болгария)

Старилов Ю.Н., доктор юридических наук, профессор (Воронежский государственный университет)

Туранин В.Ю., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Штопер Дариуш, доктор юридических наук, профессор (Поморская академия, Польша)

Куксин И.Н., доктор юридических наук, профессор (Московский городской педагогический университет)

Таболин В.В., доктор юридических наук, профессор (Высшая школа экономики)

ISSN 2712-746X

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС77-77840 от 31.01.2020. Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Ю.В. Ивахненко. Редактура, компьютерная верстка и оригинал-макет О.Г. Томусьяк. E-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru; rosheptsov@bsu.edu.ru. Гарнитуры Times New Roman, Arial, Impact. Уч.-изд. л. 24,6. Дата выхода 30.09.2023. Оригинальный макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

- 423 Гаспарян Д.Э. Понимание методологии М. Бахтина в зарубежных социальных науках о человеке

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

- 434 Устименко Д.Л. Рассуждения о целевой проблеме философии в свете феноменологии

СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ПРОЦЕССЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

- 444 Бабинцев В.П., Быхтин О.В., Юркова О.Н. Социальная консолидация городских сообществ: переосмысление идеи в условиях российского фронта
458 Вялых Н.А., Беспалова А.А., Зарбалиев В.З. Доверие и недоверие российского общества к институту здравоохранения: социальные индикаторы и постпандемические эффекты
471 Ельникова Г.А. Гендерный фактор в трудовых стратегиях студентов вузов
483 Шмарион Ю.В., Землянская А.В. Гендерные и возрастные аспекты цифровой социализации студентов регионального гуманитарного вуза

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- 497 Понкин И.В. Процесс в церковном каноническом праве
506 Пенской А.В. Завещание Василия II и начало новой страницы в истории российской государственности и права
518 Трофимов В.В., Вартамян С.Г. Относительные субъективные права как характерная форма жизненного преломления объективного права: опыт обоснования
529 Трошкина Д.Э. Государственные преступления в проекте Уголовного уложения 1918 года

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- 540 Анисимов А.П., Волков И.К. Концепция экологической цивилизации Китая: представляет ли она интерес для российского права?
550 Кемрюгов Т.Х. Сбалансированность прав и обязанностей гражданина: отдельные вопросы методологии конституционного исследования
558 Новикова А.Е. Легализация официального языка: советский вариант
569 Ядута С.А. Правовое обеспечение граждан Российской Федерации, страдающих редкими (орфанными) заболеваниями, лекарственными препаратами

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО. ПРАВДА И СПРАВЕДИВОСТЬ

- 580 Авдеенко Е.В. Манипуляция как социальный феномен
591 Остапенко С.М. Цивилизационная парадигма России и становление культурной идентичности личности

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- 603 Гаврилов О.Ф., Жукова О.И., Казаков Е.Ф. Понятийные маркеры соотношения статики и динамики современного русского православия
614 Шарбарина Е.А. Религиоведческое исследование феномена русского юродства: проблема применимости феноменологического метода Жака Ваарденбурга

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

- 623 Римский В.П., Римская О.Н. Молчание автора: автор и текст, речь и письмо, дискурс и понимание

АРХИВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ, ПЕРЕВОДЫ И ЭССЕ

- 632 Колесников С.А. «Твое имя, Боже, славим...»: география путешествий Христофора Колумба

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, КОММУНИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИИ

- 642 Петрунин В.В. Как возможна политическая теология православного христианства? (Рецензия на книгу: А. Папаниколау. Мистическое как политическое. Демократия и не-радикальная ортодоксия. Киев : Дух і літера, 2021. 360 с.)
647 Тимошук А.С. Угроза бессмертия. (Рецензия на книгу: В.А. Кутырёв. Человек технологий. Цивилизация фальшизма. СПб. : Алетей, 2022. 288 с.)

NOMOTHETIKA:
Philosophy. Sociology. Law
2023. Volume 48, No. 3

Until 2020, the journal was published with the name "Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series".

Founded in 1995

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers.

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».

Publisher: Belgorod National Research University «BelSU» Publishing House. Address of editorial office, publisher: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Chief Editor

Rimskiy, V.P., Doctor of philosophy, Professor
(Belgorod state institute of arts and culture)

Deputies of chief editor

Babintsev, V.P., Doctor of philosophy, Professor
(Belgorod National Research University)

Tonkov, E.E., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Commissioning Editor

Pocheptsov, S.S., Candidate of philosophy (Belgorod National Research University)

Responsible Secretary

Novikova, A.E., Doctor of Law, Associate Professor
(Belgorod National Research University)

Vangorodskaya, S.A., Doctor of sociology (Belgorod National Research University)

Members of editorial board:

Belyaeva, G.S., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Borisov, S.N., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research)

Petar Bojanic, Doctor of philosophy, Professor
(Belgrade University, Serbia)

Bykova, M.F., Doctor of philosophy, Professor
(North Carolina State University, USA)

Vlasenko, N.A., Doctor of law, Professor (Peoples' Friendship University of Russia)

Barkov, S.A., Doctor of sociology, Professor (Moscow State University)

Gabov, A.V., doctor of law, corresponding member of the RAS, honored lawyer of the Russian Federation, chief researcher of the Institute of state and law of the RAS

Drach, G.V., Doctor of philosophy, Professor
(Southern Federal University)

Zubok, Y.A., Doctor of sociology, Professor (Institute of Social and Political Research, Russian Academy of Science)

Kalinina, G.N., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod State Institute of Arts and Culture)

Klimova, S.M., Doctor of philosophy, Professor (Higher School of Economics)

Maydanskiy, A.D., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research University)

Mareeva E. V., Doctor of Philosophy, Professor of the Moscow State Institute of Culture (Moscow, Russia)

Malko A.V., Doctor of Law, Professor of the All-Russian State University of Justice, Professor (Saratov, Russia)

Nazarov, V.N., Doctor of philosophy, Professor (Tolstoy Tula State Pedagogical University)

Nikolskiy, S.A., Doctor of philosophy, Professor (Institute of Philosophy, Russian Academy of Science)

Prokazina, N.V., Doctor of sociology, Professor (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

Sivkov, C.G., Doctor of law, Professor (University of Sofia "St. Kliment Ohridski", Bulgaria)

Starilov, Y.N., Doctor of law, Professor (Voronezh State University)

Turanin, V.Yu., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Dariusz Shpopier, Doctor of law, Professor (Akademia Pomorska, Poland)

Kuksin, I.N., Doctor of law, Professor (Moscow City University)

Tabolin, V.V., Doctor of law, Professor (Higher School of Economics)

ISSN 2712-746X

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФС77-77840 от 31.01.2020. Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor YU.V. Ivakhnenko. Editing, computer imposition O.G. Tomusyak. E-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru; pocheptsov@bsu.edu.ru. Typefaces Times New Roman, Arial, Impact. Publisher's signature 24,6. Date of publishing 30.09.2023. The layout was prepared by the Department of the joint editorial Board of scientific journals of NRU "BelSU". Address: 85, Pobedy St, Belgorod, Russia, 308015.

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

- 423 **Gasparyan D.E.** The Modern Reception of M.M. Bakhtin's Methodology in the Social Sciences of the Human

LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

- 434 **Ustimenko D.L.** Reasoning About the Target Problem of Philosophy in the Light of Phenomenology

SOCIOLOGY, SOCIAL STRUCTURES AND PROCESSES, SOCIAL TECHNOLOGIES

- 444 **Babintsev V.P., Bykhtin O.V., Yurkova O.N.** Social Consolidation of Urban Communities: Rethinking the Idea in the Conditions of the Russian Frontier
- 458 **Vyalykh N.A., Bepalova A.A., Zarbaliev V.Z.** Russian Society's Trust and Distrust to the Institution of Healthcare: Social Indicators and Post-pandemic Effects
- 471 **Elnikova G.A.** The Gender Factor in the Labor Strategies of University Students
- 483 **Shmarion Yu.V., Zemlyanskaya A.V.** Gender and Age Aspects of Digital Socialization of Students of a Regional Humanitarian University

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- 497 **Ponkin I.V.** Process in Church Canon Law
- 506 **Penskoy A.V.** The Testament of Vasily II and the Beginning of a New Page in the History of Russian Statehood and Law
- 518 **Trofimov V.V., Vartanyan S.G.** Relative Subjective Rights as a Characteristic Form of a Vital Refraction of Law: Experience of Justification
- 529 **Troshkina D.E.** State Crimes in the Draft Criminal Code of 1918

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- 540 **Anisimov A.P., Volkov I.K.** The Concept of China's Ecological Civilization: Is it of Interest to Russian Environmental Law?
- 550 **Kemrugov T.Kh.** Balance of Rights and Obligations of a Citizen: Some Issues of Research Methodology
- 558 **Novikova A.E.** Legalization of the Official Language: The Soviet Version
- 569 **Yaduta S.A.** Legal Provision of Citizens of the Russian Federation Suffering from Rare (Orphan) Diseases, Medicines

HUMAN. CULTURE. SOCIETY. MORALITY

- 580 **Avdeenko E.V.** Manipulation As a Social Phenomenon
- 591 **Ostapenko S.M.** The Civilizational Paradigm of Russia and the Formation of the Cultural Identity of the Individual

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

- 603 **Gavrilov O.F., Zhukova O.I., Kazakov E.F.** Conceptual Markers of the Correlation of Statics and Dynamics of Modern Russian Orthodoxy
- 614 **Sharabarina E.A.** Religious Studies on the Phenomenon of Foolishness: The Problem of Applicability of Neophenomenology Jacques Waardenburg

CULTURAL STUDIES AND PHILOSOPHY OF ART

- 623 **Rimsky V.P., Rinskaya O.N.** The Silence of the Author: The Author and the Text, Speech and Writing, Discourse and Understanding

ARCHIVED PUBLICATIONS, TRANSLATIONS AND ESSAYS

- 632 **Kolesnikov S.A.** "We praise your name, O God...": The theography of Christopher Columbus' Travels

SCIENTIFIC LIFE, COMMUNICATIONS AND REVIEWS

- 642 **Petrinin V.V.** How Is the Political Theology of Orthodox Christianity Possible? (Review of the book: A. Papanicolaou. *The Mystical as Political. Democracy and Non-Radical Orthodoxy.* Kiev : Dukh i litera, 2021. 360 p.)
- 647 **Timoshchuk A.S.** The Threat of Immortality. (Review of the book: Kutyrev V.A. *Man of Technology. Civilization of falsism.* St. Petersburg : Aleteyya, 2022. 288 p.)

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

УДК 1 (091)

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-3-423–433

Понимание методологии М. Бахтина в зарубежных социальных науках о человеке

Гаспарян Д.Э.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, Москва, 101001, ул. Мясницкая, 20

anaid6@yandex.ru

Аннотация: В рамках современных социальных исследований о человеке (Social Studies) рецепция идей М. Бахтина представляется плодотворным полем для поиска новых решений в различных прикладных дисциплинах. Методологически разработки М. Бахтина воспринимаются в современной мировой традиции как часть дисциплинарного поля "Social Studies" в большей степени, чем "Arts and Humanities". Мы попытаемся рассмотреть, в каких наиболее значимых областях социального знания о человеке за рубежом проступает бахтинская рецепция в наши дни. Методологией исследования служат различные компаративистские подходы, реконструкция традиционных и современных контекстов и преемственности идей. Полученные результаты демонстрируют, что одной из отличительных черт западной рецепции является практика перевода бахтинской методологии из области чистой гуманитаристики в область эмпирических наук, в частности в области гендерных исследований, социальных, психологических и политических наук. Новаторский ракурс исследования позволил показать, что формирование корпуса идей Бахтина в англоязычной исследовательской среде произошло не столько благодаря комплексному рассмотрению его наследия, сколько за счёт оригинальной интерпретации выборочных сюжетов и концептуализаций бахтинской мысли с целью применения в области полевых исследований в сфере социальных наук.

Ключевые слова: бахтиноведение, диалогизм, гендерные исследования, психотерапия, социальные исследования, политические исследования

Финансирование: исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Отечественная философия XIX–XXI вв. в интеллектуальном пространстве Запада: критика, рецепция, диалог», № 19-18-00100, <https://rscf.ru/project/19-18-00100/>

Для цитирования: Гаспарян Д.Э. 2023. Понимание методологии М. Бахтина в зарубежных социальных науках о человеке. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 48(3): 423–433. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-423–433

The Modern Reception of M.M. Bakhtin's Methodology in the Social Sciences of the Human

Diana E. Gasparyan

National Research University Higher School of Economics,
20 Myasnikskaya St, Moscow 101001, Russian Federation

anaid6@yandex.ru

Abstract. Within the framework of modern social research about man (Social Studies), the reception of M. Bakhtin's ideas seems to be a fruitful field for the search for new solutions in various applied disciplines. Methodologically, M. Bakhtin's developments are perceived in the modern world tradition as part of the disciplinary field of "Social Studies" to a greater extent than "Arts and Humanities". We will

© Гаспарян Д.Э., 2023

try to consider in which of the most significant areas of social knowledge about a person abroad the Bakhtin reception appears these days. The research methodology is based on various comparative approaches, reconstruction of traditional and modern contexts and continuity of ideas. The results obtained demonstrate that one of the distinctive features of Western reception is the practice of translating the Bakhtin methodology from the field of pure humanities to the field of empirical sciences, in particular in the field of gender studies, social, psychological and political sciences. The innovative perspective of the research allowed us to show that the formation of the body of Bakhtin's ideas in the English-speaking research environment occurred not so much due to a comprehensive consideration of his legacy, as due to the original interpretation of selected plots and conceptualizations of Bakhtin's thought for the purpose of application in the field of field research in the field of social sciences.

Keywords: Bakhtinology, dialogism, Gender Studies, Psychotherapy, Social Studies, Political Studies

Funding: research was supported by the Russian Science Foundation under grant No. 19-18-00100, <https://rscf.ru/project/19-18-00100/>

For citation: Gasparyan D.E. 2023. The Modern Reception of M.M. Bakhtin's Methodology in the Social Sciences of the Human. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(3): 423–433 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-423–433

Введение

В своих трудах М. Бахтин исследовал природу языка, коммуникации и диалога, подчеркивая социальные и культурные аспекты и отвергая идею статичного и монолитного понимания смыслов. Согласно Бахтину, язык – это не замкнутая система знаков, а динамичный и развивающийся процесс, который формируется в результате социальных взаимодействий. Смысл зарождается в процессе диалога и взаимодействия между людьми и социальными группами. Введенное им понятие «диалогизм» означает взаимосвязь различных голосов, точек зрения и дискурсов в данном социальном и культурном контексте. Он считал, что все формы коммуникации по своей сути диалогичны, и что смысл возникает в результате столкновения и взаимодействия различных позиций. Такая диалогическая перспектива была призвана бросить вызов представлениям о единственном и авторитетном дискурсе, вместо этого подчеркивая множественность и разнообразие голосов в обществе.

В рамках современных социальных исследований о человеке (Social Studies) рецепция идей М. Бахтина представляется плодотворным полем для поиска новых решений как в классических дисциплинах, так и в относительно новых областях знания. В первую очередь при этом подразумевается заимствование непосредственно методологической части наследия Бахтина с последующим применением в современных и ультрасовременных областях знания. Феномен рецепции бахтинской методологии состоит в том, что из области чистой гуманитаристики она переносится западными исследователями в сферу социального знания. Методологические разработки М. Бахтина воспринимаются как часть дисциплинарного поля Social Studies в большей степени, чем Arts and Humanities.

В данной работе мы попытаемся рассмотреть, в каких наиболее значимых областях социального знания о человеке отчетливо, хотя и подчас неожиданно, проступает бахтинская рецепция.

Рецепция М. Бахтина в области психологии и психотерапии

Ближайшей сферой применения философских изысканий Михаила Бахтина в современных социальных науках является область психологии и психотерапии. Такие исследователи, как Микаэль Лейман [Leiman, 2011] предлагают использовать способ актуализации идей Бахтина в данных областях через методологические решения, предложенные Л. Выготским. Например, если рассматривать высказывания пациента и психотерапевта

как объекты исследования в ключе бахтинской теории высказывания, то можно нагляднее продемонстрировать, какой именно вид деятельности (в данном случае речевой активности) участвует в формировании базовых личностных структур. Семиотическое опосредование рассматривается в качестве объяснительного принципа, тематизирующего высказывание как инструмент взаимодействия, а также экстраполированное выражение внутриспсихических процессов. Исследователи показывают, каким образом бахтинская концепция семантической организации может быть использована при обращении к предмету психотерапевтического исследования. Понимание сознания Бахтиным как пролегающей границы между внешним и внутренним, а также опосредующей роли коммуникативных знаков позволяет точнее определить, что именно должен рассматривать психотерапевт. Зачастую предполагается, что это непосредственно сама речь пациента.

Анализ языковой практики находит применение в рассмотрении проблемы самости не только в области психотерапии, но и психологии в целом. В частности, Микаэль Лейман [Leiman, 2011, p. 16] обращает внимание на различие, которое Бахтин проводит между авторитетным и карнавальным диалогом как формирующими силами сознания и способами самопознания. Он рассматривает взгляды Бахтина в отношении воплощенного авторства и коммуникации как участия в языковых сообществах (речевых жанрах), будучи направляем интересом сохранить постмодернистский акцент на мультикультурализме и избежать возврата к эссенциалистским концепциям самости. Главным недостатком эссенциалистских теорий личности, по мнению авторов сходной направленности, является утрата контингентности непосредственно индивидуального аспекта личности. Индивидуальность, по их мнению, должна вырабатываться эмпирическим контекстом, который в свою очередь связан с непредсказуемостью ответа на призыв «другого». Такое толкование «интерсубъективности» заметно отклоняется от феноменологических разработок, в которых взаимодействие сознаний должно отсылать к трансцендентальным структурам ранее понятого, достигнутого в совместности. Согласно такой позиции начало коммуникации никогда не находится в самой коммуникации. Однако у тех авторов, которые интерпретируют наследие Бахтина в качестве методологического основания теории индивидуальности «Я», речь идет не столько о феноменологически-трансцендентальном, сколько об эмпирическом происхождении личностного начала. По мнению авторов, психотерапевтические исследования представляют собой еще один контекст, который с особого ракурса высвечивает определенный аспект мысли Бахтина, такой как теория высказывания. Карнавальность и полифония не являются теоретически преобладающими отправными точками для психотерапевтических исследований, однако вопрос о том, как внутриспсихические процессы представлены в коммуникации, служит отправной точкой в психотерапевтических исследованиях.

В свою очередь такие авторы, как М. Дж. Ларраби, С. Вейн и П. Вулкотт [Larrabee, et al., 2003] приходят к выводу, что, поскольку психотерапия представляет собой особое поле для изучения семиотической, референциальной природы коммуникации и объектно-ориентированной деятельности, по мере того, как они материализуются в совместном рефлексивном действии пациентов и терапевтов, ограничения этой сферы показывают, что концепции знаков ни Выготского, ни Бахтина в том виде, в каком они были первоначально сформулированы, не могут быть непосредственно перенесены на изучение высказываний и семиотической природы психических процессов. Вместе с тем нельзя исключать их влияние на более общие исследования сознания, личности и социального взаимодействия. Указанные авторы утверждают, что как в случае описательного, так и в случае объяснительного исследований, в которых рассматриваются различные нарративы, связанные с травмой, необходимо исследование, в котором не просто указывается, при каких обстоятельствах происходит нарратив, но также затрагиваются более глубокие теоретические проблемы травмы и нарратива [Larrabee, et al., 2003]. Для этой цели авторы считают целесообразным использовать работы Михаила Бахтина в качестве концептуальной базы, объ-

ясняючай адзінства нарратыва пацыента і псіхатэрапеўта. Яго ідэі аб сацыяльнасці іспользавання мовы дазваляюць у значальнай ступені забяспечыць разуменне розных гісторыяў аб траўмах і міжлічностных дзеяннях, якія адбываюцца ў некаторых формах прослушвання расказаў аб траўмах, у асабліва практыкуючых тэрапіях.

Тое, што пры гэтым заімаецца ў якасці метадалогіі, адсылае да вядомага палажэння тэорыі Бахціна, у якой робіцца акцэнт на дыялагічным узаемадзеянні, працэсуальнасці камунікацыі. Пры гэтым удзельнікі ў колькасці ад двух да цэлага сацыяльнага ўсёгды сумесна ствараюць значэнне мовы, з дапамогай якога яны абменьваюцца інфармацыяй.

У даным ключэ аўтары даследавання фокусуюць сваё ўважанне на двух прапанаваных Бахціным паняццях, а імяна «высказванні» і «рэчывым жанрам». Гэтыя паняцці прадстаўляюць сабой дзве бакі мовы: як неперапытнага і творчага працэсу, залежнага ад кантынгентнасці і эмпірычных фактаў, і больш фармальнага працэсу, адказнага за фарміраванне ў агульным інстытуцыяналізаваных структураў. Мы памятаем, што для Бахціна высказванне – гэта асноўная адзінка іспользавання мовы ці рэчывой камунікацыі. Аднак высказванне не строга эквівалентна мове, калі яно ўспрымаецца як фармальны набор слоў з вызначаным значэннем, група правілаў і структураў, па якіх гэтыя словы размяшчаюцца ў адным радку і г. д. Высказванне – гэта жывая рэальнасць мовы, дзе адзін чалавек гаворыць з другім у рамках індывідуальнага, сацыяльна-культурнага ці гістарычнага кантэкста мовы. Такім чынам, кожнае высказванне з'яўляецца адначасова ўнікальным, г. е. мае і індывідуальнае паходжанне, і агульнае.

Даная схема актыўна рэцэпіруецца тэарэтыкамі, якія намерены паказаць, на чым можа будавацца разуменне пацыента і псіхатэрапеўта, якіх, па сутнасці, розны вопыт. У бахцінскай перспектыве высказвання гаворачы ў некаторым родзе ўспрымаюць фактычнага слухача і такім чынам арганізуюць сваю мову ў адпаведнасці з вызначанымі спадзяваннямі канкрэтнага слухача, а не абстрактнага («ідэальнага») слухача. Такія характарыстыкі рэчывага агулення паказваюць, што любое высказванне з'яўляецца «дыялагічным», гэта значыць складаным сацыяльна пасярэдаваным падзеяй паміж носьбітамі мовы. Асабліва, некаторыя аўтары паказваюць, што іспользаванне паняццяў рэчывой камунікацыі, прапанаваных Бахціным, дазволіла ў першую чаргу вывучыць (у асабліва Стэвану Вейну і яго супрацьнікам) цяжкасці стварэння эфектыўнага прафесійнага мовы ці рэчывага жанра для працы з траўматычным вопытам.

Іншыя аўтары, у асабліва Льюіс Мел-Мадран і Гордон Пеннікук, спрабуюць працаваць на стыку псіхалогіі і антрапалогіі і абазначаюць праблему ўзаіму разумення як з'яўлення, існуючага ў якасці прадукта гісторыяў, створаных па паводу і вакол ўзаіму адносін паміж людзьмі [Mehl-Madrona, Pennycook, 2009]. Працуюць яны пры гэтым праз оптыку тэорыяў, прысвечаных культуры аборыгенаў. У сваіх даследаваннях яны адыходзяць ад звычайнага «калоніяльнага» і еўрапэцэнтрычнага падыхода да вывучэння культуры аборыгенаў, які прадпалагае прымяненне оптыкі тэорыяў, выдывігаваных заападнай культурай. Іх мэтай, наадварот, з'яўляецца даследаванне рэацыйнасці і камунікацыі з пункту гледжання іх прымяненнасці да лячэння ментальных расстройстваў прадстаўніц падобных агуленняў. Разум і ментальнае здароўе ў разуменні даследаваных аборыгенаў адрозніваюцца ад пазітывізма і натуралізма, уласцівага заападным псіхологам і псіхіятрыям, і адносяцца, хутчэй, да даасізму і сінтэізму.

Практычная праблема, рашыць якую і прызначана агуленне аўтараў да спадчыны Бахціна, можа быць сфармулявана наступным чынам: могуць лі сучасныя заападныя псіхалогічныя і псіхіятрычныя мадэлі быць кампетэнтнымі для лячэння аборыгенных людзей ці ж да іх неабходна прымяняць мадэлі разума з іх уласнай культуры? У ходзе даследавання Мел-Мадран і Пеннікук прыходзяць да высновы аб тым, што тэорыі рэацыйнасці і камунікацыі аборыгенаў лепш за ўсё апісваюцца ў тэорыі

диалогизма Бахтина [Mehl-Madrona, Pennycook, 2009, с. 88]. В первую очередь это становится возможным благодаря тому, что в теории Бахтина «диалогически структурированный разум подтверждает перспективу того, что разум существует между людьми» [Mehl-Madrona, Pennycook, 2009, с. 96]. Речь идет о том, что рациональность формируется в процессе коммуникации и никогда не предшествует ей. Подобная модель хорошо согласуется с теориями, в которых индивидуальное не только оказывается опосредованным коллективным (подобное положение является общим местом и в большинстве структуралистских и постструктуралистских теорий), но и лежит в области какой-то эмпирической практики, внешней и свободной от априорного измерения, что в качестве тезиса, как правило, свойственно социальным наукам, опирающимся на предпосылки натурализма. Сходство рассматриваемых рецепций Бахтина с натуралистскими и позитивистскими подходами заключается также в том, что в обоих случаях большое внимание уделяется внешним условиям.

В отличие от индивидуалистических теорий, опирающихся в той или иной мере на замкнутого на себе картезианского субъекта, современные интерпретации диалогической теории Бахтина выводят субъекта из среды обитания, которую в данном случае интерпретируют как коммуникацию.

Вместе с тем в ряде мест данные подходы могут прочитываться и вполне «канонически», если иметь в виду классику бахтинской теории. Теории же названных выше авторов учитывают в первую очередь отношения одних «субъектов» с другими и саму первичность отношений, равно как инаковость одних перед другими. Авторы работ [Mehl-Madrona, Pennycook, 2009] берут за отправную точку тезис о том, что для Бахтина разум изначально устроен диалогически, то есть включает соотносительность с другими индивидами. Сегодня проводятся различные полевые исследования, призванные предъявить не теоретическую, но практическую верификацию заглавного тезиса. В указанном исследовании это достигается посредством указания на тот факт, что опрашиваемые исследователями старейшины аборигенов согласились с тезисом о том, что «человек общается не потому, что у него есть внутренние мысли, но, напротив, у него есть внутренние мысли, потому что он общается» [Mehl-Madrona, Pennycook, 2009, с. 96].

Таким образом, в области психологических или психотерапевтических вариантов рецепции наследия Бахтина по-прежнему заимствуется главным образом методология, а также выстраиваются различные способы полевых верификаций, которые подтверждали бы верность теоретических гипотез на непосредственной эмпирической практике.

Рецепция М. Бахтина в теориях гендера (Gender studies)

Что касается рецепции в области гендерных исследований, то речь здесь идет в первую очередь о заимствовании тех идей, которые могут вступить в переключку с темой так называемой бинарности в современных гендерных исследованиях. Бэки Фрэнсис и Кэрри Пэхтер отмечают большой потенциал текстов М. Бахтина для переосмысления концепции гендера [Francis, Paechter, 2015]. В особенности это касается поиска способов решения проблемы бинарности между индивидуальной агентностью и детерминизмом социального контекста, а также рассмотрения вопросов, касающихся ограничений чисто дискурсивного анализа при учете влияния материального и телесного. Осмысление и подход, предложенные Бахтиным, представляются наиболее убедительными и эмпирически продуктивными для аналитических исследований социального.

Ряд исследователей [Creaton, 2015] используют работы М. Бахтина в качестве общей теоретической базы, а именно для аргументации смещения от монологического подхода, отдающего предпочтение единственному авторитетному голосу нарратора, в сторону диалогического подхода, учитывающего множественные дискурсы и голоса. Практической иллюстрацией такого подхода может служить «двухсторонняя связь» как противоположность «обратной связи» по поводу различных авторских позиций, что позволяет сделать

содержание отдельного нарратива открытым для более широкого ряда внешних интересов и влияний. И это один из важнейших шагов, посредством которых подход к исследованиям может быть смещен от теоретических к более прикладным экстраполируемым в различные области знания основаниям.

Этот подход очень важен для области изучения гендера, поскольку демонстрирует различные структурные условия его формирования, а именно его происхождение как эпифеноменальное и возникающее на основе глубинных имплицитных взаимосвязей. Некоторые авторы (например, Джессика Н. Эллис [Ellis, 2020]), занимающиеся разработкой темы психики и гендера с точки зрения множественности, пытаются сочетать теорию Бахтина с концепцией Ж. Лакана. В частности, Люс Иригарей [Irigaray, 2017] показывает, каким образом язык и мышление определяют не только человеческий гендер, но и все глубинные структуры психики, имеющие по сути «экстракорпоральное» происхождение. В своих текстах они отстаивают тезис о том, что предлагаемая ими модель психики, отличающаяся от общепринятой, позволяет отказаться от оптики индивидуального и рассматривает гендерную идентичность скорее как множественность или коллективность. Для этих исследователей Бахтин и его теория диалогизма не являются центральной темой исследования, но при этом Бахтин выступает ключевым референтом для отстаивания главного тезиса: рассмотрения гендера через оптику активности другого, будь то социальный порядок, язык или политическая власть. В рамках данных исследований общий посыл касается психической структуры, представленной в качестве децентрированной множественности. В первую очередь, данный тезис направлен против традиционной категории гендерной идентичности, о которой большинство гендерных исследователей отзывается как об иллюзии.

При сопоставлении психики и гендера исследователи в первую очередь тематизируют гендер как таковой. Согласно ключевым определениям, это некоторая идентичность или набор черт, которые индивид приписывает себе и с которыми себя идентифицирует. Но гендер, в отличие от половой идентичности, имеет зависимость от социальной части психики и психического. В связи с этим, прежде чем приступить к анализу понятия гендера, имеет смысл провести предварительное исследование, посвященное понятию психики как индивидуального или коллективного [Irigaray, 2017]. Именно этой задаче посвящена большая часть работ гендерных исследователей.

Первое, что предпринимается у пропонентов гендерной оптики, это критика картезианского субъекта и свойственной ему субстанциальной индивидуальности. Как ни странно, но представление о классическом субъекте, согласно теоретику гендера, составляет основу именно теорий половой идентичности. Философские теории, в которых речь идет о капсулированном и герметичном субъекте, наилучшим образом обрамляют теорию врожденной половой идентичности. Данное положение представляется нам довольно спорным, поскольку представление о картезианском субъекте можно рассматривать как принципиально нетождественное любым вещным характеристикам, к каковым должны относиться любые атрибуты телесности. Пол, как и прочие проявления телесности, есть нечто акцидентальное, в терминах классической философии декартовской эпохи, а не субстанциальное. Напротив, когитальность мыслящего «Я» есть единственно существенное для «Я», и, разумеется, это конструкция должна быть «бесполой». Любопытно, однако, что эти рассуждения как будто бы остаются незамеченными многими теоретиками гендера, которые продолжают настаивать на том, что полу и половой идентичности соответствует субстанциальное толкование «Я».

По-видимому, для теоретиков гендера существенно в этом рассуждении непосредственно самотождественный и априорно-врожденный (не приобретенный, а значит не динамично-трансформируемый), т. е. по сути заданный «природой» и не подлежащий изменениям характер классического когито. Важным в данном истолковании оказывается не то, что метафизический субъект должен быть лишен пола, а то, что идею пола гораздо

легче фундировать тезисом о неизменности, врожденности и данности от века (человеческой природы), чем тезисом о его эпифанальности и производности от чего-то внешнего. Кроме того, атомизированный субъект подразумевает бинарность гендера и не способен выйти за эти рамки. Это позволяет поставить вопрос о проблеме «Я» и «самости» как таковых в терминах объектности: само обладание идентичностью приравнивается к обладанию объектом. Данные сюжеты часто активно рассматриваются на базе широко обсуждаемых в антикартезианских философиях 20-го века, концептах, как «стадия зеркала» Жака Лакана, интерпелляция Л. Альтюссера и пр.

Отказ от картезианских сюжетов и примыкание к деконструирующим субъекта трактовкам, не говоря уже о задействовании темы Другого, реактуализирует тему множественности, в данном случае идентичностей и воплощений человеческой природы. Если «субъект» и его сознание не представляет собой индивидуальную и атомарную сущность, то половая идентичность, как и любая другая, вначале разыгрывается где-то вовне, прежде, чем быть интериоризованной или инсталлированной на каких-то случайных основаниях. Как раз в рамках этих рассуждений размещается дискурс о методологии бахтинской философии. Иногда это обращение довольно неожиданно. Такие авторы, как Джессика Эллис [Ellis, 2020], обращаются к феномену трансцендированной половой идентичности субъекта как, к примеру, искомой множественности. Они используют теорию транснаративов для того, чтобы показать языковые нарративы в коммуникации с другими людьми, а также то, как они со-конституируют тело вместе с психикой. И именно этот пример позволяет им обратиться к теории диалогизма Бахтина для своей аргументации. Согласно данной рецепции можно продемонстрировать механизм «мультиконституирования» психики.

Переход от рассмотрения врожденных черт субъективности к понятиям гендера и гендерной идентичности переопределяет представление о «субъекте». Теперь основанием для гендера выступает отнюдь не индивидуальный субъект как непосредственно данная самость, а множественность, формируемая в столкновении с Другим в языке.

В чем состоит ценность теории Бахтина и его диалогизма для исследований указанных авторов? В первую очередь, они обращаются к бахтинскому противопоставлению романа и эпоса. Эпос – древний жанр, герой которого, как в шахматной игре, имеет одну и ту же функцию на протяжении траектории развития сюжета, тогда как роман, с одной стороны, находится в становлении сам как жанр, с другой, – его герой так же не является статичным, но меняет свою идентичность за время течения действия. В то же время, говоря о гендере, современные исследователи опираются на Бахтина для того, чтобы при помощи его диалогической теории объединить сознание, язык и мышление в модель психики, которая бы представала в качестве множественности. Вновь идентичность становится зависимой от встречи с другими, культурой и социальными институтами, но в этот раз это напрямую сказывается на формировании гендера.

Рецепция бахтинской мысли в области социальных и политических исследований

Наиболее традиционным примером рецепции бахтинского наследия является применение его к области социальной и политической мысли. Данная тенденция является не столь ультрасовременной, как представленные выше формы рецепции. Однако в наши дни можно предпринять перепрочтение сложившихся в прошлом практик применения бахтинской методологии в области социально-политического знания. Так, например, Майкл Гардинер и Майкл Майерфельд Белл в самом начале книги "Bakhtin and the Human Sciences: No Last Words" [Bell, Gardiner, 1998] совершенно справедливо называют Михаила Бахтина социальным философом. В данной работе авторы стремятся продемонстрировать читателю, каким образом многогранная мысль Бахтина может внести вклад в развитие социальных наук. С особой внимательностью авторы обращаются к таким темам мысли Бахтина,

как диалог, карнавал, этика и повседневность, проводя при этом параллели между идеями самого Бахтина и других важных исследователей в области социологии. Несмотря на то, что Бахтин известен в первую очередь благодаря этим понятиям, авторы отмечают, что переведенные на английский язык работы Бахтина, такие как "Art and Answerability: Early Philosophical Essays" (1990) и "Toward a Philosophy of the Act" (1993), открыли для англоговорящих исследователей Бахтина не только как литературного критика и филолога, чьи наработки используются в social studies, но и как самостоятельного социального теоретика.

Авторы называют несколько причин, по которым Бахтин может быть интересным для социальных наук. Во-первых, Бахтин предвосхитил многие интеллектуальные стратегии постструктуралистской и постмодернистской философии конца 20-го века в ее критике западной науки и рациональности. Во-вторых, истоки лингвистического поворота, который претерпели в том или ином виде как континентальная, так и аналитическая философия, зарождались при непосредственном участии Бахтина как одного из самых видных исследователей социальной природы языка и языковой природы социума. Наконец, в-третьих, отдавая предпочтение изучению отношений, а не изолированным субъектам-субстанциям, Бахтин соответствует тенденции по переосмыслению субъекта как производного образования от подвижной констелляции различных практик.

Наряду с этими наблюдениями, ряд современных исследований отчетливо демонстрируют возможность продуктивного применения философских разработок М. Бахтина к решению различных проблем в области политических наук. Например, такие авторы, как Майкл Бернард-Доналс [Bernard-Donals, 1995a], прослеживают эволюцию развития рецепции идей Бахтина в различных ее этапах, а именно от предложенного Бахтиным философского понимания языка к вопросу о применимости его теории к социальным реалиям. В рамках концепции языка возможно выстроить если не полноценную рабочую политическую теорию, то, по крайней мере, некоторое направление, заданное бахтинскими разработками. Чаще всего исследователи актуализируют следующие наиболее влиятельные политические и социальные рецепции идей Бахтина на Западе: феминизм, гуманизм, постколониальные исследования. Каждая из этих тем отмечена особой повесткой, представляя собой один из вариантов политически ангажированной переоценки бахтинского языка философии. Для области гуманитарного знания (Arts and Humanities) такое прочтение является несколько непривычным, однако оно вполне успешно востребовано в области Social Studies.

Хотя, как мы сказали, на основе большинства рецепций, ввиду их некоторой амбивалентности, создание полновесных политических теорий вряд ли возможно, тексты Бахтина могут быть переоценены на предмет наличия в них потенциала создания полноценной политической программы. Для этого они предлагают новые интерпретации, «упущений и недосказанностей» Бахтина, как свидетельства зашифрованной в его трудах продуманной, но в силу определенных обстоятельств не выраженной социальной и политической программы. Надо отметить, что исследователи, которые предлагают такое видение, чаще всего специально не занимаются исследованиями восточно-европейской культуры (Slavic Studies) и недостаточно ясно представляют масштабы «эзотерического» письма, свойственного интеллектуалам, в особенности гуманитарной направленности. Между тем, позиция, к примеру, Бернард-Доналса состоит в том, что эти пробелы могут быть не столько симптомами недосказанности в мысли Бахтина, сколько свидетельством трудностей в формулировании прогрессивной теории социальных изменений через изучение дискурса. Данные трудности между тем не сводят возможность создания подобной теории к ничтожности. Напротив, данная трудность делает разработку проблемы того, каким образом человеческий дискурс влияет на материальные изменения в мире, куда более востребованной. Для этого, по мнению автора, необходимо, чтобы так называемая индустрия рецепции Бахтина двигалась в направлении изучения тезисов и суждений российского мыслителя не только в виде дескрипции или аналитического переложения, но и в качестве последующего за этим анализом, действия. Это позволит увидеть истинное значение того

или иного положения, задуманного в своей основе как действие, т. е. в пределе политического сообщения [Bernard-Donals, 1995a].

Другие авторы, в частности Иан Родерик [Roderick, 1995], отмечают, что знакомство с текстами Бахтина приводит не только к общепринятым рассуждениям о языке или формах культуры, но и о месте власти в процессе коммуникации. Для разработки этого вопроса Иан Родерик обращается к сформулированному «канону карнавального тела», который Бахтин рассматривал как наиболее подходящую форму реализации диалога в социальных отношениях [Roderick, 1995].

Предлагается попытка переосмысления тела, а именно его «временное пространство», которое вводится через переоценку бахтинской теории карнавала в виде следующих четырех тем: «завершенность времени, подчинение частного публичному, универсальность тела и метафора социального рождения». Среди всех переведенных трудов Бахтина Иан Родерик особенно выделяет книгу «Рабле и его мир», в которой, по его мнению, Бахтин наиболее внимательным образом рассматривает тему социальной организации тел в рамках институтов, будь то литература или социальные отношения. При этом автор статьи также оговаривается, что проблема власти и тела в диалогических отношениях присутствует и в других работах Бахтина, однако лишь вскользь. В итоге Иан Родерик приходит к критическим выводам о том, что универсальный хронотоп, описанный Бахтиным, не является удовлетворительным завершением проекта по социальному конструированию пространства, в котором субъекты могли бы встречаться и вести свободный, откровенный и непринужденный диалог. Сингулярность общества и его времени и пространства, которую предлагает Бахтин, по мнению автора, недостаточна для формирования этики инаковости. Пытаясь отстоять пространство, в котором возможна свобода, Бахтин предлагает опираться на концепцию универсального пространства. Однако, как замечает Родерик, такое пространство – это пространство, в котором будут невозможны различия. Очевидно, что в таком универсальном измерении речь всегда будет идти об «универсальном» субъекте, которому будет закрыт доступ к проявлению и раскрытию истинной уникальности и специфики своего опыта. Таким образом, проблема индивидуации в процессе социального взаимодействия до сих пор не теряет своей актуальности.

Более ранняя попытка прочтения Бахтина в качестве политического мыслителя была предпринята в книге Майкла Бернар-Доналса «Михаил Бахтин: между феноменологией и марксизмом» [Bernard-Donals, 1995b], в которой автор всесторонне исследует различные итерации феноменологической и материалистической теории. В данном исследовании такие известные фигуры, как Яусс, Фиш, Рорти, Альтюссер и Пешо, оказываются в одном ряду с Бахтиным и его трудами. Через это сопоставление Бернар-Доналс предлагает контекстуализированное рассмотрение вклада Бахтина в политизированное философствование в частности и гуманитарное знание в целом.

С точки зрения «политического прочтения» теория языка Бахтина не поддается ограничению такими устоявшимися рамками, как «диалогизм», «прозаика» или «авторство», поскольку в самой основе его творчества лежит неоднозначное взаимоотношение феноменологии и марксизма. Глубокие политические интуиции, присущие творчеству Бахтина, часто игнорировались или недооценивались отчасти из-за их сходства со сложностями, возникающими в более идеологически окрашенных течениях, например, марксизме, структурализме, постструктурализме и т.д. В свою очередь, теоретики, подобные Бернар-Доналсу, настаивают на более глубоком понимании творчества Бахтина с точки зрения ее идеологической проблемности. Данные подходы предлагают новые взгляды на контуры современной рецепции, как политически ангажированной.

Подобную позицию можно встретить и у других авторов, занимавшихся рецепцией Бахтина в конце прошлого столетия. Они обращаются к теме диалогичности в работах Михаила Бахтина в качестве своеобразного ключа к пониманию не столько социального, сколько политического взаимодействия. Согласно Бахтину, диалог является неотъемлемой частью человеческого бытия, и все заканчивается, когда диалог прекращается. Таким

образом, некоторые авторы видят цель бахтинской «политики» в том, чтобы сформировать и определить человека через взаимодействие политических интересов и образовать на этой основе своеобразный вариант конституции, согласующий, но не объединяющий различные политические повестки. Так, по мнению Хва Йол Чжона, Бахтин продолжает традицию, начатую открытием Фейербаха важности межличностных отношений в социальной мысли [Jung, 1990]. Поскольку для Бахтина диалогический принцип является принципиальной основой бытия человека, то человеческая реальность невозможна вне социально-политических отношений.

Согласно классическому прочтению Бахтина, субъективность не только не подавляется социальным, но и, более того, даже не имеет возможности возникнуть без социального. Соответственно, не существует свободы самости без пространства межсубъективной коммуникации. Бахтин в принципе определяет субъективность как функцию социального. Между тем, было бы ошибочно полагать, что такая субъективность является пассивной и пластично подвергается любым манипуляциям окружающего ее социального пространства. Концепция диалогизма, сформулированная Бахтиным, не делает преимущества ни в сторону индивидуализма, ни в сторону социализма. Напротив, он старается избежать ложных дуалистических упрощений, поскольку индивидуализм и социализм в равной степени не способны на релевантную передачу смысла идеи диалогичности [Jung, 1990]. В политическом смысле карнавальная концепция диалога Бахтина – это попытка сконструировать особое кооперирующее пространство диалога, в котором достигается одномоментность и «равноисходность» взаимной потребности. Равно возникающие в процессе коммуникации смыслы никогда не будут окончательными, а, напротив, будут переосмысляться и дополняться в процессе каждого последующего диалога. Поэтому диалогическая концепция Бахтина несет на себе прежде всего этический и в этом смысле политический задел. С ее помощью философ стремился преодолеть ложную теоретичность коммуникации и диалога, придав им статус деятельной активности, «поступка». Любое высказывание по своей природе уже всегда этично, а значит, политически производительно.

Таким образом, как полагают политические философы, читающие Бахтина сегодня, его диалогическая концепция может быть плодотворно применена к разработке современных подходов и позиций в области политологии, в том числе абсолютной практической, то есть здесь и сейчас продуктивной [Jung, 1990].

Заклучение

Были рассмотрены некоторые современные тенденции западного бахтиноведения, в частности своеобразие непосредственно англоязычной рецепции творчества М.М. Бахтина. Одной из отличительных черт западной рецепции стала практика перевода бахтинской методологии из области чистой гуманитаристики в область эмпирических наук, в частности дисциплинарной трансформации из Arts & Humanities в Social Studies. Чистая рецепция методологии бахтинского наследия получила развитие в психологии и социологии, в частности в области гендерных исследований. Мы также добавили рассмотрение бахтинской методологии в ракурсе политических наук. При этом одной из важных отличительных черт интерпретации теории Бахтина в иноязычных исследованиях является их фрагментарная избирательно-точечная интерпретация. Это выражается в том, что зарубежным автором для построения собственной теории, как правило, избирается одно «бахтинское» понятие и оно ложится в основу для последующей эмпирической верификации.

Не менее распространенной исследовательской практикой является выстраивание разветвленных цепочек, сформированных на основе внутридисциплинарных интерпретаций, которые довольно далеко уходят от оригинала и образуют свою уникальную и плодотворную библиотеку применения бахтинских концептов.

Таким образом, формирование корпуса идей Бахтина в англоязычной исследовательской среде произошло не столько благодаря комплексному рассмотрению его теории, сколько за счет выборочной интерпретации и адаптации его наработок для подведения

теорий к полевым исследованиям в области социальных наук. Одной из характерных особенностей западного бахтиноведения выступает прикладной запрос на концептуальное наследие мыслителя, а также то, что авторы, опирающиеся на каркас бахтинских концептов, шли от своего собственного по большей части практико- и проблемно-ориентированного интереса.

Таким образом, особый интерес связан с тем, что за последние 10–20 лет идеи и подходы М. Бахтина оказались особенно емкими и продуктивными для исследований, использующих эмпирический материал, включая полевые исследования, а подчас и количественные данные.

References

- Bell M., Gardiner M.E. 1998. Bakhtin and the human sciences: No last words. London, Publ. SAGE, 235 p.
- Bernard-Donals M. 1995a. Bakhtin and social change, or Why no one's Bakhtin is politically revolutionary (A history play in four acts). *The Centennial Review*, 39(3): 429–444.
- Bernard-Donals M.F. 1995b. Mikhail Bakhtin: Between phenomenology and Marxism. Cambridge University Press, 187 p.
- Creaton J. 2015. Marking the boundaries: Knowledge and identity in professional doctorates. Fort Collins, Colorado. Publ. The WAC Clearinghouse and Parlor Press. [DOI: 10.37514/PER-B.2015.0674.2.16](https://doi.org/10.37514/PER-B.2015.0674.2.16)
- Ellis J.N. 2020. The Psyche and Gender as a Multiplicity. Electronic Thesis and Dissertation Repository. 6976. [URL: https://ir.lib.uwo.ca/etd/6976](https://ir.lib.uwo.ca/etd/6976) (Accessed: July 15, 2023).
- Francis B., Paechter C. 2015. The problem of gender categorisation: addressing dilemmas past and present in gender and education research. *Gender and Education*, 27: 1–15. [DOI: 10.1080/09540253.2015.1092503](https://doi.org/10.1080/09540253.2015.1092503)
- Jung H.Y. 1990. Mikhail Bakhtin's body politic: A phenomenological dialogics. *Man and World*, 23: 85–99.
- Irigaray L. To Be Two. London: Taylor and Francis, 2017. [DOI: 10.4324/9781315084732](https://doi.org/10.4324/9781315084732)
- Larrabee M., Weine S., Woolcott P. 2003. "The wordless nothing": Narratives of trauma and extremity. *Human Studies*, 26: 353–382.
- Leiman M. 2011. Mikhail Bakhtin's contribution to psychotherapy research. *Culture & Psychology*, 17: 441–461. [DOI: 10.1177/1354067X11418543](https://doi.org/10.1177/1354067X11418543)
- Mehl-Madrona L., Pennycook G. 2009. Construction of an aboriginal theory of mind and mental health. *Anthropology of Consciousness*, 20: 85–100. [DOI: 10.1111/j.1556-3537.2009.01017.x](https://doi.org/10.1111/j.1556-3537.2009.01017.x)
- Roderick I. 1995. The politics of Mikhail M. Bakhtin's carni-phallic body. *Social Semiotics*, 5(1): 119–142. [DOI: 10.1080/10350339509384444](https://doi.org/10.1080/10350339509384444)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 02.04.2022

Поступила после рецензирования 02.05.2022

Принята к публикации 01.05.2023

Received April 2, 2022

Revised May 2, 2022

Accepted May 01, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гаспарян Диана Эдиковна, профессор, главный научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Diana E. Gasparyan, Professor, Chief Researcher, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

УДК 101.3

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-3-434-443

Рассуждения о целевой проблеме философии в свете феноменологии

Устименко Д.Л.

Северо-Кавказский филиал

Московского технического университета связи и информатики г. Ростов-на-Дону
Россия, 344002 г. Ростов-на-Дону, ул. Серафимовича, 62

UstimenkoD2006@yandex.ru

Аннотация: Автором осмысливается специфика философского знания. Указано, что история философии при всем историческом многообразии содержащихся в ней учений является единой традицией. Это подразумевает обязательное воспроизводство основных интуиций и теоретических концепций, выработанных первыми философами Платоном и Аристотелем. В их учениях содержится ряд основополагающих интуиций, среди которых реальность мира идей, дуалистическое строение познания, учение о понятиях, о категориях, а также о Блага и благом измерении разума человека. Непосредственность этих интуиций требует методологии постоянного возвращения к их усмотрению и теоретической апробации, тем более что идея Блага включает в себе решения многих генетических и экзистенциальных проблем. Однако в историческом развитии философии благое измерение знания зачастую оказывается в забвении, его актуализация фрагментарна. Акцент в философском познании делается на формальном гносеологическом теоретизировании. Радикальное критическое осмысление гносеологического аспекта осуществляется в феноменологии, своеобразном современном платонизме. Перспективно и у Гуссерля, и у французских постфеноменологических философов осмысливается теологический аспект разума, правда, в функциональном срезе.

Ключевые слова: философия, теория познания, идея блага, традиция, феноменология

Для цитирования: Устименко Д.Л. 2023. Рассуждения о целевой проблеме философии в свете феноменологии. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 48(3): 434–443. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-434-443

Reasoning About the Target Problem of Philosophy in the Light of Phenomenology

Dmitry L. Ustimenko

North-Caucasian branch of Moscow technical University of communications and Informatics,
62 Serafimovicha St, Rostov-on-don 344002, Russian Federation

UstimenkoD2006@yandex.ru

Abstract. The article comprehends the specifics of philosophical knowledge. It is pointed out that the history of philosophy, with all the historical diversity of the teachings contained in it, is a single tradition. This implies the obligatory reproduction of the basic intuitions and theoretical concepts developed by the first philosophers, Plato and Aristotle. Their teachings contain a number of fundamental intuitions, including the reality of the world of ideas, the dualistic structure of cognition, the doctrine of concepts, categories, also about the Goodness and, accordingly, the goodness dimension of the human mind. The

immediacy of these intuitions requires a methodology of constant return to their discretion and theoretical approbation. Moreover, the idea of the Goodness includes solutions to many genetic and existential problems. However, in the historical development of philosophy, the good dimension of knowledge is often forgotten, its actualization is fragmentary. The emphasis in philosophical knowledge is on formal epistemological theorizing. Radical critical understanding of the epistemological aspect is carried out in phenomenology, a kind of modern Platonism. Prospectively, Husserl and the French post-phenomenological philosophers comprehend the theological aspect of reason, however, in a functional context.

Key words: philosophy, theory of knowledge, the idea of the good, tradition, phenomenology

For citation: Ustimenko D.L. 2023. Reasoning About the Target Problem of Philosophy in the Light of Phenomenology. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(3): 434–443 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-434-443

Введение

«Философия!» – сегодня, всматриваясь и вслушиваясь в это удивительное слово, приходится ощущать не только духовную радость и интеллектуальное очарование. Все больше и настойчивее, чем раньше, она вбирает в себя и несет смысл технической науки, имя философии все чаще ассоциируется с ремеслом современного гуманитария или, в лучшем случае, переводчика-профессионала. Утончаются способы изложения философских мыслей – в них неперенными элементами становятся ирония, двусмысленность, щегольство эрудицией. Или – маниакально серьезная скрупулезность анализа каких-нибудь понятий, изживших себя проблем, безжизненных («диалектических!») схем. По несомненным симптомам внутренней жизни и творчества современных философов высвечивается очевидность угасания духа творчества в русле истинной философии. Ее предметность скрывается. А при забвении истинно целевой философской проблематики рассеивается и радостотворный луч настоящего творческого пафоса. Он заменяется стремлением использовать мудрость для заработка, учения, выстраданные разумом, – для выживания! Достаточно посмотреть на скучные книжные полки и изобилие на них учебной литературы! И едва ли мы ошибемся, если скажем: речь идет не о преобразении культурных реалий живоносным светом философии, а о том, чтобы искать саму философию, не дать иссякнуть изобилующему некогда источнику умозрения, *theo-gia* (феория), которое Аристотель, уподобляя божественной деятельности ума, называет самой жизнью [Аристотель, 1976, с. 310]. И в первую очередь важно найти тот подлинный предмет философии как действительный источник вдохновения, задающий не только проблемные аспекты познания, а экзистенциальный смысл вообще философского знания. Именно он и будет тем критерием в отношении всех исторических форм обнаружения философии, определяющим их возможность, достоинство и познавательное значение.

Методологическая значимость возвращения к греческим истокам философии

Выросшая из недр греческой культуры, явившись оригинальным формообразованием метаморфоз развития греческого духа, философия с рождением получает вполне конкретную целевую установку, интенцию на познание определенной предметности. В чем она состоит, что служит ее основной мотивацией, идеей, направленностью – это вопросы важнейшие! Их игнорирование означает не только отказ от магистральной приверженности к ее мировоззренческому порядку, но – вообще уход, отступление от фундаментального понимания связности традиции, новой теории с изначальным видением первичного замысла. Поэтому обращенность к истокам составляет условие возможности самой философии. Возвращение, долженствующее свершаться не только на словах, в пренебрежении

первоначальной экзистенцией первофилософа, а действительно и рефлексивно, служит единственным смыслоизмерением, доступом любого философского творчества к ее подлинному духу. Ибо целевая возвратная установка содержит в себе неисчерпаемую в глубинах истину, и без ее сознания философия невозможна.

Сознание целевой проблемы философии нуждается сегодня в актуализации. То, что идеальное единство смыслов философии существует, сомнения нет. Но это единственность исторически упирается в джунгли релятивизма, в бесчисленные мнения о свободе мнения, о «бесконечном процессе познания» и «совершенствования», тем более в рамках такой «доксической» и «личностной» формы, как философия. Историческое и реальное всегда старалось затмить идеальное. История философии пытается отождествиться с самой философией, заменяя ее собой. И целевая единственность последней так и остается неразгаданной, сознательно непрожитой, непрочувствованной. Одной из попыток представить свое видение и указать на проблему философского телоса и являются нижеследующие рассуждения.

С указания на самоотождественность сущего, уразумения и констатации идеи, этой чистой и пустой сущности, начинается философия. Это не значит, что она сразу выступает в своей истине, но искрящийся дух ее уже парит в начале. Для её платоновской идеи «катарсиса», ибо «истинное – это действительно очищение от всех страстей» [Платон, 2007, с. 29], достаточно веры в объективность реально схватываемой идеальности, для её аристотелевской, – которой «обладает сам Бог» [Аристотель, 1976, с. 70], – удивительности идео-презентации. Столпы и основоположники философской традиции просто, увидев невидимое, открыли знание и, обретши это основание, сделали его темой. С этих пор всемирное знание, являющее себя в глубочайших культурных традициях, в языке, хранящем духовные устремления народов, едва ли найдет опыт более возвышенный и твердый, чем мышление истинной философии. И не столько возможная неистинность «предметных» определений другого опыта, сколько сознание доказанных оснований, т. е. истинных условий его, является причиной этому. Войти в очевидность оснований, управлять собственно очевидностью и выдерживать логическую правильность – вот преимущества, являющиеся одновременно и проблемами внутрифилософского исследования, которое тематически остается учением о знании в его методической артикуляции.

Истинно-философская интуиция как смысло-сознание и доказуемость оснований предполагает совершенно специфический тип познания: чистое умозрение – созерцание не данного в естественной установке. То, что постигается в нем – само по себе истинное – остается довлеющим только себе: «то, что есть в нас, не имеет никакого отношения к идеям, равно как и они – к нам» [Платон, 2007, с. 426]. Первичное усмотрение этого радикального бытийного дуализма завершается признанием двуединой природы разума человека. Дуализм, таящий в себе причину удобоподвижности разумного напряжения и экзистенции и вместе с тем – усмотрения твердости тождества, – это, и для греков тоже, единственно возможная структура опыта, когда любое обоснование получает смысл и сам объективный смысл может быть субъективно обоснован. Именно из этой, открытой первофилософией дуалистической возможности, в ракурсе отношения между идеей и изменчивым свершением восприятия, проступает главная проблема – постижение истины. Здесь постижение есть прежде всего «предметное переживание» истины, интенциональность, наполненность сознания адекватными идеями, подлинными содержаниями. Подлинность же удостоверяется в соотношении к предельной Истине, к интенциональному Идеалу, в каком получает смысл любое знание.

Благовое измерение реальности – источник и цель философского созерцания

Существенная принадлежность человека высшей Модальности – не пустые слова: познание содержит в себе не только идеи, дуализм, ноззы, соотношения. Притязание на

раскрытие истинной интенциональности в фокусе цели предметно-образованного знания, Блага как смысло-содержательного источника любого категориального «видения» присутствует уже в философском начале. По Платону, «восхождение и созерцание вещей, находящихся в вышине, – это подъем души в область умопостигаемого. Если ты, – говорит он, – все это допустишь, то постигнешь мою заветную мысль – коль скоро ты стремишься ее узнать, – а уж богу ведомо, верна ли она. Итак, вот что мне видится: в том, что познаваемо, идея блага – это предел, и она с трудом различима, но стоит только ее там различить, как отсюда напрашивается вывод, что именно она – причина всего правильного и прекрасного. В области видимого она порождает свет и его владыку, а в области умопостигаемого она сама – владычица, от которой зависят истина и разумение, и на нее должен взирать тот, кто хочет сознательно действовать как в частной, так и в общественной жизни» [Платон, 2007, с. 353]. Эту же мысль проводит и Аристотель: «Ум мыслит сам себя, если только он превосходнейшее, и мышление его есть мышление о мышлении. Однако, – продолжает, – совершенно очевидно, что знание, чувственное восприятие, мнение и размышление всегда направлены на другое, а на себя лишь мимоходом. И если, наконец, мыслить и быть мыслимым не одно и то же, то на основании чего из них уму присуще благо?» [Аристотель, 1976, с. 316]. Как видно, мыслимая греками интенциональность в качестве предметно обнаруженной философской области преднаходит в себе идею-идеал – Благо. В ней онтологический и гносеологический моменты познания сливаются. Признание благой модальности разумного опыта – это предельная и едва уловимая непосредственность, предопределяющая всю смысловую истинность подлинно философского постижения.

Вопрос о Благе и проблема идентификации философской традиции

После этого любое философское исследование, в котором отсутствует рефлексия на сущностно благой идеал знания как имманентно присущую ему идею-цель, даже при всеочищающей самокритичности, лишь формально, удаляясь от смысла собственно философии, поддерживает традицию «истинного» и «лучшего» опыта. Между тем как традиция, по слову Гуссерля, «подлинная история философии... есть не что иное, как встречное возведение исторических смысловых образований, данных в настоящем, или, соответственно, их очевидностей – вдоль документированной сети исторических встречных отсылок – к скрытому измерению лежащих в их основе перво-очевидностей» [Гуссерль, 1996, с. 237]. Здесь очевидность, понятно, не метафора, украшающая сознание, а сугубо-истинное содержание, возможное лишь там, где раскрыта природа интенциональности в свете изначального смысла. Открытый интуитивно Платоном и логически Аристотелем, этот Смысл исторически проникает философскую мотивированность и стягивает ее в одну проблемную цель. Доведение до созерцательного понимания идеи Блага и вырастающих из нее антропологических и мировоззренческих следствий – это значимое, что может производить философия. Как дело человеческого разума философия в теоретико-познавательном движении обоснования долженствует демонстрировать всеобщую обязательность того, в каких формах переживаний Благо обнаруживает себя, определяя характер и полноту нравственной жизни, ее внутреннюю динамику, в каких – оно воздейственно направляет свободу на те или иные виды творчества, мотивирует систему телеологии, окрашивает конкретность мировоззрения, сиятельно вынуждает иных ценить божественное, с внутренней убедительностью признавать необходимость благой истины, имеющей существенное отношение к удостоверительно переживаемым ценностям жизни и смыслу смерти. В трансцендентальном замысле философия вынуждена выявлять тот разумный горизонт смыслов изначальности и изначальность самой благой реальности, а также ее сущностную связность с происхождением человека и, как следствие, феноменологически демонстрировать ее присущность языку, высвечиваемость ее в его многогранных смыслах-логосах и, что есть важнейшее, из сущностного узрения вечного значения Блага непрестанно уяснять экзистенциальный смысл конечности. Также здесь скры-

вается не просто эстетическая, а в прямом смысле гносеологическая проблема конституирования Красоты разумного – смыслового габитуалитета человека. Это первая заповедь философии: разумно доказывать серьезность человеческой жизни в ее благом измерении, перед лицом смерти, из изначального смысла происхождения. Поэтому постоянное умирание и приготовление к смерти [Платон, 2007, с. 21] является естественной волей мысли, открытой первофилософом, которая внутренне сопряжена с убедительной потребностью возвышения к Благу и развертывания в рациональную систему истин. И без этой целевой идеи, как и без ее методологического обоснования, подлинно-цельной и непротиворечивой философии «от Платона» не существует. И однако она существует – в разделенно-односторонних тенденциях постижения то ли формы, то ли содержания. И это потому, что забывается основной ключ к философской истине – стратегическая идея познания смысла изначальности человеческого жизнесознания.

Задуманная созерцательно-доказательным опытом экспликации Блага, философия в своём историческом пути всё реже находит очевидным сам этот Идеал. Уже Ж. Деррида сознает, что «оппозиция между формой и содержанием – которая начинает метафизику – находит в конкретной идеальности живого настоящего своё последнее и радикальное оправдание» [Деррида, 1999, с. 15]. Как будто этот концепт «живое настоящее» само по себе субъектно и властно, чтобы оправдывать, и еще радикально, присущую ему «оппозицию». Нет, оппозиции хочет сам Деррида. И это не значит, что оппозиции нет. Для многих уже является фактом, что очевидность Блага как необходимости вообще мышления, виденная и выраженная первыми философами, именно как высший Телос или истина, «в чьем свете» осуществляется познание, становится уже вначале, вследствие дуалистической «запутанности» знания, центральной проблемой. Смещение внимания на уразумение собственно очевидности, всей гносеологической правильности и конструирование формы знания, оставляет в тени тему Блага, что подвешивает её смысл и онтологичность, и, наоборот, тематизация содержательных аспектов рискует впасть в релятивизм, делает неочевидной форму их сознательного теоретико-доказательного исполнения. Забвение идеи Блага как целостного формально-содержательного условия постижения Сущего в его предельном бытийном смысле имеет свои причины, состоящие в культурных контекстах и исторических необходимостях. В отличие от первофилософов, уяснявших философию разумной формой религиозного опыта, в дальнейшей истории она утверждается как «теоретическая» наука, долженствующая оставаться в рамках «логической» формы.

В Новое время проблема Благово-бытийной очевидности как экзистенциальное требование и внутренний мотив философии сознается уже прояснением аподиктической самодоверности лишь формы знания. Через различение идей разума и идей восприятия новоевропейцы раздваивают жизненную интенциональную целостность, обнаруживая отказ от притязания постигнуть истинную содержательность. Еще очевидно удостоверяющийся идеал – идея Бога! – уплотняет целостность новоевропейской философии, но позже едва ли тематизируется. Импульс получает методология, правильность, и забывается, что традиция философии есть «вечное» возвращение в «то же самое» первичное онто-гносеологическое смысловое поле. Ведь путь философии изначалью движется «сквозь пестроту чувственной данности, сквозь порядок интеллектуальной интуиции... к живой душе всего сущего, ухватывая её в своеобразной... интуиции, обнажающей не только слова и понятия, но и самые вещи, и дающей уразуметь подлинное в его подлинности, цельное в его цельности и полное в его полноте... к Тому, в Ком умирятся тревога сердца, где усмиряются притязания рассудка, где великий покой нисходит в разум» [Шпет, 1996, с. 13].

Естественно, у великих сохраняется эта устремленность. Кант, Шеллинг, Гегель, Гуссерль. Русские философы – Соловьев, Франк, Булгаков, Флоренский. И все-таки в порядке гносео-методологического философствования у многих происходит соскальзывание в индифферентную объективистскую рассудочность. Лишь у некоторых – и здесь можно привести в пример философию цельного духа И.В. Киреевского – есть настоящая и непротиворечивая попытка объединить разум и веру в их подчиненности Высшему благому началу.

Несмотря на тематическую рассеянность проблемы экспликации благовой духовно-разумной целостности человека как сущей возможности философской идентификации, формальная ее часть – теория познания – остается так или иначе инвариантной. Показывая начала и основания знания, его возможный генезис и референциальную статусность к нему относимой предметности, философы Нового времени достигают тех пределов познания, тех «усмотрений, дальше которых невозможно пойти» [Гуссерль, 2000, с. 325]. Конечно, истинность философии обнаруживается не только в её притязательности на содержательное смыслопридание – Благо, но и в ее собственной значимости, самоосновности, обоснованности. Критичность, парение в прозрачной чистоте трансцендентальной формы, таящей в себе подразумеваемую содержательность, – смысложизненную цель или значимую ценность, – лишь свидетельствует о сущности этого знания: в горниле гносеологической формы постичь источник «философской страсти» – Благо, и сделать очевидным. Действительно, «без самоочевидности нет знания» [Гуссерль, 2000, с. 175], но в современной философии как таковая пустая очевидность становится главным предметом осмысления («присутствие», «Бытие», «фактичность», «событие» и т.д), вне историографической привязки, повторим, в отрыве от благово-светового идеала, с которым она в идее связана и в котором в идее она может быть осмыслена и обеспечена в своей абсолютной достоверности.

Даже в науке о «предметах», в феноменологии, философская очевидность, принимая характер «большой или меньшей степени совершенства» [Гуссерль, 2000, с. 337], получает какой-то беспредметный, бессмысленный «характер». Устраняя из правильной формы содержательный идеал – Благо, философия становится недоговоренным знанием. Её сущностная энтелехия, при всей подразумеваемо-онтологической направленности на уразумение Смысла сущего, «Бытия», в раскрытии своей чистой интенциональности становится ориентированной на создание «условий возможности» его сознания и истинности – на очевидность собственных полаганий. В таком порядке гносеологической осуществимости философско-тематическая проблема очевидности остается формальной, абстрактной, отвлеченной.

Естественно, для философии остается существенным: очевидность – критерий и «логической», и «исторической» доказательности. В ней – Целое. Ведь тематизируемая философией «сама природа разума – замечает И. Кант, – побуждает его выйти за пределы своего эмпирического применения, отважиться проникнуть до самых крайних границ всякого знания путем своего чистого применения с помощью одних лишь идей и успокоиться, только завершив свой круг в самодовлеющем систематическом целом» [Кант, 1993, с. 446]. «Успокоение» исходит не только от лежащей в основе разума синтетической идеи («всего возможного»), но и от ее адекватного истолкования – посредством метода. Конкретно для Канта целое представлялось в виде ньютоновской системы. Но речь-то идет о методологическом со-хранении, хранении, со-блюденнии антропологического Целого – «цели умозрительного знания – истины» [Аристотель, 1976, с. 94] в рамках единой философской традиции. Несомненно, теория познания с ее проблемой созерцательного прояснения двуединой природы опыта для философии является темой не менее зачимою, чем учение о Бытии. Современная философия, впрочем, пытается соединить эти два крыла в «метафизике фактичности».

С преодолением греческого или, например, классически-немецкого уровней философской методологии связаны проблемы образования новых, более динамичных философских понятий и категорий и вообще адекватного языка [Михайлов, 1999, с. 152]. В поле понятия происходит действительная борьба «мысли и речи», когда внутри традиционно-укрепленного понятия осуществляется доступ к очевидности, где «толчок к исследованию» исходит «не от философии, а от вещей и проблем» [Гуссерль, 2000, с. 173] и где одновременно невозможно полностью оставить исторические импликации. Именно здесь и находится одна из основных проблем целевой философской установки: постижение бла-

говости значения в его точном выражении. В этой плоскости, представляющей «нечто среднее между идеей и предложением» [Лейбниц, 1982, с. 364], – в Понятии, в этом едином и нераздельном «топосе» жизнелознания – сосредоточена методологическая работа философии.

Проблема истинности понятия, эксплицируемая в истории философии, содержит в себе одну «основную интуицию, лежащую в глубине всех разумных определений» [Лосев, 1993, с. 652] – интуицию Света. Свет и есть Благо, замеченное русскими философами. Высвечиваемость смысла, в котором очевидность достигает высшей «прозрачности» возможно единственно в его световой причастности. «Смысл есть свет», акцентирует эту тему А. Ф. Лосев. «Существует свет в своем абсолютном качестве света и – тьма в своем абсолютном качестве тьмы. Определение сущего начинается с той поры, как только свет смысла и тьма бессмыслия вступят во взаимоотношение, точнее, во взаимоопределение» [Лосев, 1993, с. 652]. Именно в световом отношении коренятся и все критериальные вопросы об основании понятия, об его принадлежности телосу Блага. О познании с присутствующим ему моментом «света как специфического отношения озарения окружающего бытия и тем самым слитности с этим бытием через это свое лучеиспускание» говорит С.Л. Франк [1995, с. 559]. В этой связи имеется немало размышлений в русской философской традиции. В ней смысловая видимость понятия приписывается и «умному зрению» (Вл. Соловьев), и «откровению» (Л. Шестов), так как человеку оно «доступно лишь в той мере, в какой он сам исполнен божественной природы» и «соборного зрения» (П. Флоренский) [Маяцкий, 1994, с. 55].

Феноменологическое понимание целевой проблемы философии

Историко-философское обозрение представленности идеи Блага, этого внутреннего лейтмотива традиции, приводит через тео-интенциональные искания средневековой эпистемологии, новоевропейской и новейшей философии к уяснению феноменологии и ее метода как собственно внутренне-напряженного тематического «ядра» дескриптивной науки о сознании, где эта тема тоже поднимается и тематизируется. «Сущность самой феноменологии в том, чтобы реализовать совершеннейшую ясность относительно ее собственной сущности, а стало быть, и относительно принципов ее метода», – пишет Э. Гуссерль [2009, с. 197]. Будучи учением об идеях, она рефлексивно проживает самое себя в непосредственной интуиции. В этом смысле феноменологическая философия есть движение внутри понятия, в том числе мышление «идеи Бога – ... необходимо предельного понятия в теоретико-познавательных соображениях» [Гуссерль, 1998, с. 170]. Однако, рядопологая смысловое разнообразие, она не проясняет его первоусловие, светоданный первичный Смысл. «Функциональный аспект, – пишет Гуссерль, – является центральным для феноменологии, питаемые им исследования охватывают приблизительно всю сферу феноменологии, и, наконец, все феноменологические анализы так или иначе начинают работать в качестве его составных частей и подуровней. На месте анализа, неотрывного от отдельных переживаний, встает рассмотрение их деталей в «телеологическом» аспекте их функции, заключается в том, чтобы делать возможным «синтетическое единство» [Гуссерль, 1998, с. 189]. Казалось бы, не может ли телеология функционально привести к теологии? Вопрос. Перспектива, которая, впрочем, продумывается французскими постфеноменологами [см. Постфеноменология, 2014].

Между формой и содержанием, между «мыслью и речью», в критике с традицией и с самой собой проявляется еще платонизм нашего времени – феноменология. И не потому, что она не ценит и не охраняет язык, но, вопреки замыслу, в ее чисто гносеологических проявлениях присутствует формализация интенциональности, не просто, а вследствие того, что она, со всей серьезностью обращаясь «к самим вещам», хотя и открыла истину идеальности и, абсолютизовав, освободила мышление от узости прежнего рационализма, именно постигнув в способах данности лишь мотивы развертывающейся объективной

«предметности», через понятия, рефлексивно, исполняя их очевидностью и наполняя смыслом, исходя «из Платона» и входя «к Аристотелю» – не придает, повторим, онтологического значения Языку. Но, по слову премудрого Сираха, именно «в слове познается мудрость, и в речи языка – знание» (Прем Сир. 4:28) [Библия, 1997, с. 646]. И, конечно, вследствие невидения всего историографического – культурно-исторического генезиса и заключенных в нем конкретно-смысловых проблем, в чистой дескриптивной феноменологии отсутствуют собственные отсылы к историческим смысловым горизонтам, что делает её, «до-теоретическую», трансцендентально замкнутой и герменевтически открытой.

Выводы

Выработанная греками философская понятийность, пронизавшая своим бытийным языком традиционную мысль, поручила последней и исполнение содержащихся в ней форм представления, и определенный строй понимания истины. Следуя традиции, философия, ограниченная своим «полным» и «всеобщим» символизмом конечного теоретизирования, если не соблазнится, то назовет безумием всякий другой язык, который удостоверяет принципиально иное знание основанием ее, философского. Именно в этом отношении, через одно только наличие «другого» Слова, а Оно налично, не только феноменология, «асимволическое познание», которое «ищет бытия так, как оно есть в себе самом» [Шелер, 1994, с. 235], но и вся философия предстает герменевтически открытой. Быть может, философию лучше понять со стороны? Её понятийность, изначально «сущностная», «бытийная» и «общая», оказывается внутренне недостаточной для того, чтобы, даже достигнув исторически-конкретной идеи Блага, не остаться герменевтически открытой. «Есть темы, на которые мышление может в лучшем случае указать, показать направление направления движения. В этом заключается даже сущность философских высказываний» [Михайлов, 1999, с. 179]. И по указанной «понятийной» причине, с ясным осознанием вообще философской ограниченности, в том числе, феноменологический метод, являясь рефлексивным усмотрением непосредственных интенциональных истин при полном самоотчете в рациональнейшей обоснованности их конститутивно-смыслового генезиса, вообще – генезиса всей интенциональной «сферы», будучи ближайшим образом укорененным в «мерках сознания», именно, в созерцании, признает, что он «не устраняет естественного понимания... того, что адекватное определение её содержания, здесь – потока переживаний, является недостижимым» [Гуссерль, 1998].

Благовое измерение знания, едва уловимое и не вмещаемое в категории, интенционально, свето-смысловыми приданиями и схватываниями трансцендентально проникает все категориальное знание, «притягивая» его к Себе как к модально-категориальному Источнику. Философская, как и любая другая «уверенность» и «необходимость», в дедукции «модальных категорий» предполагает именно этот живой Интенционал. Вся трудность аподиктического постижения философии состоит в понимании того, что «ум в качестве обладателя умного чувства не смог бы видеть и действовать сам в себе, если бы его не освещал Божий свет» [Палама, 1995, с. 68]. «Узел нельзя развязать, не зная его» [Аристотель, 1976, с. 99]: проблемы феноменологического функционализма, пусть телеологически, также, в порядке выражения очевидности, в методе, преднаходятся «здесь», в Нем, откуда видна и знается в смысле философия.

Изнутри же самой мысли сокрушается бл. Августин, слишком прозрачно мыслит Р. Декарт. «Считая, – пишет первый, – что вообще все существующее охвачено этими... категориями, я пытался и тебя, Господи, дивно простого и не подверженного перемене, рассматривать как субъекта твоего величия и красоты, как будто они были сопряжены с Тобой, как с субъектом, то есть как с телом, тогда как Твое величие и Твоя красота это Ты сам» [Августин, 1992, с. 53]. Здравый же смысл основоположника новоевропейского рационализма заключает так: «Если бы мы вовсе не знали, что все, что есть в нас реального и истинного происходит от Бога, то как бы ясны и отчетливы ни были наши представле-

ния, мы не имели бы никакого основания быть уверенными в том, что они обладают совершенством истины» [Декарт, 1989, с. 273].

Подразумеваемая этот благовый критерий в Его недвижимом, в противоположность интенционально самоищущему знанию, пределе, философия по замыслу открыта к методологическому прикосновению – видению Его непостижимости.

Список литературы

- Аврелий А.. 1992. Исповедь. М., «Республика», 335 с.
- Аристотель 1976. Метафизика Сочинения в четырех томах. Т. 1. М., «Мысль», 550 с.
- Гуссерль Э. 1998. Всеобщие структуры чистого сознания. В кн. Метафизические исследования. Выпуск 7. Сознание. С-Пб., Алетейя: 155–191.
- Гуссерль Э. 2000. Картезианские размышления. В кн.: Логические исследования. Картезианские размышления. Философия как строгая наука. Минск, Харвест, М., АСТ, 752 с.
- Гуссерль Э. 2009. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. М., Академический Проект, 489 с.
- Гуссерль Эдмунд. 1996. Начало геометрии М., Ad Marginem, 266 с.
- Декарт Р. 1989. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. М., Мысль, 654 с.
- Деррида Жак. 1999. Голос и феномен. С-Пб., Алетейя, 208 с.
- Кант И. 1993. Критика чистого разума. СПб., Тайм-Аут, 477 с.
- Лейбниц Г. 1982. Собрание сочинений в 4-х т. Т. 2. М., Мысль, 686 с.
- Лосев А. Ф. 1993. Философия имени. В кн. Бытие, Имя, Космос. М., Мысль, 958 с.
- Маяцкий М. 1994. Некоторые подходы к проблеме визуальности в русской философии. *Логос*, 6: 47–76.
- Михайлов И.А. 1999. Ранний Хайдеггер. Между феноменологией и философией жизни. М., Прогресс-Традиция; ДИК, 284 с.
- Палама Григорий. 1995. Триады в защиту священо-безмолствующих. М., Канон, 384 с.
- Платон 2007. Государство Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1. Пер. с древнегреч. СПб., Изд-во С.-Петербур. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 752 с.
- Платон. 2007. Парменид Сочинения в четырех томах. Т. 2. Пер. с древнегреч. СПб., Изд-во С.-Петербур. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 626 с.
- Платон. 2007. Федон Сочинения в четырех томах. Т. 2. Пер. с древнегреч. СПб., Изд-во С.-Петербур. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 626 с.
- (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами. 2014. М., Академический проект, Гаудеамус, 288 с.
- Франк С.Л. 1995. Душа человека. В кн. Предмет знания. Душа человека. СПб., Наука, 656 с.
- Шелер М. 1994. Феноменология и теория познания. Избранные произведения. М., Гнозис, 490 с.
- Шпет Г.Г. 1996. Явление и смысл. Томск, Водолей, 192 с.

References

- Avgustin Avreliy. 1992. Ispoved' [Confession]. Moscow, Publ. Respublika, 335 p.
- Aristotel' 1976. Metafizika Sochineniya v chetyrekh tomakh [Metaphysics Works in four volumes]. Vol. 1. Moscow, Publ. Mysl', 550 p.
- Gusserl' E. 1998. Vseobshchiye struktury chistogo soznaniya [General structures of pure consciousness]. In: Metafizicheskiye issledovaniya [Metaphysical research]. Issue 7. Soznaniye. St. Petersburg, Publ. Aleteyya: 155–191.
- Gusserl' E. 2000. Kartezianskiye razmyshleniya [Cartesian reflections]. In: Logicheskiye issledovaniya. Kartezianskiye razmyshleniya. Filosofiya kak strogaya nauka [Logical research. Cartesian reflections. Philosophy as a rigorous science]. Minsk, Kharvest, Moscow, Publ., AST, 752 p.
- Gusserl' E. 2009. Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. Kniga pervaya [Ideas towards Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy. Book one]. Moscow, Publ. Akademicheskii Proyekt, 489 p.
- Gusserl' Edmund. 1996. Nachalo geometrii [The Beginning of Geometry]. Moscow, Publ. Ad Marginem, 266 p.
- Dekart R. 1989. Sochineniya [Works]. Vol. 1. Moscow, Publ. Mysl', 654 p.

- Derrida Zhak. 1999. Golos i fenomen [Voice and Phenomenon]. St. Petersburg, Publ. Aleteyya, 208 p.
- Kant I. 1993. Kritika chistogo razuma [Critique of pure reason]. St. Petersburg, Publ. Taym-Aut, 477 p.
- Leybnits G. 1982. Sobraniye sochineniy v 4-kh t. [Collected works in 4 volumes] Vol. 2. Moscow, Publ. Mysl', 686 p.
- Losev A. F. 1993. Filosofiya imeni [Philosophy of the name]. In: Bytiye, Imya, Kosmos [Being, Name, Cosmos]. Moscow, Publ. Mysl', 958 p.
- Mayatskiy M. 1994. Nekotoryye podkhody k probleme vizual'nosti v russkoy filosofii [Some approaches to the problem of visuality in Russian philosophy]. *Logos*, 6: 47–76.
- Mikhaylov I.A. 1999. Ranniy Khaydegger. Mezhdru fenomenologiyey i filosofiyey zhizni [Early Heidegger. Between phenomenology and philosophy of life]. Moscow, Publ. Progress-Traditsiya, DIK, 284 p.
- Palama Grigoriy. 1995. Triady v zashchitu svyashchenno-bezmolstvuyushchikh [Triads in defense of the sacredly silent]. Moscow, Publ. Kanon, 384 p.
- Platon 2007. Gosudarstvo Sochineniya v chetyrekh tomakh [The State of Works in four volumes]. Vol. 1. St. Petersburg, Publ. S.-Peterb. un-ta; Izd-vo Olega Abyshko, 752 p.
- Platon. 2007. Parmenid Sochineniya v chetyrekh tomakh [Parmenides Works in four volumes]. St. Petersburg, Publ. S.-Peterb. un-ta; Izd-vo Olega Abyshko, 626 p.
- Platon. 2007. Fedon Sochineniya v chetyrekh tomakh [Phaedo Works in four volumes]. St. Petersburg, Publ. S.-Peterb. un-ta; Izd-vo Olega Abyshko, 626 p.
- (Post)fenomenologiya: novaya fenomenologiya vo Frantsii i za yeye predelami [(Post)phenomenology: a new phenomenology in France and beyond]. 2014. Moscow, Publ. Akademicheskiiy proyekt, Gaudeamus, 288 p.
- Frank S.L. 1995. Dusha cheloveka [Human soul]. In: Predmet znaniya. Dusha cheloveka [The subject of knowledge. The soul of man]. St. Petersburg, Publ. Nauka, 656 p.
- Sheler M. 1994. Fenomenologiya i teoriya poznaniya. Izbrannyye proizvedeniya [Phenomenology and theory of knowledge. Selected works]. Moscow, Publ. Gnozis, 490 p.
- Shpet G.G. 1996. Yavleniye i smysl [Phenomenon and meaning]. Tomsk, Vodoley, 192 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 30.03.2023

Received March 30, 2023

Поступила после рецензирования 30.06.2023

Revised June 30, 2023

Принята к публикации 30.08.2023

Accepted August 30, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Устименко Дмитрий Леонидович, доктор философских наук, профессор кафедры общенаучной подготовки, Северо-Кавказский филиал Московского технического университета связи и информатики, г. Ростов-на-Дону, Россия.

Dmitry L. Ustimenko, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of General Scientific Training, North-Caucasian branch of Moscow technical University of communications and Informatics, Rostov-on-don, Russia.

СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ПРОЦЕССЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ SOCIOLOGY, SOCIAL STRUCTURES AND PROCESSES, SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316.47

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-3-444-457

Социальная консолидация городских сообществ: переосмысление идеи в условиях российского фронта

Бабинцев В.П., Быхтин О.В., Юркова О.Н.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

babintsev@bsu.edu.ru

Аннотация. В условиях специальной военной операции на Украине идея консолидации городских сообществ становится исключительно востребованной в публичном пространстве. В связи с недостаточной изученностью данного вопроса целью исследования является социальная диагностика проблем консолидации в экстремальной ситуации регионов-фронтиров в условиях специальной военной операции на Украине. Эмпирическую основу составили результаты социологического исследования «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды», проведенного в 2022 (до начала СВО; Курская, Белгородская, Воронежская области) и 2023 (Белгород, Шебекино) годах. Полученные данные демонстрируют тенденции к изменению отношения городских жителей к консолидации в условиях современного российского фронта: консолидация все чаще рассматривается как один из способов обеспечения безопасности, а консолидирующие практики складываются как ответ на вызовы СВО. Сделан вывод о том, что в определении ценностных оснований консолидации проявляются новые акценты. В частности, приоритетными становятся ценности, адекватные реалиям социального кризиса и сопряженные с противостоянием агрессивной среде.

Ключевые слова: приграничный регион, фронт, солидарность, социальная консолидация, ценности, идентичность, доверие, справедливость, ответственность, регион-фронт

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00150, <https://rscf.ru/project/21-18-00150/>.

Для цитирования: Бабинцев В.П., Быхтин О.В., Юркова О.Н. 2023. Социальная консолидация городских сообществ: переосмысление идеи в условиях российского фронта. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 48(3): 444–457. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-444-457

Social Consolidation of Urban Communities: Rethinking the Idea in the Conditions of the Russian Frontier

Valentin P. Babintsev, Oleg V. Bykhtin, Olga N. Yurkova

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russian Federation

babintsev@bsu.edu.ru

Abstract: On the materials of the Belgorod region, the features of the perception of the idea of social consolidation of urban communities in the border regions of the Russian Federation with Ukraine are considered. It is emphasized that in the conditions of a special military operation in Ukraine, the idea

of consolidation becomes extremely popular in the public space. The purpose of this study is the social diagnostics of the problems of social consolidation in the extreme situation of the frontier regions in the context of a special military operation in Ukraine. The empirical basis of the article was the results of the sociological study “Social Consolidation of Urban Communities: Opportunities and Limitations in the Conditions of Digitalization of the Urbanized Environment”, implemented in 2022 using the methods of a mass questionnaire survey of urban residents (Kursk, Belgorod, Voronezh regions, N=1518, quota sample); expert survey (50 experts); focus group interviews, as well as the results of focus group interviews with urban residents of the Belgorod region in 2023. On the basis of the obtained data, the tendencies of changes in the attitude towards the consolidation of urban residents in the conditions of the modern Russian frontier are revealed. It is noted that under the influence of a special military operation, ideas about the content of consolidation are changing, which is increasingly seen as one of the ways to ensure security, and consolidating practices are formed as a response to the challenges of a special military operation. It is substantiated that new accents are manifested in the definition of the value bases of consolidation. The values that are adequate to the realities of the social crisis and emphasize the ability to resist an aggressive environment begin to play a predominant role in the value system.

Keywords: border region, frontier, solidarity, social consolidation, values, identity, trust, justice, responsibility, frontier-region

Funding: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 21-18-00150, <https://rscf.ru/project/21-18-00150/>.

For citation: Babintsev V.P., Bykhtin O.V., Yurkova O.N. 2023. Social Consolidation of Urban Communities: Rethinking the Idea in the Conditions of the Russian Frontier. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(3): 444–457 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-444-457

Введение

Приграничная с Украиной Белгородская область второй год живет в режиме «военного фронта», реалии которого буквально подталкивают ее жителей к пересмотру и переоценке многих, казалось бы, устойчивых представлений о социальной реальности. Ощущение нарастания новых угроз, многие из которых носят экзистенциальный характер, меняет как поведенческие стереотипы, так и мировоззрение людей, что довольно уверенно отмечают специалисты. Так, в ходе экспертного опроса, проведенного специалистами научно-исследовательской лаборатории проблем развития гражданского общества Белгородского государственного национального исследовательского университета в рамках мониторинга изменений социума приграничного региона в условиях специальной военной операции (август 2023) из 37 его участников 29 (78,4 %) согласились с утверждением, что проведение специальной военной операции (СВО) изменило мировоззрение большей части белгородцев. Содержание этих изменений и их последствия для региона еще предстоит осмыслить, но уже сегодня ясно: они заставили многих жителей изменить свои взгляды на общественные процессы.

В настоящей статье мы проанализируем, как отразилось влияние СВО на отношении городских жителей области к проблеме социальной консолидации. Выбранный ракурс анализа определяются двумя обстоятельствами.

Во-первых, особым статусом солидарности как цели консолидации для развития общества. Можно согласиться с утверждением ряда исследователей, что солидарность выступает как один из метасоциальных институтов, обеспечивающих воспроизводство социума [Ковригина, 2020]. При этом под метасоциальными институтами понимаются некие сверхинституты или организации, которые организуют другие институты и системы организаций [Миллер, Рубцова, 2017]. Не случайно проблемам солидарности и консолидации уделяли и уделяют огромное внимание отечественные и зарубежные авторы [Аносов, 2021; Вольтер, 2021; Кармадонов, Зверев, 2012; Капто, 2015; Кузнецов, 2003;

Павлов, 2013; Alexander, 2019; Carson, 2007; Cureton, 2012; Kapeller, Wolkenstein, 2013; Kolers, 2016; Koudenburg et al., 2013; Morrow, 2020; Oliner, 2010; Putnam, Garret, 2020].

Во-вторых, наличием опыта консолидации регионального сообщества, накопленного в регионе в ходе реализации Стратегии «Формирование регионального солидарного общества на 2011–2025 годы» в Белгородской области ¹, который позволил определить и апробировать некоторые практики консолидации, прежде всего на микроуровне (уровне поселений). И хотя реализация Стратегии была завершена Постановлением Правительства Белгородской области от 06.06.2022 № 340-пп ² (заметим – без анализа достигнутых и не достигнутых результатов, без публичного обсуждения), «караван» сообществ разного уровня самоорганизации продолжает двигаться по консолидационному маршруту, прежде всего потому, что консолидация отражает фундаментальную потребность человека в групповой жизни и коллективообразовании.

По мнению французского антрополога П. Буайе, «люди настолько склонны к созданию групп, что, похоже, даже самые незначительные поводы могут привести к возникновению коллективной солидарности и межгрупповым конфликтам» [Буайе, 2019, с. 54]. Консолидационная интенция, как полагают некоторые исследователи, имеет при этом вполне рациональные основания. Согласно исследованиям Р. Бойда и П. Ричерсона, человеческие сообщества, которым были присущи практики культурного конформизма и сотрудничества, обладали наибольшими шансами в конкурентной борьбе [Boyd, Richerson, 1985]. В свою очередь М. Ридли заключает: «Мы – групповой вид, но не вид, подлежащий групповому отбору. Мы созданы не для того, чтобы жертвовать собой ради клана, а для того, чтобы использовать его в своих интересах» [Ридли, 2014, с. 216].

Объекты и методы исследования

Выводы, сформулированные в настоящей статье, опираются на результаты авторского социологического исследования «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды», реализованного в 2022 году методами массового анкетного опроса городских жителей (Курская, Белгородская, Воронежская области, N = 1 518, выборка квотная); экспертного опроса (50 экспертов); фокус-группового интервьюирования (6 групп, общее количество участников – 57 человек) представителей молодежи, работников бюджетной сферы, органов муниципального управления, пенсионеров, предпринимателей (самозанятых), безработных (частично занятых). В 2023 году в связи с высокой динамикой общественной ситуации исследование было пролонгировано в форме фокус-группового интервьюирования (6 групп, общее количество участников – 36 человек) представителей молодежи, работников бюджетной сферы, органов муниципального управления, пенсионеров, предпринимателей (самозанятых), военнослужащих в городах Белгород и Шебекино.

Результаты исследования и обсуждение

Полученные результаты позволяют рассматривать изменения представлений о консолидации под влиянием специальной военной операции на Украине (СВО) по трем позициям.

Изменение общего представления о содержании данного процесса. В научной литературе и среди практиков сложилось довольно устойчивое представление о том, что консолидация различных сообществ является следствием ценностного консенсуса.

¹ Постановление Правительства Белгородской области от 24 ноября 2011 г. № 435-пп «Об утверждении Стратегии «Формирование регионального солидарного общества» на 2011–2025 годы». URL: <https://docs.cntd.ru/document/469027022> (дата обращения: 25.08.2023).

² Постановление Правительства Белгородской области от 06 июня 2022 г. № 340-пп «О признании утратившим силу постановления Правительства Белгородской области «Об утверждении стратегии «Формирование регионального солидарного общества» на 2011 - 2025 годы» от 24 ноября 2011 года № 435-пп». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3100202206080001> (дата обращения: 25.08.2023).

Так, например, А.С. Капто отмечает, что «основу социальной консолидации составляет устойчивая артикулированная совокупность понятийных и принятых людьми личных, общественных, государственных и цивилизационных целей, идеалов, ценностей, интересов, которые содействуют каждому человеку в выстраивании взаимоотношений с другими людьми, группами и социальными институтами» [Капто, 2015, с. 256]. В.Н. Кузнецов, подчеркивая роль ценностного консенсуса в процессах консолидации, пишет: «Ценностный консенсус важный фактор функционирования и поддержания стабильности общества на основе согласия, базирующегося на сходстве взглядов или ориентаций относительно значимых ценностей, целей, норм, правил поведения, ролей, отношений власти и т. д. между субъектами социальных отношений» [Кузнецов, 2003, с. 37].

Но проведенное нами исследование показало: в настоящее время в условиях приграничного региона интегрирующим сообщества фактором становится обеспечение безопасности.

Следует обратить внимание, что еще 2–3 года назад ценность безопасности не входила даже в пятерку наиболее важных для консолидации и не определялась экспертами как «существенно значимая». Так, по результатам исследования «Габитус гражданской активности в системе социальных взаимоотношений», проведенного в 2020 году¹, безопасность как важную для общества ценность, стимулирующую гражданскую активность и самоорганизацию, определили только 11 % опрошенных экспертов.

Однако в течение последних двух-трех лет ощущение внешней угрозы и актуализация проблемы безопасности фактически превратилось в наиболее значимый триггер консолидационного процесса в городах. В частности, в ходе исследования «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды» (проведено в марте – апреле 2022 года до начала СВО) в качестве главной среди «консолидационных» ценностей эксперты указали безопасность (52 %).

В рассматриваемом контексте понятно, почему необходимость консолидации связали с задачей обеспечения безопасности абсолютное большинство участников фокус-групп. Довольно типичными являются следующие мнения:

Мужчина, 32 года (предприниматель): Проблема консолидации стала более актуальной. Все стали помогать не только своим мини группам/семьям, но и чужим людям в целом. Каждый пытается помочь. Люди поменяли позицию с «надо защищать свое» на «нужно помогать всем».

Женщина, 30 лет (учитель): При возникновении угроз всегда должны люди объединяться, это, на мой взгляд, условия сохранения и существования общества.

Женщина, 71 год (пенсионерка): В процессе довольно длительного хода СВО общество все больше осознает, что надо объединяться. Потому, что некоторые довольно искренне сразу прониклись чувством долга перед проблемой в стране, другие приходят к пониманию о необходимости соучастия и помощи в виду длительности СВО.

Тезис о том, что обеспечение безопасности в связи с началом военных действий оказалось преобладающим фактором, стимулирующим консолидацию не только в городах, но в регионе в целом, подтверждается также экспертным опросом в рамках мониторинга изменений в жизни белгородского сообщества в условиях специальной военной операции, проведенного коллективом НИЛ Развития гражданского общества

¹ В качестве основных методов сбора первичной социологической информации был использован комплекс опросных методов (массовый социологический опрос, проведенный по региональной репрезентативной выборке, экспертный опрос). Для получения объективированной информации количественного характера проведен формализованный анкетный опрос по региональной репрезентативной выборке, учитывающей половозрастную и поселенческую структуру населения региона (N = 1000 респондентов). Для получения углубленного знания о природе и содержании габитуса гражданской активности в системе социальных взаимоотношений проведен экспертный опрос (N = 30 респондентов).

в августе 2023 года. Так, по мнению экспертов, отношение к СВО детерминировано: 80 % – перспективами обеспечения безопасности себя и своей семьи, 40,5 % – чувством патриотизма, 37,8 % – солидарности с участниками СВО, 32,4 % – информацией из социальных сетей, блогов, 27 % – страхом перед «большой войной».

Однако результаты фокус-группового интервью не просто выявляют сильную связь между востребованностью безопасности и установкой на интеграцию, но и наличие представления о том, что использование потенциала солидарности для минимизации военных опасностей и угроз возможно лишь при условии взаимопонимания власти и общества. Напротив, его отсутствие, особенно в ходе специальной военной операции, становится барьером для повышения социальной активности и тем самым деконсолидирует общество:

Женщина, 38 лет (предприниматель): Тема [консолидации] актуальная, но тут важна не только консолидация городских сообществ, а консолидация власти и населения. Пока что власть от нас отдельно, особенно московская.

Женщина, 47 лет (предприниматель): Важна консолидация власти и общества. Пока власть этого не хочет, как мы видим, не заинтересована.

Если прежде идея солидарности часто воспринималась довольно отстраненно, как некая обязательная декларация, сформулированная частью элиты, то СВО переводит ее на уровень повседневных задач. А потому городское население категорически не принимает попытки имитировать консолидационных практик в кризисных условиях. Как заявила одна из участниц фокус-групп, *то, что навязано «сверху» зачастую воспринимается с отторжением. А когда у людей это от души идет, по зову сердца, тогда абсолютно другая история (женщина, 30 лет, учитель).*

Таким образом, актуализация фактора безопасности, фактически, переводит тему консолидации общества из абстрактных рассуждений в предметную плоскость, из деклараций – в разряд повседневных проблем, многие из которых реализуются на микроуровне и связаны с СВО – гуманитарная помощь участникам, моральная поддержка, благотворительность.

Модификация консолидационных ценностей. В научной литературе нет единства в отношении определения ценностных оснований консолидации [Самсонова, Цыганкова Д.Н., 2020; Рогачев, 2022]. По нашему мнению, они воплощаются в четырех ценностных паттернах: идентичности, доверия, справедливости, ответственности. В условиях существующей реальности их содержание дополняется новым смыслом.

Изначальной предпосылкой консолидации для горожан является идентичность, заключающаяся в отождествлении себя с местным сообществом и демаркации от иных локалитетов. Если в спокойных (мирных) условиях акцент делается, как правило, на первом векторе, то в кризисных – на втором. При этом преобладающую роль начинают играть ценности, адекватные реалиям социального кризиса и акцентирующие способности противостоять агрессивной внешней среде: безопасность, патриотизм (рассматриваемый в его военном аспекте), героизм и т.п. Именно это имеет место в современной ситуации.

Участники фокус-групп чаще всего определяли свою идентичность в понятиях, близких этому ценностному набору. Данное обстоятельство выразилось, в частности, в определении, кто такой сегодня белгородец.

По мнению одной из участниц, *(женщина, 23 года, работник сферы культуры): это сильный духом человек, живущий в прифронтовой полосе.*

Мужчина, 22 года (военнослужащий) поясняет: Данное понятие, по моему мнению, означает не только, что человек проживает в городе Белгороде, но и то, что этот человек находится в прифронтовой зоне и то, что он должен быть готов в любой момент стать на защиту Родины!

Женщина, 65 лет (пенсионер): [белгородец] Житель, который находится в буферной зоне проведения СВО, человек в бесконечной опасности.

В контексте подобных деклараций можно утверждать, что в городских сообществах происходит изменение идентификационного основания консолидации, выражающееся в дополнении, условно говоря, «земляческого» вектора идентификации, который воплощается в эмоционально насыщенном утверждении «я – белгородец, потому что здесь живу и здесь жили мои предки», постепенно вытесняется «демаркационным», в основе которого лежит утверждение: «я – белгородец, потому что способен противостоять тем, кто нам угрожает».

Идентичность как ценностный паттерн связана с доверием. Проблема доверия всегда являлась одной из ключевых в отношении развития консолидационных процессов [Реутов, Колпина, 2010], сохраняя свое символическое значение и сегодня.

Согласно исследованию, важность «доверия» между людьми в период проведения специальной военной операции отметило большинство участников фокус-группового интервью.

Мужчина, 52 года (муниципальный служащий): Только на пути взаимопонимания, взаимного уважения и доверия люди способны глубже осознать единство своих коренных интересов и найти общий путь преодоления накопившихся трудностей. И как показывают реалии кризисного периода, наше общество все отчетливее осознает необходимость консолидации на основе повышения доверия на всех уровнях взаимоотношений. Рост этого осознания стимулирует поиск новых резервов повышения взаимопонимания и доверия в обществе.

Мужчина, 38 лет (врач): В условиях СВО, конечно, доверие актуально, ведь так будет больше желающих помочь фронту: люди будут знать, что их не обманут, что помощь дойдет адресату. В конце концов, доверие нужно и для бдительности. Как? Ну вот, например, дружный двор – кто-то видит подозрительных людей, сообщает об этом в общий чат, не беспокоясь о нападках со стороны окружающих. Ведь доверие – это в том числе возможность высказывать свои опасения.

Мужчина, 20 лет (военнослужащий): Я считаю, что в условиях СВО доверие является основной категорией во взаимоотношениях людей.

Однако в условиях СВО доверие и связанные с ним периферийные ценности приобретают новые статусы и смыслы. Во-первых, возникают новые основания для недоверия к власти, фундамируемые ее реальными или мнимыми просчетами в организации поддержки, безопасности, гуманитарной помощи и т. д., воспринимаемыми особенно остро.

Мужчина, 40 лет (предприниматель): Спорный вопрос [является ли доверие востребованной категорией во взаимоотношениях людей]. Конечно, хотелось бы, чтобы люди доверяли друг другу, но пока это невозможно. Люди на два лагеря разделились. Вы же читаете новости? Буквально недавно в поезде повздорили насчет политики, и один особо эмоциональный взялся за нож и чуть не зарезал своих попутчиков. А есть те, кто сдает позиции наших военных за деньги. Так что сначала нужно что-то власти сделать, чтобы в обществе не было такого беспредела. Но к власти, наверное, доверия все меньше и меньше. А должно быть – наоборот, особенно в условиях СВО.

Женщина, 25 лет (юрист): Не доверяю никому, кроме своего круга общения. Все больше доносов стало, поэтому достаточно опасно высказывать свою точку зрения. Поэтому основная причина повышенного недоверия сейчас, это преследование со стороны властей всех, кто этой власти не угоден.

Женщина, 47 лет (предприниматель): Чем больше наживаются разные личности на подобной ситуации, тем меньше будет доверия.

Во-вторых, радиус доверия не просто остается коротким, что было типично для современной России [Реутов, Колпина, 2010], но все более сокращается до уровня семейно-родственного и соседского окружения.

Мужчина, 19 лет (студент): Сегодняшняя ситуация [проведение СВО] уж точно не позволяет верить каждому. Но я бы все-таки сказал, что доверяю только людям из своего близкого окружения, либо людям, которых знаю и уважаю.

Женщина, 30 лет (муниципальный служащий): Если это близкие, то, конечно, доверяю, а постороннему человеку – есть такое выражение: «доверяй, но проверяй».

Мужчина, 23 года (военнослужащий): В условиях СВО доверять необходимо своим родным, близким и хорошим друзьям.

Справедливость. Категория справедливости по довольно точному определению Е.В. Карчагина «в своем предельном основании есть аксиологическая универсалия, универсальная социокультурная ценность» [Карчагин, 2015, с. 28]. Эта ценность крайне важна для жителей России. Нужно отметить, что, апелляция к социальной справедливости все чаще присутствует в ответах граждан на вопросы о необходимых принципах и ценностях общественной жизни.

Исследование «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды» показало наличие зависимости между убежденностью горожан в справедливости организации жизни в городском сообществе на отношение к идее консолидации: 77,5 % респондентов, считающих жизнь в городе справедливой (коэффициент корреляции фиксирует высокую силу связи – $r = 0,784$), делают заключение о необходимости консолидации российского общества (вариант ответа «да» и «скорее да, чем нет»); среди тех, кто заявляет об ощущении несправедливости, таких 68,9 % (слабая связь – $r = 0,395$).

Специальная военная операция «высветила» новые аспекты проблемы справедливости/несправедливости, во многих отношениях обострив эту проблему. СВО «вывела из тени» замалчиваемые в мирное время проблемы, сформулировав новые задачи, связанные с определением воздаяния за действия, выходящие за пределы обычного, качественно изменив статусы наград и наказаний.

Неудовлетворительное решение этих задач парализует социальную активность, порождая пессимизм и апатию. В ходе интервьюирования многие его участники обращали внимание деструктивные для общества последствия нарушений сложившегося в их сознании концепта справедливости, усматривая их преимущественно как в непоследовательности решений и действий власти, так и позиции отдельных социальных групп.

Мужчина, 38 лет (врач): Я тоже склоняюсь к несправедливости [о справедливой организации жизни в городе]. Если уж мы затрагиваем тему СВО, то тогда, пример: бабушка несет помощь солдатам, все что было у нее, по своим возможностям. Но никто из наших миллионеров не предлагал помощи. Основные причины несправедливости в том, что очень много говорится, но почти ничего не делается.

Женщина, 84 года (пенсионер): [жизнь в городе] вообще несправедлива. Потому что бандиты кругом. Такую страну разрушили. Вот после развала Союза, что стало лучше? Где все заводы? Люди работали на благо Родины. Вот, даже в Шебекино, какие предприятия были. А сейчас – ничего нет, пустота.

В условиях СВО справедливость превращается в важнейшее основание консолидации городского сообщества. Из довольно абстрактной категории она (справедливость) трансформируется в феномен публичной жизни горожан, чему немало способствует именно военная ситуация, затрагивающая фундаментальные основания их жизни и при этом расширяющая доступ к информации о девиациях, которые затрагивают интересы каждого и всех.

Одним из ценностных оснований консолидации городских сообществ является социальная ответственность, предполагающая готовность выполнять принятые на себя

обязательства. Анализ результатов фокус-группового интервьюирования показал, что в условиях военных действий значение ответственности возрастает. Однако исследование выявило существенную дифференциацию ответственности в зависимости от возраста и профессионального статуса. В основном повышенную ответственность демонстрируют муниципальные служащие, аргументируя данный факт особенностью своего рода деятельности:

Мужчина, 42 года (муниципальный служащий): Ощущаю за собой такую ответственность перед людьми, что выражается в работе с населением, представлении им государственных и муниципальных услуг в полном объеме, несмотря ни на что.

Такой же аргумент приводили и военнослужащие, находящиеся в непосредственной близости проведения СВО:

Мужчина, 32 года (военнослужащий): Да [наличие ощущения повышенной ответственности]. От моих действий зависит безопасность жителей.

Пенсионеры, участвующие в волонтерских движениях, также акцентировали внимание на повышении чувства ответственности в связи с проведением специальной военной операции.

Женщина, 74 года (пенсионер): Очень ощущаю [ответственность]. Душа болит от этих обстрелов, что гибнут молодые ребята. А хочется им помочь, хоть чем могу.

Однако, признавая необходимость ответственного отношения к общим проблемам, основная масса участников подтвердила готовность нести ответственность за свою семью, близких, но не за общество или регион. Главным аргументом в данном случае выступает ссылка на невозможность (неспособность) что-либо реально изменить:

Мужчина, 48 лет (преподаватель): Я не могу никак повлиять или изменить сложившуюся ситуацию в городе.

Мужчина, 20 лет (военнослужащий): Я не ощущаю повышенную ответственность за то, что происходит в городе, так как не от меня это все зависит. Я могу внести определённый вклад на благо общества, но полностью все изменить не смогу, поэтому нет данного чувства.

Женщина, 41 год (предприниматель): Скорее да [наличествует ли ощущение повышенной ответственности]. Но не знаю, как бы могла помочь этому.

Для того, чтобы продвигать идею социальной консолидации у субъектов регулирования консолидационных процессов должны быть сформированы знания и навыки опыта объединения в ходе общих дел. Казалось бы, такой опыт нарабатывается. Участники фокус-группового интервьюирования приводили самые разнообразные их примеры: работа в ТОС, субботники, волонтерство. Некоторые упомянули противостояние горожан и управляющих компаний или власти. В связи с СВО список практик пополнился участием в ДНД.

Женщина, 25 лет (юрист): Я стараюсь улучшить то, что меня окружает: с удовольствием занимаюсь волонтерством, отстаиваю свои права, по мере возможностей изучаю законодательство и помогаю другим отстаивать свои права. Мною руководит желание изменений. Хочу изменить свою страну в лучшую сторону и начинать нужно с малого.

Женщина, 19 лет (студент): Да [участие в решении общих проблем]. Участвовала в петиции по сохранению троллейбусного парка. Еще волонтерство. Когда к нам в общежития привезли пострадавших жителей города Шебекино, я сразу откликнулась.

Мужчина, 38 лет (врач): Примеры [практик, направленных на решение общих проблем]: ТОСы, поисковые отряды «Лиза Арлет». Вспомнил, еще вот по поводу реконструкции Щорса собирались люди – но, судя по всему, особо не помогло, считать

ли это такой практикой или нет – не знаю. А участие принимал и принимаю в помощи военнослужащим, сборы необходимого.

Женщина, 47 лет (предприниматель): Я б еще в список практик для нашего региона записала «добровольцев армии» и ДНД. О своем участии, как уже говорила, – волонтерство. Здесь играет роль только внутренняя мотивация, чувство сопричастности, возможно, кому-то моя помощь подарила веру в людей. Знаете, до слез было принимать благодарность от ребят.

Важно отметить, что в условиях СВО консолидационные практики воспринимаются как гражданский долг, своего рода вклад в общее дело, которое часть сограждан отстаивает с оружием в руках,

Мужчина, 38 лет (врач): Основная мотивация [участвовать в волонтерстве] – это желание помочь ребятам... Могу сказать, что они очень благодарны неравнодушным людям.

Заключение

Специальная военная операция на Украине не могла не оказать влияния на многие аспекты общественной жизни, в частности, изменились диспозиции в отношении консолидации. Они не связаны с принципиальным пересмотром взглядов, но вносят в них некоторые новые акценты, в ряде случаев дополняющие установки сознания, сформировавшиеся еще до начала СВО, корректируя и усиливая их. В то же время ряд позиций, преобладавших в отношении консолидации до начала операции, практически не изменился.

Под влиянием специальной военной операции новые акценты проявляются в ценностных основаниях консолидации. В частности, происходит изменение идентификационного компонента, выражающегося в дополнении вектора идентификации, «земляческий» вектор, выраженный формулой «я – белгородец, потому что здесь живу и здесь жили мои предки», все чаще замещается «демаркационным», в основе которого лежит утверждение: «я – белгородец, потому что способен противостоять тем, кто нам угрожает». Традиционно высокий уровень институционального недоверия все чаще фундируется ссылками на просчеты социальных институтов и граждан в обеспечении СВО. Изменяются основания представлений о справедливости и несправедливости. Последняя все чаще аргументируется ссылками на негативные аспекты реализации СВО. Существенно актуализируется проблема ответственности, но отношение к ней дифференцировано; чаще всего ответственность за решение общих проблем ощущают пенсионеры и бюджетники, максимально зависящие от государства.

Исследование показало, что реализация горожанами консолидационных практик в условиях СВО происходит преимущественно на микроуровне. При этом консолидация все чаще рассматривается как реализация гражданского долга.

Список литературы

- Аносов С.М. 2021. Эффективность консолидации: социальная политика государства. *Социология*, 2: 5–20.
- Бабинцев В.П., Хрипкова Д.В., Хрипков К.А., Ельникова Г.А. 2023. Ценностные основания консолидации городского сообщества в приграничных регионах России. *Социально-гуманитарные знания*, 6: 97–101.
- Бодрийяр Ж. 2020. Символический обмен и смерть. Пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М., Добросвет: 389 с.
- Буайе П. Анатомия человеческих сообществ. Как сознание определяет наше бытие. Пер. с англ. М., Альпина нон-фикшн, 436 с.

- Вавилина Н.Д. 2019. Солидаризация как социальное явление и социальный процесс: региональный контекст. *Регион: Экономика и Социология*, 3(103): 164–194. [DOI 10.15372/REG20190307](https://doi.org/10.15372/REG20190307) EDN JBIPBEV.
- Волков Ю.Г. 2012. Креативный класс Versus имитационных практик. *Гуманитарий Юга России*, 1: 43–58.
- Вольтер В.О. 2021. Национальная идеология как фактор консолидации российского общества в условиях формирования нового миропорядка. *Вестник Армавирского государственного педагогического университета*, 3: 67–72.
- Дьякова В.В. 2021. Солидарность в контексте анализа региональной идентичности (по результатам социологического исследования). *Теория и практика общественного развития*, 12: 30–34. [DOI 10.24158/tpor.2021.12.3](https://doi.org/10.24158/tpor.2021.12.3) EDN TLYVAJ.
- Дюркгейм Э. 1996. О разделении общественного труда. Пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: Канон: 430 с.
- Закирова Т.В. 2021. Фальшивая жизнь современного общества и её связь с социальной имитацией. *Интеллект. Инновации. Инвестиции*, 1: 107–112. [DOI 10.25198/2077-7175-2021-1-107](https://doi.org/10.25198/2077-7175-2021-1-107) EDN ZHCGZL.
- Захарова О.В. 2016. Стратегии репрезентации категории «консолидация» в конъюнктивном дискурсе российского президента (2000–2015). *Вестник Института социологии*, 2(17): 29–45. [DOI 10.19181/vis.2016.17.2.395](https://doi.org/10.19181/vis.2016.17.2.395) EDN WXBVJHR
- Капто А.С. 2015. Объединяющие ценности социальной консолидации. *Социально-гуманитарные знания*, 3: 256–265.
- Карчагин Е.В. 2015. Справедливость как социокультурный феномен. *Вестник Волгоградского университета*, 4: 28–37.
- Ковригина Г.Д. 2020. Социальная солидарность как метаинститут. Дис. ... д-ра филос. наук. Иркутск, 304 с.
- Кораблева Г.Б. 2009. Социальные институты и социальные организации: особенности взаимодействия. *Известия Уральского государственного университета. Сер. 3. Общественные науки*, 4(70): 111–118.
- Кузнецов В.Н. 2003. О социологическом смысле идеологии консолидации: геокультурный аспект. *Безопасность Евразии*, 3(13): 7–47.
- Левашов В.К. 2018. От Москвы до самых до окраин: резервы консолидации. *Социологические исследования*, 11: 166–170. [DOI 10.31857/S013216250002799-1](https://doi.org/10.31857/S013216250002799-1) EDN YPHVTF.
- Московичи С. 1998. Машина, творящая богов. М.: Центр психологии и психотерапии: КПС+: 556 с.
- Норт Д. 1997. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Пер. с англ. А.Н. Нестеренко. М., Фонд экономической книги «Начала»: 180 с.
- Павлов Д.Ю. 2013. Социально-политическая консолидация современного российского общества: теория, опыт, проблемы: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М.: 26 с.
- Пазина О.Е. 2007. Социальная ответственность личности в современном обществе: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Нижний Новгород: 34 с.
- Реутов Е.В., Колпина Л.В. 2010. Социальное доверие в региональном сообществе. *Среднерусский вестник общественных наук*, 3: 40–48.
- Ридли М. 2014. Происхождение альтруизма и добродетели: от инстинктов к сотрудничеству. Пер. с англ. А. Чечиной. М., Эксмо; Династия: 332 с.
- Рогачев С.В., Ильичева М.В., Иванов А.В. 2022. Социальное доверие и процесс консолидации общества: новые возможности и риски. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*, 1: 129–140. [DOI 10.24412/2071-6141-2022-1-129-140](https://doi.org/10.24412/2071-6141-2022-1-129-140) EDN NOCHSG.
- Рубцова М.В. 2017. Социология управления в структуре социологического знания. *Credo New*, 4(92): 5.
- Самсонова Т.Н., Цыганкова Д.Н. 2020. Основные проблемы и направления достижения консолидации российского общества. *Теория и практика общественного развития*, 11(153): 24–31. [DOI 10.24158/tpor.2020.11.3](https://doi.org/10.24158/tpor.2020.11.3) EDN SVMRAF.
- Тихонова Н.Е. 2010. Средний класс как гарант стабильности и основа для консолидации российского общества. В кн.: Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение. М., Новый хронограф: 38–61 с.

- Хабермас Ю. 2000. Моральное сознание и коммуникативное действие. Пер. с нем.; под ред. Д.В. Складнева. СПб., Наука, 377 с.
- Хабермас Ю. 2016. Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества: с предисловием к переизданию 1990 года. Пер. с нем. В.В. Иванова. М., Весь Мир, 342 с.
- Хабибуллина З.Н. 2022. Имитация как социокультурный атрибут современного общества. *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*, 5-1: 143–149. [DOI 10.34670/AR.2022.64.43.017](https://doi.org/10.34670/AR.2022.64.43.017) EDN JLSSNR.
- Харитонов Е.М., Пусько В.С., Верещагина А.В., Курбатов В.И., Попов А.В. 2019. Социальная консолидация в обществе потребления: социальные ресурсы и механизмы управления в условиях российских реалий. *Гуманитарий Юга России*, 4: 221–233. [DOI 10.23683/2227-8656.2019.4.23](https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.4.23) EDN GFMHGZ.
- Харичев А.Д., Шутов А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н. 2022. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации). *Журнал политических исследований*, 3: 9–19. [DOI 10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19](https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19) EDN EGEABU.
- Черкашин М.Д. 2019. Доверие населения к органам власти как фактор социальной консолидации общества. *Коммуникология: электронный научный журнал*, 3: 74–82.
- Alexander J.C. 2019. Frontlash/Backlash: The Crisis of Solidarity and the Threat to Civil Institutions. *Contemporary Sociology*, 48(1): 5–11.
- Bourdieu P. 1986. The forms of capital. *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. Ed. by J.G. Richardson. N.Y. Greenwood Press: 241.
- Boyd R., Richerson P.J. 1985. *Culture and the Evolutionary Process*. Chicago: University of Chicago Press, 340 p.
- Carson K.A. 2007. *Studies in Mutualist Political Economy*. BookSurge Publishing: 386 p.
- Cureton A. 2012. Solidarity and Social Moral Rules. *Ethical Theory & Moral Practice*, 15: 1–16.
- Kapeller J., Wolkenstein F. 2013. The grounds of solidarity: From liberty to loyalty. *European Journal of Social Theory*, 16: 476–491.
- Kolers A.H. 2016. *A Moral Theory of Solidarity*. Oxford, Oxford University Press: 194 p.
- Koudenburg N., Postmes T., Gordijn E.H. 2013. Conversational Flow Promotes Solidarity. *PLoS ONE*, 8. [DOI: 10.1371/journal.pone.0078363](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0078363).
- Morrow J.A. 2020. Alone Together: Finding Solidarity in a Time of Social Distance. *Space and Culture*, 23: 315–319.
- Oliner S.P. 2010. The Need for Altruism and Social Solidarity as an Antidote to a Divided World. *Newsletter of the Altruism, Morality & Social Solidarity Section of the American Sociological Association*, 2.
- Putnam R.D., Garrett Sh.R. 2020. *The Upswing: How America came together a century ago and how we can do it again*. New York: Simon & Schuster: 480 p.
- Schütz A. 1962. *The Problem of Social Reality*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers: 357 p.

References

- Anosov S.M. 2021. Effektivnost' konsolidatsii: sotsial'naya politika gosudarstva [Efficiency of Consolidation: Social Policy of the State]. *Sotsiologiya*, 2: 5–20.
- Babintsev V.P., Khripkova D.V., Khripkov K.A., El'nikova G.A. 2023. Tsennostnye osnovaniya konsolidatsii gorodskogo soobshchestva v prigranichnykh regionakh Rossii [Value Foundations for the Consolidation of the Urban Community in the Border Regions of Russia]. *Sotsial'nogumanitarnye znaniya*, 6: 97–101.
- Bodriyyar Zh. 2020. Simvolicheskiy obmen i smert' [Symbolic exchange and death]. М., Publ. Dobrosvet, 389 p.
- Buaye P. Anatomiya chelovecheskikh soobshchestv. Kak soznanie opredelyaet nashe bytie [Anatomy of human communities. How Consciousness Determines Our Being]. М., Publ. Al'pina non-fikshn, 436 p.
- Vavilina N.D. 2019. Solidarizatsiya kak sotsial'noe yavlenie i sotsial'nyy protsess: regional'nyy kontekst [Solidarization as a social phenomenon and social process: a regional context]. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya*, 3(103): 164–194. [DOI 10.15372/REG20190307](https://doi.org/10.15372/REG20190307) EDN JBIPBE.

- Volkov Yu.G. 2012. Kreativnyy klass Versus imitatsionnykh praktik [Creative class Versus simulation practices]. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 1: 43–58.
- Vol'ter V.O. 2021. Natsional'naya ideologiya kak faktor konsolidatsii rossiyskogo obshchestva v usloviyakh formirovaniya novogo mirovoryadka [National Ideology as a Factor of Consolidation of Russian Society in the Conditions of Formation of a New World Order]. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 3: 67–72.
- D'yakova V.V. 2021. Solidarnost' v kontekste analiza regional'noy identichnosti (po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniya) [Solidarity in the context of the analysis of regional identity (according to the results of a sociological study)]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 12: 30–34. [DOI 10.24158/tipor.2021.12.3](https://doi.org/10.24158/tipor.2021.12.3) EDN TLYVAJ.
- Dyurkgeym E. 1996. O razdelenii obshchestvennogo truda [On the division of social labor]. M., Publ. Kanon, 430 p.
- Zakirova T.V. 2021. Fal'shivaya zhizn' sovremennogo obshchestva i ee svyaz' s sotsial'noy imitatsiey [The false life of modern society and its connection with social imitation]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii*, 1: 107–112. [DOI 10.25198/2077-7175-2021-1-107](https://doi.org/10.25198/2077-7175-2021-1-107) EDN ZHCGZL.
- Zakharova O.V. 2016. Strategii reprezentatsii kategorii «konsolidatsiya» v kon'yunktivnom diskurse rossiyskogo prezidenta (2000–2015) [Representation Strategies for the “Consolidation” Category in the Conjunctive Discourse of the Russian President (2000–2015)]. *Vestnik Instituta sotsiologii*, 2(17): 29–45. [DOI 10.19181/vis.2016.17.2.395](https://doi.org/10.19181/vis.2016.17.2.395) EDN WXBjHR.
- Kapto A.S. 2015. Ob"edinyayushchie tsennosti sotsial'noy konsolidatsii [Unifying values of social consolidation]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 3: 256–265.
- Karchagin E.V. 2015. Spravedlivost' kak sotsiokul'turnyy fenomen [Justice as a sociocultural phenomenon]. *Vestnik Volgogradskogo universiteta*, 4: 28–37.
- Kovrigina G.D. 2020. Sotsial'naya solidarnost' kak metainstitut [Social solidarity as a meta-institution]: Dis. ... Doctor of Philosophical Sciences. Irkutsk, 304 p.
- Korableva G.B. 2009. Sotsial'nye instituty i sotsial'nye organizatsii: osobennosti vzaimodeystviya [Social institutions and social organizations: features of interaction]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 3. Obshchestvennye nauki*, 4(70): 111–118.
- Kuznetsov V.N. 2003. O sotsiologicheskom smysle ideologii konsolidatsii: geokul'turnyy aspekt [On the Sociological Meaning of the Ideology of Consolidation: Geocultural Aspect]. *Bezopasnost' Evrazii*, 3(13): 7–47.
- Levashov V.K. 2018. Ot Moskvy do samykh do okrain: rezervy konsolidatsii [From Moscow to the Outskirts: Consolidation Reserves]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 11: 166–170. [DOI 10.31857/S013216250002799-1](https://doi.org/10.31857/S013216250002799-1) EDN YPHVTF.
- Moskovichi S. 1998. Mashina, tvoryashchaya bogov [Machine that creates gods]. M., Publ. Tsentr psikhologii i psikhoterapii: KPS+, 556 p.
- Nort D. 1997. Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki [Institutions, institutional change and the functioning of the economy]. M., Publ. Fond ekonomicheskoy knigi «Nachala», 180 p.
- Pavlov D.Yu. 2013. Sotsial'no-politicheskaya konsolidatsiya sovremennogo rossiyskogo obshchestva: teoriya, opyt, problem [Socio-Political Consolidation of Modern Russian Society: Theory, Experience, Problems]: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. M., 26 p.
- Pazina O.E. 2007. Sotsial'naya otvetstvennost' lichnosti v sovremennom obshchestve [Social responsibility of the individual in modern society]: abstract of the dis. ... Candidate of Political Sciences. Nizhniy Novgorod, 34 p.
- Reutov E.V., Kolpina L.V. 2010. Sotsial'noe doverie v regional'nom soobshchestve [Social trust in the regional community]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*, 3: 40–48.
- Ridli M. 2014. Proiskhozhdenie al'truizma i dobrodeteli: ot instinktov k sotrudnichestvu [The Origin of Altruism and Virtue: From Instincts to Cooperation]. M., Publ. Eksmo; Dinastiya, 332 p.
- Rogachev S.V., Il'icheva M.V., Ivanov A.V. 2022. Sotsial'noe doverie i protsess konsolidatsii obshchestva: novye vozmozhnosti i riski [Social trust and the process of consolidation of society: new opportunities and risks]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 1: 129–140. [DOI 10.24412/2071-6141-2022-1-129-140](https://doi.org/10.24412/2071-6141-2022-1-129-140) EDN NOCHSG.
- Rubtsova M.V. 2017. Sotsiologiya upravleniya v strukture sotsiologicheskogo znaniya [Sociology of management in the structure of sociological knowledge]. *Credo New*, 4(92): 5.

- Samsonova T.N., Tsygankova D.N. 2020. Osnovnye problemy i napravleniya dostizheniya konsolidatsii rossiyskogo obshchestva [The main problems and directions for achieving the consolidation of Russian society]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 11(153): 24–31. DOI: [10.24158/tipor.2020.11.3](https://doi.org/10.24158/tipor.2020.11.3) EDN SVMRAF.
- Tikhonova N.E. 2010. Sredniy klass kak garant stabil'nosti i osnova dlya konsolidatsii rossiyskogo obshchestva. [The middle class as a guarantor of stability and the basis for the consolidation of Russian society]. In: *Sotsial'nye faktory konsolidatsii rossiyskogo obshchestva: sotsiologicheskoe izmerenie* [Social Factors of the Consolidation of Russian Society: Sociological Dimension]. M., Publ. Novyy khronograf: 38–61 p.
- Khabermas Yu. 2000. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie [Moral consciousness and communicative action]. SPb., Publ. Nauka, 377 p.
- Khabermas Yu. 2016. Strukturnoe izmenenie publichnoy sfery: issledovaniya otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva: s predisloviem k pereizdaniyu 1990 goda [Structural Change in the Public Sphere: Studies Concerning the Category of Bourgeois Society: With a Preface to the 1990 Reprint]. M., Publ. Ves' Mir: 342 p.
- Khabibullina Z.N. 2022. Imitatsiya kak sotsiokul'turnyy atribut sovremennogo obshchestva [Imitation as a socio-cultural attribute of modern society]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*, 5-1: 143–149. DOI [10.34670/AR.2022.64.43.017](https://doi.org/10.34670/AR.2022.64.43.017) EDN JLSSNR.
- Kharitonov E.M., Pus'ko V.S., Vereshchagina A.V., Kurbatov V.I., Popov A.V. 2019. Sotsial'naya konsolidatsiya v obshchestve potrebleniya: sotsial'nye resursy i mekhanizmy upravleniya v usloviyakh rossiyskikh realiy [Social Consolidation in the Consumer Society: Social Resources and Management Mechanisms in the Conditions of Russian Realities]. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 4: 221–233. DOI [10.23683/2227-8656.2019.4.23](https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.4.23) EDN GFMHGZ.
- Kharichev A.D., Shutov A.Yu., Polosin A.V., Sokolova E.N. 2022. Vospriyatie bazovykh tsennostey, faktorov i struktur sotsial'no-istoricheskogo razvitiya Rossii (po materialam issledovaniy i aprobatsii) [Perception of Basic Values, Factors and Structures of Russia's Socio-Historical Development (Based on Research and Approbation Materials)]. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy*, 3: 9–19. DOI [10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19](https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19) EDN EGEABU.
- Cherkashin M.D. 2019. Doverie naseleniya k organam vlasti kak faktor sotsial'noy konsolidatsii obshchestva [Population's trust in authorities as a factor in the social consolidation of society]. *Kommunikologiya: elektronnyy nauchnyy zhurnal*, 3: 74–82.
- Alexander J.C. 2019. Frontlash/Backlash: The Crisis of Solidarity and the Threat to Civil Institutions. *Contemporary Sociology*, 48(1): 5–11.
- Bourdieu P. 1986. The forms of capital. *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. Ed. by J.G. Richardson. N.Y. Greenwood Press: 241.
- Boyd R., Richerson P.J. 1985. *Culture and the Evolutionary Process*. Chicago: University of Chicago Press, 340 p.
- Carson K.A. 2007. *Studies in Mutualist Political Economy*. BookSurge Publishing: 386 p.
- Cureton A. 2012. Solidarity and Social Moral Rules. *Ethical Theory & Moral Practice*, 15: 1–16.
- Kapeller J., Wolkenstein F. 2013. The grounds of solidarity: From liberty to loyalty. *European Journal of Social Theory*, 16: 476–491.
- Kolers A.H. 2016. *A Moral Theory of Solidarity*. Oxford, Oxford University Press: 194 p.
- Koudenburg N., Postmes T., Gordijn E.H. 2013. Conversational Flow Promotes Solidarity. *PLoS ONE*, 8. DOI: [10.1371/journal.pone.0078363](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0078363).
- Morrow J.A. 2020. Alone Together: Finding Solidarity in a Time of Social Distance. *Space and Culture*, 23: 315–319.
- Oliner S.P. 2010. The Need for Altruism and Social Solidarity as an Antidote to a Divided World. *Newsletter of the Altruism, Morality & Social Solidarity Section of the American Sociological Association*, 2.
- Putnam R.D., Garrett Sh.R. 2020. *The Upswing: How America came together a century ago and how we can do it again*. New York: Simon & Schuster: 480 p.
- Schütz A. 1962. *The Problem of Social Reality*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers: 357 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцію 04.06.2023
Поступила после рецензирования 07.07.2023
Принята к публикации 15.07.2023

Received June 04, 2023
Revised July 07, 2023
Accepted July 15, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабинцев Валентин Павлович, доктор философских наук, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Быхтин Олег Викторович, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Юркова Ольга Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valentin P. Babintsev, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.

Oleg V. Bykhtin, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.

Olga N. Yurkova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 316.334

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-3-458-470

Доверие и недоверие российского общества к институту здравоохранения: социальные индикаторы и постпандемические эффекты

Вялых Н.А., Беспалова А.А., Зарбалиев В.З.

Южный федеральный университет,
Россия, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
sociology4.1@yandex.ru

Аннотация. Уязвимое место большинства исследований феномена доверия/недоверия локализуется в аксиоматическом предубеждении о якобы существующем конвенциональном понимании доверительного отношения. Поэтому попытки его социологической диагностики сводятся к выявлению различных индексов и средних значений доверия, удовлетворенности, ожиданий потребителей медицинской помощи. В связи с этим цель исследования состоит в оценке социальных представлений, практик, поведенческих установок, образующих систему индикаторов доверия населения к институту здравоохранения. На материалах межрегионального анкетного опроса, а также на основе вторичных социологических данных, показана структура дихотомии доверия/недоверия российского общества к здравоохранению на этапе нормализации эпидемиологической ситуации в стране. Полученные результаты показали, что обобщенное доверие к медицинским организациям во многом декларативно и носит гибкий авансовый характер, зачастую безотчетно для самих пациентов и предпациентов. Кроме того, доверие дифференцируется по критерию социального капитала, поскольку зависит от наличия знакомых медработников, личных, семейных врачей. Сделан вывод о том, что доверие/недоверие в здравоохранении – лишь идейно-теоретический конструкт, интуитивная динамическая матрица, посредством которой воспроизводится индивидуальный для каждого человека комплекс адаптивных самосохранительных реакций, приводящий как к положительным, так и к нежелательным эффектам.

Ключевые слова: социальное доверие, институт здравоохранения, пандемия COVID-19, потребители медицинской помощи, медицинский выбор, российское общество

Финансирование: исследование выполнено в рамках реализации гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (МК-1818.2022.2) «Динамика социального доверия российского общества к институту здравоохранения в условиях пандемии COVID-19».

Для цитирования: Вялых Н.А., Беспалова А.А., Зарбалиев В.З. 2023. Доверие и недоверие российского общества к институту здравоохранения: социальные индикаторы и постпандемические эффекты. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 48(3): 458–470. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-458-470

Russian Society's Trust and Distrust to the Institution of Healthcare: Social Indicators and Post-pandemic Effects

Nikita A. Vyalykh, Anna A. Bepalova, Vadim Z. Zarbaliev

Southern Federal University,
160 Pushkinsky Av., Rostov-on-Don 344006, Russian Federation
sociology4.1@yandex.ru

Abstract. The topicality of the article stems from the necessity for a sociological interpretation and measurement of public confidence in the institution of healthcare in terms of changes, caused by the COVID-19

pandemic during the last years. The disadvantage of most studies of trust/distrust, regardless of the scientific field, is the confidence in a generally accepted concept of trust. Therefore, most sociological diagnostics are usually reduced to identifying some kinds of indices and averages of trust, satisfaction, and expectations of medical care consumers. In this regard, the purpose of the research is to conduct a comprehensive assessment of social perceptions, practices, behavioral attitudes that form a system of indicators of public confidence in the institution of healthcare. The structure of trust/distrust of Russian society towards healthcare at the stage of normalization of the epidemiological situation is shown based on the materials of an interregional questionnaire survey conducted by the team of contributors, as well as on the basis of secondary sociological data. The results lead to a paradoxical conclusion that generalized confidence in medical organizations has largely declarative and flexible nature and it is often unfocused for the patients and pre-patients. In real life situations requiring adequate therapeutic choice, medical care consumers demonstrate a fairly high degree of personal responsibility, moderately risky strategies of medical activity, an average level of compliance and a desire to receive medical care outside the region of permanent residence. In addition, trust is differentiated by the criteria of social capital, since it depends on having the familiar health workers, personal, family doctors. At the same time, trust/distrust towards healthcare is just an ideological and theoretical construct, an intuitive dynamic matrix. Due to this matrix an individual complex of adaptive self-preservation reactions is reproduced for each person, leading to both positive and undesirable effects.

Keywords: social trust, institution of healthcare, COVID-19 pandemic, consumers of medical care, medical choice, Russian society

Funding: The study was carried out as part of the implementation of the grant of the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists – candidates of sciences (МК-1818.2022.2) "Dynamics of social trust of the Russian society in the healthcare institution in the context of the COVID-19 pandemic".

For citation: Vyalykh N.A., Bespalova A.A., Zarbaliev V.Z. 2023. Russian Society's Trust and Distrust to the Institution of Healthcare: Social Indicators and Post-pandemic Effects. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(3): 458–470 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-458-470

Введение

О доверии как необходимом герметике успешных коммуникаций на межличностном и институциональном уровне в научных исследованиях до сих пор говорится много, но о том, что действительно скрывается за данным феноменом, каковы его составные элементы, признаки, индикаторы, ученые обычно умалчивают, пребывая в когнитивной ловушке обыденного «автопилотного» мышления. При более детальном рассмотрении становится очевидной абстрактность существенной доли попыток не только психологических и философских нарративов, но и социологических замеров доверия, сводящихся, как правило, к простой констатации субъективно оцениваемой респондентами интенсивности этого вроде бы понятного и самоочевидного всем чувства. Особенно возрастает значение эмпирической интерпретации и практического изучения институционального доверия/недоверия в сфере здравоохранения в контексте социальных эффектов пандемии COVID-19, ибо социологическая методология и техника исследований позволяет фиксировать комплекс когнитивно-поведенческих показателей, определяющих общее восприятие социальных процессов в системе медицинского обеспечения и фундаментальные закономерности медицинского выбора. Именно пациенты и предпациенты зачастую оказываются в уязвимом положении, в ситуации неопределенности, когда им необходимо полагаться в решении своих личных вопросов на экспертное знание врачей.

В современных научных трудах раскрываются вопросы обобщенного доверия и поведенческих самосохранительных практик населения, в том числе связанных с вакцинацией в отдельных странах [Баранова, 2022], определяется влияние культурных, политических и экономических факторов на ожидания пациентов и принятия ими значимых терапевтических решений [Belfrage, Helgesson, Lynøe, 2022; Сачкова, Семенова, 2022]. Исследовательский интерес представляют работы, в которых анализируется перекрестное доверие другим социаль-

ным институтам (средствам массовой коммуникации, власти), а также подчеркивается роль постправды и фейк-ньюс в формировании критических настроений общества по отношению к медицинским услугам на глобальном уровне [Тартаковская, 2021]. Вместе с тем мы солидаризируемся с точкой зрения В.Г. Федотовой, согласно которой дискурс социального недоверия к системе здравоохранения был сконструирован задолго до пандемии COVID-19 [Федотова, 2021].

Отдавая должное внушительному теоретическому и практическому опыту, близкому к тематике нашего исследования, нельзя не отметить черту, характерную для многих работ, когда доверие предлагается измерять через «доверие» или его производные – веру, уверенность, недоверие, а кризис доверия предлагается решать через «политику доверия». Однако вопросы о том, кто должен быть субъектом этой политики, каковы ее механизмы и ожидаемые последствия ещё не получили должного рассмотрения в научной литературе. Сложившаяся гносеологическая ситуация послужила импульсом к проведению собственного разведывательного социологического опроса в рамках реализации гранта Президента РФ «Социальная сущность и механизмы дифференциации потребления медицинской помощи в российском обществе» (№ МК-1818.2022.2).

Новизна нашего проекта по отношению к накопленному предшественниками знанию заключается в предварительной интерпретации и операциональной апробации системы косвенных признаков и показателей, впоследствии конвертированных в вопросы анкеты, которые помогли лучше понять социальные представления и поведенческие установки, формирующие фон социального настроения потребителей медицинской помощи. Гипотеза была основана на предположении о том, что уровень обобщенного (институционального) и персонифицированного доверия населения к медицинским организациям связан с личным положительным опытом взаимодействия с системой здравоохранения, а также с наличием постоянного (семейного) врача, в том числе в ближнем круге.

Объекты и методы исследования

Эмпирическую архитектуру социологического опроса предопределили идеи социально-конструктивистского толка, с позиции которых смысл социального доверия содержится вовсе не в транзакционных издержках пациентов, связанных с необходимостью контроля и верификации действий, решений, назначений медицинских работников и организаций, а также иных агентов, включенных в систему общественного здравоохранения. Условием формирования и воспроизводства доверия является целерациональная деятельность, активная жизненная позиция самого потребителя медицинской помощи, его эмоции, смыслы, ощущения, «культурное знание» [Финкельштейн, 2022, с. 113]. Такой ракурс отличается от изучения статичных социоструктурных барьеров терапевтического выбора гуманистической направленностью, поскольку в центре внимания оказывается человек, его смысложизненные ценности, установки и потребности, что в целом отражает тренд методологического камбека феноменологической традиции в российской и зарубежной социологии [Глушко, Зуева, 2018; Jabeen and others, 2018; Hong, Deng, Zhang, 2019; Макушева, Нестик, 2020; Lee, 2022]. Вместе с тем нельзя пренебрегать факторами давления институциональной среды, порождаемой взаимодействиями различных акторов, на формирование моделей медицинской активности. Именно поэтому социальный конструктивизм в лучших познавательных традициях концепции П. Бергера и Т. Лукмана [1995], делающий упор на социальные практики, но отнюдь не отмечающий самодостаточность социальных структур, до сих пор так востребован учеными в области социологии здоровья и здравоохранения [Лядова, 2021; Финкельштейн, 2021; Трапезникова, Гордеева, 2022].

Посредством анкетирования в 27 российских регионах (N = 834; целевая выборка кво-тирована по типу поселения, полу, возрасту; опрос проведен в ноябре 2022 г. – январе 2023 г.) нам удалось определить ключевые содержательные аспекты структуры институционального доверия/недоверия к медицинским организациям, а также выявить ряд

противоречий между мнениями, оценками ситуации, с одной стороны, и реальным медицинским поведением, – с другой. Специальный фокус исследования состоял в фиксации социальных ожиданий и проблем потребителей медицинской помощи в острую фазу пандемии новой коронавирусной инфекции (март 2020 г. – март 2022 г.).

В основе инструментария заложен ряд индикаторов. В данной работе остановимся лишь на некоторых из них, а именно: способ принятия медицинских решений в ситуации заболевания (выраженного осознанного недомогания); оценка шансов на получение адекватной потребностям медицинской помощи; наличие и степень мобилизации социального капитала в медицинской среде; субъективная оценка барьеров и трудностей при оказании услуг здравоохранения в период пандемии COVID-19. Более обстоятельно с теоретико-методологическими проблемами социологической категоризации социального доверия и недоверия потребителей медицинской помощи в условиях пандемии COVID-19 читатели могут ознакомиться в предыдущих публикациях авторов [Вялых, 2022; Вялых, Беспалова, Зарбалиев, 2022; Вялых, Беспалова, Зарбалиев, 2023].

Результаты исследования и обсуждение

Пациент может прибегать к дифференциальным стратегиям в ситуации недомогания, в числе которых стоит выделить наиболее распространенные: обращение в медицинские организации (коммерческие и бюджетные); самостоятельное лечение; применение средств народной (нетрадиционной) медицины. В определенных случаях при возникновении болезненного состояния люди могут вовсе не предпринимать усилий для решения проблемы. Согласно данным нашего опроса, в случае возникновения существенного недомогания или выраженного физического дискомфорта 27,3 % респондентов сразу обращаются в медицинскую организацию по полису обязательного медицинского страхования (то есть условно «бесплатно»), 9,6 % – прибегают к платным медицинским услугам, 5 % – используют средства народной (нетрадиционной) медицины, а 9,1 % ничего не предпринимает, надеясь, что недомогание пройдет само собой. Треть опрошенных (35,6 %) лечится самостоятельно медицинскими препаратами, не обращаясь к врачам. 12,7 % ответивших мобилизуют социальный капитал, обращаясь неформально за помощью к хорошо знакомым медицинским работникам (например, близким родственникам и друзьям, работающим в сфере здравоохранения). Также была предложена открытая позиция «другое», которая, впрочем, не оказалась популярной (0,6 %). Среди свободных ответов упоминались такие практики, как сочетание различных способов поведения, самолечение (респонденты-врачи), поиск информации и советов в Интернете, самостоятельное использование ранее полученных медицинских предписаний.

Подчеркнем, что вопрос был нацелен на выявление именно первичной поведенческой реакции на довольно интенсивный осознаваемый недуг (например, боль, утрату работоспособности). В действительности медицинская активность в случае манифестации симптомов заболевания имеет как правило комбинированный характер, если говорить о более-менее продолжительном недомогании.

Самолечение обусловлено стремительным ростом темпа жизни людей, жесткими условиями современного рынка труда, не дающими свободы маневра для осознанного квалифицированного решения проблем со здоровьем, а также связано с психологическими особенностями людей, предпочитающих обращаться к врачу в исключительных случаях. Помимо этого, на распространение практики самолечения среди населения оказывает влияние когнитивное разнообразие – прежде всего это касается легкодоступной информации о лекарственных средствах и симптомах заболеваний, тиражируемой рекламными изданиями, включая сетевые блоги и форумы [Умерова, Каштанова, Новосельцева, 2010]. В то же время различные практики самолечения (в том числе ответственного самолечения) формируют независимость людей в принятии медицинских решений, не угрожающих жизни, содействуя подоб-

ным образом повышению личных прав и возможностей и разгрузке системы медицинского обеспечения.

Если обратиться к проблеме доверия врачам и их профессионализму, показательные данные опроса Фонда общественного мнения (ФОМ), проведенного в сентябре 2020 года (N = 1 000 чел. в возрасте от 18 лет, метод опроса – всероссийский телефонный опрос). Треть опрошенных (33 %) считает, что врачи обладают высоким уровнем квалификации и профессиональных знаний, а 42 % – что низким. Примечательно, что представители молодого поколения (18–30 лет) дали наиболее высокую оценку профессионализму медиков среди других возрастных групп: 45 % – заявили о высоком уровне профессионализма врачей, а 36 % – о низком⁸.

Особое место в вопросах поддержания здоровья занимает медицинская грамотность, которую можно трактовать в широком смысле как умение получать доступ к информации, понимать ее и применять таким образом, чтобы способствовать поддержанию и укреплению своего здоровья. Медицинская грамотность рассматривается в качестве не только индивидуального, но и социального ресурса, ибо ее высокий уровень среди населения в целом формирует отложенные общественные выгоды⁹. Одним из поведенческих измерений медицинской грамотности можно считать комплаентность – приверженность терапевтической программе (лечению) и сотрудничеству с врачами [Шакирова, Селянцева, 2022, с. 43].

В рамках социологического исследования поднимался вопрос о степени потенциальной опциональности действий после получения медицинских рекомендаций и назначений. Это достаточно важный индикатор, позволяющий не столько выявить, сколько спрогнозировать тренд межличностного доверия в системе «врач – пациент». 41 % опрошенных сначала изучил бы аннотации рекомендованных препаратов, возможные эффекты и противопоказания, отзывы в сети Интернет, и только потом принял решение о стратегии лечения. Значительная доля респондентов (38 %) готова безоговорочно в полном объеме выполнять медицинские предписания, назначения и рекомендации. Определенный интерес вызывает позиция 11 % участников анкетирования, которые обратились бы к другому врачу с целью верификации диагноза и уточнения полученных назначений. 10 % испытуемых заявили о том, что не станут сразу же предпринимать какие-либо действия, а предпочтут выждать определенное время, чтобы по возможности обойтись без выполнения медицинских предписаний. Такое распределение ответов позволяет предполагать, что при достаточно высоком уровне обобщенного доверия к медикам (о чем мы еще скажем несколько позже) респонденты не склонны полностью перекладывать ответственность за собственное здоровье на специалистов. Вместе с тем надо помнить, что поведение в реальных жизненных обстоятельствах может значительно отклоняться от декларируемой поведенческой установки.

Такие нежелательные явления, как территориальная недоступность квалифицированной медицинской помощи, нерегулируемое распределение лекарственных препаратов, кадровый дефицит, существенные расходы на платные медицинские услуги можно отнести к основным причинам самолечения. Стоит отметить системный характер этих проблем, а также их роль в качестве внешних факторов медицинской активности населения. Парадокс заключается в том, что при ответе на вопрос «С какими проблемами оказания медицинской помощи Вы лично сталкивались в период пандемии COVID-19?» почти половина респондентов (41,7 %) отметила, что трудностей не возникало (табл. 1).

⁸ Престиж профессии врача. О доверии врачам и их профессионализме. Влияние пандемии на выбор профессии. Аналитический обзор ФОМ от 26 сентября 2020 г. URL: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14462> (дата обращения: 22.01.2023).

⁹ The mandate for health literacy. Publication of the World Health Organization. URL: <https://www.who.int/teams/health-promotion/enhanced-wellbeing/ninth-global-conference/health-literacy> (accessed: 01 January 2023).

Таблица 1
Table 1Проблемный фон оказания медицинской помощи
в острую фазу пандемии COVID-19 (% от выборочной совокупности)
Problematic background of medical care
in the acute phase of the COVID-19 pandemic (% of the sample population)

Вариант ответа Response option	Количество ответов, % Number of responses, %
Трудностей и проблем в указанный период не возникало. There were no difficulties or problems during this period	41,7
Существенные для личного (семейного) бюджета расходы на лекарственные препараты. Essential expenses on medicine for personal (family) budget	24,3
Отсутствие необходимых медикаментов в аптечных пунктах. Lack of necessary medicine in pharmacy points	22,7
Ожидание бригады скорой медицинской помощи более двух часов с момента вызова. Waiting for an ambulance for more than two hours	17,3
Высокая стоимость платных медицинских услуг. High cost of paid medical services	16
Формализм и незаинтересованность медицинских работников. Formalism and disinterest of medical workers	15,9
Отсутствие условий и необходимых медицинских технологий для диагностики, лечения, реабилитации. Lack of conditions and necessary medical technologies for diagnosis, treatment, rehabilitation	13,7
Отсутствие возможности получения бесплатной медицинской помощи. Lack of the access to free medical care	12,4
Ожидание медицинской помощи более 15 дней с момента записи. Waiting for medical care for more than 15 days from the date of registration	12
Неприемлемое (грубое, неэтичное) отношение медицинского персонала. Unacceptable (rude, unethical) behave of medical workers	7,6
Удалённость, территориальное неудобство расположения медицинских организаций. Remoteness, territorial inconvenience of the medical organizations location	7,1
Собственная лень, бездействие и невнимание к проблемам со здоровьем. My own laziness, inaction and inattention to health problems	5,2
Отказ в выдаче медицинского отвода от вакцинации. I was refused in medical counterindication to vaccination	3,1

Примечание: Множественный вопрос, допускался неограниченный выбор вариантов ответа, поэтому итог больше 100 %.

Note: Multiple question, unlimited choice of answer options was allowed, therefore the total percent is more than 100 %.

По прошествии времени негативные воспоминания смягчились, респонденты не заостряли внимание на тех глобальных проблемах, которые тиражировались в СМИ и сети Интернет. При этом россияне выше оценивают по пятибалльной шкале шансы на получение своевременной медицинской помощи в настоящее время по сравнению с периодом острой

фазы пандемии COVID-19 (март 2020 г. – март 2022 г.). Статистическая мода в первом случае составила четыре балла, а во втором – три (средние значения 3,73 и 3,12 соответственно). Это различие может свидетельствовать опосредованным образом о положительной динамике доверия общества. Следовательно, негативистский осадок восприятия доступности услуг здравоохранения в пандемию COVID-19 все-таки остался, несмотря на то, что социологический замер проводился почти год спустя после отмены всех ограничений в оказании плановой медицинской помощи и снятия требований обязательной вакцинации в регионах.

Социальные связи потребителей в медицинской сфере занимают значимую позицию в конструировании позитивного образа системы здравоохранения и, как следствие, стимулируют эффективные практики медицинской активности. Экстраполируя на эту почву методологические разработки П. Бурдьё, писавшего о значении сети социальных отношений и взаимного признания [Bourdieu, 1986], можно говорить о специфическом габитусе доверия/недоверия потенциальных и реальных пациентов. Больше половины (67,4 %) опрошенных указали, что среди их близких родственников, друзей есть представители медицинской профессии. Правда, степень мобилизации социального ресурса оказалась разной, но большинство интеракций с ближайшим окружением оценивалось весьма позитивно. Так, 76 % от общего числа ответов на прямой вопрос «Доверяете ли Вы медицинским организациям, в которые Вам приходится обращаться постоянно или время от времени» имеют положительную оценку («вполне доверяю», «по большей части доверяю»). Только 2 % отметили вариант «не доверяю совсем». Данные результаты соотносятся с проверочным вопросом о динамике обобщенного отношения к медицинским работникам. Каждый второй (54 %) за прошедшее с начала пандемии COVID-19 время не поменял к ним существенным образом своего отношения. 27 % участников анкетирования отметили, что стали относиться к врачам лучше. Только 9 % заявили о переменах в худшую сторону, выражающихся в субъективном ощущении падения авторитета медицинского персонала и снижения значимости медицинской профессии для общества.

Сопоставляя обобщенное доверие/недоверие с фактом наличия или отсутствия близко знакомых медицинских работников, можно обнаружить существенное влияние социального капитала личности на воспроизводство позитивного отношения к здравоохранению в целом. Исследование показало, что в подгруппе доверяющих медицинским организациям (суммарно «вполне» и «по большей части») сравнительно больше было респондентов, у которых имеются среди близких родственников и друзей представители медицинской профессии, фармацевты, провизоры, с которыми они советовались по различным вопросам пандемии COVID-19. В консолидированной подгруппе условно недоверяющих, наоборот, просматриваются либо отсутствие таких знакомых, либо низкая продуктивность социальных контактов с близкими людьми, занятыми в сфере здравоохранения (табл. 2).

Небезынтересна социологическая картина лидеров мнения в контексте информационного сопровождения пандемии COVID-19 (табл. 3).

Как следует из результатов опроса, россияне в большей степени доверяют источникам информации ближнего круга, включая доверие самим себе, а всевозможные институты и институции общественного мнения (как формальные, так и неформальные) следуют со значительным отрывом. Данный факт можно считать дополнительным аргументом в пользу методологии социального конструктивизма, признающей первичность микроуровневого социального взаимодействия в формировании невидимого, но вполне реального по своему возвратному давлению институционального доверия/недоверия. Так, даже уровень обезличенного доверия членам экспертного научного и медицинского сообщества коррелирует с доверием лично знакомым медицинским работникам.

Значимое место в современной индустрии здравоохранения занимает медицинский туризм, предполагающий выезды пациентов за пределы постоянного места жительства с целью

укрепления или восстановления здоровья [Крестьянинова, 2019]. Это явление свидетельствует, с одной стороны, об определенном уровне доходов и социальном статусе, позволяющем подобные путешествия, а с другой, о сравнительно большем резерве доверия к медицинским организациям вне региона проживания. Нельзя не учитывать и социально-психологические факторы медицинского туризма (способность преодолевать организационные издержки и территориальные барьеры), а не только финансовые, поскольку готовность и возможность подобного рода медицинской активности – две большие разницы.

В нашем исследовании одной из задач было выяснить наличие желания получать лечение, проходить оздоровительные процедуры и медицинскую диагностику за пределами территории постоянного проживания. Половина опрошенных (52 %) хотела бы в случае необходимости отправиться на лечение за границу. При этом внутренний медицинский туризм более предпочтителен: 62,9 % опрошенных указали на желание получать лечение, проходить оздоровительные процедуры и медицинскую диагностику в ином субъекте РФ в случае необходимости.

Таблица 2
Table 2

Сопряженность обобщенного доверия с наличием близко знакомых медицинских работников (%)
 The conjugacy of generalized trust with the presence of close acquaintances with medical workers (%)

<p><i>Есть ли среди Ваших близких родственников, друзей представители медицинской профессии, фармацевты, провизоры, с которыми Вы советовались по вопросам COVID-19 (лечения, диагностики, профилактики, реабилитации, вакцинации)?</i> <i>Have you the representatives of medical profession or pharmacists among your close relatives, friends, with whom you have consulted on COVID-19 (treatment, diagnosis, prevention, rehabilitation, vaccination)?</i></p>	<p><i>Доверяете ли Вы в целом медицинским организациям, в которые Вам приходится обращаться постоянно или время от времени?</i> <i>Do you trust medical organizations which you contact constantly or from time to time?</i></p>		<p>% по выборке % by sample</p>
	<p>«Вполне доверяю» и «по большей части доверяю» "I trust" and "I mostly trust"</p>	<p>«Очень мало доверяю» и «не доверяю совсем» "I trust very little" and "I don't trust at all"</p>	
<p>Да, есть, их помощь, советы оказались для меня эффективными и важными. Yes, I have, their help and advice were effective and important for me</p>	45,3	32,5	42,2
<p>Да, есть, однако существенной пользы их советы и рекомендации мне не принесли. Yes, I have, but their advice and recommendations were not useful for me</p>	7,9	9,9	8,4
<p>Да, есть, но обращаться к ним за помощью, советом с начала пандемии COVID-19 не доводилось. Yes, I have, but I have not asked them for help or advice since the beginning of the COVID-19 pandemic</p>	15,7	20,2	16,8
<p>Нет, такие люди в моем ближайшем окружении отсутствуют. No, I haven't such people in my immediate circle</p>	31,1	37,4	32,6
<p>Всего. Total</p>	100	100	100

Таблица 3
 Table 3

Агенты социального доверия к системе здравоохранения в период пандемии COVID-19
 The agents of social confidence in the healthcare system during the COVID-19 pandemic

Чье мнение о новой коронавирусной инфекции, ее особенностях, темпах распространения, способах профилактики для Вас было наиболее важным и достоверным в период с марта 2020 г. по март 2022 г.? Whose opinion about the new coronavirus infection, its features, the rate of spread, methods of prevention was the most important and reliable for you in the period from March 2020 to March 2022?	
Вариант ответа	Количество ответов, % Number of responses, %
Лично знакомых медицинских работников, включая участковых терапевтов <i>Personal network of medical workers, including district therapists</i>	41,2
Членов экспертного научного и медицинского сообщества, включая эпидемиологов, инфекционистов, иммунологов. <i>Members of the expert scientific and medical community, including epidemiologists, infectious disease specialists, immunologists</i>	38,7
Блиzkих родственников, друзей, коллег по работе/учебе. <i>Close relatives, friends, work/study colleagues</i>	34,3
Для меня имело значение только мое собственное мнение, логика, интуиция, знания. <i>For me, only my own opinion, logic, intuition and knowledge were important</i>	21,7
Официальных представителей власти федерального и регионального уровней. <i>Official representatives of the federal and regional levels of government</i>	16,2
Официальных средств массовой информации (центральных телеканалов, газет, радио). <i>Official mass media (central TV channels, newspapers, radio).</i>	13,4
Представителей неофициальных средств массовой коммуникации в интернет-пространстве. <i>Representatives of unofficial mass media in the Internet</i>	8,9
Никого из обозначенных субъектов. <i>None of the listed subjects</i>	4,1
Артистов, творческих деятелей, музыкантов, работников культуры. <i>Artists, creative figures, musicians, cultural workers</i>	1,6
Всего. Total	180,1

Примечание: Множественный вопрос, допускался выбор до трех вариантов ответа, поэтому итог больше 100 %.

Note: Multiple question, unlimited choice of answer options was allowed, therefore the total percent is more than 100 %.

Разумеется, здесь замешано не только социальное доверие/недоверие к отечественной медицине, но и реалистичная оценка финансовых возможностей и транспортной логистики с учетом внешнеполитической конъюнктуры и санкционного давления на граждан РФ. Зарубежные специалисты, рассматривая международный туризм, отмечают тренд рационализации потребления медицинской помощи, так как пациенты зачастую приезжают из развитых стран в менее развитые из-за привлекательно низкой стоимости качественных медицинских

услуг [Banerjee and others, 2015]. Тем не менее желание получить медицинские услуги за пределами своего места жительства может быть показателем недоверия медицинским организациям на локальном уровне, что уже само по себе вступает в противоречие с приведенным чуть выше распределением ответов на прямой вопрос об обобщенном доверии.

Заключение

Не будем отрицать, что измерить характер доверия населения к здравоохранению через неявные признаки и параметры крайне непросто, поскольку конвертация теоретических понятий в эмпирические индикаторы, а затем в вопросы анкеты и шкалы (варианты ответов) требует, во-первых, умения разрывать привычные познавательные шаблоны и штампы, во-вторых, внушительного опыта обыденного восприятия и чувственных переживаний процессов в роли пациента. Имманентная сложность распределенности доверия зачастую приводит к тому, что его содержательные критерии принимаются «по умолчанию» не только в повседневной реальности, но и среди профессиональных обществоведов.

В статье представлен анализ результатов исследования по ряду индикаторов, позволяющих определить характер практик потребителей медицинской и ценностные установки в данной сфере. Подводя итоги, можно сделать вывод о наличии зависимости уровня обобщенного (институционального) доверия потребителей медицинской помощи от их личного взаимодействия с системой здравоохранения. Пандемия COVID-19 не оказала существенного влияния на социальные настроения в обществе, но вместе с тем привела к повышению роли персональной и коллективной ответственности за здоровье. Наряду с позитивными сигналами трансформации ментальных и поведенческих аспектов медицинской активности, социологические данные фиксируют противоречивый характер социального отношения к услугам здравоохранения на этапе выхода из сложной эпидемиологической обстановки.

При сопоставлении ответов на различные вопросы возникает ощущение диссонанса, словно респонденты живут в некотором состоянии самообмана в системе «доверие другим – доверие себе». Но и мы – социологи – находимся в когнитивной ловушке своего дисциплинарного мышления, поскольку бесконечно измеряем всевозможные индексы доверия/недоверия населения политикам, институтам, источникам информации, близким людям. Сейчас можно наблюдать постепенную синхронизацию инерционной либерализации института здравоохранения последних трех десятилетий и общественного сознания застрахованных. Только роль и перспективы медицинского страхования (как обязательного, так и добровольного) в этом процессе становится все менее определенной.

Доверие и недоверие – не есть дихотомия признания/отрицания способности медицины улучшать индивидуальное и общественное здоровье, скорее – это механизм преобразования социальных связей, финансовых ресурсов и культурного капитала (знаний о здоровье и болезнях, санитарно-гигиенической просвещенности, осведомленности о базовых организационно-финансовых принципах национального здравоохранения, понимания своих прав и обязанностей как пациента) в сознательный медицинский выбор. Соотношение риска ошибочных или неэффективных терапевтических назначений, связанного с делегированием пациентом врачу полномочий за свое состояние с одной стороны и личной ответственности за свое самочувствие – с другой, можно считать узловым параметром индивидуальной для каждого человека тонкой балансировки доверия/недоверия на микроуровне института здравоохранения.

Размышляя над результатами опроса, отметим значимость не столько полученных частотных распределений, сколько социологическую функциональность выбранных эмпирических критериев. Надеемся, что изложенные методические разработки, концептуальные соображения и выдержки из инструментария окажутся полезными коллегам для последующих фундаментальных исследований доверия/недоверия как в сфере здравоохранения, так и в других социальных системах и сегментах повседневной реальности.

Список литературы

- Баранова Е.А. 2022. Институциональное доверие как ключевой фактор в реакции общества на пандемию. *Russian Economic Bulletin*, 5(4): 272–275.
- Бергер П., Лукман Т. 1995. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., Медиум, 323 с.
- Вялых Н.А. 2022. Феномен социального (не)доверия российского общества к институту здравоохранения в контексте пандемии COVID-19: когнитивные иллюзии и методологические проблемы. *Вестник НГУЭУ*, 2: 178–193. [DOI 10.34020/2073-6495-2022-2-178-193](https://doi.org/10.34020/2073-6495-2022-2-178-193).
- Вялых Н.А., Беспалова А.А., Зарбалиев В.З. 2022. Факторы и проблемы социологического измерения доверия российского общества к системе здравоохранения в период пандемии COVID-19. *Векторы благополучия: экономика и социум*, 1(44): 129–144. [DOI 10.18799/26584956/2022/1/1150](https://doi.org/10.18799/26584956/2022/1/1150).
- Вялых Н.А., Беспалова А.А., Зарбалиев В.З. 2023. Социальное доверие и недоверие в сфере российского здравоохранения в период пандемии COVID-19: теоретико-методологические подходы и источники негативизации. *Caucasian Science Bridge*, 3(17): 12–20. [DOI 10.18522/2658-5820.2022.3.1](https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.1).
- Глушко И.В., Зуева Т.М. 2018. Доверие как ресурс изменения социальных практик и институтов современного российского общества. *Историческая и социально-образовательная мысль*, 10(2-2): 72–77. [DOI 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-72-77](https://doi.org/10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-72-77).
- Крестьянинова О.Г. 2019. Медицинский туризм: сущность и перспективы развития. *Технико-технологические проблемы сервиса*, 3(49): 66–69.
- Лядова А.В. 2021. Социальные факторы здоровья в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*, 27(4): 134–156. [DOI 10.24290/1029-3736-2021-27-4-134-156](https://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-4-134-156).
- Макушева М.О., Нестик Т.А. 2020. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 6: 427–447. [DOI 10.14515/monitoring.2020.6.1770](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770).
- Сачкова М.Е., Семенова Л.Э. 2022. Образ врача и доверие к себе и другим у студентов в период пандемии COVID-19. *Вестник психотерапии*, 83(88): 49–61. [DOI 10.25016/2782-652X-2022-0-83-49-6](https://doi.org/10.25016/2782-652X-2022-0-83-49-6).
- Тартаковская И.Н. 2021. Доверие перед лицом пандемии: в поисках точки опоры. *Социологический журнал*, 27(2): 68–89. [DOI 10.19181/socjour.2021.27.2.8087](https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.2.8087).
- Трапезникова Д.С., Гордеева С.С. 2022. Социальное конструирование здоровья и болезни. *Социальные и гуманитарные науки: теория и практика*, 1(6): 117–124.
- Умерова А.Р., Каштанова О.А., Новосельцева Т.В. 2010. Некоторые аспекты самолечения. *Астраханский медицинский журнал*, 5(1): 123–127.
- Федотова В.Г. 2021. Пандемия COVID-19 в 2021 году: проблемы доверия. *Знание. Понимание. Умение*, 4. [DOI: 10.17805/zpu.2021.4.9](https://doi.org/10.17805/zpu.2021.4.9).
- Финкельштейн И.Е. 2021. Правила принятия терапевтических решений хроническими больными. *Laboratorium: журнал социальных исследований*, 13(2): 267–291. [DOI 10.25285/2078-1938-2021-13-2-267-291](https://doi.org/10.25285/2078-1938-2021-13-2-267-291).
- Финкельштейн И.Е. 2022. Культурные (медицинские) представления хронических больных в период пандемии COVID-19: механизмы работы и формирования культурного знания в ситуации неопределенности. *Семиотические исследования*, 2(3): 110–118. [DOI 10.18287/2782-2966-2022-2-3-110-118](https://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-3-110-118).
- Шакирова А.Ф., Селянцева А.А. 2022. Изучение уровня комплаентности у амбулаторных пациентов. *Архитектура здоровья*, 1: 42–46.
- Banerjee S., Nath S.S., Dey N., Eto H, 2015. Global Medical Tourism: A Review. In: *New Business Opportunities in the Growing E-Tourism Industry*. IGI Global, 114–131. [DOI 10.4018/978-1-4666-8577-2.ch007](https://doi.org/10.4018/978-1-4666-8577-2.ch007).
- Belfrage S., Helgesson G., Lynøe N. 2022. Trust and digital privacy in healthcare: a cross-sectional descriptive study of trust and attitudes towards uses of electronic health data among the general public in Sweden. *BMC Medical Ethics*, 23(19). [DOI 10.1186/s12910-022-00758-z](https://doi.org/10.1186/s12910-022-00758-z).
- Bourdieu P. 1986. The Forms of Capital / trans. Richard Nice, chapter 9 in John G. Richardson (ed.). *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. Greenwood Press: Westport, CN, 241–258.

- Hong Z., Deng Z., Zhang W. 2019. Examining factors affecting patients trust in online healthcare services in China: the moderating role of the purpose of use. *Health Informatics Journal*, 25(4): 1647–1660.
- Jabeen F., Hamid Z., Akhonzada A., Abdul W., Ghouzali S. 2018. Trust and reputation management in healthcare systems: taxonomy, requirements and open issues. *IEEE Access*, 6: 17246–17263.
- Lee S. 2022. Subjective well-being and mental health during the pandemic outbreak: exploring the role of institutional trust. *Research on Aging*, 44(1): 10–21.

References

- Baranova E.A. 2022. Institutsionalnoye doveriye kak klyuchevoy faktor v reaktsii obshchestva na pandemiyu [Institutional trust as a key factor in society's response to the pandemic]. *Russian Economic Bulletin*, 5(4): 272–275.
- Berger P., Lukman T. 1995. *Sotsialnoye konstruirovaniye realnosti. Traktat po sociologii znaniya* [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: Medium, 323 p.
- Vyalykh N.A. 2022. Fenomen sotsialnogo (ne)doveriya rossiyskogo obshchestva k institutu zdavookhraneniya v kontekste pandemii COVID-19: kognitivnyye illyuzii i metodologicheskiye problem [The Phenomenon of social (dis)trust of the Russian society in the institute for health protection in the context of the COVID-19 pandemic: cognitive illusions and methodological problems]. *Vestnik NSUEM*, 2: 178–193. [DOI 10.34020/2073-6495-2022-2-178-193](https://doi.org/10.34020/2073-6495-2022-2-178-193).
- Vyalykh N.A., Bepalova A.A., Zarbaliev V.Z. 2022. Faktory i problemy sotsiologicheskogo izmereniya doveriya rossiyskogo obshchestva k sisteme zdavookhraneniya v period pandemii COVID-19 [Factors and issues of sociological measurement of social trust to the healthcare system in terms of the COVID-19 pandemic in Russia]. *Journal of Wellbeing Technologies*, 1(44): 129–144. [DOI 10.18799/26584956/2022/1/1150](https://doi.org/10.18799/26584956/2022/1/1150).
- Vyalykh N.A., Bepalova A.A., Zarbaliev V.Z. 2023. Sotsialnoye doveriye i nedoveriye v sfere rossiyskogo zdavookhraneniya v period pandemii COVID-19: teoretiko-metodologicheskiye podkhody i istochniki negativizatsii [Social trust and distrust in sphere of Russian healthcare during the COVID-19 pandemic: theoretical and methodological approaches and sources of negativity]. *Caucasian Science Bridge*, 3(17): 12–20. [DOI 10.18522/2658-5820.2022.3.1](https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.1).
- Glushko I.V., Zueva T.M. 2018. Doveriye kak resurs izmeneniya sotsialnykh praktik i institutov sovremennogo rossiyskogo obshchestva [Trust as a resource for changing social practices and institutions of contemporary Russian society]. *Historical and Socio-Educational Thought*, 10(2-2): 72–77. [DOI 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-72-77](https://doi.org/10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-72-77).
- Krestyaninova O.G. 2019. Meditsinskiy turizm: sushchnost i perspektivy razvitiya [Medical tourism: the nature and development prospects]. *Technical and technological problems of the service*, 3(49): 66–69.
- Lyadova A.V. 2021. Sotsialnyye faktory zdorovya v usloviyakh pandemii novoy koronavirusnoy infektsii [Social inequality and health: the historical and sociological study]. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 27(4): 134–156. [DOI 10.24290/1029-3736-2021-27-4-134-156](https://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-4-134-156).
- Makusheva M.O., Nestik T.A. 2020. Sotsialno-psikhologicheskiye predposylki i efekty doveriya sotsialnym institutam v usloviyakh pandemii [Socio-Psychological Preconditions and Effects of Trust in Social Institutions in a Pandemic]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 6: 427–447. [DOI 10.14515/monitoring.2020.6.1770](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770).
- Sachkova M.E., Semenova L.E. 2022. Obraz vracha i doveriye k sebe i drugim u studentov v period pandemii COVID-19 [The image of a doctor and the student's in themselves and others in the period of COVID-19 pandemic]. *Bulletin of Psychotherapy*, 83(88): 49–61. [DOI: 10.25016/2782-652X-2022-0-83-49-6](https://doi.org/10.25016/2782-652X-2022-0-83-49-6).
- Tartakovskaya I.N. 2021. Doveriye pered litsom pandemii: v poiskakh tochki opory [Trust in the face of a pandemic: in search for a common ground]. *Sociological Journal*, 27(2): 68–89. [DOI: 10.19181/socjour.2021.27.2.8087](https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.2.8087).
- Trapeznikova D.S., Gordeeva S.S. 2022. Sotsialnoye konstruirovaniye zdorovya i bolezni [Social construction of health and disease]. *Social Sciences and Humanities: Theory and Practice*, 1(6): 117–124.
- Umerova A.R., Kashtanova O.A., Novoseltseva T.V. 2010. Nekotoryye aspekty samolecheniya [Some aspects of self-medication]. *Astrakhan Medical Journal*, 5(1): 123–127.

- Fedotova V.G. 2021. Pandemiya COVID-19 v 2021 godu: problemy doveriya [The COVID-19 pandemic in 2021: problems of trust]. Knowledge. Understanding. Ability, 4. DOI: [10.17805/zpu.2021.4.9](https://doi.org/10.17805/zpu.2021.4.9).
- Finkelstein I.E. 2021. Pravila prinyatiya terapevticheskikh resheniy khronicheskimi bolnymi [Therapeutic decision-making rules by chronic patients]. *Laboratory: Journal of Social Research*, 13(2): 267–291. DOI [10.25285/2078-1938-2021-13-2-267-291](https://doi.org/10.25285/2078-1938-2021-13-2-267-291).
- Finkelstein I.E. 2022. Kulturnyye (meditsinskiye) predstavleniya khronicheskikh bolnykh v period pandemii COVID-19: mekhanizmy raboty i formirovaniya kulturnogo znaniya v situatsii neopredelennosti [Cultural (medical) ideas of long-term care patients during the period of the COVID-19 pandemic: mechanism and formation of cultural knowledge in an uncertain situation]. *Semiotic Research*, 2(3): 110–118. DOI [10.18287/2782-2966-2022-2-3-110-118](https://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-3-110-118).
- Shakirova A.F., Selyantseva A.A. 2022. Izucheniye urovnya komplayentnosti u ambulatornykh patsiyentov [Studying the level of compliance in outpatient patients]. *Architecture of Health*, 1: 42–46.
- Banerjee S., Nath S.S., Dey N., Eto H, 2015. Global Medical Tourism: A Review. In: *New Business Opportunities in the Growing E-Tourism Industry*. IGI Global, 114–131. DOI [10.4018/978-1-4666-8577-2.ch007](https://doi.org/10.4018/978-1-4666-8577-2.ch007).
- Belfrage S., Helgesson G., Lynøe N. 2022. Trust and digital privacy in healthcare: a cross-sectional descriptive study of trust and attitudes towards uses of electronic health data among the general public in Sweden. *BMC Medical Ethics*, 23(19). DOI [10.1186/s12910-022-00758-z](https://doi.org/10.1186/s12910-022-00758-z).
- Bourdieu P. 1986. The Forms of Capital / trans. Richard Nice, chapter 9 in John G. Richardson (ed.). *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. Greenwood Press: Westport, CN, 241–258.
- Hong Z., Deng Z., Zhang W. 2019. Examining factors affecting patients trust in online healthcare services in China: the moderating role of the purpose of use. *Health Informatics Journal*, 25(4): 1647–1660.
- Jabeen F., Hamid Z., Akhuzada A., Abdul W., Ghouzali S. 2018. Trust and reputation management in healthcare systems: taxonomy, requirements and open issues. *IEEE Access*, 6: 17246–17263.
- Lee S. 2022. Subjective well-being and mental health during the pandemic outbreak: exploring the role of institutional trust. *Research on Aging*, 44(1): 10–21.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 18.06.2023

Поступила после рецензирования 24.07.2023

Принята к публикации 28.07.2023

Received June 18, 2023

Revised July 24, 2023

Accepted July 28, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Вялых Никита Андреевич, кандидат социологических наук, доцент, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия.

Беспалова Анна Александровна, кандидат социологических наук, старший преподаватель, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия.

Зарбалиев Вадим Загиддинович, аспирант, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nikita A. Vyalykh, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

Anna A. Bepalova, Candidate of Sociological Sciences, senior lecturer, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

Vadim Z. Zarbaliev, postgraduate student, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

УДК 316.023

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-3-471-482

Гендерный фактор в трудовых стратегиях студентов вузов

Ельникова Г.А.

Белгородский университет кооперации, экономики и права,
Россия, 308023, г. Белгород, ул. Садовая, 116 А
elnikova.galina@gmail.com

Аннотация. Гендерное неравенство в трудовой сфере закладывается в трудовых стратегиях молодежи, поэтому задача его преодоления диктует необходимость изучения роли гендерного фактора в трудовых стратегиях молодежи. Однако, несмотря на имеющиеся по данному вопросу работы, быстро меняющаяся социально-экономическая и политическая ситуация и вступление в жизнь новых поколений молодых людей обуславливают новые исследования. В связи с этим цель работы заключается в определении роли и места гендерного фактора в трудовых стратегиях студентов вузов (на примере вузов г. Белгорода). Результаты показали, что гендерный фактор в значительной степени определяет выбор студентами профессии, их отношение к карьере, способам трудоустройства и выбор организационных форм труда. Сделан вывод о том, что, несмотря на кардинальные изменения, происходящие в современном обществе, студенты в своих трудовых стратегиях ориентируются на традиционные гендерные стереотипы и гендерную идеологию.

Ключевые слова: профессиональные стратегии, карьерные стратегии, стратегии трудоустройства, гендерная идеология, гендерные стереотипы, студенты

Для цитирования: Ельникова Г.А. 2023. Гендерный фактор в трудовых стратегиях студентов вузов. *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право*, 48(3): 471–482. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-471-482

The Gender Factor in the Labor Strategies of University Students

Galina A. Elnikova

Belgorod University of Cooperation, Economics and Law,
116 A Sadovaya St, Belgorod 308023, Russian Federation
elnikova.galina@gmail.com

Abstract. Gender inequality in the labor sphere is laid in the labor strategies of young people. Therefore, the task of overcoming it dictates the need to study the role of the gender factor in the labor strategies of young people, including students. However, despite the existing works on this issue, the rapidly changing socio-economic and political situation in the country and the world, as well as the entry into life of new generations of young people constantly require new research on this problem. The purpose of the study is to determine the role and place of the gender factor in the labor strategies of university students in Belgorod. The empirical basis of the study was the results of questionnaire survey and interviewing, in which 598 students of Belgorod participated. The results of the study showed that the gender factor significantly determines the students' choice of profession, their attitude to career, ways of employment and choice of organizational forms of work. The results of the study also made it possible to conclude that despite the cardinal changes that are taking place in modern society, students in their labor strategies are still guided by traditional gender stereotypes and traditional gender ideology. The contribution to further scientific research of the problem is the use of methodological technique, in which labor strategies are

considered as a holistic system, including such components as professional and career strategies, strategies for choosing organizational forms of work and employment.

Keywords: professional strategies, career strategies, employment strategies, gender ideology, gender stereotypes, students

For citation: Elnikova G.A. 2023. The Gender Factor in the Labor Strategies of University Students. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(3): 471–482 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-471-482

Введение

Трудовые стратегии составляют важную часть жизненного проектирования молодежи. В них отражается представление молодого человека о его самореализации в общественной сфере. В то же время в трудовых стратегиях молодежи содержится своеобразная заявка о трудовых ресурсах, которые может получить в ближайшее время государство. Поэтому исследование трудовых стратегий молодежи, особенно в условиях демографического кризиса и старения населения является насущной потребностью для общества. Особое место среди трудовых стратегий молодежи занимают стратегии студентов вузов как будущих специалистов высшей квалификации, потребность в которых особенно высока¹.

Трудовые стратегии у молодых людей начинают складываться еще во время обучения в школе; в период студенчества они подвергаются серьезной корректировке, опирающейся на более глубокое знакомство с выбранной профессией и на приобретении профессиональных знаний. Трудовые стратегии студентов становятся более осознанными и реалистичными, приобретают системный характер. Их следует рассматривать как определенную целостность, состоящую из профессиональных и карьерных стратегий, а также стратегий выбора организационных форм труда и трудоустройства.

На трудовые стратегии студенчества воздействует большое количество факторов, одним из которых является гендер. Как отмечает большинство исследователей [Баскакова, 2019; Хайнс, 2019; Хасбулатова, Смирнова, 2020], гендер – это основополагающий компонент мироощущения человека, который структурирует «наши жизни, оказывает колоссальное влияние на все наши действия и поведение», включая выбор специальности и профессии [Хайнс, 2019, с. 10].

Влияние гендера на стратегии в сфере трудовой деятельности достаточно активно изучается в современной зарубежной и отечественной науке. Как правило, исследования сосредотачиваются на какой-либо одной составляющей трудовых стратегий. В научной литературе отдельно рассматриваются гендерные различия в профессиональном выборе молодежи [McEntee-Atalianis, Miller, Hayward, 2006; Глебова, 2016; Litosseliti, 2017; Хасбулатова, Савостина, Смирнова, 2017; Селиванова, 2017; Scholes, McDonald, 2022]; карьерных стратегиях [Malach-Pines, Bourne, Özbilgin, 2008; Sikora, Saha, 2009; Марарица, Гурьева, Удавихина, 2019; Barret, 2021] и стратегиях трудоустройства [Anker, 1997; Медведева, Киндаев, 2013; Kosyakova, Kurakin, Blossfeld, 2015; Креховец, Леонова, 2017; Черденченко, 2018]. В большинстве работ используются концепции гендерной идентичности, гендерной идеологии, гендерных стереотипов и «стеклянных» феноменов. В этих концепциях, исходя из определения гендерной идентичности, являющейся «личным внутренним ощущением принадлежности к женскому или мужскому полу» [Хайнс, 2019, с. 10], в трудовой сфере молодые люди чаще всего выбирают те роли, которые соответствуют гендерной идеологии. Основной же постулат гендерной идеологии – признание традиционных гендерных ролей, согласно которым мужчина – это добытчик и кормилец, а

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/3b2c6f0709cf_5640388f606e66a03ed2cff6188b/ (дата обращения: 04.06.2023)

женщина – домохозяйка и воспитательница детей [Van der Vleuten M. et al., 2016, p.183]. В свою очередь гендерные стереотипы маркируют профессии как женские или мужские, предопределяя как гендерные различия в профессиональном выборе молодежи, так и горизонтальную гендерную сегрегацию [Miller, Hayward, 2006; Марарица, Гуриева, Казанцева, 2019; Хасбулатова, Смирнова, 2020]. Выявление и объяснение причин и механизмов гендерной сегрегации наиболее наглядно представлено в концепции «стеклянных» феноменов, базирующейся на категориях «стеклянный потолок», «стеклянные стены», «стеклянный эскалатор», «липкий пол» [Марарица, Гуриева, Казанцева, 2019, с. 47].

Методология анализа гендерных различий в трудовой сфере, обоснованная вышеназванными авторами, позволяет использовать ее для достижения цели данной статьи.

Цель исследования заключается в определении роли и места гендерного фактора в трудовых стратегиях студентов вузов. Трудовые стратегии студентов исследовались на примере вузов г. Белгорода.

Объекты и методы исследования

Было проведено социологическое исследование в вузах г. Белгорода – в 2021 г. (n = 203), в 2022 г. (n = 278) и в 2023 г. (n = 117), включающее анкетный опрос (n = 551, из них женщин – n = 295; мужчин – n = 256; стратифицированная выборка) и глубинное интервью (n = 47; женщины – n = 32; мужчины – n = 17). В качестве респондентов выступали студенты всех курсов: 1 курса – 276 чел., 2 курса – 124 чел., 3 курса – 103 чел., 4 курса бакалавриата – 72 чел., 5 курса специалитета – 23 чел. Ошибка выборки с вероятностью 95 % не превышает 5 %.

Результаты исследования и обсуждение

К конструированию трудовых стратегий молодые люди приступают еще со школьной скамьи, выбирая те профессии, с которыми они хотели бы связать свою трудовую деятельность. Профессиональные стратегии становятся первыми и во многом определяющими стратегиями во всей системе трудовых стратегий. Поступление в высшее учебное заведение и выбор получаемой в вузе специальности означает первый шаг в их реализации. Мотивы выбора молодыми людьми специальности многообразны (табл. 1) и чрезвычайно важны.

Таблица 1
Table 1

Распределение ответов на вопрос о том, что повлияло на выбор специальности в вузе, по всей выборке % от числа респондентов (n = 551) и ранги
Distribution of answers to the question about what influenced the choice of a specialty at a university, across the entire sample percentages of the number of respondents (n = 551) and ranks

Ответы	Всего		Мужчины		Женщины	
	%	ранг	%	ранг	%	ранг
Возможность получить давно понравившуюся профессию	25,7	1	28,4	1	23,0	2
Советы родственников	24,8	2	21,3	2	28,3	1
Советы друзей и знакомых	11,3	3	10,1	5	12,5	3
Имеющийся балл по результатам ЕГЭ	10,9	4	13,5	3	8,3	6
Возможность учиться на бюджете	9,8	5	10,2	4	9,4	5
Советы учителей	8,4	6	7,3	6	9,5	4
Советы приемной комиссии в вузе	5,9	7	6,8	7	5,0	7
Другие варианты	3,2	8	2,4	8	4,0	8

Табл. 1 демонстрирует гендерные различия в профессиональных стратегиях уже на первой стадии их реализации – стадии выбора специальности в вузе. Женщины в большей степени делают ставку на советы учителей, друзей, знакомых и особенно родственников. Советы родственников для 28,3 % из них являются наиболее важным мотивом при выборе профессии. Такую ситуацию, на наш взгляд, нельзя оценивать однозначно: с одной стороны, советы близких позволяют быть четко ориентированным на определенную профессию; с другой стороны, опираясь на советы, можно выбрать не отвечающую личным запросам профессию, что создаст трудности в учебе и последующей работе. Кроме того, советы близких, как правило, основываются на гендерных стереотипах. Так, в интервью студентки отмечали, что основным аргументом в советах родственников по выбору профессии было указание на то, что это подходящая именно для женщин работа.

У мужчин на первом месте среди мотивов выбора профессии стоит «возможность получить давно понравившуюся профессию» (28,4 %). Значимость советов окружения для них заметно ниже, чем для девушек. В то же время для мужчин решающими оказались такие мотивы выбора специальности в вузе, как балл по результатам ЕГЭ и возможность учиться на бюджете, делающие выбор случайным, указывающий на стремление просто поступить в вуз и нередко воспринимающийся как альтернатива службе в армии.

Гендерный фактор проявляется и при определении требований, которые студенты предъявляют к своей будущей профессии (рис. 1).

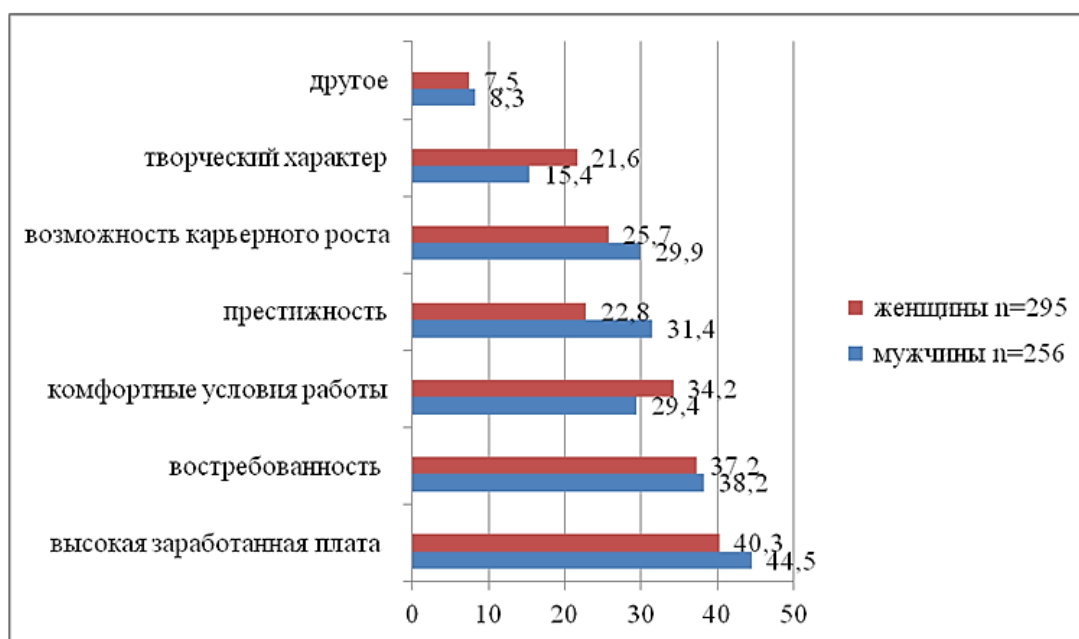

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Каким требованиям должна отвечать Ваша будущая профессия?» (не более 3 вариантов ответа) – % (n)

Fig. 1. Distribution of answers to the question: «What requirements should your future profession meet?» (no more than 3 answers) – % (n)

Как видно из рис. 1, набор требований респондентов к будущей профессии, в котором первые места занимают высокая зарплата и ее востребованность, носит прагматично-материальный характер и отражает тенденцию, свойственную всей современной молодежи [Горшков, Шереги, 2010; Чередниченко, 2016]. Однако при всей их схожести гендерный фактор вносит определенные коррективы в требования к профессиям. Так, для женщин более важными оказываются комфортные условия работы, занимающие в их иерархии требований третье место (34,2 %); в то время для мужчин на третьем месте стоит престижная работа (31,4 %).

В определенной степени гендерные различия в требованиях, предъявляемыми молодыми людьми к будущим профессиям, можно объяснить принимаемыми ими гендерными стереотипами, приписывающими мужчинам и женщинам традиционные гендерные роли [Van der Vleuten M. et al., 2016].

Наиболее отчетливо гендерный фактор в профессиональных стратегиях студентов проявляется при выборе конкретных профессий. И хотя в современных условиях подвергается сомнению существование «мужских» и «женских» профессий, все же в реальности такое деление, во многом основанное на гендерных стереотипах, продолжает существовать и способствует укоренению горизонтальной гендерной сегрегации и феномена «стеклянных стен», а также нередко ведет к снижению конкурентоспособности женщин на современном рынке труда. Так, по сведениям Министерства науки и высшего образования РФ, среди девушек наиболее популярными являются такие области знания, как креативные индустрии, гуманитарные науки, науки об обществе, а также медицина и здравоохранение, педагогическое и психолого-педагогическое образование¹. Преимущественно мужскими являются STEM-профессии (Science, Technology, Engineering, Mathematics – естественные науки, технология, инженерия и математика), включая IT-специальности [Замятнина, 2017, Задворнова, 2019; Хасбулатова, Смирнова, 2020]. Это нашло подтверждение и в нашем исследовании, например, среди студентов белгородских вузов, обучающихся по IT-специальностям, девушек в среднем меньше 25 %.

Второй составляющей системы трудовых стратегий студентов являются карьерные стратегии. Выстраивание карьеры – это по сути путь к успеху в профессионально-трудовой деятельности.

Проведенное исследование показало, что в целом студенты ориентированы на карьеру, и возможность карьерного роста рассматривается ими как одно из важнейших требований к профессии (29,9 % мужчин и 25,7 % женщин) (см. рис. 1). При этом 38,6 % всех респондентов считают карьеру целью всей своей трудовой деятельности; 24,6 % хотели бы сделать карьеру, но только при благоприятных обстоятельствах; 20,0 % – равнодушны к карьере (рис. 2).

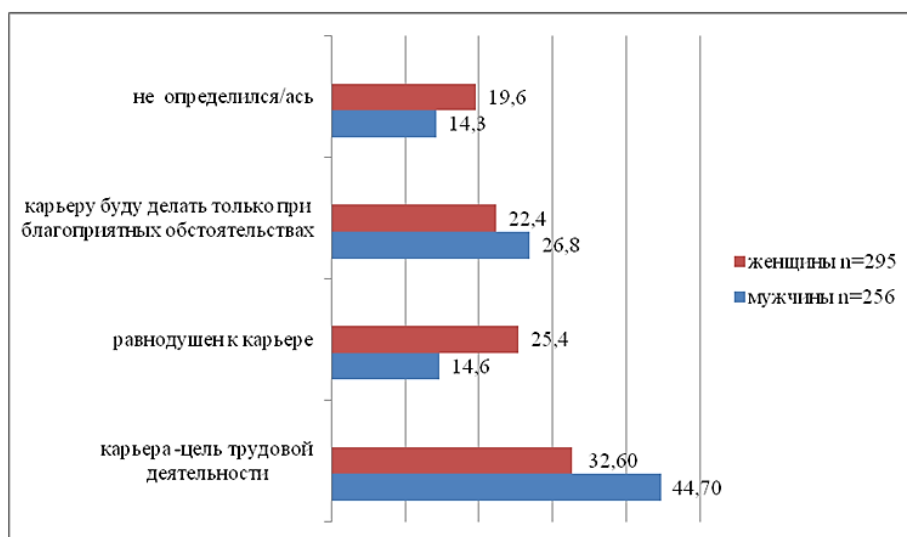

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос о том, как студенты относятся к карьере – (n) %

Fig. 2. Distribution of answers to the question about how students relate to a career – (n) %

¹ Чего хотят женщины: в Минобрнауки России назвали наиболее востребованные среди девушек специальности. 2022. Официальный сайт Министерства науки и высшего образования РФ. URL: [https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/nauka-i-obrazovanie/41771/#:~:text= \(дата обращения 03. 06. 2023\).](https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/nauka-i-obrazovanie/41771/#:~:text= (дата обращения 03. 06. 2023).)

В то же время фиксируется существенная разница между карьерными устремлениями мужчин и женщин. Так, если среди женщин карьеру считают своей целью 32,6 %, а равнодушны к ней 25,4 %, то среди мужчин карьера представляется целью всей трудовой деятельности для 44,7 %, а равнодушных к ней только 14,6 %.

Полученные в ходе исследования результаты отражают ситуацию с карьерным ростом в гендерном разрезе всего работающего населения [Malach- Pines, Bourne, Özbilgin, 2008; Sikora, Saha, 2009; Назарова, 2011; Чередниченко, 2016; Марарица, Гуриева, Казанцева, 2019; Гуриева, Удавихина, 2020]. Традиционная гендерная идеология, легитимирующая повышенную семейную нагрузку на женщин, проявляется и на карьерных стратегиях студенток. В ходе интервью были получены следующие ответы: *«Хочу заняться личной жизнью, создать семью. Будет не до карьеры»* (Екатерина Л., 4 курс); *«На примере знакомых я знаю, что ради карьеры нужно многим жертвовать, а женщинам в особенности. Мне этого не надо»* (Марина С., 3 курс); *«К женщинам, которые добиваются карьерных высот, всегда предвзятое отношение. Я хочу жить спокойно»* (Оксана М., 4 курс). То есть, семейная ориентированность и гендерные стереотипы во многом определяют карьерные стратегии студенток, в значительной степени, снижая их карьерные амбиции.

В системе трудовых стратегий студентов в качестве самостоятельного компонента можно выделить также стратегии выбора организационных форм труда. В качестве вариантов организационных форм труда следует рассматривать трудовые места на предприятиях разных форм собственности, в государственных учреждениях или в общественных организациях; предпринимательство, фриланстерство и блогинг; стационарная (офисная), дистанционная и смешанная формы работы.

В результате исследования было выявлено, что студенты, как мужчины, так и женщины, при выборе предприятия не опираются на такой критерий, как форма собственности. Несколько иная ситуация с влиянием гендерного фактора просматривается при определении желания студентов после окончания вуза работать в государственных учреждениях или общественных организациях. При опросе такое желание высказали 27,8 % всех респондентов, включая 34,4 % мужчин и 21,2 % женщин. В качестве основного мотива такого выбора называлась возможность в государственных учреждениях быстро сделать карьеру, на что, как уже отмечалось, больше нацелены мужчины.

Четко выраженный гендерный характер носит ответ на вопрос о возможности создания бизнеса. Положительно на него ответили 73,7 % мужчин и только 25,5 % женщин. Это является определенным отражением положения дел с женским бизнесом в целом, на развитии которого прежде всего сказываются гендерные стереотипы и неравный с мужчинами доступ к ресурсам [Blim, 2001; Баскакова, 2019; Семенова, 2014].

В последние годы широкое распространение получили такие организационные формы труда, как самозанятые и индивидуальное предпринимательство, среди них у молодежи популярностью пользуются фриланс и блогинг.

При анкетном опросе выбрали фриланс как возможную форму организации своего труда 72 человека (13 %), из них 47 мужчин (18,4 %) и 25 женщин (8,6 %). Такое соотношение можно объяснить отмечаемой исследователями неуверенностью женщин в своих силах [Семенова, 2014; Креховец, Леонова, 2017; Замятнина, 2017; Баскакова, 2019 и др.]. Это находит свое подтверждение и в ответах студенток в ходе интервью. Так, Елена Р. (студентка 2 курса) отметила, что *«для фриланса необходимо иметь высокий уровень профессиональных знаний и значительный опыт работы, так как, для фрилансера очень важно иметь устойчивую клиентскую базу. Я фриланс пока не рассматриваю»*.

Как форма трудовой деятельности сейчас приобретает все большую популярность блогинг. В ходе проведенного исследования было выяснено, что 118 респондентов (21,4%) желали бы в дальнейшем заниматься блогингом; из них 62,4 % женщин и 37,6 % мужчин. Соотношение мужчин и женщин из числа респондентов, желающих заниматься блогингом, в пользу последних, по нашему мнению, имеет в основании две причины: во-первых, как показывает статистика, девушки больше времени проводят в социальных се-

тях, чем юноши; во-вторых, ведение блога вполне можно совмещать с традиционной гендерной ролью хозяйки домашнего очага.

Студентами закладываются в их трудовые стратегии и выборе форм организации труда (офисная, дистанционная и смешанная (гибридная)). Проведенный анкетный опрос показал, что студенты в настоящее время не отдают видимого предпочтения ни одной из этих форм, однако достаточно заметны гендерные различия в этом выборе. Так, 46,8 % женщин желали бы работать в офисе (дистанционно – 23,4 %, по смешанной форме – 29,8%); 45,5 % мужчин выбрали дистанционную работу (в офисе – 22,2 %, по смешанной форме – 32,3 %).

Четвертым компонентом системы трудовых стратегий студентов являются стратегии трудоустройства. Стратегии трудоустройства студентов оптимистичные. В том, что окончанию вуза найдут работу 97,6 % всех респондентов (мужчины – 98,3 %, женщины – 96,9%). Высок процент и тех, кто рассчитывает найти работу по полученной в вузе специальности – 85,4 % (мужчины 90,3%, женщины – 80,5 %). В последнем случае женщины менее уверены в своем профессиональном трудоустройстве. И их мнение, в определенной степени, подтверждается практикой. Так, по данным Росстата¹, среди выпускников 2016–2019 годов доля нетрудоустроенных у женщин на 4–5 % выше, чем у мужчин.

Несмотря на оптимистический в целом взгляд на будущее трудоустройство, студенты знают о тех трудностях, с которыми им придется столкнуться при поиске работы и при конструировании стратегий трудоустройства учитывают их (рис. 3).

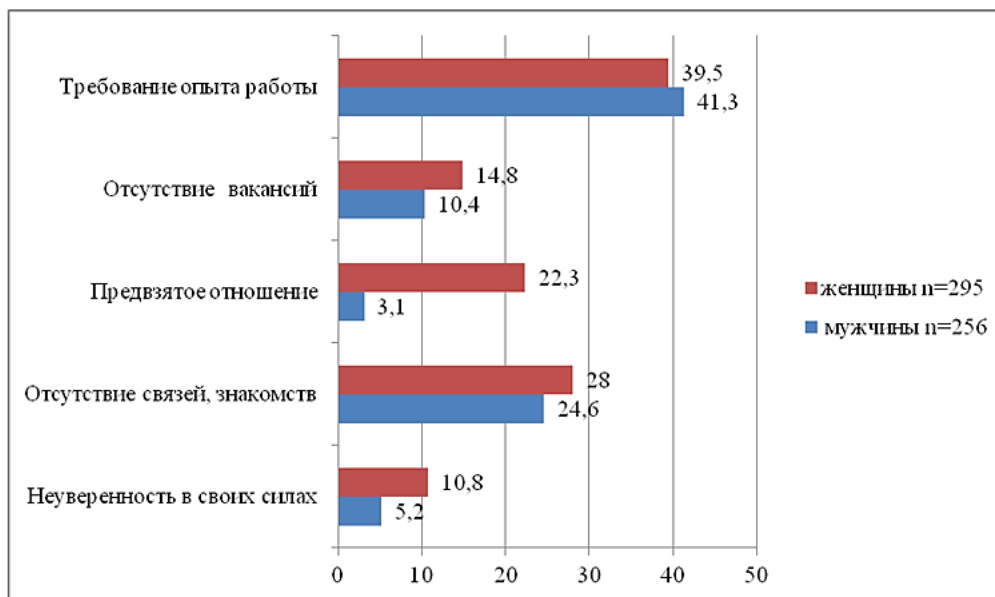

Рис. 3 Распределение ответов на вопрос о трудностях, которые возникают при трудоустройстве выпускников вузов (n) %

Fig. 3. Distribution of answers to the question about the difficulties that arise in the employment of university graduates (n) %

Проблемы, с которыми сталкиваются выпускники вузов при трудоустройстве, носят как общий характер, т. е. касаются и мужчин, и женщин, так и являются гендерно чувствительными. К общей относится широко обсуждаемая проблема требования работодателями опыта практической работы. Эта проблема волнует 41,3 % мужчин и 39,5 % женщин. Гендерно чувствительной же является проблема предвзятости работодателей при

¹ Выборочное наблюдение трудоустройства выпускников. 2021. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_trudoustr_2021/index.html (дата обращения: 04.06.2023)

приеме выпускников вузов на работу, касающаяся главным образом женщин (на нее указали 22,3 % от общего числа женщин-респонденток). В ходе интервью удалось выяснить, что 18 из 32 интервьюируемых женщин имеют сведения (из личного опыта или опыта своих знакомых) о дискриминации по признаку пола при приеме на работу.

Стратегии трудоустройства включают в себя и инструменты, которыми предполагают воспользоваться студенты при устройстве на работу (табл. 2).

Таблица 2
Table 2

Распределение ответов на вопрос об инструментах, которые студенты предполагают использовать при устройстве на работу, по всей выборке % от числа респондентов (n = 551)
 Distribution of answers to the question about the tools that students intend to use when applying for a job, for the entire sample % of the number of respondents (n = 551)

Ответы	Всего	Мужчины	Женщины
Помощь родственников, друзей и знакомых	33,2	28,7	37,7
Совмещение учебы с работой	24,6	28,3	20,9
Владение ПК на уровне уверенного пользователя	16,7	15,6	17,8
Владение иностранными языками	7,6	6,4	8,8
Участие в работе общественных организаций	5,4	2,1	8,7
Дополнительное образование	5,2	4,6	5,8
Другие варианты	2,4	1,6	3,2

Основным инструментом при поиске работы студенты считают помощь родственников, друзей и знакомых (33,2 %), при этом для женщин, которые ощущают бóльшую неуверенность на рынке труда, значимость этого инструмента выше, чем для мужчин (37,7 против 28,7 %). В то же время мужчины в большей степени, чем женщины (соответственно 28,3 и 20,9 %) нацелены на приобретение опыта работы во время обучения в вузе и уверены, что смогут успешно совмещать учебу и работу. Студентки чаще студентов участвуют в работе общественных организаций, считая, что это, кроме всего прочего, может быть плюсом и дополнительной поддержкой при трудоустройстве (8,7 %). Как видно, женщины при поиске работы в значительной мере рассчитывают на чью-либо поддержку, в то время как мужчины ориентируются и на поддержку своего окружения, и на собственные силы.

Заключение

Рассмотрение трудовых стратегий студентов в качестве системы, состоящей из таких компонентов, как профессиональные и карьерные стратегии, стратегии по выбору организационных форм труда и стратегии трудоустройства, охватывает практически все направления планирования трудовой деятельности и позволяет иметь достаточно полную картину целей, задач и стремлений студентов в трудовой сфере. Многообразие трудовых стратегий студентов определяется большим количеством факторов, на них воздействующих. Одним из самых значимых факторов является гендерный фактор, оказывающий принципиальное влияние на каждый компонент трудовых стратегий в отдельности и систему трудовых стратегий в целом.

В профессиональных стратегиях одну из определяющих ролей играют гендерные стереотипы, на которых во многом основывается решающая аргументация при выборе профессии. Однако соответствующая направленность студентов на гендерно окрашенные специальности означает упрочение горизонтальной гендерной сегрегации, а в условиях

цифровой революции при закреплении за высокотехнологичными специальностями статуса «мужских» ведет к значительному снижению конкурентоспособности женщин на рынке труда и увеличению гендерного разрыва в заработной плате.

При достаточно высоком уровне амбициозности современных молодых людей в целом гендерный фактор действует на снижение показателя карьерных устремлений женщин. Одну из основных ролей в отказе студенток от высоких карьерных притязаний играет их ориентированность на семью.

В стратегиях выбора организационных форм труда также находит свое отражение стереотипированное представление о том, каковы должны быть устремления мужчин и женщин в трудовой сфере. Основываясь на нем, мужчины выбирают собственный бизнес и ту организационную форму труда, которая давала бы высокое материальное обеспечение. Женщины предпочитают комфортные условия работы, которые способствовали бы успешному сочетанию профессионального и семейного труда.

Наиболее негативно гендерный фактор сказывается на стратегиях трудоустройства. В них гендерные различия приводят к достаточно распространенным дискриминационным практикам, базирующимся прежде всего на гендерной идеологии, в рамках которой легитимизируется повышенная семейная нагрузка у женщин.

При рассмотрении определяющих базовых моделей становится очевидным, что под воздействием гендерного фактора мужские трудовые стратегии формируются как ориентированные на материальный достаток и карьеру; женские на профессию и комфортные условия труда.

Список литературы

- Баскакова М.Е. 2019. Гендерная асимметрия малого бизнеса (на примере Москвы). *Мир новой экономики*, 13(3): 100–111. DOI: [10.26794/2220-6469-2019-13-3-100-111](https://doi.org/10.26794/2220-6469-2019-13-3-100-111).
- Глебова Г.Ф. 2016. Исследование гендерных особенностей профессионального самоопределения студентов. В кн.: *Гендерный подход в гуманитарных исследованиях*. Под ред. А.Ю. Нагорнова. Ульяновск, Зебра: 121–131.
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э. 2010. Молодежь России: социологический портрет. М., ЦСПиМ, 592 с.
- Гуриева С.Д., Удавихина У.А. 2020. Особенности применения гендерных стратегий при построении карьеры женщинами в России. В кн.: *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании*. Материалы III Международной научно-практической конференции, 1–2 октября 2020, Санкт-Петербург, Издательство РГПУ им. А.И. Герцена: 270–273.
- Демографический ежегодник России. 2021. М., Росстат, 256 с.
- Задворнова Ю.С. 2019. Ликвидация гендерного разрыва в оплате труда в STEM-отраслях как ключевая задача преодоления гендерного неравенства в странах с цифровой экономикой. *Женщина в российском обществе*. 3: 114–120. DOI: [10.21064/WinRS.2019.3.9](https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.3.9).
- Замятнина Е.С. 2017. Гендерные различия при выборе специальности в вузе в современной России. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 3: 163–176. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.3.11>.
- Креховец Е.В., Леонова Л.А. 2017. Трудоустройство выпускников высших учебных заведений: гендерный анализ. *Женщина в российском обществе*, 3(84): 58–69.
- Марарица Л.В., Гуриева С.Д., Казанцева Т.В. 2019. Феномен гендерного неравенства как фактор карьерного капитала женщины: постановка проблемы. *Психология человека в образовании*, 1(1): 44–52. DOI: <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2019-1-1-44-52>
- Медведева Н.Р., Киндаев А.Ю. 2013. Гендерное неравенство при трудоустройстве выпускников вузов. *XVI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс*, 8: 309–314.
- Савостина Е.А., Смирнова И.Н., Хасбулатова О.А. 2017. STEM: профессиональные траектории молодежи (гендерный аспект). *Женщина в российском обществе*, 3(84): 33–44.
- Селиванова З.К. 2017. О жизненных целях и профессиональных предпочтениях старших подростков. *Социологические исследования*, 5: 51–56.

- Семенова Ю.А. 2014. Женское предпринимательство в современном российском обществе: особенности и перспективы. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия. Социология. Политология*, 14(2): 17–19. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2014-14-2-17-19>.
- Хайнс С. 2019. Может ли гендер меняться? Введение в XXI в. Пер. с англ. М., Ад Маргинем Пресс, ABCdesing, 144 с. (Hines S., Taylor M. 2018. *Is Gender Fluid?: A primer for the 21st century*. Thames and Hudson Limited, 143 p.)
- Хасбулатова О.А., Смирнова И. Н. 2020. Гендерные стереотипы в цифровом обществе: современные тенденции. *Народонаселение*, 23(2): 161–171. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.2.14>.
- Чердниченко Г.А. 2018. Первое трудоустройство после вуза (по материалам опроса Росстата РФ). *Социологические исследования*, 8: 91–101.
- Чердниченко Г.А. 2016. Российская молодежь: от образования к труду (на материалах социологических исследований образовательных и профессиональных траекторий). СПб.: Издательство РХГА, 392 с.
- Anker R. 1997. Theories of occupational segregation by sex: an overview. *International Labor Reviews*, 136(3): 315–339.
- Barrett E. 2021. Career aspirations of teenagers and the future of gender equality in occupations. *Journal of Education and Work*, 34(2): 110–127.
- Blim M. 2001. Italian women after development: Employment, entrepreneurship, and domestic work in the Third Italy. *The History of the Family*, 6(2): 257–270. DOI: [https://doi.org/10.1016/s1081-602x\(01\)00072-0](https://doi.org/10.1016/s1081-602x(01)00072-0).
- Fortin N.M. 2005. Gender role attitudes and the labour-market outcomes of women across OECD countries. *Oxford Review of Economic Policy*, 21(3): 416–438.
- Kosyakova Y., Kurakin D., Blossfeld H.-P. 2015. Horizontal and vertical gender segregation in Russia – changes upon labour market entry before and after the collapse of the Soviet regime. *European Sociological Review*, 31(5): 573–590.
- Malach- Pines A., Bourne D., Özbilgin M.F. 2008. Strategies for combating gendered perceptions of careers. *Career Development International*, 13(4): 320–332.
- McEntee-Atalianis L., Litosseliti L. 2017. Narratives of sex-segregated professional identities. *Narrative Inquiry*, 27(1): 1–23.
- Miller L., Hayward R. 2006. New jobs, old occupational stereotypes: gender and jobs in the new economy. *Journal of Education and Work*, 19(1): 67–93.
- Scholes L., McDonald S. 2022 Year 3 student career choices: Exploring societal changes in constructions of masculinity and femininity in career choice justifications. *British Educational Research Journal*, 48(2): 292–310.
- Sikora J., Saha L. J. 2009. Gender and professional career plans of high school students in comparative perspective. *Educational Research and Evaluation*, 15(4): 385–403.
- Van der Vleuten M., Jaspers E., Maas I., van der Lippe T. 2016. Boys' and girls' educational choices in secondary education. The role of gender ideology. *Educational Studies*, 42(2): 181–200.

References

- Baskakova M.E. 2019. Gendernaya asimmetriya malogo biznesa (na primere Moskvy) [Gender asymmetry of small business (on the example of Moscow)]. *Mir novoj ekonomiki*, 13(3): 100–111. DOI: [10.26794/2220-6469-2019-13-3-100-111](https://doi.org/10.26794/2220-6469-2019-13-3-100-111)
- Glebova G.F. 2016. Issledovanie gendernyh osobennostej professional'nogo samoopredeleniya studentov [Study of gender characteristics of professional self-determination of students]. In: *Gendernyj podhod v gumanitarnyh issledovaniyah* [Gender Approach in the Humanities]. Ed. A.YU. Nagornova. Ulyanovsk, Publ. Zebra: 121–131.
- Gorshkov M.K., SHeregi F.E. 2010. *Molodezh' Rossii: sociologicheskij portret* [Youth of Russia: a sociological portrait]. Moscow, Publ. CSPiM, 592 p.
- Gurieva S.D., Udavihina U.A. 2020. Osobennosti primeneniya gendernyh strategij pri postroenii kar'ery zhenshchinami v Rossii [Features of the use of gender strategies in building a career by women in Russia]. In: *Gercenovskie chteniya: psihologicheskie issledovaniya v obrazovanii* [Herzen Readings: Psychological Research in Education]. Materials of the III International scientific and practi-

- cal conference, October 1-2, 2020, St. Petersburg, Publishing house of the Russian State Pedagogical University named after. A.I. Herzen: 270–273.
- Demograficheskij ezhegodnik Rossii. 2021. The Demographic Yearbook of Russia. 2021. Moscow, Publ. Rosstat, 256 p.
- Zadvornova YU.S. 2019. Likvidaciya gendernogo razryva v oplate truda v STEM-otraslyah kak klyuchevaya zadacha preodoleniya gendernogo neravenstva v stranah s cifrovoj ekonomikoj [Elimination of gender wage gap in STEM as a key task of eradication of gender inequality in countries with digital economy]. *ZHenshchina v rossijskom obshchestve*, 3: 114–120. DOI: [10.21064/WinRS.2019.3.9](https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.3.9)
- Zamyatnina E.S. 2017. Gendernye razlichiya pri vybore special'nosti v vuze v sovremennoj Rossii [Gender differences in choosing a specialty at a university in modern Russia]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 3: 163–176. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.3.11>.
- Krekhov E.V., Leonova L.A. 2017. Trudoustrojstvo vypusnikov vysshih uchebnyh zavedenij: gendernyj analiz [University graduates employability: gender analysis]. *ZHenshchina v rossijskom obshchestve*, 3(84): 58–69.
- Mararica L.V., Gurieva S.D., Kazanceva T.V. 2019. Fenomen gendernogo neravenstva kak faktor kar'ernogo kapitala zhenshchiny: postanovka problem [The phenomenon of gender inequality as a factor of women's career capital: problem definition]. *Psihologiya cheloveka v obrazovanii*, 1(1): 44–52. DOI: <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2019-1-1-44-52>
- Medvedeva N. R., Kindaev A. YU. 2013. Gendernoe neravenstvo pri trudoustrojstve vypusnikov vuzov [Gender inequality in employment of university graduates]. *XXI vek: itogi proshlogo i problemy nastoyashchego plyus*, 8: 309–314.
- Savostina E.A., Smirnova I.N., Hasbulatova O.A. 2017. STEM: professional'nye traektorii molodezhi (gendernyj aspekt) [STEM: professional trajectories of the youth (Gender aspect)]. *ZHenshchina v rossijskom obshchestve*, 3(84): 33–44.
- Selivanova Z.K. 2017. O zhiznennyh celyah i professional'nyh predpochteniyah starshih podrostkov [Life goals and professional preferences of older adolescents]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 5: 51–56.
- Semenova YU. A. 2014. ZHenskoe predprinimatel'stvo v sovremennom rossijskom obshchestve: osobennosti i perspektivy [Women entrepreneurship in the Modern Russian society: Peculiarities and Perspectives]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya. Sociologiya. Politologiya*, 14(2):17–19. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2014-14-2-17-19>.
- Hines S. 2019. Mozhet li gender menyat'sya? Vvedenie v XXI v. [Is Gender Fluid?: A primer for the 21st century]. Translated from the Eng. M., Ad Marginem Press, ABCdesing, 144 s. (Hines S., Taylor M. 2018. *Is Gender Fluid?: A primer for the 21st century*. Thames and Hudson Limited, 143 p.)
- Hasbulatova O. A., Smirnova I. N. 2020. Gendernye stereotipy v cifrovom obshchestve: sovremennye tendencii [Gender stereotypes in digital society: modern tendencies]. *Narodonaselenie*, 23(2): 161–171. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.2.14>.
- CHerednichenko G. A. 2018. Pervoe trudoustrojstvo posle vuza (po materialam oprosa Rosstata RF) [Employment after universities on the materials of the Russian Statistics Committee Survey]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 8: 91–101.
- CHerednichenko G.A. 2016. Rossijskaya molodezh': ot obrazovaniya k trudu (na materialah sociologicheskikh issledovanij obrazovatel'nyh i professional'nyh traektorij) [Russian youth: from education to work (based on sociological studies of educational and professional trajectories)]. Saint Petersburg.: Publ. RHGA, 392 p.
- Anker R. 1997. Theories of occupational segregation by sex: an overview. *International Labor Reviews*, 136(3): 315–339.
- Barrett E. 2021. Career aspirations of teenagers and the future of gender equality in occupations. *Journal of Education and Work*, 34(2): 110–127.
- Blim M. 2001. Italian women after development: Employment, entrepreneurship, and domestic work in the Third Italy. *The History of the Family*, 6(2): 257–270. DOI: [https://doi.org/10.1016/s1081-602x\(01\)00072-0](https://doi.org/10.1016/s1081-602x(01)00072-0).
- Fortin N.M. 2005. Gender role attitudes and the labour-market outcomes of women across OECD countries. *Oxford Review of Economic Policy*, 21(3): 416–438.

- Kosyakova Y., Kurakin D., Blossfeld H.-P. 2015. Horizontal and vertical gender segregation in Russia – changes upon labour market entry before and after the collapse of the Soviet regime. *European Sociological Review*, 31(5): 573–590.
- Malach- Pines A., Bourne D., Özbilgin M.F. 2008. Strategies for combating gendered perceptions of careers. *Career Development International*, 13(4): 320–332.
- McEntee-Atalianis L., Litosseliti L. 2017. Narratives of sex-segregated professional identities. *Narrative Inquiry*, 27(1): 1–23.
- Miller L., Hayward R. 2006. New jobs, old occupational stereotypes: gender and jobs in the new economy. *Journal of Education and Work*, 19(1): 67–93.
- Scholes L., McDonald S. 2022 Year 3 student career choices: Exploring societal changes in constructions of masculinity and femininity in career choice justifications. *British Educational Research Journal*, 48(2): 292–310.
- Sikora J., Saha L. J. 2009. Gender and professional career plans of high school students in comparative perspective. *Educational Research and Evaluation*, 15(4): 385–403.
- Van der Vleuten M., Jaspers E., Maas I., van der Lippe T. 2016. Boys' and girls' educational choices in secondary education. The role of gender ideology. *Educational Studies*, 42(2): 181–200.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 15.08.2023
Поступила после рецензирования 31.08.2023
Принята к публикации 15.07.2023

Received August 15, 2023
Revised August 31, 2023
Accepted July 15, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ельникова Галина Алексеевна, доктор социологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Белгородский университет кооперации, экономики и права, г. Белгород, Россия.

Galina A. Elnikova, Doctor of Sociology, Professor of the Department of Humanities and Social Sciences, Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Belgorod, Russia.

УДК 316.351

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-3-483-496

Гендерные и возрастные аспекты цифровой социализации студентов регионального гуманитарного вуза

Шмарион Ю.В., Землянская А.В.

Липецкий государственный педагогический университет
им. П. П. Семенова-Тян-Шанского
Россия, 398020, г. Липецк, ул. Ленина, 42
lspu@lspu-lipetsk.ru

Аннотация. Рассмотрены проблемы цифровой социализации студентов гуманитарного вуза, которая стохастична по своей природе и реализуется в рискогенной цифровой среде. Большинство параметров этого динамичного процесса недостаточно изучены, что существенно затрудняет его управление. Авторами обосновано выделение гендерных и возрастных аспектов цифровой социализации как важных факторов, определяющих особенности формирования личности современного студента. На основе результатов авторского социологического исследования показано влияние гендерного различия и возрастного аспекта на результаты цифровой социализации личности в период обучения в вузе. Эмпирически подтверждено, что несмотря на в целом стабильный довузовский этап общей и цифровой социализации старшеклассников, в процессе обучения в вузе уровень социализированности студентов отличается от однородности как в гендерном, так и возрастном аспекте. Установлено, что в условиях вуза цифровая социализация более активно осуществляется у юношей, чем у девушек. Полученные аналитические зависимости, описывающие процесс цифровой социализации студентов в университете, позволили установить, что социализирующая роль университета в процессе обучения изменяется по схеме «ожидание – разочарование – осознание – реализация». Аналитические зависимости, отражающие динамику процесса цифровой социализации студентов, применимы для прогнозирования процесса цифровой социализации, а также при технологизации этого процесса с целью его управления.

Ключевые слова: социализация, цифровая социализация, социальные сети, Интернет, виртуальное пространство, студенты, образование, гуманитарный вуз

Для цитирования: Шмарион Ю.В., Землянская А.В. 2023. Гендерные и возрастные аспекты цифровой социализации студентов регионального гуманитарного вуза. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 48(3): 483–496. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-483–496

Gender and Age Aspects of Digital Socialization of Students of a Regional Humanitarian University

Yuri V. Shmarion, Anastasia V. Zemlyanskaya
Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University
42 Lenina St., Lipetsk 398020, Russian Federation
lspu@lspu-lipetsk.ru

Annotation. The problems of digital socialization of students of the humanities university, which is stochastic in nature and is implemented in a risky digital environment, are considered. Most of the parameters of this dynamic process are insufficiently studied, which significantly complicates its

© Шмарион Ю.В., Землянская А.В., 2023

management. The authors substantiate the identification of gender and age aspects of digital socialization as important factors determining the peculiarities of the formation of the personality of a modern student. Based on the results of the author's sociological research, the influence of gender difference and age aspect on the results of digital socialization of the individual during the period of study at the university is shown. It is empirically confirmed that despite the generally stable pre-university stage of general and digital socialization of high school students, in the process of studying at the university, the level of socialization of students differs from uniformity in both gender and age aspects. It is established that in the conditions of the university, digital socialization is more actively carried out in boys than in girls. The obtained analytical dependencies describing the process of digital socialization of students at the university allowed us to establish that the socializing role of the university in the learning process changes according to the scheme "expectation – disappointment – awareness – realization". Analytical dependencies reflecting the dynamics of the process of digital socialization of students are used to predict the process of digital socialization, as well as to technologize this process in order to manage it.

Keywords: socialization, digital socialization, social networks, Internet, virtual space, students, education, humanitarian university

For citation: Shmarion Yu.V., Zemlyanskaya A.V. 2023. Gender and Age Aspects of Digital Socialization of Students of a Regional Humanitarian University. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(3): 483–496 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-483–496

Введение

В современном обществе цифровая и общая социализация студенческой молодежи приобретает особое значение, так как в период студенчества не только происходит становление и закрепление социальности в индивиде, но и получает импульс развития общественная система в виде инновационного потенциала молодых специалистов.

Проблемы социализации молодежи начинают активно исследоваться в конце XIX и в начале XX века. Ф. Гиддингс в работе «Теория социализации» определил социализацию как «развитие социальной природы или характера индивида, подготовку человеческого материала к социальной жизни» [Гиддингс, 1889]. Французский социальный психолог Г. Тард (1843–1904) в работе «Законы подражания» предложил развернутую характеристику социализации, реализуемую посредством законов подражания [Тард, 1903]. Э. Дюркгеймом установлено, что социализация ориентирована на достижение трех целей. Во-первых, только при помощи социализации актер может контролировать эгоистические побуждения; во-вторых, общество может его принудить делать это сознательно или добровольно и, в-третьих, сформировать в индивиде чувство ответственности по отношению к обществу и господствующим в нём моральным нормам [Durkheim, 1990].

Изучению вопросов социального статуса молодежи, в том числе и студенческой, ее социализации, особенностей интегрирования в современное информационное общество посвятили свои работы отечественные и зарубежные социологи. Это работы В.В. Комарова [2021], М.Б. Лига и М.А. Захарова [Лига и др., 2022], А.В. Плетнева [2022], П.Н. Демина [2022], Е.А. Кузнецовой [2023], М.Д. Мартыновой [2023], С.Л. Кандыбовича и Т.В. Разиной [Кандыбович и др., 2019], В.Ю. Лебедевой [2022], Е.С. Ардовой и Е.В. Кисловской [Ардова и др., 2018], Brigué & Sádaba [2017], Dunn R.A., Guadagno R.E. [Dunn и др., 2012], Genner S., Süss D. [Genner и др., 2017], Staksrud E., Ólafsson K., Livingstone S. [Staksrud и др. 2013], Brunck B. Howard Gardner and Katie Davis [Brunck и др., 2014], Gardner H., Davis K. [Genner и др., 2013], Stornaiuolo A. [2017]. В этих работах представлено описание явления цифровой социализации в образовательном пространстве вуза, обращается внимание на риски онлайн-социализации подростков и молодежи, указывается на необходимость системного исследования влияния цифровой реальности на состояние ценностного мира студенческой молодежи.

В современных условиях активной цифровизации российского общества проблема цифровой социализации студентов регионального вуза приобретает важное теоретическое и практическое значение. Интернет и социальные сети стали неотъемлемой частью жизни большинства людей и прежде всего молодежи. Несомненно, для студентов интернет-пространство является мощным источником развития, который существенно влияет на когнитивные процессы и на цифровую социализацию и социализацию личности в целом. Виртуальное пространство представляет студентам динамичную социально-культурную инфраструктуру, обеспечивающую удовлетворение их духовных потребностей, при этом они получают возможность иметь в пределах одного помещения собственный мир, который более комфортный и менее жесткий, чем реальный. Активность в интернет-пространстве оказывает как позитивное, так и негативное влияние на личность, которое выражается в изолированности формирующейся личности, утрате моделей общения и взаимодействия в реальном пространстве, трудностях установления отношений, ошибочной рефлексии, отсутствии опыта разрешения конфликтов и т.п. При этом для дальнейшего развития российского общества необходимо формирование такой личности, которой присущи активность, социальная мобильность, профессиональная компетентность, высокая способность адаптироваться в цифровой и реальной среде, самостоятельность в принятии решений, ответственность, способность к инновационному поиску информации, другие качества и свойства личности, определяемые современной реальностью.

Традиционно вуз не ставил цели формирования у студентов навыков отбора качественной и полезной информации в социальных сетях и интернет-пространстве, поэтому этот процесс был стохастичным и неуправляемым, что приводило к формированию клипового мышления, к проблемам цифровой и общей социализации будущего специалиста. Для решения этой актуальной проблемы вузу как агенту социализации необходимо определить действенные механизмы формирования рационального гендерного поведения студентов в виртуальном и реальном пространстве с учетом их возвратных характеристик.

Цель исследования – установление гендерных и возрастных особенностей цифровой социализации студентов регионального гуманитарного вуза, которые необходимо учитывать при разработки социальных технологий управления процессом социализации студентов.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования являются студенты регионального гуманитарного вуза. Предмет исследования – гендерные и возрастные аспекты их цифровой социализации. В соответствии с объектом исследования генеральная совокупность составила 224 студента гуманитарных направлений подготовки в институте истории права и общественных наук ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского. Выборочная совокупность формировалась с использованием метода случайной выборки. Использовалась таблица случайных чисел. Объем выборки $n = 142$. Расчет выборочной совокупности осуществлялся по формуле: $n = (t^2 \times p) \times (1-p) / C^2$, где t – уровень точности ($t = 1,96$ для 95 % доверительного интервала); p – оценочная распространенность изучаемого явления ($p = 0,5$); c – предел ошибки (при 5 % $c = 0,05$).

В исследовании принимали участие студенты 1–5 курсов: юноши – 28,9 %, девушки – 71,1 %. Возраст респондентов: 18–20 лет – 76,1 %, 21–23 года – 19,7 %, 24 года и старше – 4,2 %.

Были использованы следующие методы: анализ литературы, метод анкетного опроса. Компьютерная обработка социологической информации осуществлялась при помощи пакета программ SPSS. При анализе эмпирических данных использовались метод частотного анализа, анализ таблиц сопряженности, регрессионный анализ.

Результаты исследования и их обсуждение

В современном обществе, наряду с привычным агентом социализации и социальным институтом, все больший вес приобретает виртуальное пространство как новый фактор социализации, актуализирующий рассмотрение цифровой социализации [Кандыбович и др. 2019]. Виртуальное пространство насыщено разнородными информационными потоками, что затрудняет молодежи отличать полезную информацию от вредной с точки зрения социализации. Отметим, что цифровая социализация является одновременно частью общей социализации, закономерности которой остаются неизменными. С другой стороны, цифровая социализация имеет свою специфику, определяемую гендерными и возрастными особенностями конкретной личности. Этап вузовской социализации зависит от множества объективных и субъективных факторов.

Среди объективных факторов М.М. Шульга выделяет макро-, мезо-, микрофакторы социализации в высшей школе [Шульга, 2005]. В группу факторов макроуровня входят глобальные тенденции развития человечества, особенности конкретно-исторического этапа развития определенного общества, соответствующие декларируемые и реально существующие ценностные идеалы, и нормы в сфере образования. Макрофакторы определяют общую направленность развития высшего образования. К группе факторов среднего уровня (мезоуровня) М.М. Шульга относит региональные особенности высшего образования, представляющие собой этническую, конфессиональную, территориальную культурную среду, накладывающую отпечаток на функционирование высшей школы в различных регионах страны, а также те динамические процессы, которые происходят в самой системе высшего образования: особенности организации учебно-воспитательного процесса, преподавательский состав вуза, культурная среда конкретного учебного заведения. К факторам микроуровня относятся влияние преподавателей как основных агентов социализации, внутригрупповые и межличностные, формальные и неформальные отношения в процессе осуществления образовательной деятельности, влияние субкультурных групп.

Среди субъективных факторов целесообразно рассмотреть гендерные и возрастные аспекты цифровой социализации.

Процессы общей и цифровой социализации наиболее активны в студенческой среде. Процесс общей социализации и социализации цифровой зависит от того, каков уровень социализации абитуриентов, поступивших в университет. Анализ результатов анкетирования показал, что большинство студентов (более 90,0 %) воспитывалось в семьях, которые создали для старшеклассников, ставших студентами университета, необходимые условия для их первичной социализации.

Установлено, что в процессе обучения в вузе уровень социализированности студентов отличается от однородности как в гендерном, так и возрастном аспекте. Так, в частности, у юношей и девушек разных курсов гуманитарного вуза, отмечается разное отношение к существующим элементарным нормам, сложившимся в обществе (рис. 1).

Рис. 1. Нарушение студентами элементарных норм поведения в обществе, %

Fig. 1. Violation by students of elementary norms of behavior in society, %

Данные, представленные на рис. 1, позволяют сделать вывод о том, что в процессе вузовской социализации студенты несинхронно осваивают одобряемые в обществе нормы поведения и стараются их не нарушать. На третьем курсе в девичьей среде отмечается всплеск возможного нарушения норм поведения в обществе. Этот факт требует дополнительного исследования и последующего социально-технологического рассмотрения этого явления.

Современные студенты – активные пользователи Интернета и, соответственно, цифровая социализация составляет значимую часть в общей социализации. В виртуальном пространстве студенты достаточно часто встречаются с контентом, который может негативно влиять на процесс цифровой социализации (табл. 1, рис. 2).

Таблица 1
Table 1

Контент в социальных сетях, с которым встречаются студенты, % *
 The content in social networks that students meet with, % *

Разновидность контента	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс
фейковая информация	50,96	21,15	18,27	9,62
контент, направленный на пропаганду однополых браков	63,6	18,2	18,2	0,0
контент, направленный на неправильное представление мужских и женских характеристик;	48,0	28,0	16,0	8,0
контент, направленный на отрицание семейных ценностей	66,7	13,3	20,0	0,0
контент, направленный на популяризацию табакокурения	52,6	21,1	15,8	10,5
контент направленный на популяризацию употребления наркотических веществ	54,5	18,2	18,2	9,1
Среднее значение	56,07	19,98	17,74	6,21
Среднее квадратическое отклонение	2,7	1,2	0,1	1,2

Примечание: * контент, направленный на популяризацию употребления алкоголя, интересует только студентов первого курса, студенты старших курсов такой контент не просматривают.

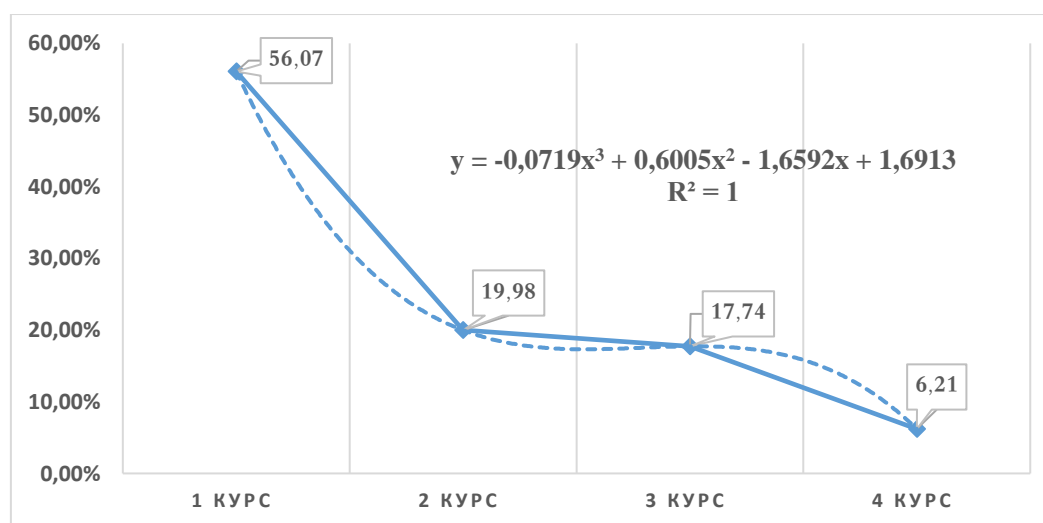

Рис. 2. Интенсивность контакта студентов с негативным контентом в процессе цифровой социализации, %

Fig. 2. Intensity of students' contact with negative content in the process of digital socialization, %

Снижение интенсивности контакта студентов с негативным контентом в процессе цифровой социализации описывается кубической параболой в виде

$$y = -0,0719x^3 + 0,6005x^2 - 1,6592x + 1,6913,$$

где y – интенсивность контакта студентов с негативным контентом в процессе цифровой социализации, в %; x – номер курса обучения (может принимать дробные значения, например 0,5 – это завершение первого семестра обучения).

Полученная зависимость может быть использована для разработки социальных технологий управления процессом цифровой социализации.

При определении механизмов управления цифровой социализацией студентов необходимо учитывать выявленные следующие приоритеты уровней управляющего воздействия:

- приоритет 1: контент, направленный на отрицание семейных ценностей, на пропаганду однополых браков;
- приоритет 2: контент, направленный на популяризацию употребления наркотических веществ, табакокурения, употребления алкоголя;
- приоритет 3: фейковая информация, контент, направленный на неправильное представление мужских и женских характеристик.

Выполняя процедуры упорядочивания данных, представленных в табл. 1, можно получить соответствующие рекомендации по разработке управляющих воздействий на процесс цифровой социализации для каждого курса с учетом гендерного аспекта социализации.

На 1 курсе: контент, актуальный для большинства студентов, отправляется друзьям для обсуждения в личном диалоге. Чаще всего это контент, направленный на неправильное представление мужских и женских характеристик (58,3 %); контент, направленный на отрицание семейных ценностей (50,0 %), контент, направленный на популяризацию употребления наркотических веществ (50,0 %); на 2 месте – контент, направленный на пропаганду однополых браков (42,9 %); фейковая информация (39,6 %), контент, направленный на популяризацию табакокурения (30,0 %).

На 2 курсе: на 1-м месте контент, направленный на популяризацию употребления наркотических веществ (50,0 %, в течение первых двух курсов остается актуальным); фейковая информация (31,8 %); на 2 месте контент, направленный на пропаганду однополых браков (25,0 %), контент, направленный на неправильное представление мужских и женских характеристик (14,3 %).

На 3 курсе: на 1 месте контент, направленный на популяризацию табакокурения (66,7 %); фейковая информация (63,2 %); контент, направленный на пропаганду однополых браков (50,0 %); на 2 месте контент, направленный на отрицание семейных ценностей (33,3 %); контент, направленный на неправильное представление мужских и женских характеристик (25,0 %).

На 4 курсе: фейковая информация (60,0 %); контент, направленный на неправильное представление мужских и женских характеристик (50,0 %); контент, направленный на популяризацию табакокурения (50,0 %).

Представленная выше информация является основой для организации гибкого управления процессом цифровой социализации в течение всего срока обучения будущих бакалавров гуманитарного ВУЗа.

Анализ гендерного аспекта показывает, что в целом девушки чаще обсуждают контент, направленный на популяризацию табакокурения (на 30,0 % чаще, чем юноши); контент, направленный на неправильное представление мужских и женских характеристик (на 7,8 % чаще, чем юноши) и фейковая информация (на 2,4 % чаще, чем юноши).

Юноши отдают предпочтение контенту, направленному на популяризацию употребления наркотических веществ (на 16,7 % чаще, чем девушки) и на пропаганду однополых браков (на 6,3 % чаще, чем девушки). Юноши и девушки примерно одинаково используют социальные сети для удовлетворения своих потребностей (рис. 3).

Рис. 3. Использование студентами социальных сетей для удовлетворения своих потребностей, %
 Fig. 3. Students use social networks to meet their needs, %

Установлено, что юноши преимущественно используют социальные сети для общения с одногруппниками, коллегами, преподавателями (на 10,1 % больше, чем девушки) и для развлечения (сетевые онлайн игры, обмен информацией развлекательного характера и т.д.; на 1,3 % больше, чем девушки). Несколько иные целевые установки у девушек – они предпочитают использовать социальные сети для общения с семьей, друзьями, знакомыми (на 2,4 % больше, чем юноши), для получения новой информации по учебной деятельности (на 2,2 % больше, чем юноши) и для получения новостей (просмотр блогов известных интернет-пользователей, обмен информацией; на 1,3 % больше, чем юноши).

Специфика гендерных представлений студенческой молодежи приобретает особое значение в условиях цифровой социализации. Это связано с попытками западных СМИ деформировать традиционные гендерные представления и стереотипы, сложившиеся в современном российском обществе (табл. 2).

Таблица 2
 Table 2

Изменение гендерных представлений студенческой молодежи в процессе обучения, %
 Changing gender perceptions of students in the learning process, %

Вариант ответа	Курс обучения				Среднее	Ср. квад. откл
	1	2	3	4		
Считаю, что человек может сам определить свой гендер после 18 лет	12,5	22,2	21,7	9,1	16,4	1,3
Считаю, что подростки до 18 лет, уже сами могут определить свой гендер	4,7	11,1	8,7	9,1	8,4	0,2
Считаю, что человек должен принимать себя таким, каким родился	46,9	55,6	47,8	72,7	55,7	4,3
Затрудняюсь ответить	35,9	11,1	21,7	9,1	19,5	4,5

Более половины студентов (55,7 %) считают, что человек должен принимать себя таким, каким родился. Наиболее уверенное отношение к этой позиции у 4-го курса (72,7 %), а более сомневающимися в таком утверждении оказались студенты первого и третьего

курсов, соответственно 35,9 и 21,7 %. Только 8 человек из 100 считают, что подростки до 18 лет уже сами могут определить свой гендер, а 16,4 % считают, что человек может сам определить свой гендер после 18 лет.

Известно, что действенным механизмом формирования традиционного гендерного поведения и социальных ролей являются гендерные стереотипы, которые объективно отражают понятия «мужское» и «женское» и должны быть однозначно разделяемые на личностном, общественном и институциональном уровнях, сопровождая процесс цифровой социализации молодежи.

В процессе цифровой социализации, активно присутствуя в социальных сетях, 22,0 % юношей и 19,8 % девушек пользуются «фейковыми» страницами, 2,4 % юношей и 19,8 % девушек редактируют все фото, которые выкладывают в социальные сети, так как считают свою внешность достаточно привлекательной, а 24,4 % юношей и 50,5 % девушек частично редактируют свою фотографию.

В социальных сетях студенты сталкиваются с таким поведением акторов, которое не соответствует общепринятым или официально установленным социальным нормам. Так, в частности, мужчины могут выглядеть, как женщины, – к такому факту негативно относится каждый второй юноша, а каждая вторая девушка безразлична. Затрудняются дать оценку этому факту 21,8 % девушек и 17,1 % юношей.

Студенты отмечают наличие буллинга в социальных сетях (рис. 4).

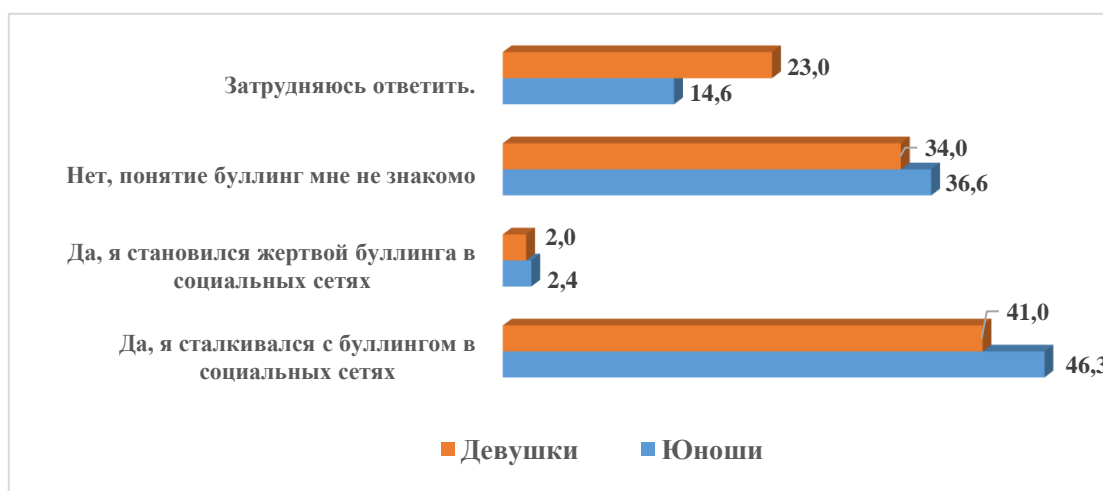

Рис. 4. Оценка студентами наличия буллинга в социальных сетях, %
 Fig. 4. Students' assessment of the presence of bullying in social networks, %

В социальных сетях с буллингом сталкиваются 41,0 % юношей и 46,3 % девушек, а 2,4 % юношей и 2,0 % девушек подтверждают, что они становились жертвой буллинга в социальных сетях. Известно, что 22 % менеджеров по работе с персоналом (эйчаров), изучая поведение кандидатов в социальных сетях, замечали какие-то проявления буллинга, сразу прекращали общение с ними. От действующих сотрудников подобные выпады видели в социальных сетях 31 % работодателей, что заканчивалось понижением кибербуллингов в должности или увольнением. Можно сделать вывод о том, что в социальных сетях виртуальная жизнь достаточно рискогенна и для пользователей социальных сетей она заменяет реальную жизнь, и в такой рискогенной виртуальной жизни студенты готовы искать друзей и свою любовь.

Девушки оказываются более доверчивыми в поиске друзей, находясь в рискогенном виртуальном пространстве, а юноши предпочитают видеть в качестве друга реального человека (рис. 5). На старших курсах студенты, как правило, имеют друзей, проверенных в реальном пространстве, поддерживают приятельские отношения с будущими коллегами в профессиональной сфере, в том числе общаются с ними в социальных сетях, и из этого

множества реальных людей могут появиться новые друзья, поэтому в своем выборе они не сомневаются (табл. 3). На втором курсе у множества студентов завершается первый этап вузовской социализации, формируется активное множество разных отношений на факультетском и университетском уровнях, что, естественно, сопровождается сомнениями в выборе друзей.

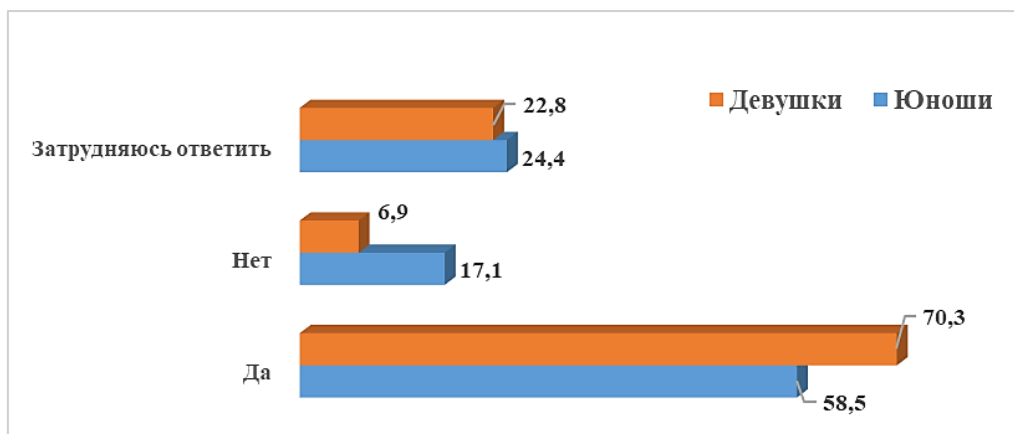

Рис. 5. Мнение юношей и девушек о возможности найти друзей в социальных сетях, %
 Fig. 5. The opinion of boys and girls about the possibility of finding friends in social networks, %

Таблица 3
 Table 3

Мнение студентов о возможности найти друзей в социальных сетях, %
 Students' opinion about the possibility of finding friends on social networks, %

Курс обучения	Можно найти друзей в социальных сетях	Нет	Затрудняюсь ответить
1	65,6	7,8	26,6
2	59,3	7,4	33,3
3	73,9	13,0	13,0
4	81,8	18,2	0,0

Как следует из данных, представленных в табл. 3, 4 и рис. 5, 6, студенты более осмотрительны в поисках любви, чем в выборе друзей в социальных сетях. По мере взросления и приобретения жизненного опыта, студенты в поисках любви больше ориентируются на реальное пространство. Часть студентов с 1 по 4 курс (около 20,0 %) однозначно определилась с тем, что поиски любви в социальных сетях не рациональны. В процессе обучения, по мере того, как множество претендентов реального пространства становится практически равным множеству в виртуальном пространстве, поиск любви в социальных сетях становится более вероятным (1 курс – 32,8 %, 4 курс – 72,7 %).

В процедуре поиска стратегии девушек и юношей не совпадают. Если каждая вторая девушка готова на поиски любви в социальных сетях, на такой рискованный шаг готовы только три юноши из десяти.

В социальных сетях продвигается мнение о том, что высшее классическое образование не нужно, достаточно прослушать экспресс курсы и зарабатывать больше, чем специалист с высшим образованием (рис. 7). Большинство юношей (61,0 %), посещающих социальные сети, считают, что классическое образование намного лучше, так как информацию преподают профессионалы, такого же мнения придерживаются только 44,6 % девушек.

Таблица 4
 Table 4

Мнение студентов о возможности найти любовь в социальных сетях, %
 Students' opinion about the possibility of finding love in social networks, %

Курс обучения	Можно найти любовь в социальных сетях	Нет	Затрудняюсь ответить
1	32,8	20,3	46,9
2	48,1	18,5	33,3
3	65,2	21,7	13,0
4	72,7	18,2	9,1

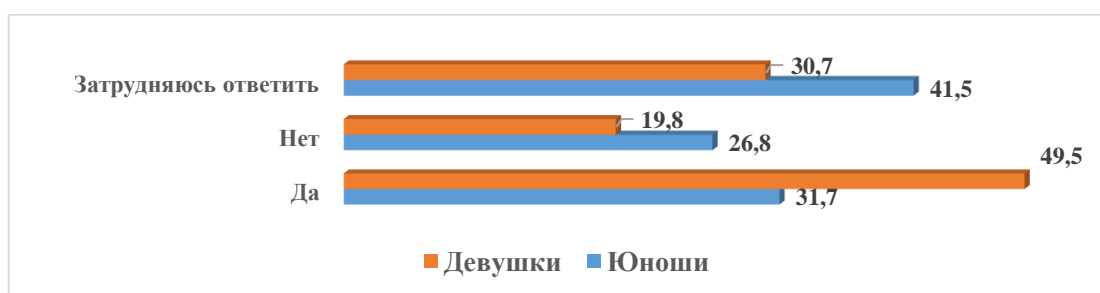

Рис. 6. Мнение юношей и девушек о возможности найти любовь в социальных сетях, %
 Fig. 6. The opinion of boys and girls about the possibility of finding love in social networks, %

Рис. 7. Оценка студентами, информации о том, что курсы и марафоны позволят в будущем зарабатывать больше денег, чем образование, полученное в вузе, %
 Fig. 7. Assessment by students of information that courses and marathons will allow them to earn more money in the future than education received at a university, %

Причем четверть девушек считают, что курсы-марафоны полезнее, чем классическое образование, такого мнения придерживаются только 19,5 % юношей. Девушки обосновывают это тем, что неформальное преподнесение информации способствует лучшему усвоению информации.

Большинству студентов известно, что наличие высшего образования обычно свидетельствует о высоком уровне личностных и профессиональных качеств обладателя диплома вуза и, как правило, существенно увеличивает вероятность получения престижной работы с высокой оплатой труда и, как следствие, высокого социального статуса, поэтому большинство студентов (87,8 % юношей и 87,1 % девушек) считают, что ВУЗ является агентом социализации. Мнение студентов о социализирующей роли университета изменяется в процессе обучения: на 1 курсе согласны с этой точкой зрения 89,1 % студентов, на 2 курсе – 77,8 %, на 3 курсе – 95,7 %, на 4 курсе – 81,8 %.

Анализ эмпирических данных показал, что мнение студентов о социализирующей роли университета в процессе обучения изменяется по схеме: ожидание – разочарование – осознание – реализация, что свидетельствует о низком уровне эффективности управляющих воздействий на процесс цифровой социализации на младших курсах.

Интересна оценка студентов об успешности прохождения ими цифровой социализации (рис. 8).

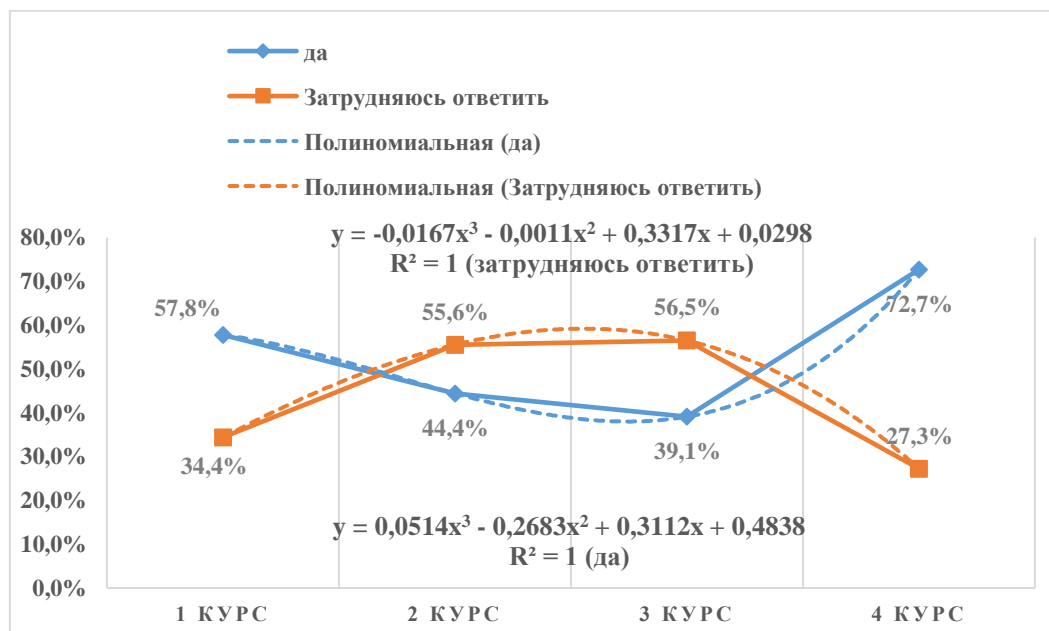

Рис. 8. Оценка студентами успешности прохождения цифровой социализации в процессе обучения в университете

Fig. 8. Students' assessment of the success of digital socialization in the process of studying at the university

Анализ результатов исследования показывает, что в конце первого этапа социализации с 3-го семестра и до середины 6-го семестра у студентов возникает неудовлетворенность процессом цифровой социализации. Ожидаемый первокурсниками эффективный процесс цифровой социализации не оправдывает их ожиданий. Повышение эффективности цифровой социализации начинают ощущать студенты 3-го курса, так как одним из важных измерений социализации студентов выступает профессиональная социализация, что, по нашему мнению, определяет дальнейший рост значимости цифровой социализации для студентов старшекурсников.

Установлено, что цифровая социализация более активно осуществляется у юношей (56,1%), чем у девушек (47,5%).

Полученные аналитические зависимости, описывающие успешность прохождения цифровой социализации в процессе обучения в университете, могут быть использованы для прогнозирования процесса цифровой социализации, а также при технологизации этого процесса.

Заклучение

Таким образом, цифровая социализация студенческой молодежи является сложным социальным процессом, подверженным стохастическому воздействию множества факторов, занимающим существенную долю в общей социализации личности. Если в школьный период социализация осуществляется достаточно плавно, то в вузовском периоде молодому человеку приходится не только адаптироваться к новым условиям и многому обу-

чатся, но и активно взаимодействовать в виртуальном пространстве, которое обладает практически безграничными информационными возможностями и является мощным источником как позитивного, так и негативного воздействия на личность молодого человека. Традиционно вуз не ставил цели формирования у студентов навыков отбора качественной и полезной информации в социальных сетях и интернет-пространстве, поэтому этот процесс был стохастичным и неуправляемым, что приводило к формированию клипового мышления, к проблемам цифровой и общей социализации будущего специалиста.

Нами установлено, что в процессе обучения в вузе уровень социализированности студентов отличается от однородности как в гендерном, так и возрастном аспекте. Цифровая социализация более активно осуществляется у юношей, чем у девушек. Установлено, что социализирующая роль университета менее эффективна на младших курсах и по мнению студентов изменяется по схеме: ожидание – разочарование – осознание – реализация.

Так как юноши и девушки придерживаются несовпадающих мнений относительно контента, представленного в Интернете и социальных сетях, следовательно, вузам как агентам социализации необходимо обращать внимание на цифровую среду, в которой находятся студенты, при этом формировать картину мира у студентов разного возраста и разного гендера необходимо с разных позиций.

Полученные аналитические зависимости, описывающие успешность прохождения цифровой социализации в процессе обучения в университете, изменение в процессе обучения интенсивности контакта студентов с негативным контентом в условиях цифровой социализации и выявленные приоритеты уровней управляющего воздействия на процесс цифровой социализации, могут быть применимы для прогнозирования процесса цифровой социализации, а также при технологизации этого процесса с целью его управления.

Список литературы

- Абрадова Е.С., Кисловская Е.В. 2018. Молодежь в социальных сетях. *Власть*, 3: 150–153.
- Арон Р. 1993. Этапы развития социологической мысли. Пер. с фр. Общ. ред. и предисл. П.С. Гуревича. М.: Прогресс: Универс, 606 с.
- Гиддингс Ф.Г. 1898. Основания социологии. Пер. с англ. М.В. Лучицкой; Под ред. проф. И.В. Лучицкого. Киев; Харьков, А. Иогансон, 500 с.
- Гревцева Г.Я. 2022. Цифровая социализация личности в образовательной среде. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки*, 14(1): 40–49. [DOI 10.14529/ped220104](https://doi.org/10.14529/ped220104).
- Демин П. Н. 2022. Риски и возможности онлайн-социализации подростков и молодежи. *Ценности и смыслы*, 79(3): 76–85. [DOI 10.24412/2071-6427-2022-3-76-85](https://doi.org/10.24412/2071-6427-2022-3-76-85).
- Кандыбович С.Л., Разина Т.В. 2019. Особенности социализации молодежи в условиях современной цифровой среды. *Мировые цивилизации*, 3: 23–28.
- Комаров В. В. 2021. Разработка вероятного психологического портрета пользователя социальной сети. *Психолого-педагогический журнал Гаудеамус*, 20(4): 45–54. [DOI 10.20310/1810-231X-2021-20-4\(50\)-45-54](https://doi.org/10.20310/1810-231X-2021-20-4(50)-45-54).
- Кузнецова Е. А. 2023. Цифровая социализация молодежи. *Социология*, 3: 59–66.
- Леденева В.Ю. 2022. Трансформация ценностных ориентаций студенческой молодежи в условиях цифровой реальности. *Вестник Удмурдского университета. Социология. Политология. Международные отношения*, 6(3): 295–304. [DOI 10.35634/2587-9030-2022-6-3-295-304](https://doi.org/10.35634/2587-9030-2022-6-3-295-304).
- Лига М.Б., Захаров М.А. 2022. Молодежь цифрового общества. Эффективность реализации государственной молодежной политики: опыт регионов и перспективы развития. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Чита: 23–27.
- Мартынова М.Д. 2023. Влияние цифровой реальности на состояние ценностного мира студенческой молодежи. *ЦИТИСЭ*, 3: 251–260. [DOI 10.15350/2409-7616.2023.3.21](https://doi.org/10.15350/2409-7616.2023.3.21).
- Плетнев А.В. 2022. Аномия молодого поколения как фактор изменения образования в условиях цифрового общества. *Научное мнение*, 9: 27–33. DOI https://doi.org/10.25807/22224378_2022_9_27.
- Тард Г. 2011. Законы подражания. Москва, Академический проект, 302 с.

- Шульга М.М. 2005. Особенности процесса социализации в высшей школе. *Вестник Томского государственного университета*, 287: 114–120.
- Brunck B. 2014. Howard Gardner and Katie Davis: The App Generation: How Today's Youth Navigate Identity, Intimacy, and Imagination in a Digital World. *Journal of Youth and Adolescence*, 43: 1404–1407. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10964-014-0142-7>
- Dunn R.A., Guadagno R.E. 2012. My avatar and me: gender and personality predictors of avatar-self discrepancy. *Computers in Human Behavior*, 28(1): 97–108.
- Gardner H., Davis K. 2013. The app generation: How today's youth navigate identity, intimacy, and imagination in a digital world. New Haven, CT: Yale University Press, 242 p.
- Staksrud E., Ólafsson K., Livingstone S. 2013. Does the use of social networking sites increase children's risk of harm? *Computers in Human Behavior*, 29(1): 40–50.
- Stornaiuolo A. 2017. Contexts of Digital Socialization: Studying Adolescents' Interactions on Social Network Sites. *Human Development*, 60(5): 233–238. DOI: <https://doi.org/10.1159/000480341>.

References

- Abradova E.S., Kislovskaya E.V. 2018. Youth in social networks. *Power*, 3: 150–153 (in Russian).
- Aron R. 1993. *Etapy razvitiya sociologicheskoy mysli* [Stages of development of sociological thought]. Translated from the French. Ed. P.S. Gurevicha. M., Progress, Univers, 606 p. (in Russian).
- Giddings F.G. 1898. *Foundations of Sociology*. Translated from the English by M.V. Luchitskaya; Edited by Prof. I.V. Luchitsky. Kiev; Kharkiv, A. Johanson, 500 p. (in Russian).
- Grevtseva G.Ya. 2022. Digital socialization of the individual in the educational environment. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Education. Pedagogical Sciences*, 14(1): 40–49 (in Russian). DOI [10.14529/ped220104](https://doi.org/10.14529/ped220104).
- Demin P. N. 2022. Risks and opportunities of online socialization of adolescents and young people. *Values and Meanings*, 79(3): 76–85. DOI [10.24412/2071-6427-2022-3-76-85](https://doi.org/10.24412/2071-6427-2022-3-76-85).
- Kandybovich S.L., Razina T.V. 2019. Features of socialization of youth in the modern digital environment. *World Civilizations*, 3: 23–28 (in Russian).
- Komarov V.V. 2021. Development of a probable psychological portrait of a social network user. *Psychological and Pedagogical Journal Gaudeamus*, 20(4): 45–54 (in Russian). DOI [10.20310/1810-231X-2021-20-4\(50\)-45-54](https://doi.org/10.20310/1810-231X-2021-20-4(50)-45-54).
- Kuznetsova E. A. 2023. Digital socialization of youth. *Sociology*, 3: 59–66.
- Ledeneva V.Yu. 2022. Transformation of value orientations of students in the conditions of digital reality. *Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political science. International Relations*, 6(3): 295–304 (in Russian). DOI [10.35634/2587-9030-2022-6-3-295-304](https://doi.org/10.35634/2587-9030-2022-6-3-295-304).
- Liga M.B., Zakharov M.A. 2022. The youth of the digital society. The effectiveness of the implementation of the state youth policy: regional experience and development prospects. Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference. Chita: 23–27 (in Russian).
- Martynova M.D. 2023. The influence of digital reality on the state of the value world of student youth. *CITISE*, 3: 251–260 (in Russian). DOI [10.15350/2409-7616.2023.3.21](https://doi.org/10.15350/2409-7616.2023.3.21).
- Pletnev A.V. 2022. Anomie of the younger generation as a factor of education change in the conditions of digital society. *Scientific Opinion*, 9: 27–33 (in Russian). DOI https://doi.org/10.25807/22224378_2022_9_27.
- Tard G. 1903. *The laws of imitation*. St. Petersburg, 302 p. (in Russian).
- Shulga M.M. 2005. Features of the process of socialization in higher education. *Bulletin of Tomsk State University*, 287: 114–120. SHul'ga M.M. 2005. Osobennosti processa socializacii v vysshej shkole [Features of the process of socialization in higher education]. *Vestnik Tom-skogo gosudarstvennogo universiteta*, 287: 114–120 (in Russian).
- Brunck B. 2014. Howard Gardner and Katie Davis: The App Generation: How Today's Youth Navigate Identity, Intimacy, and Imagination in a Digital World. *Journal of Youth and Adolescence*, 43: 1404–1407. <https://doi.org/10.1007/s10964-014-0142-7>
- Dunn R.A., Guadagno R.E. 2012. My avatar and me: gender and personality predictors of avatar-self discrepancy. *Computers in Human Behavior*, 28(1): 97–108.
- Gardner H., Davis K. 2013. The app generation: How today's youth navigate identity, intimacy, and imagination in a digital world. New Haven, CT: Yale University Press, 242 p.

- Staksrud E., Ólafsson K., Livingstone S. 2013. Does the use of social networking sites increase children's risk of harm? *Computers in Human Behavior*, 29(1): 40–50.
- Stornaiuolo A. 2017. Contexts of Digital Socialization: Studying Adolescents' Interactions on Social Network Sites. *Human Development*, 60(5): 233–238. <https://doi.org/10.1159/000480341>

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 30.07.2026

Поступила после рецензирования 03.09.2023

Принята к публикации 07.09.2023

Received July 30, 2023

Revised September 03, 2023

Accepted September 07, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Шмарион Юрий Васильевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и управления, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, г. Липецк, Россия.

Yuri V. Shmarion, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociology and Management, Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University, Lipetsk, Russia.

Землянская Анастасия Викторовна, преподаватель кафедры социологии и управления, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, г. Липецк, Россия.

Anastasia V. Zemlyanskaya, Lecturer of the Department of Sociology and Management, Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University, Lipetsk, Russia.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

УДК 348; 322; 342; 342:23/25; 342:23/28; 268; 347.2/.3; 347.4; 347.232.1; 34:2; 347.6
DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-3-497-505

Процесс в церковном каноническом праве

Понкин И.В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Россия, 119606, г. Москва, проспект Вернадского, 84

i@lenta.ru

Аннотация. Вопрос о понятии, сути, значении и онтологических особенностях процесса в церковном каноническом праве – один из наименее исследованных. Особенную значимость он приобретает в контексте обсуждения идущих юридических войн в церковном пространстве. Основываясь на известных дефинициях и концептах церковного канонического права и общей дефиниции процесса, автор подводит читателя к пониманию сути процесса в церковном каноническом праве. В работе показано, что церковное каноническое право имеет свой, онтологически присущий ему процесс – церковный каноническо-правовой процесс, реализуется в процессе, связано с процессом. Представлены указания положений Устава и других актов Русской Православной Церкви о канонических процедурах, а также соответствующие выборки позиций из классической научной мысли церковного канонического права. Изложен авторский концепт описания и объяснения ключевых направлений, реализуемых и интегрированных в рамках церковного каноническо-правового процесса, в соответствии с церковным каноническим правом. Сделан вывод о том, что церковный каноническо-правовой процесс – это неотъемлемый элемент церковной жизни и церковного управления, фреймирующий их в рамках дозволенного и предписанного церковным каноническим правом.

Ключевые слова: церковное каноническое право, процесс в церковном каноническом праве, Церковь, теология, правовое регулирование в сфере религии

Для цитирования: Понкин И.В. 2023. Процесс в церковном каноническом праве. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Право*, 48(3): 497–505. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-497–505

Process in Church Canon Law

Igor V. Ponkin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
84 Vernadsky Av., Moscow 119606, Russian Federation

i@lenta.ru

Abstract. The question of the concept, essence, meaning and ontological features of the process in Church's canon law is one of the least studied. It acquires special significance in the context of discussing the ongoing legal wars in the church space. Based on the well-known definitions and concepts of Church canon law and the general definition of the process, the author leads the reader to an understanding of the essence of the process in Church canon law. The paper shows that church canonical law has its own process, ontologically inherent in it – the church canonical legal process, is implemented in the process, is connected with the process. The instructions of the provisions of the Charter and other acts of the Russian Orthodox Church on canonical procedures are presented, as well as relevant samples of positions from the classical scientific thought of church canon law. The author's concept of describing and explaining the

key directions implemented and integrated within the framework of the Church canonical legal process, in accordance with Church canon law, is presented. It is concluded that the Church canonical legal process is an integral element of church life and church governance, framing them within the framework of what is permitted and prescribed by Church canonical law.

Keywords: ecclesiastical canon law, process in Church canon law, Church, theology, legal regulation in the sphere of religion

For citation: Ponkin I.V. 2023. Process in Church Canon Law. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(3): 497–505 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-497–505

Введение

Вопрос об онтологии церковной власти, по Н.А. Заозерскому, является выражено «сложным и жизненным предметом исследования, требующим именно по причине жизненности своей утончённо-осторожного к себе внимания» [Заозерский, 1894, с. 1]. Тем более, сложным является исследование процесса в каноническом церковном праве, говоря языком А.С. Павлова – «канонического процесса» [Павлов, 1902, с. 409]. Это и один из наименее исследованных вопросов.

Его актуальность неоспорима, поскольку речь идёт вовсе не только о мотивированном чисто академическими интенциями исследовательском членении временного течения внутрицерковной иерархически-служебной жизни на части для их обозревания и обобщения или исследовательском выделении процедур в церковно-служебной деятельности, но этот вопрос особенно важен в контексте обсуждения идущих юридических войн в церковном пространстве.

Так, с позиции общеправовых принципов и устоявшихся в праве подходов к пониманию и толкованию онтологии права и правового (и шире – нормативного) пространства и порядка, а равно с позиций православного канонического церковного права, скандально известный акт Константинопольского Патриархата от 11.10.2018 об «отмене действия» акта (решения) Константинопольского Патриархата от 1686 года, которым была юридически осуществлена передача Киевской митрополии в юрисдикцию Московского Патриархата, – был юридически неправомерен (незаконен) и юридически ничтожен, обладает свойствами юридической фикции и критически дефектного (по субъекту, по предмету и по средству) акта, в том числе, поскольку полностью исчерпанными и нереализуемыми впредь являются все гипотетически представляемые возможности повторного использования распорядительного содержания акта 1686 года в будущем и гипотетическая возможность отмены или пересмотра в будущем решения 1686 года (в юридическом смысле исчерпание (полное исполнение) предмета канонического распорядительного акта означает то, что оказалась полностью исчерпана, т. е. выполнена цель этого акта и окончательно, предусмотренно-финально исчерпан распорядительный эффект этого акта, в результате чего положения этого акта и установленные конкретизированные этим актом обязанности сторон оказались исчерпавшими себя (выполненными) посредством фактических действий сторон правоотношения) (подробнее изложено в наших других работах [Ponkin, 2019]).

Всё более нарастающий вал и других актов, документов (реальных или мнимых, имеющих юридическую силу или сфальсифицированных) в сфере искусственного «церковного конструирования» (проект 2018–2019 гг. создания на Украине раскольнической «церкви» (под руководством Епифания Думенко, мондиалистский проект тотальной «варфоломеизации» всех православных церквей по всему миру и др.) по лекалам Госдепартамента и ЦРУ США предопределяет обращение к кругу вопросов, касающихся понятия и онтологии процесса в церковном каноническом праве.

Есть и аспект взаимодействия, интерсекциональности **церковного каноническо-правового процесса** и государственного процессуального права.

Согласно митрополиту Смоленскому и Дорогобужскому Исидору (Тупикину), «право государственное и право церковное каноническое (*Lex Canonica*), очевидно, совершенно различны по природе, источниковой основе, структуре и онтологии, но вместе с тем эти две нормативные системы сложным образом взаимодействуют, взаимно влияют друг на друга. И будущее государства, общества, Церкви в нашей стране в немалой степени зависит от того, как и в какой мере эти две системы взаимодействуют и насколько мы в состоянии влиять на эти процессы, а для того и до того – хотя бы насколько мы в состоянии их понимать» [Исидор (Тупикин Р.В.), 2022, с. 33].

И хотя, как обоснованно пишет Н.А. Заозерский, «взаимное отношение церковной и светской власти необходимо предполагает более или менее ясно сознаваемые границы, в которых должна действовать одна и не вторгаться другая, и наоборот» [Заозерский, 1878, с. 118], следует отметить существенно значимое историческое влияние церковного канонического права на становление гражданского и уголовного процесса в праве государственном [d’Espinay, 1856, p. 505–506].

Вопросам церковного каноническо-правового процесса и посвящён настоящий материал.

Общее понятие «процесс»

Что вообще (в принципе) такое есть процесс?

Согласно нашей авторской дефиниции, в самом общем значении *процесс – это многоаспектное понятие, имеющее (отражающее) нижеследующие значения*: 1) темпоральная онтология (бытийствование, течение времени); 2) динамика возникновения, изменения (развития, трансформации) и исчезновения, онтологии (бытийствования), развития – поступательный (линейный или нелинейный, в том числе циклический или сложный), закрытый или открытый, естественно происходящий и обусловленный, искусственно формируемый и (или) субъективно воспринимаемый и оцениваемый ход (течение) событий, последовательное развитие состояния (смена, изменение состояний, стадий), свойств или потенциала объекта, порядка, феномена, отношений и пр.; 3) интерреляции энтропии и неэнтропии; 4) темпорально распределённые изменения информационных данных и их массивов; 5) темпорально распределённое поступательное изменение состояния и (или) воплощение (реализация) правил (норм права, норм технического регулирования, норм экстра-правовых систем нормативной регламентации, управляющих команд); 6) алгоритмизация (логика, трассировка, программирование или фиксация шагов алгоритма) устойчивой и целенаправленной совокупности связанных и находящихся в интерреляциях требуемых, возможных или фактических действий (спонтанных или управляемых, в том числе самоуправляемых) в том числе (но не исключительно) для достижения определённых результатов, реализация такого алгоритма [Понкин, 2017, с. 15–16].

Как то или иное понимание (из числа относимых к научно-юридическим) процесса сопрягается с церковным каноническим правом? Для начала обратимся к последнему прозвучавшему понятию.

Понятие церковного канонического права

Под *церковным каноническим правом* (*Lex Canonica*), согласно концепту митрополита Смоленского и Дорогобужского Исидора (Тупикина), следует понимать «целостную, субстантивную и самореферентную (порядкообразующую и порядокподдерживающую) систему внеправовой (экстра-правовой) нормативной регламентации, принимаемой внутрицерковными властями и формирующей церковный канонический порядок и церковное каноническое нормативное пространство» [Исидор (Тупикин Р.В.), 2022, с. 33–34]. По протоиерею Владиславу Багану, каноническое право – нормативный системообразующий субстратный комплекс наиболее значимых нормативных установлений (канонических

норм) как остов («скелет», «фундамент и силовая несущая конструкция») системы внутренней нормативной регламентации (сведённой в консолидирующие сборники, комплексы) поместной Православной Церкви или иной относимой к христианству исторически существующей церковной организации (в узкой интерпретации – как *jus ecclesiasticum*, англ. – *internal ecclesiastical law*), либо в широкой интерпретации – собственно вся эта система внутренней нормативной регламентации, проистекающая из Священного Писания и Священного Предания, издаваемая (формируемая, принимаемая) церковными властями или общецерковными органами управления (соборами) и общепризнаваемая всей полнотой церковного сообщества верующих данной Церкви (включая церковную иерархию) как презюмируемо императивная для них в силу их самоотнесения себя к этой Церкви (самопозиционирования себя верующими), определяющие внутренний церковный канонический порядок (*ordo canonicus*), нормативное «легирование» общественной жизни верующих и отношения Церкви к внешним социальным порядкам (государству, обществу, другим религиозным организациям)» [Баган, 2022, с. 48]. Эти определения вполне стыкуются с исторически устоявшимся пониманием церковного канонического права, в частности с объяснением В.Г. Певцова: «Церковное право в объективном смысле представляет собою совокупность всех норм или законов, которыми управляются жизнь и отношения Церкви как видимого самостоятельного общества. В смысле субъективном, оно есть совокупность различных прав и обязанностей, принадлежащих членам Церкви сообразно с различным положением их в церковном обществе» [Певцов, 1914, с. 4].

Даже уже из этих определений следует, что церковное каноническое право имеет свой, онтологически присущий ему процесс – церковный каноническо-правовой процесс, реализуется в процессе, связано с процессом (принятие акта и управление обществом всегда имеют внутри себя свои процессы). А уж юрисдикционные вопросы, очевидно, немислимы вне процесса.

Процесс в церковном каноническом праве

По Н.А. Заозерскому, в немалом числе случаев в каноническом праве «главное содержание правила (нормы) – процессуальное» [Заозерский, 1911, с. 87].

В западной церкви раздел о процессуальном церковном праве – конкретно церковном судебном процессе был, например, в собрание середины XII века Грациана, монаха монастыря св. Феликса в Болонье, известном под названием *Discordantium canonum Concordia* или по общепринятой терминологии – *Decretum Gratiani*. Это был плод преподавания Грацианом канонического права в школе канонического права Болоньи (по мнению И.С. Бердникова этот источник «походил, скорее, на школьную систему, чем на собрание памятников церковного права») [Бердников, 1888, с. 32]. Известны процессуальные нормы и каноническому праву Православной Церкви, практически в любом научном труде или учебнике по каноническому праву XIX–XX в. мы обнаруживаем упоминания этого, указания на такие нормы ¹.

Процесс церковного судопроизводства является наиболее мощной частью в общем объёме церковного каноническо-правового процесса, хотя бы уже по числу задействованных этого механизма, по значению рассматриваемых посредством него вопросов (проблем, споров, вызовов), по числу охваченных или причастных лиц.

Значение церковного каноническо-правового процесса признаётся и отражается в числе прочего в Положении о церковном суде Русской Православной Церкви (Московского Патриархата) от 26.06.2008 (ред. от 2017 г.), определяющем процесс церковного судопро-

¹ Церковное каноническое право; богословие и теология; церковные история, порядок, управление и жизнь; государство, Церковь и право; филология, искусство, философия и архивистика: Научно-библиографический указатель изданий на русском языке до 1917 года. Сост. и авторы идеи и предисл.: Исидор, митрополит Смоленский и Дорогобужский (Тупикин Р.В.), Владислав Баган, иерей. Смоленск, М. : Свиток. 2020. 176 с.

изводства, процессуальные правила функционирования судебной системы Русской Православной Церкви (Московского Патриархата), а также их элементы (процесс рассмотрения дела, примирительная процедура и др.).

Н.А. Заозерский так характеризовал природу церковного суда и онтологию его процессуального воплощения, отсылая к Священному Писанию, Священному Преданию и каноничной церковной практике: «Суд церковный поставляет действующие в нём лица в особенные отношения друг к другу. В нём различаются лица судящие и судимые. Первым предоставляется право входить в подробное исследование намерений, действий и средств, употреблённых вторыми; последние обязываются раскрывать пред первыми, так сказать, всю свою душу. Таким образом, суд необходимо предполагает, что производящие его имеют власть и авторитет, которые обязательны для лиц судимых. И признавая бытие церковного суда из начала, мы тем самым уже предполагаем в церкви особенные лица, облечённые властью производить суд над подчинёнными им лицами: справедливо ли такое предположение? Конечно, оснований для разрешения этого вопроса должно искать там, где стала бы искать их сама древняя Церковь. Но нет ничего несомненнее положения, что древняя Церковь разрешения всех своих вопросов искала и обязывала искать прежде всего в учении и примере самого Господа и Апостолов» [Заозерский, 1878, с. 7–8].

Нормы процессуального церковного права в церковном судопроизводстве, как писал И.С. Бердников, начали кристаллизоваться ещё в древние времена – в первой половине I тысячелетия, когда пастыри Церкви разбирали тяжбы в качестве третейских судей по обоюдному желанию тяжущихся [Бердников, 1885, с. 21]. Суду церковных судей подлежали в древности и гражданские тяжбы между верующими. Так было в период гонений на христиан, когда они избегали по возможности близкого общения с язычниками. В церковном суде гражданские тяжбы рассматривались с нравственной точки зрения и в этом же смысле решались. Христианские императоры, начиная с Константина Великого, тоже дозволяли по желанию обеих сторон прибегать к посредствующему суду епископов. В настоящем случае суд епископов уже производился по царским законам. Решения епископов обязательно приводились в исполнение гражданским начальником и не подлежали апелляции. Церковный суд также ведал отчасти тяжёлыми и уголовными делами клириков» [Бердников, 1888, с. 186].

Вся область церковного суда, по протоиерею Михаилу Альбову, разделяется на юрисдикцию уголовную и на юрисдикцию тяжёбую или гражданскую [Альбов, 1882, с. 172]. При этом в церковном суде, писал И.С. Бердников, «нужно различать суд общий для всех верующих и суд особенный для служителей церкви. Последние, кроме общих обязанностей христианина, имеют ещё особые обязанности церковно-служебные, и потому особые преступления. Они судятся особым порядком, отличающимся от суда над мирянами как формой, так и последствиями суда» [Бердников, 1888, с. 180]. То есть церковный судебный процесс не является и не являлся гомогенным (однородным), он подчинён разнообразным процессуальным правилам, имеющим свою специфику и по кругу предметов дел, и по кругу лиц.

Однако следует отметить, что, говоря языком И.С. Бердникова [Бердников, 1888, с. 184], «церковно-судным процессом» не исчерпывается церковный каноническо-правовой процесс, таковой включает в себя ещё множество других элементов. Есть, например, церковно-дисциплинарный процесс [Альбов, 1882, с. 153, 172], который реализуется вне церковного судопроизводства (хотя в отдельных конкретных делах сходимость или пересечение этих процессов может иметь место).

Определённые «канонические процедуры» (синоним понятия «канонический процесс» в одном из значений) закреплены или указаны в пункте 12(в) главы II, пункте 5(р) и пункте 8 главы III, пункте 13 главы IV, пунктах 15 и 22 главы IX, пункте 37 и пункте 53(б) главы XVI, пункте 3 главы XVIII Устава Русской Православной Церкви (принят на Архиерейском Соборе 2000 г., в ред. 2017 г.). Встречается и термин «порядок» в значении

предписанного процесса (например, в пункте 12(а) главы II, пунктах 6 и 9 главы VI, пунктах 6 и 7 главы IX, пункте 7 главы VII и др.).

То есть церковный, каноническим правом детерминированный процесс многообразен, многоаспектен и полилатерален (имеет множество черт), не сводим только лишь к церковному судебному процессу, хотя и включает таковой.

Направления (элементы) в церковном каноническо-правовом процессе

Процесс в каноническом праве Церкви – *церковный каноническо-правовой процесс* по крайней мере охватывает (реализует по времени) следующие направления:

– процесс «удержания» субстантивной церковной автономности или самоуправления (по смыслу главы XI «Автономные Церкви» и главы XII «Самоуправляемые Церкви» названного Устава Русской Православной Церкви);

– процесс церковного нормотворчества и издания норм и нормативных актов церковного канонического права (разных нормативных порядков);

– процесс церковной канонизации святых [Цыпин, 2009, с. 594–599];

– процесс официального толкования норм и нормативных актов церковного канонического права (определение иерархии, «подведомственности» (например, синодальному подразделению), относимости к конкретной канонической территории и др.);

– церковный юрисдикционный процесс (без задействования органов судебной системы Церкви) – действия уполномоченного органа или должностного лица Церкви по рассмотрению и разрешению спора на основе правила, установленного нормами церковного канонического права;

– дисциплинарный внутрицерковный процесс (без задействования органов судебной системы Церкви) – реализация канонических прещений (наказаний, санкций, мер) в отношении как клириков, так и мирян;

– процесс церковного судопроизводства (в том числе процесс нормореализации), в целом церковного судоустройства и функционирования церковной судебной системы;

– процесс внутрицерковного управления (включая процессы администрирования, надзора, контроля, в том числе управления церковным имуществом, в том числе недвижимым религиозно-обрядового назначения, богослужебной деятельностью);

– внутрицерковный кадровый (иерархически-служебный) процесс (учреждение и упразднение церковных должностей, включая епископские кафедры и первосвятительские престолы, назначение на церковные должности, замещение церковных должностей, низложения с церковных должностей или почисления церковных должностей них за штат или на покой, передвижения на церковных должностях);

– церковный брачный процесс (венчание) и церковный бракоразводный процесс [Павлов, 1902, с. 434–439] (расторжение брачного союза, освящённого Церковью, в исключительных случаях);

– служебно-иерархический (трудо-правовой) процесс и пенсионный процесс (по смыслу главы XIX указанного Устава Русской Православной Церкви);

– церковный образовательный процесс (в том числе в духовных учебных заведениях) (по смыслу главы XXII указанного Устава Русской Православной Церкви);

– церковный наградной процесс;

– процесс межправославного межцерковного, инославного межцерковного, инославного взаимодействия и иного межрелигиозного взаимодействия, взаимодействия с публичными властями, защиты канонической территории (канонического пространства) и канонических интересов Церкви, обеспечения и защиты прав, свобод и законных интересов своих верующих.

Таковые направления, здесь собранные, в разной степени чёткости и связанности относимы к общему понятию правового процесса. Эти направления – разной природы и онтологии, разной функционально-целевой привязки, но всё это элементы или, если угодно,

аспекты церковного каноническо-правового процесса либо связаны с ним, говоря языком А.С. Павлова [Павлов, 1902, с. 31], с конкретными церковно-юридическими институтами.

И всем этим позициям соответствуют взаимоувязанные внутри себя комплексы норм церковно-процессуального права.

Заклучение

Говоря о природе формализованных церковных процессов, продолжая и чуть перефразируя мысль протоиерея Михаила Альбова, следует отметить: неверно считать, что будто церковные формальные процессы установлены самим Иисусом Христом и что будто в Евангелии предначертан сам формальный процесс. Напротив, Спаситель избегал внешнего формализма и предостерегал своих последователей от формальных отношений друг к другу, тем не менее и церковный суд, и другие процессуально-определяемые механизмы считаются в Церкви божественными установлениями, «только развитие их совершалось во времени, по той мере, как жизнь церковная и церковно-общественные отношения становились сложнее и разнообразнее» [Альбов, 1882, с. 153], то есть это результат определённого церковного генезиса, генезиса церковного права.

Церковный каноническо-правовой процесс – это неотъемлемый элемент церковной жизни и церковного управления, фреймирующий их в рамках дозволенного и предписанного церковным каноническим правом. Этот процесс «пронизывает» более широкий процесс церковной жизни, выступает его «несущей силовой конструкцией».

Этот мета-процесс получил отражение в трудах А.С. Павлова, писавшего: «Мы должны восходить к источным (исходным) началам каждого церковно-юридического института и потом следить за всеми фазисами его исторического развития, постоянно и точно отмечая те местные, национальные, политические влияния, под действием которых он достиг настоящего своего вида. В этом генетическом процессе право церкви предстанет пред нами, как живое, в своём жизненном росте, со своим собственным характером. Следя за этим процессом, мы обязаны постоянно иметь в виду связь церковного права с самым существом Церкви, с догматическими основаниями церковно-юридических институтов. Эти основания должны служить пробою для положительного права. С точки зрения этих оснований открывается, что составляет существенное зерно каждого церковно-юридического института, и что есть только внешняя его оболочка, изменяющаяся со временем и не требующая одного постоянного и твёрдого вида» [Павлов, 1902, с. 31].

Изучение образа и содержания церковного каноническо-правового процесса необходимо, говоря языком А.С. Павлова, чтобы ясно увидеть и понять, «что следует признавать в праве церкви существенным и неизменным и что – случайным и несущественным, и как далеко можно идти в церковных преобразованиях, не касаясь существа церкви и не колебля оснований её права. Обработывая таким образом церковное право, наука [церковного права] тем самым способствует его применению к практической жизни и, давая церковной и государственной власти материал для законодательства, пролагает путь к обновлению и дальнейшему развитию права» [Павлов, 1902, с. 31]. Именно нормы процессуального церковного права удерживают Церковь от разрушительных адгерентных реформаторских посягательств.

Список литературы

- Альбовъ М. 1882. Краткій курсъ лекцій по церковному праву. С.-Петербургъ: Типографія Балашева, 260 с.
- Баган В.В. 2022. Генезис и онтология канонического права Православной Церкви: научно-теологическое и научно-юридическое исследование. М., Смоленск, Свиток, 364 с.
- Бердниковъ И.С. 1888. Краткій курсъ церковнаго права Православной Греко-російской Церкви, съ указаніемъ главнѣйшихъ особенностей католическаго и протестанскаго церковнаго права. Казань: Типографія Императорскаго университета. ix; 294 с.
- Бердниковъ И.С. 1885. Церковное право какъ особая самостоятельная правовая область и его

- отношеніе къ общей системѣ права. Казань: Типографія Императорскаго университета, 30 с.
- Заозерскій Н.А. 1911. Іерархическій принципъ въ церковной организаціи. *Богословскій вестник*, 1: 63–103.
- Заозерскій Н.А. 1894. О церковной власти. Основоположенія, характеръ и способы примѣненія церковной власти въ различныхъ формахъ устройства церкви по ученію православно-каноническаго права. Сергіевъ Посадъ: Типографія А.И. Снегиревой. iv; xiii; 458 с.
- Заозерскій Н.А. 1878. Церковный судъ въ первые вѣка христіанства: Историко-каноническое изслѣдованіе. Кострома: Типографія Андроникова. iii; iii; 349 с.
- Исидор (Тупикин Р.В.), митр. 2022. Церковное каноническое право и право государственное: сопряженія, пересеченія, взаимныя вліянія: Науч.-теологич. и науч.-юрідич. исследование. М., Смоленск, Свиток, 144 с.
- Павловъ А.С. 1902. Курсъ церковнаго права. Свято-Троїцкая Сергіева Лавра: собств. типографія. ii; 539; vi с.
- Пѣвцовъ В.Г. 1914. Лекціи по церковному праву. Санкт-Петербургъ: Типографія Санкт-Петербургской одиночной тюрьмы, 240 с.
- Понкин И.В. 2017. Понятіе «процесса» в правѣ и в публичном управленіи. *Вестник гражданского процесса*, 7(2): 11–30.
- Цыпин В. 2009. Каноническое право. М., Изд-во Сретенскаго монастыря, 864 с.
- Espinaу, d' G. 1856. De l'influence du droit canonique sur le développement de la procédure civile et criminelle. Partie I. *Revue historique de droit français et étranger* (1855–1869), 2: 503–516.
- Ponkin I.V. 2019. Opinion on act (decision), adopted by the Holy Synod of the Patriarchate of Constantinople on 11 October 2018. *Stato, Chiesa e pluralismo confessionale*, 2.

References

- Al'bov" M. 1882. *Kratkii kurs" lektzii po tserkovnomu pravu*. [A short course of lectures on Church law]. S.-Peterburg, Publ. Tipografiya Balasheva, 260 p.
- Bagan V.V. 2022. *Genezis i ontologiya kanonicheskogo prava Pravoslavnoj Tserkvi: nauchno-teologicheskoe i nauchno-yuridicheskoe issledovanie* [Genesis and ontology of the canonical law of the Orthodox Church: scientific-theological and scientific-legal research]. М., Smolensk, Publ. Svitok, 364 p.
- Berdnikov" I.S. 1888. *Kratkii kurs" tserkovnago prava Pravoslavnoi Greko-rossiiskoi Tserkvi, s" ukazaniem" glavnykh" osobennostei katolicheskago i protestanskago tserkovnago prava*. [A short course of ecclesiastical law of the Greek-Russian Orthodox Church, with an indication of the main features of Catholic and Protestant Ecclesiastical law]. Kazan', Publ. Tipografiya Imperatorskago universiteta. ix; 294 p.
- Бердниковъ И.С. 1885. Церковное право какъ особая самостоятельная правовая область и его отношеніе къ общей системѣ права. Казань: Типографія Императорскаго университета. 30 с.
- Berdnikov" I.S. 1885. *Tserkovnoe pravo kak" osobaya samostoyatel'naya pravovaya oblast' i ego otnoshenie k" obshchei sistemѣ prava*. [Church law as a special independent legal field and its relation to the general system of law]. Kazan', Publ. Tipografiya Imperatorskago universiteta, 30 p.
- Zaozerskii N.A. 1911. *Ierarkhicheskii printsip" v" tserkovnoi organizatsii*. [Hierarchical principle of the church organization]. *Bogoslovskii vestnik*, 1: 63–103.
- Zaozerskii N.A. 1894. *O tserkovnoi vlasti. Osnovopolozheniya, kharakter" i sposoby primѣneniya tserkovnoi vlasti v" razlichnykh" formakh" ustroistva tserkvi po ucheniyu pravo-slavno-kanonicheskago prava*. [About church power. The principles, nature and methods of the application of church authority in various forms of the organization of the church according to the study of Orthodox canonical law]. *Sergiev" Posad"*, Publ. Tipografiya A.I. Snegirevoi. iv; xiii; 458 p.
- Заозерскій Н.А. 1878. Церковный судъ въ первые вѣка христіанства: Историко-каноническое изслѣдованіе. Кострома: Типографія Андроникова. iii; iii; 349 с.
- Zaozerskii N.A. 1878. *Tserkovnyi sud" v" pervye vѣka khristianstva: Istoriko-kanonicheskoe izslѣdovanie*. [Ecclesiastical Court in the first centuries of Christianity: Historical and canonical research]. Kostroma, Publ. Tipografiya Andronikova. iii; iii; 349 с.
- Isidor (Tupikin R.V.), mtr. 2022. *Tserkovnoe kanonicheskoe pravo i pravo gosudarstvennoe: sopryazheniya, peresecheniya, vzaimnye vliyaniya: Nauch.-teologich. i nauch.-yuridich. issledovanie*. [Church canon law and state Law: conjugations, intersections, mutual influences: Scientific-theological and scientific-legal. research]. М., Smolensk, Publ. Svitok, 144 p.

- Pavlov" A.S. 1902. Kurs" tserkovnago prava. [Lectures on Church law]. Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra. Publ. sobstv. tipografiya. ii; 539; vi s.
- Рѣвцов" V.G. 1914. Lekcii po cerkovnomu pravu [Lectures on Church law]. Sankt-Peterburg", Publ. Tipografiya Sankt-Peterburgskoj odinochnoj tyur'my. 240 p.
- Ponkin I.V. 2017. Ponyatie «process» v prave i v publichnom upravlenii [The concept of "process" in law and in public administration]. *Vestnik grazhdanskogo processa*, 7(2): 11–30.
- Супин V. 2009. Kanonicheskoe pravo [Canon Law]. M., Publ. Sretenskogo monastyrya, 864 p.
- Espinay, d' G. 1856. De l'influence du droit canonique sur le développement de la procédure civile et criminelle. Partie I. *Revue historique de droit français et étranger* (1855–1869), 2: 503–516.
- Ponkin I.V. 2019. Opinion on act (decision), adopted by the Holy Synod of the Patriarchate of Constantinople on 11 October 2018. *Stato, Chiese e pluralismo confessionale*, 2.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 01.03.2023

Поступила после рецензирования 14.04.2023

Принята к публикации 25.05.2023

Received March 1, 2023

Revised April 14, 2023

Accepted May 25, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Понкин Игорь Владиславович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor V. Ponkin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State and Municipal Administration, Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

УДК 340.154

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-3-506-517

Завещание Василия II и начало новой страницы в истории российской государственности и права

Пенской А.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
[penskoj_a@bsu.edu.ru](mailto:penskoy_a@bsu.edu.ru)

Аннотация. Образование Русского централизованного государства представляло собой длительный процесс, однако относительно его временных рамок в литературе существуют разногласия. С тем, что основы раннемодеpной русской государственности закладываются в эпоху Ивана III, согласны большинство специалистов. По мнению автора, отправной точкой, с которой началась его работа, стало завещание его отца Василия II. Это завещание и его место в системе «конституционных» актов, регламентирующих государственный строй и взаимоотношения политических субъектов формирующегося Русского государства до сих пор не было предметом специального исследования, хотя ряд ученых и обращал внимание на те новшества, которые Василий II внес в его текст по сравнению с духовными грамотами своих предшественников. Автор статьи обращает внимание на главную особенность этого «конституционного» акта – при всей его внешней консервативности завещание включает в себя ряд положений, которые де-факто закладывают основы разрушения «старинны» в междоусобных отношениях и подрывают саму основу прежнего политического режима «семейного» совладения Русской землей князьями из дома Рюриковичей. Тем самым, считает автор, был открыт путь по превращению рыхлой «конфедерации» отдельных земель и уделов под номинальной властью великого князя как «старейшего» в роду в более сплоченное и прочное раннемодеpное государство.

Ключевые слова: Средневековье, раннее Новое время, государство, право, конституционное право, Россия, централизованное государство, удельная система, Василий II

Для цитирования: Пенской А.В. 2023. Завещание Василия II и начало новой страницы в истории российской государственности и права. *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право*, 48(3): 506–517. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-506–517

The Testament of Vasily II and the Beginning of a New Page in the History of Russian Statehood and Law

Alexander V. Penskoj

Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation
[penskoj_a@bsu.edu.ru](mailto:penskoy_a@bsu.edu.ru)

Abstract. The formation of the Russian centralized state has been and remains one of the most discussed and at the same time clearly in need of new approaches and assessments of the historical and legal problem. There is no doubt that the formation of the Russian centralized state is a long process. However, there are disagreements in the literature regarding its time frame. Most experts agree that the foundations of early modern Russian statehood were laid in the era of Ivan III. But Ivan III did not begin their creation from scratch. According to the author of the article, the starting point from which his work began was the will of his father Vasily II. This testament and its place in the system of “constitutional” acts regulating the state system and relations between political subjects of the emerging Russian state has not yet been

the subject of a special study. The author of the article draws attention to the main feature of this "constitutional" act - for all its external conservatism, the testament includes a number of provisions that de facto lay the foundations for the destruction of "old times" in inter-princely relations. Thus, they undermined the very foundation of the former political regime of "family" co-ownership of the Russian land by princes from the house of Rurikovich. The author believes that as a result of this, the path was opened for the transformation of a loose "confederation" of individual lands and specific principalities under the nominal authority of the Grand Duke as the "oldest" in the family into a more cohesive and stable early modern state

Key words Middle Ages, Early Modern, state, law, constitutional law, Russia, centralized state, appanage system, Vasily II

For citation: Penskoj A.V. 2023. The Testament of Vasily II and the Beginning of a New Page in the History of Russian Statehood and Law. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(3): 506–517 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-506–517

Введение

В ночь на 27 марта 1462 г. после тяжелой болезни («князь велики, чаа себе сухотной болести, повеле жеши ся, яко же есть обычая болющим сухотноу») [Московский летописный свод, 2004, с. 278] на 48-м году жизни в своем московском дворце скончался великий князь владимирский и московский Василий II Темный. С его смертью в истории Северо-Восточной Руси завершилась целая эпоха, центральным событием которой была борьба за власть между Василием, внуком великого князя Дмитрия Ивановича, и его дядей, удельным князем звенигородским и галицким Юрием Дмитриевичем и его детьми Юрьевичами (среди которых своей энергичностью и жаждой власти в особенности выделялся Дмитрий Шемяка). Эта усобица (именуемая обычно в литературе «феодальной войной»), длившаяся с перерывами практически четверть столетия, существенно перекроила политическую карту Северо-Восточной Руси и, как показали дальнейшие события, стала важнейшим этапом в деле превращения слабой и рыхлой «конфедерации» северо-восточных русских княжеств в сильное и влиятельное Русское государство, которое традиционно принято называть «централизованным».

Четвертьвековая смута ускорила процессы политической и военной централизации Русской земли и создала необходимые условия для перехода их в необратимую стадию. Во многом это было предопределено тем «перебором людишек», который учинил победивший в усобице Василий II. С политической авансены сошли по разным причинам его конкуренты и противники, реальные и потенциальные, и прежде всего дядя Василия Юрий Дмитриевич и его дети Дмитрий Шемяка, Василий Косой и Дмитрий Красный. Удельная система подвергается Василием II радикальному реформатированию – как отмечал А.А. Зимин, автор единственной на сегодняшний день работы по истории этого междоусобного конфликта, «на смену уничтоженным уделам создавались новые, но уже не на родовой («гнездо Калиты»), а на семейной основе: все они принадлежали детям Василия II» [Зимин, 1991, с. 163].

Эта «реформа» (мы не случайно взяли этот термин в данном случае в кавычки, поскольку убеждены в том, что Василий II, действуя подобным образом, вовсе не ставил перед собой задачу ликвидации удельной системы или, на худой конец, ее реформирования) и ее результаты нашли свое отражение в завещании Василия II, которое было составлено незадолго до его смерти. Этот документ, который для того времени можно со всеми на то основаниями назвать своего рода «конституционным актом», «конституцией» (в данном случае мы исходим из определения термина «конституция», которой дал Г. Еллинек – по его мнению, «конституция государства обнимает... совокупность правоположений, определяющих высшие органы государства, порядок призвания их к отправлению их функций, их взаимные отношения и компетенцию, а также принципиальное положение индивида по отношению к государственной власти» [Еллинек, 1903, с. 335]), вносил серьезные коррек-

тивы в существовавшую до того времени систему межкняжеских отношений. По существу, в своем завещании Василий II не только подвел итоги смуты, но и обозначил начало нового этапа в развитии русской государственности и права.

Вместе с тем стоит заметить, что в отечественной (и тем более в зарубежной) историографии завещание Василия II рассматривается в общем и целом в традиционном ключе. Нет, нельзя сказать, что изменения в «конституционном» порядке, изложенные в данном акте, не были замечены историками и правоведами. Так, к примеру, В.О. Ключевский, опираясь именно на завещание Василия Темного, писал, что «князья-завещатели не давали старшим сыновьям никаких лишних политических прав, не ставили их младших братьев в прямую политическую от них зависимость; *но они постепенно сосредоточивали в руках старшего наследника такую массу владельческих средств, которая давала им возможность подчинить себе младших удельных родичей и без лишних политических прав* (выделено нами. – А.П.)...» [Ключевский, 1988, с. 38].

Однако это важное наблюдение не получило дальнейшего развития в работах отечественных исследователей. Они в лучшем случае констатировали сам факт составления завещания и усиление значимости старшего сына и наследника Василия II (как это сделал, к примеру, А.А. Зимин, автор фундаментальной и до сих пор непревзойденной монографии об эпохе Василия II – он, по большому счету, повторил в развернутой форме тезисы В.О. Ключевского [Зимин, 1991]) или же (как это сделал Ю.Г. Алексеев), подчеркивали консервативный характер «конституции» Василия Темного [Алексеев, 2018]. И когда известный американский русист и один из ведущих специалистов по истории России раннего Нового времени Н. Коллманн в своей монументальной «России и ее империи» начинает отсчет новой эпохи в русской истории именно с конца правления Василия II [Kollmann, 2017], то возникает невольный вопрос – а почему именно это время берется в качестве отправной точки?

Противоречивость в оценках итогов правления Василия II, которые были подведены его духовной грамотой, и неопределенность ее значения как важнейшего «конституционного» акта, предопределившего дальнейшее развитие политической системы Русского государства, обусловили наш интерес к этой проблеме и определили цель нашего исследования – определить действительное место духовной грамоты Василия Темного в системе «конституционных» актов Русского государства на заре раннего Нового времени и ответить на вопрос, действительно ли можно считать его началом нового этапа в истории российской государственности.

Раннее Новое время и его характерные черты

Говоря о новой эпохе, начало которой столь четко и недвусмысленно было заявлено в завещании Василия II (и в ряде других документов конституционного значения, по Г. Еллинеку, прежде всего межкняжеских докончаний), мы имели в виду Новое время, а точнее начальный его этап – раннее Новое время, время, когда формировался, развивался и пришел к своему завершению знаменитый *Ancien Régime*, т. е. временной промежуток между серединой XV и концом XVIII столетия (или, как предлагают 3-го тома отечественной «Всемирной истории», который носит характерное название «Мир в раннее Новое время», между серединой все того же XV века и 1700 годом [Всемирная история, 2013, с. 5, 8. Ср.: Крылов, 2020]).

Характерной чертой раннего Нового времени являются чрезвычайно сильные позиции традиции, «старины» [Всемирная история, 2013, с. 8], которые продолжали доминировать в общественном сознании, определяя лицо эпохи. Эта устойчивость и воспроизводимость традиции, на наш взгляд, была обусловлена рядом объективных обстоятельств. Первое из них связано с тем, что любое раннемодерное общество, в том числе и российское, оставалось обществом аграрным, или, если использовать предложенную американским культурологом и философом Э. Тоффлером периодизацию, «обществом Первой вол-

ны» [Тоффлер, 2004, с. 38, 52]. Однако иначе и быть не могло, поскольку деревня, постепенно уступая экономическое и интеллектуальное превосходство городу, тем не менее, продолжала доминировать в ментальной сфере. Это и не удивительно, поскольку, как заметил французский историк П. Шоню, «восемьдесят пять процентов населения классической Европы продолжали жить в рамках сельской общины и сеньории, неизменных в своих основных чертах» [Шоню, 2005, с. 14]. Нельзя не согласиться с мнением отечественного исследователя С.Д. Домникова, который отмечал, что «как бы ни был культурно и экономически развит в государстве тот или иной социальный слой, пока в обществе сохраняется условия для воспроизводства аграрного локуса – основной ячейки социальной традиционности, общество как целое продолжает существовать в соответствии с законами воспроизводства традиционных общественных структур». Эта особенность таких обществ обусловлена тем, что **«сплетение традиций образует замкнутую систему передачи социально значимого опыта, обеспечивающего полноценную жизнедеятельность целостного социального организма...»** (выделено нами. – А. П.)» [Домников, 2002, с. 21].

Устойчивость традиции имела под собой еще одно основание. Французский социолог и культуролог К. Леви-Стросс, полагая традиционные общества «холодными», указывал на их стремление «благодаря институтам, к которым они привязаны, аннулировать квазиавтоматически то действие, что могли бы оказать на их равновесие и непрерывность исторические факторы». Однако, поскольку отрицать развивающийся под давлением как внешних, так и внутренних факторов исторический процесс невозможно, такие социумы «желают его [процесс перемен и изменений]) игнорировать и **пытаются со сноровкой, недооцениваемой нами, сделать, насколько это возможно, постоянными состояния, считаемые ими "первичными" относительно своего развития** (выделено нами. – А.П.)...» [Леви-Стросс, 2008, с. 439]. В результате наложения друг на друга этих факторов и условий и формировалось то самое доминирование в коллективном бессознательном раннемодерных обществ, в особенности на самых ранних этапах их становления и развития, традиции. Перемены, чтобы быть признанными обществом, должны были принять обличье хорошо знакомой традиции, мимикрировать под «старину», и, действуя под ее прикрытием, постепенно разрушать «старину» изнутри.

Завещание Василия II и формирование новой политической, административной и правовой реальности

Василий II, борясь за власть и жизнь, оставался сыном своего времени и в своих действиях руководствовался теми идеями и принципами, на которых строилась политическая система Русской земли от отношения между князьями дома Рюриковичей еще со времен Ярослава Мудрого. Речь идет о т. н. *corpus fratrum*. Характеризуя сущность этого явления, политического и правового (в рамках традиционного, обычного права), российский историк А.В. Назаренко отмечал, что **«главнейшей чертой, которая определяла династический строй во многих раннесредневековых государствах Европы»** (выделено нами. – А.П.), был взгляд на государство как на патримоний – семейное владение, подлежащее передаче от отца ко всей совокупности его сыновей-наследников», и если наследников оказывалось несколько, то тогда возникало *corpus fratrum* или «братское совладение» [Назаренко, 2009, с. 7]. При этом раздел «патримония» на уделы между сыновьями покинувшего бранный мир правителя рассматривался ими не как некая «раздробленность», а как продолжение существования прежнего государства, но в новом формате. В коллективном и индивидуальном сознании представителей правящего дома, несмотря на дробление, «сохранялось **представление о политическом единстве, которое, таким образом, вовсе не связывалось с единовластием как нормой, а было воплощено именно в единстве правящего рода**» (выделено нами. – А. П.)...» [Назаренко, 2009, с. 51].

Довольно скоро принцип *corpus fratrum* в конкретно исторических условиях средневековой русской государственности был доработан и дополнен принципом сеньората.

По мнению А.В. Назаренко, основы этого сеньората были заложены в политическом завещании Ярослава Мудрого. В переложении летописца, составителя «Повести Временных лет», призвав к своему одру сыновей, помимо всего прочего, наказал им следующее: «Се же поручаю в себе место столь старейшему сыну моему и брату вашему Изяславу Киев; сего послушайте, якоже послушасте мене, да той вы будете в мене место» [Повесть Временных лет, 1999, с. 70].

Наделение «старейшего» брата в семействе столичным уделом имело вполне определенный смысл – тем самым подчеркивался его особый по сравнению с прочей «братской» статус и, поскольку обладание столицей давало в руки «старейшего» брата преимущественные в сравнении с его родственниками материальные, финансовые и людские ресурсы, его доминирующее положение становилось тем более очевидным. Можно вести речь о том, что тем самым утверждается принцип «земля рождает власть», характерный для традиционных аграрных обществ «Первой волны». Вместе с тем нетрудно заметить, что принцип *corpus fratrum*, даже дополненный и развитый принципом сеньората, предполагал и определенное ограничение власти брата «старейшего» над своими «младшими» братьями.

Оговорка «в отца место» была отнюдь не случайной – «старейший» брат все же не был отцом, а лишь его «заместителем», и «отеческая власть по доверенности» не наделяла его полномочиями, аналогичными и равными тем, которыми обладал его отец как патриарх семейства. Межкняжеские докончания позднейшей эпохи содержат любопытные формулировки, характеризующие именно эту сторону отношений старшего и младших в правящем доме. Да, безусловно, великий князь наказывал своим детям, чтобы они слушали старшего брата как его самого, но и старшему брату он предписывал держать «свою братью младшую в братстве, без обиды» [Духовные и договорные грамоты, 1950, с. 36]. Характеризуя сущность «братских» отношений между князьями, отечественный исследователь А.И. Филюшкин отмечал, что они представляли собой «особый тип отношений, который в современной терминологии можно истолковать как «добрососедские отношения при уважении суверенитета друг друга, предполагающие потенциальный союз» [Филюшкин, 2006, с. 228]. При этом «старейший» брат и его «младшая братья» взаимно обязывались «тобе знати свою очина, а мне знати свою очина», что на практике означало «в твоём оуделе сел не купити, ни моим бояром, ни закладнев ми, ни оброчников не держати», и «данщиков своих и приставов не всылати», и «грамот жаловальных не давати» [Духовные и договорные грамоты, 1950, с. 20]. В результате каждый князь, вне зависимости от того, был ли он «старейшим» или «младшим», в своей «очине» был полновластным сувереном, обладавшим абсолютным правом владеть, судить и рядить.

Примечательно, что в *своих духовных грамотах великие московские князья XIV века старались соблюсти примерное равенство уделов и доходов, которые получили их сыновья* (по крайней мере, старшие). Так поступил Иван Калита в своём завещании, также сделал Иван Красный, и Дмитрий Иванович поддержал традицию, наделив старших своих сыновей: Василия – Коломной, Юрия – Звенигородом, Андрея – Можайском, Петра – Дмитровом «со всеми волостми, и с тамгою, и с мыты, и з бортью, и с селы, и со всеми пошлинами». При этом, жалуя Василия великим княжением, Дмитрий Иванович не забыл и о других своих взрослых сыновьях. Юрий получил от отца по завещанию «куплю» Галич «со всеми волостми, и с селы, и со всеми пошлинами», а Андрей – другую «куплю», Белоозеро, и Петр также получил свою «куплю» – Угличе поле со всем, «что к нему потягло» [Духовные и договорные грамоты, 1950, с. 9, 17, 33].

При таких раскладах первенство «старейшего» брата носило в известной степени номинальный характер – его перевес над «младшей братской» не был ярко выражен, и известное выражение *primus inter pares* имело по отношению к великому князю самое прямое и непосредственное значение. Власть его опиралась в значительной степени на моральный авторитет и на его личные качества, умение выстраивать сложную систему от-

ношений внутри правящего дома, готовность идти на взаимовыгодный компромисс. Попытки же диктовать свою волю «молодшей братье» воспринимались с ее стороны чрезвычайно болезненно и могли повлечь за собой крайне негативные последствия – вплоть до усобицы. Характерным примером тому может служить ссора Андрея Боголюбского с братьями Ростиславичами из смоленского дома. Обиженные «высокоумием» и надменностью Андрея, полагавшегося на «множество вой» своих, Ростиславичи отказались повиниться «старейшему брату», заявив ему: «Мы тя досихъ мест *акы отца имели по любви; аже еси с сьякими речми прислал, не акы к князю, но акы к подручнику и просту человеку*, а что умыслил еси, а тое деи, а Бог за всем (выделено нами. – А. П.)...» [Ипатьевская летопись, 2001, с. 390].

Такое положение дел было терпимо до поры до времени, пока власть и собственность распределялись и перераспределялись внутри одного правящего дома. Однако с ростом численности князей, усложнением родственных отношений, появлением боковых ветвей и пр. система становилась все более сложной, запутанной и менее управляемой. Между тем, как справедливо отмечал А.В. Назаренко, «с ростом государственного самосознания власти неизбежно должно было расти и сопротивление идее механического ее, власти, дробления» [Назаренко, 2009, с. 68]. Неустойчивость системы, ее рыхлость и расплывчатость создавали серьезные проблемы, а если на них накладывались еще и столкновения партикулярных интересов удельных князей и верховной власти, то ситуация могла очень быстро стать критической – так случилось, к примеру, в 1382 году, когда Дмитрию Ивановичу не удалось повторить успех 1375 и 1380 годов, собрать под своим верховенством большую часть русских князей и дать отпор татарам во главе с «царем» Тохтамышем. Усобица 2-й четв. XV века еще раз наглядно подтвердила этот тезис – юный и неопытный Василий II, лишившись поддержки со стороны деда, великого князя литовского Витовта, и митрополита Фотия, оказался не готов управлять сложным конгломератом княжеств, земель и местных сообществ, что очень быстро привело к росту напряженности в отношениях между ним и его дядей Юрием Дмитриевичем и вылилось в кровопролитный конфликт.

Выводы из этих событий Василий II сделал верные – чтобы подобного рода ситуация не могла повториться снова, нужно было, во-первых, свести к минимуму удельную чересполосицу, а во-вторых, предоставить в руки наследника такие ресурсы, людские, материальные и финансовые, которые позволили бы ему надежно держать под контролем свою «молодшую братью» и при необходимости навязывать ей свою волю.

Отметим, что в литературе существует мнение (выраженное, к примеру, А.А. Зимин), согласно которому Василий II был слабым правителем. «*Пределы его власти определялись общим состоянием объединительного процесса*, – писал А.А. Зимин, – *но ее правовые устои регулировались “старинной”* (выделено нами. – А.П.)», при этом сам Василий «не отличался инициативностью, решительностью и волей». Реальной же властью при нем, полагал историк, обладало боярство, а точнее, узкий круг доверенных, «введенных» бояр [Зимин, 1991, с. 165]. Полагая Василия слабым, безвольным великим князем, Зимин противопоставляет ему князя Юрия Дмитриевича, который во время последнего пребывания на великом столе «пытался сделать более решительный шаг по пути утверждения единодержавия, чем Василий II» [Зимин, 1991, с. 67].

Такая точка зрения справедлива по отношению к Василию молодому, еще только постигавшему азы науки правления, тем более что его затмевала фигура его матери, властной и надменной Софьи Витовтовны, и бояр – таких как, к примеру, хитроумный и изворотливый боярин И.Д. Всеволожский. Однако, если сравнить действия Василия II в ходе начального периода усобицы и в ее конце, и в особенности после ее завершения, то нетрудно заметить серьезную перемену в его характере – лишения и бедствия закаляли душу и тело великого князя, сделали его расчетливым, целеустремленным и вместе с тем жестокосердым и мстительным. «Последние девять лет своей жизни он [Василий II] уже

совсем не тот, что прежде», – отмечал автор биографии великого князя Н.С. Борисов [Борисов, 2020, с. 271]. Впечатление, что Василий как будто был менее решителен в борьбе с удельной «старинной», на самом деле обманчиво. Осторожность великого князя в действиях, на наш взгляд, объясняется, с одной стороны, горьким опытом, который князь получил в ходе усобицы – важен был не только и не столько сам титул, сколько поддержка элит – боярства, верхушки служилого чина и посада. Они могли дать деньги, оружие и людей, на них мог опереться в случае необходимости великий князь и он же мог, лишившись их помощи и благорасположения, утратить все – и власть, и статус, и даже самую жизнь. Но хотели ли они радикальных перемен – ответ на этот представляется отрицательным. Еще раз подчеркнем, что перед нами весьма консервативное, традиционалистское «холодное» общество, желающее восстановления привычного порядка вещей и хода жизни, к которому они привыкли. И когда А.А. Зимин писал о том, что Василий II представлялся им более подходящим кандидатом на великий стол, чем, к примеру, Юрий Дмитриевич или Дмитрий Юрьевич (Шемяка), то *не потому ли, что, в отличие от них, Василий выступал именно как поборник «старины», а не реформатор?* Отсюда и естественное стремление великого князя соотносить свои действия с настроениями «опоры».

С другой стороны, и сам великий князь был человеком своего времени, воспитанным в соответствующей культуре и воспринявшим «дух времени». Еще раз подчеркнем – Василий II боролся не с удельной системой как таковой, но с конкретными людьми, которые, по его мнению, нарушали основы этой системы. И если, предположим, Иван Андреевич Можайский, неоднократно преступавший свои клятвы и крестоцелование и перебежавший со стороны на сторону в ходе усобицы, в очередной раз поменял сторону и присягнул победителю – мог ли быть уверен в нем Василий II? Очевидно, что нет, и естественным желанием было избавиться от столь ненадежного «младшего брата». Точно также поступил Василий и по отношению к другому удельному князю, Василию Ярославичу. Несмотря на то, что князь Василий был верен своему «старейшему брату» и неизменно выступал на его стороне в ходе усобицы, Василий II в 1456 году приказал арестовать его и заточил в темницу, где Василий Ярославич и скончался. Причины столь жестокой расправы в источниках не раскрываются, однако, по логичной и вполне приемлемой версии Н.С. Борисова, арест и заточение Василия Ярославича были вызваны его конфликтом с монашеской братией Троице-Сергиева монастыря, в которой великий князь встал на сторону монахов и их нового настоятеля Вассиана Рыло [Борисов, 2020, с. 280]. Примечательно, что единственный из удельных князей – участников смуты Михаил Андреевич, владевший Верейско-Белозерским уделом, сохранил свои владения и при Василии II, и при его сыне Иване III – очевидно, потому что как политик и как князь он был совершенно невыразительным и не представлял никакой опасности для Василия II и его сына Ивана. Это еще раз говорит в пользу выдвинутого нами тезиса о том, что, перекраивая систему отношений между князьями, Василий II выступал не против нее самой, а против конкретных личностей.

Однако, формально выступая на стороне традиции и восстанавливая «старину», Василий II своими «конституционными актами» (а ими можно с полным на то основанием полагать межкняжеские докончания и духовные грамоты князей) подготавливал (вряд ли, конечно, он делал это осознанно и целенаправленно) ликвидацию удельной системы. Его завещание (и докончания, которые составили его сыновья после смерти Василия) в этом отношении весьма примечательны – настолько, что можно говорить о начале нового этапа в развитии русской государственности.

Сделаем шаг назад. Выше мы уже отмечали особенность великокняжеских духовных грамот – наделяя своих сыновей уделами, великие князья стремились соблюсти более или менее примерное равенство между ними. «Дмитрий Иванович в своем завещании 1389 года каждого из своих четырех сыновей «благословил» одним городом, да в виде компенсации за территорию «короны» (великого княжения), переходившую фактически наследнику, три сына Дмитрия получили «примыслы» – «купли» Ивана Калиты», – от-

мечал А.А. Зимин [Зимин, 1991, с. 186]. Тем самым пресловутый *corpus fratrum* сохранил свою действенность, и традиция воспроизводилась дальше. Теперь же Василий II внес серьезные изменения в порядок распоряжения «патримонием» и наделения уделами своих сыновей.

Начинается завещание Василия II вполне традиционно – великий князь, заручившись благословением митрополита, свидетельствует, что он, «при своем животе, в своем смысле» составил эту духовную грамоту, в которой дал «ряд своим детям и своей княгине» [Духовные и договорные грамоты, 1950, с. 193]. Первая «статья» этого «ряда», опять же по традиции, звучала следующим образом: «Приказываю свои дети своей княгине. А вы, мои дети, живите за один, а матери своей слушайте во всем, в мое место, своего отца».оборот тот же самый, что и в завещании Дмитрия Ивановича, деда Василия II, с той лишь разницей, что Василий добавил словосочетание «в мое место, своего отца», которого не было в духовной деда [Духовные и договорные грамоты, 1950, с. 33, 194].

Следующая, самая важная часть завещания Василия II, касается как раз проблемы распределения «патримония» между сыновьями. Старший, Иван, родился в 1440 году, и к 1462 году был уже вполне зрелым и состоявшимся политиком и администратором – еще в 1449 году Иван Васильевич называется «великим князем», в 1452 году он возглавляет рать, посланную Василием II в устюжские земли, и в том же году Иван официально обвенчался с дочерью великого тверского князя Марией, управляет Переяславлем-Залесским и выполняет различные поручения своего отца, де-факто и де-юре являясь его соправителем. Следующий по старшинству сын Василия Юрий, появившийся на свет в 1441 году, в 1455 году был наделен отцом Дмитровским уделом. Третий сын Василия, Андрей Большой, родился в 1446 году, и в 1462 году владел Звенигородским уделом. Два других сына Василия, Борис (1449 г.) и Андрей Меньшой (1452 г.) уделов к моменту смерти отца, судя по всему, еще не получили. Основная же часть территории великого княжества управлялась непосредственно Василием II через своих наместников и волостелей.

Такая ситуация стала следствием того, что в результате усобицы *corpus fratrum* дом потомков Ивана Калиты де-факто прекратил свое существование. В результате этого владения Василия II к концу его правления по сравнению с его предшественниками существенно выросли, захватив большую часть территории не только Московского великого княжества, но и Великого княжества Владимирского (за исключением Вереysко-Белозерского удела Михаила Андреевича и ряда отдельных территорий на севере и в Ростовской земле). Кроме того, у Василия не было «молодшей братии», с которой он должен был, согласно принципам организации *corpus fratrum*, делиться «примыслами», так что он мог беспрепятственно наращивать пределы своих личных владений и реорганизовывать управление ими по своему усмотрению.

Представившуюся ему возможность перекроить политическую и административную карту северо-восточной Руси Василий II реализовал сполна. Не изобретая пороха и не открывая Америки, действуя в рамках уже сложившейся при его предшественниках традиции, он реорганизует систему административного управления своим выросшим кратно «доменом», вводя повсеместно систему наместничьего правления. Как отмечал А.А. Зимин, в последние годы правления Василия «на смену удельному пестрополю приходила уездная система, проверенная жизнью первоначально на “усаженной” (освоенной во время поездок княжеских администраторов) территории Московского княжества». При этом, по наблюдению историка, «в середине века число уездов значительно увеличивается за счет новоприсоединенных земель», а также за счет того, что «наместничья власть распространялась по мере присоединения уделов к Москве и на удельные земли» [Зимин, 1991, с. 164].

Теперь же эта новая старая система управления подвергается дроблению согласно традиции *corpus fratrum*, но с одной важной поправкой – новые уделы нарезаются из великокняжеского домена внутри семейства Василия II. Но нарезка эта происходит на новой

основе – принцип сеньората в завещании Василия II проявляется в полной мере – настолько полной, что о каком-либо равенстве между сыновьями великого князя и речи быть не могло в принципе – «в завещании закладываются прочные основы, которые должны были обеспечить решительное преобладание великого князя над его удельными братьями» [Зимин, 1991, с. 186].

Это решительное преобладание нашло свое выражение в территориальном составе «домена» Ивана Васильевича. Наследник Василия II получил от отца не только его «отчину, великое княжение» (стоит заметить, что здесь Василий II также решительно порывает с традицией, которой он сам был вынужден несколькими десятилетиями ранее подчиниться – великий князь распоряжается отчиной самостоятельно, без оглядки на мнение хана Золотой Орды). Громкий титул подкрепляется реальной силой и ресурсами – по отцовскому завещанию Иван получал двенадцать городов «с волостью, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами», причем в состав иванова «домена» вошли такие чрезвычайно важные и в экономическом, и в финансовом, и в политическом отношениях города, как Коломна, Переяславль-Залесский, Суздаль, Галич, Устюг, Новгород Нижний Муром, Кострома и др. [Духовные и договорные грамоты, 1950, с. 194].

Остальные дети Василия II в сумме получали одиннадцать городов, также «с волостью, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами». Наибольший удел среди них – Дмитровский – переходил в распоряжение Юрия, который, кроме стольного города, получил в свое распоряжение еще Можайск, Серпухов и Хотунь. Три города получил Андрей Большой (стольный Углич, Бежецкий Верх и Звенигород), два – Борис (Волок и Руза) и еще два – Андрей Меньшой (Вологда и Кубена) [Духовные и договорные грамоты, 1950, с. 194]. Ю.Г. Алексеев, анализируя завещание Василия II, отмечал, что уделы младших сыновей Василия II, «расположенные в густонаселенных районах в непосредственной близости от Москвы и на важнейших стратегических направлениях, представляли в совокупности серьезную политическую и материальную силу, с которой новый великий князь не мог не считаться» [Алексеев, 2018, с. 588]. С этим тезисом можно было бы согласиться, если бы не одно «но», заложенное, впрочем, в само это высказывание – серьезной силой эти уделы могли бы стать только **в совокупности**. Насколько вероятным было совместное выступление сразу всех четырех младших братьев Ивана III – ответ на этот вопрос представляется скорее негативным, чем позитивным. Опыт изучения взаимоотношений братьев показывает, что эта эвентуальная возможность так и не была реализована ни разу. Единственный раз, в 1479–1480 годах, Юрий и Андрей Большой попытались выступить против Ивана III, считая (кстати, небезосновательно), что старший брат нарушает писанные и неписанные правила *corpus fratrum*, но потерпели вполне ожидаемую неудачу – уступив в малом, Иван выиграл в большом.

Заключение

Безусловно, Ю.Г. Алексеев был прав, когда писал о том, что, «энергичный борец с удельными князьями, Василий Васильевич рубил сучья, не трогая корней», поскольку «в своем представлении о сущности великокняжеской власти он не поднимался выше уровня традиционного мышления», согласно которому «русская земля в его глазах, как и прежде, была совокупностью княжеств». В итоге, продолжал далее историк свои наблюдения, «собрав Московскую землю в своих руках, он снова разделил ее между сыновьями». Как итог – «Московская удельная система возродилась, как феникс, из пепла феодальной войны» [Алексеев, 2018, с. 589].

Маститый историк одновременно и прав, и неправ в этом своем выводе. Да, формально, на словах, удельная система, которой, казалось, по итогам усобицы пришел конец, возродилась. Но это только на словах. Восстанавливая уделы, Василий II и в своем завещании, и в своей административной практике последних лет царствования создавал основы ее будущей ликвидации, и основы прочные. Приведем в этой связи любопытное

наблюдение отечественного исследователя М.М. Бенцианова. Он отмечал в одной из своих работ, что «получая уделы, они [удельные князья] стремились воплотить в жизнь примерно те же самые политические идеи, которые в это время ставились в основу государственных реформ уже на более высоком уровне», и обусловлено это было тем, что удельные князья, возвращенные при московском дворе, не могли не впитать в себя бытовавшие там политические идеи [Бенцианов, 2008, с. 505]. Соглашаясь с этим мнением, от себя мы считаем необходимым добавить, что «нарезая» своим детям уделы, Василий II передавал им в управление территории, ранее «усаженные», освоенные великокняжеской администрацией. **Тем самым существенно облегчалась задача по обратному переходу удельных земель под контроль великокняжеской власти на случай, если удел оказывался выморочным, или порядок обмена территориями – менялся только распорядитель, но не сам порядок управления, что представляется более важным, чем факт принадлежности данного уезда или волости тому или иному удельному князю.**

Однако это лишь одна сторона медали. Перераспределяя свои земли между своими сыновьями, Василий II как будто следовал старому доброму принципу сеньората, но, подчеркнем это еще раз, благословляя, подобно Дмитрию Ивановичу, своего старшего сына «отчиною своею, великим княжением», Василий II при этом не просто передавал своему наследнику титул, но наполнял его вполне реальным содержанием. **И если Дмитрий Иванович попытался не обидеть каждого из своих сыновей, наделив их уделами, более или менее равными по возможностям, то Василий II решительно отказался от этой практики и передал старшему сыну большую и лучшую часть своего «домена», разом закрепив тем самым его доминирующее положение меж своей «братьи».** И что от того, что в последующих докончаньях Ивана III со своими братьями принципы *corpus fratrum* были скрупулезно повторены и закреплены как основа неписаной конституции Русского государства как совместного владения потомства Василия II? Дальнейшие события показали, что реальной возможности противостоять действиям старшего брата у его «младшей братьи» не было, ибо ресурсы, которыми располагал Иван, тем более с учетом его новых приобретений, которыми он не собирался делиться со своей «младшей братьей», существенно превосходили те, которыми располагали другие сыновья Василия II.

Таким образом, оставаясь по форме в рамках старой доброй традиции, завещание Василия II открывало новую страницу в истории Русской земли. Средневековые завершались, начиналось Новое время – заложенные в завещании Василия II перспективы дальнейшей политической централизации, явившиеся результатом усобицы 2-й четв. XV века, получили в правление Ивана III и его преемников дальнейшее развитие и логическое завершение.

Список источников

- Борисов Н.С. 2020. Василий Темный. М., Молодая гвардия, 316 с.
Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. 1950. М.-Л., Изд-во АН СССР, 586 с.
Ипатьевская летопись. 2001. Русские летописи. Т. 11. Рязань, Александрия, 672 с.
Московский летописный свод конца XV века. 2004. Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М., Языки славянской культуры, 488 с.
Повесть Временных лет. 1999. СПб., Наука, 668 с.

Список литературы

- Алексеев Ю.Г. 2018. Государь вся Руси. В кн.: Алексеев Ю.Г. История России в эпоху великого князя Ивана III. СПб., Изд-во Олега Абышко: 546–744.
Бенцианов М.М. 2008. На удельной службе: служилые люди князя Ю.И. Дмитровского. В сб.: Россия и мир: панорама исторического развития: сборник научных статей, посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Екатеринбург, НПМП «Волот»: 505–521.

- Всемирная история. 2013. Т. 3. Мир в раннее Новое время. М., Наука, 854 с.
- Домников С.Д. 2002. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М., Алетея, 672 с.
- Еллинек Г. 1903. Право современного государства. Т. I. Общее учение о государстве. СПб., Изд-во Товарищества «Общественная польза», 532 с.
- Зимин А.А. 1991. Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. М., Мысль, 286 с.
- Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. II. В кн. Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. М.: Мысль, 1988. 447 с.
- Крылов А.О. 2020. Раннее Новое время как исторический период в мировой и отечественной историографии. *Манускрипт*, 13(2): 71–77.
- Леви-Стросс К. 2008. Неприрученная мысль. В кн.: К. Леви-Стросс. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М., Академический проект: 143–501.
- Назаренко А.В. 2009. Древнерусское династическое старейшинство по «Ряду» Ярослава Мудрого и его типологические параллели – реальные и мнимые. В кн.: Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (Древнейшие государства Восточной Европы, 2007 год). М., Русский Фонд Содействия Образованию и Науке: 7–28.
- Тэффлер Э. 2004. Третья волна. М., АСТ, 781 с.
- Филюшкин А.И. 2006. Титулы русских государей. М., СПб., Альянс-Архео, 254 с.
- Шоню П. 2005. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург, У-Фактория, 608 с.
- Kollmann N.S. 2017. The Russian Empire 1450-1801. Oxford: Oxford University Press. 512 p.

References

- Alekseev Yu.G. 2018. Gosudar` vseya Rusi [Sovereign of All Rus']. In: Alekseev Yu.G. Istoriya Rossii v e`poxu velikogo knyazya Ivana III. [History of Russia in the era of Grand Duke Ivan III.]. SPb., Publ. Oleg Aby`shko: 546–744.
- Bentsianov M.M. 2008. Na udel'noi sluzhbe: sluzhilye lyudi knyazya Yu. I. Dmitrovskogo. [In the specific service: the serving people of Prince Yu. I. Dmitrovsky.] In: Rossiya i mir: panorama istoricheskogo razvitiya: sbornik nauchnykh statei, posvyashchen-nyi 70-letiyu istoricheskogo fakul'teta Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta im. A. M. Gor'kogo. [Russia and the World: a Panorama of Historical development: a collection of scientific articles dedicated to the 70th anniversary of the Faculty of History of the Gorky Ural State University]. Ekaterinburg, Publ. NPMP "Volot": 505–521.
- The World History. 2013. Vol. 3. The world in the early modern times. M., Publ. Nauka, 854 p. (In Russian).
- Domnikov S.D. 2002. Mother Earth and Tsar City. Russia as a traditional society. M., Publ. Aleteja, 672 p. (In Russian).
- Ellinek G. 1903. The Law of the Modern State. Vol. I. The general doctrine of the state. SPb., Publ. Tovarishhestvo "Obshhestvennaya pol`za", 532 p. (In Russian)
- Zimin A.A. 1991. Knight at the crossroads. Feudal war in Russia in the 15th century. M., Publ. My`s'l', 286 p. (In Russian)
- Klyuchevsky V.O. 1988. Kurs russkoj istorii [Russian history course]. Part II. In: V.O. Klyuchevsky. Sochineniya v devyati tomax [Works in nine volumes]. M., Publ. My`s'l'. 447 p. (In Russian).
- Kry`lov A.O. 2020. Rannee Novoe vremya kak istoricheskij period v mirovoj i otechestvennoj istoriografii. [Early Modern Times as a Historical Period in World and Russian Historiography]. *Manuskript*, 13(2): 71–77 (In Russian).
- Levi-Stross K. 2008. Nepriuchennaya my`s'l' [La Pensée sauvage]. In: K. Levi-Stross. Totemizm segodnya. Nepriuchennaya my`s'l' [Totémisme aujourd'hui. La Pensée sauvage]. M., Publ. Akademicheskij proekt: 143–501.
- Nazarenko A.V. 2009. Old Russian dynastic eldership according to the "Row" of Yaroslav the Wise and its typological parallels – real and imaginary. In: Ancient Russia and the Slavs (The oldest states of Eastern Europe, 2007). M., Publ. Russkij Fond Sodejstviya Obrazovaniyu i Nauke: 7–28. (In Russian)
- Toffler E`. 2004. The Third Wave. M., Publ. AST, 781 p. (In Russian)
- Filyushkin A.I. 2006. Titles of Russian sovereigns. M.-SPb., Publ. Al`yans-Arxeo, 254 p. (In Russian).
- Shonyu P. 2005. La Civilisation de l'Europe classique. Ekaterinburg, Publ. U-Faktoriya, 608 p. (In Russian).
- Kollmann N.S. 2017. The Russian Empire 1450-1801. Oxford: Oxford University Press. 512 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 13.02.2023
Поступила после рецензирования 09.03.2023
Принята к публикации 20.04.2023

Received February 13, 2023
Revised March 9, 2023
Accepted April 20, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пенской Александр Витальевич, аспирант кафедры теории и истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

 [ORCID 0000-0002-0997-0412](https://orcid.org/0000-0002-0997-0412)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Penskoj, post-graduate student of the Department of Theory and History of State and Law, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.

 [ORCID 0000-0002-0997-0412](https://orcid.org/0000-0002-0997-0412)

УДК 340.111.52

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-3-518-528

Относительные субъективные права как характерная форма жизненного преломления объективного права: опыт обоснования

Трофимов В.В., Вартанян С.Г.

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392036, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33, Российская Федерация
magistr.pocht@yandex.ru; Sam.vartanyan@gmail.com

Аннотация: В процессе исследования форм выражения объективного права была использована как теоретико-правовая, так и более комплексная, в частности философская, научная литература. Авторы анализируют категории объективного права, правоотношения и субъективного права в различных преломлениях и видах, находя в них области пересечения, выражения и дополнения друг друга, подчеркивают необходимость понимания правоотношения как идеальной конструкции. Наряду с этим отмечается, что субъективные права являются ключевой структурной единицей в рамках правоотношения, поскольку именно интерес, лежащий в основе субъективного права (и выдвинувшей его нормы права), в действительности является катализатором появления правоотношения. Это также подтверждается в обосновании в русле концепции естественного права, которая, хотя и не во всем доказуема, но имеет основательный научный базис, и реализация ее должна являться одной из целей любого демократического общества. Наконец, авторы подчеркивают преимущественное значение именно относительных субъективных прав в силу их наиболее естественного и социального характера.

Ключевые слова: объективное право, правоотношение, субъективное право, субъективная обязанность, относительное право, абсолютное право, интерес, коммуникация

Для цитирования: Трофимов В.В., Вартанян С.Г. 2023. Относительные субъективные права как характерная форма жизненного преломления объективного права: опыт обоснования. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 48(3): 518–528. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-518–528

Relative Subjective Rights as a Characteristic Form of a Vital Refraction of Law: Experience of Justification

Vasiliy V. Trofimov, Samvel G. Vartanyan

Derzhavin Tambov State University
33 Internacionalnaya St, Tambov 392036, Russian Federation
magistr.pocht@yandex.ru; Sam.vartanyan@gmail.com

Abstract: In this article, the authors set out to investigate the forms of expression of law. Both theoretical-legal and more complex (in particular, philosophical) scientific literature was used to achieve the goals set. The authors analyze the categories of law, legal relations and subjective right in different refractions and types, finding in them the areas of intersection, expression and complement each other. Thus, the authors emphasize the necessity of understanding the legal relation as an ideal construction. At the same time, it is noted that subjective rights are the key structural unit within the legal relations, since it is the interest underlying the subjective right (and the norm of law that puts it forward) that in reality is

© Трофимов В.В., Вартанян С.Г., 2023

the catalyst for the emergence of legal relations. This is also confirmed in the justification in the vein of the concept of natural law, which, although not provable in everything, has a good scientific basis and its implementation should be one of the goals of any democratic society. Finally, the authors emphasize the superiority of relative subjective rights due to their most natural and sociable nature.

Keywords: law, legal relations, subjective right, subjective obligation, relative right, absolute right, interest, communication

For citation: Trofimov V.V., Vartanyan S.G. 2023. Relative Subjective Rights as a Characteristic Form of a Vital Refraction of Law: Experience of Justification. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(3): 518–528 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-518–528

Введение

Практически в любой науке существует несколько базовых категорий, которые охватывают и (или) пронизывают предмет науки практически целиком. К исследованию данных категорий ученым сообществом должно прикладываться много усилий, поскольку при их изучении, изменении и (или) при отказе от них происходит развитие и совершенствование науки как таковой. К числу таких категорий в праве, думается, по заслугам относится категория субъективного права, которая встречается и используется во всех отраслях права (а потому выводы, сделанные в рамках теоретического исследования о данном предмете, применимы для всех отраслей права), а с точки зрения политико-правового контекста является путеводной звездой любого демократического общества и поэтому заслуживает отдельного и пристального внимания.

В ряду субъективных прав свое принципиально важное место занимают относительные права, природа и практические проявления которых дают основание рассматривать их во многом ключевой формой жизненного преломления объективного права (его целей, задач, миссии в социальной жизни, его нормативных моделей и пр.). Именно в относительных субъективных правах право как система норм (объективное право) получает свою жизненную правовую судьбу (правовую биографию), в них нормы объективного права находят свое продолжение, поскольку порождают круг понятных и конкретных юридических связей управомоченных с обязанными лицами, по поводу конкретных (оговоренных между субъектами правового отношения) объектов и пр. В них объективное право во многом, используя известный науковедческий термин, верифицируется (подтверждается как «верное» практикой реализации).

Выдвинем в этой связи одно из главных предположений (исследовательских гипотез) для целей настоящей статьи – относительные права являются ключевой формой выражения (преломления) и верификации объективного права – и далее попробуем это обосновать, верифицировать (и где-то «фальсифицировать»¹) конструкцию субъективных относительных прав в качестве базовой субстанции объективного права.

¹ Как известно, научная теория, научное знание могут обладать двумя свойствами – верифицируемостью и фальсифицируемостью. С одной стороны, для того, чтобы утверждение было принято за истинное, научное, его можно подтвердить положительными обоснованиями. Например, для того, чтобы сделать вывод, что на улице идет снег, можно посмотреть из окна и увидеть, что, действительно, снег идет. Таким образом, верификация есть подтверждение теории эмпирически установленными фактами. С другой стороны, иногда установление подобных эмпирических фактов может приводить к ошибочным выводам. Так, у наблюдающего может быть нарушение зрения или оптический обман от висящих у окна гирлянд. Поэтому, чтобы сделать действительно научное суждение о том, что на улице идет снег, нужно предпринять попытки к опровержению данного суждения. Например, можно позвать к окну другого человека и попросить взглянуть и подтвердить мнение наблюдавшего, можно открыть окно и посмотреть напрямую на улицу, можно вытянуть руку в окно так, чтобы снежинки оказались на руке, наконец, можно поймать снежинку на специальный прибор с сохранением нужной температуры, исследовать ее в лаборатории и прийти к выводу, что это действительно снежинка. Данный процесс называется фальсифицирование, т. е. опровержение теории, суждения эмпирическим путем. В философии науки принцип фальсификации связывается с именем К. Поппера.

Объективное право и его реализация в рамках правоотношения

Для начала стоит более точно определиться с категорией объективного права. Под правом в объективном смысле в правовой науке понимается «система общеобязательных, формально определенных норм, обеспечиваемых государством и направленных на регулирование поведения людей в соответствии с принятыми в данном обществе устоями социально-экономической, политической и духовной жизни» [Марченко, Дерябина, 2019, с. 167]. Если упростить определение для наших целей, то объективное право является системой правовых норм, т. е. правил поведения.

Каким же образом правила поведения могут отражаться в реальной жизни? Представляется, что происходит это в первую очередь через взаимоотношения между людьми как носителями правовых статусов и соответственно обладателями тех или иных субъективных прав (абсолютных или относительных).

Как известно, право в целом является понятием идеальным. Однако оно воздействует на психику людей и побуждает действовать тем или иным образом. Один из главных столпов психологической теории права Л.И. Петражицкий писал, что именно эмоции, переживания людей являются регулятором общественных отношений [Петражицкий, 2000, с. 85.]. Даже не вдаваясь глубоко в дискуссию о природе права, можно заметить, что по крайней мере основания для подобных утверждений действительно существуют.

Само по себе право представляет собой закрепленные в том или ином виде нормы. Но проявляется право вовне в отношениях между людьми. На идеальном уровне данные отношения выражены через конструкцию правоотношения. Именно правоотношение с юридической точки зрения, определяя взаимоотношения между людьми, на первом уровне является отражением объективного права.

Дело в том, что правила поведения являются во многом метафизическим явлением и, взятые сами по себе, вне субъектов права, были бы ничем. Представим ситуацию, что какое-то из государств решило составить закон, регулирующий отношения между жителями необитаемого острова. Очевидно, что данные нормы не будут реализованы, поскольку юридические факты не будут происходить, и по сути до определенной поры нормы будут являться юридической формальностью, не имеющей практического выражения. Но как только данный остров заселят люди, начнут возникать юридические факты и между людьми станут возникать правоотношения, право в тот же момент получит пространство для выражения и начнет реализовываться. Недаром В.М. Сырых под действительным (действенным) правом понимает ситуацию, когда норма права фактически реализуется субъектами права, т. е. когда возникают правоотношения [Сырых, 2022, с. 186].

При этом необходимо отметить, что под правоотношением мы понимаем категорию именно с идеальным содержанием. Если проанализировать доктрину, то можно прийти к выводу, что существуют два понимания правоотношения:

1. С точки зрения первых ученых, правоотношение есть регулируемое правом общественное отношение. Следовательно, правоотношение включает в себя как фактическую реальность (общественное отношение), так и метафизическую (право, регулирующее это общественное отношение). Можно сказать, что данная традиция по существу берет свое начало с Ф.К. фон Савиньи, который определял данные элементы как «материю» и «юридическое определение этой материи» [Савиньи, 2011, с. 457].

2. Вторая традиция под правоотношением понимает связь прав одного лица с корреспондирующими им обязанностями другого лица (об условности данного определения по-

пера, который пришел к тому, что верификация не является исчерпывающим способом проверки научных теорий и должна обязательно подкрепляться фальсифицированием. Иначе многие астрологические, псевдонаучные суждения были бы приняты за истину (а одной из целей К. Поппера было построение демаркации между научным и ненаучным знанием). По К. Попперу, наука развивается благодаря выдвижению смелых предположений и их последующей критике путем нахождения контрпримеров [Спиркин, 2011, с. 176].

говорим ниже). Одним из представителей данного подхода в отечественной доктрине является С.Ф. Кечекьян [1958]. Следовательно, данный подход отбрасывает жизненные отношения между людьми и анализирует лишь идеальную составляющую. Согласно данной теории правоотношение индивидуализирует норму к конкретным субъектам. Так, нормы, регулирующие отношения купли-продажи, индивидуализируются в правоотношении по купле продаже между А и Б.

Оба обозначенных подхода имеют свои положительные стороны, однако явный недостаток первого подхода – невозможность объяснить процессуальные правоотношения, поскольку между субъектами до реализации нормы отсутствует «материя», фактические отношения. Субъекты вступают друг с другом в правоотношения только при появлении юридической реальности. Второй подход уводит на задний план фактическую составляющую, без которой многие юридические связи просто не могли бы мыслиться. Необходимо ориентироваться здесь некий синтез фактического и юридического. И возможно мы обнаружим его в субъективных относительных правах.

Так или иначе, мы пришли к выводу, что существует правоотношение как идеальное явление, выражающее объективное право и влияющее на действия субъектов права вовне. При этом содержанием правоотношения являются права и обязанности. Безусловно, в большинстве случаев данные категории существуют во взаимосвязи – праву корреспондирует обязанность. Но можно ли сказать, что какой-либо из элементов содержания правоотношения имеет приоритет?

Субъективное право как ключевая структурная единица правоотношения

В истории правовой науки было несколько примеров конструирования права через обязанности или смешения права и обязанности и тем самым нивелирования категории субъективного права.

Яркую попытку обоснования отсутствия субъективных прав и, следовательно, приоритета субъективных обязанностей предпринял Г. Кельзен. С точки зрения правоведа, теория права страдает дуалистическим методом мышления, который применяется также в разграничении права на объективное и субъективное. В частности, Г. Кельзен считает, что субъективное право в действительности является отражением обязанности, то есть создается «видимость двух юридически релевантных положений дел [права и обязанности] там, где реально наличествует лишь одно [обязанность]». Г. Кельзен считает субъективные право и обязанность настолько корреспондирующими друг другу, симметричными, что все можно описать через обязанность, а она, по теории ученого, является нормой для данного обязанного лица, связывающей его противоположное поведение возможной санкцией [Кельзен, 2015, с. 165].

При этом слабым местом в теории Г. Кельзена является возможность распоряжения. Ведь вне зависимости от того, как описывать обязанности, ими невозможно описать возможность распоряжения правами управомоченного лица, поскольку это – сфера его собственного усмотрения, от которого зависит возникновение, изменение или прекращение правоотношений. Также, например, если рассмотреть право на защиту, то очевидно, что реализация данной субъективной возможности зависит только от управомоченного лица и никакими обязанностями данную субъективную возможность описать не удастся.

Другой ученый, отрицающий ключевое значение субъективных прав, – Л. Дюги. Генеральной идеей в концепции Л. Дюги является идея социальной солидарности, согласно которой все общество взаимосвязано в силу общих потребностей и разделения труда [Нерсисянц и др., 2004]. В отношении субъективных прав можно привести следующий пример: на первый взгляд, хозяин булочной – хозяин своего предприятия и вправе по своему усмотрению дать работникам выходной или закрыть предприятие, однако, если на весь город одна булочная, то при предоставлении собственнику булочной такой возмож-

ности город на какой-то момент окажется без хлеба. Л. Дюги не отрицает субъективное право в принципе, а предлагает его ограничить, устранить диспозитивность, потому что права предоставлены для чего-то, у них есть определенные функции. Таким образом, ученый видит право одновременно и обязанностью, и в определенном смысле для Л. Дюги все субъективные права моделируется по образцу того, что Р. фон Иеринг именовал «рефлексами» объективного права [Третьяков, 2022, с. 241]. Как считал ряд ученых, данная теория во многом стала основой для известной ст. 1 Гражданского кодекса РСФСР 1922 года, в которой говорилось о том, что права охраняются законом, если они осуществляются в соответствии с их социально-хозяйственным назначением [Грибанов, 2022, с. 68].

На первый взгляд может показаться, что теория Л. Дюги звучит довольно убедительно и вызвана реальными жизненными потребностями начала XX века, однако ключевым недостатком в теории представляется источник определения самих социальных функций прав. Если их определяет государство или кто-то иной, помимо самого управомоченного лица, то это может привести к созданию авторитарного или даже тоталитарного общества.

Наконец, в дополнение к проводимым рассуждениям (и подводя читателя к основному предмету изучения) рассмотрим теорию видного немецкого ученого конца XIX – начала XX веков А. Тона, который является родоначальником теории императивов в праве. Согласно ученому, право можно описать с помощью запретов и предписаний (обязанностей)¹. Ученый пытался показать, что право регулирует отношения между людьми, а поэтому, наложив обязанности на третьих лиц или конкретно обязанных лиц, законодатель будет обеспечивать зону свободы для управомоченного лица, притязание которого будет возникать только в случае нарушения обязанности [см.: Тон, 2013].

Теория А. Тона также не позволяет элиминировать конструкцию субъективного права, поскольку так же, как и в теории Г. Кельзена, слабым местом являются распорядительные возможности субъекта. В связи с тем, что лицо вправе само решать, подавать или не подавать иск, акцептовать или не акцептовать оферту, данные правомочия не могут описываться исключительно с помощью обязанностей иных лиц. Для уточнения отметим, что претерпевание акцепта не является обязанностью, поскольку лицо не может ничего нарушить, а может только претерпевать реализацию секундарного права управомоченным лицом [Лейст, 1962].

Как пишет Н.И. Матузов, в советский период также предпринимались попытки отвергнуть категорию субъективного права как устаревшую и ненужную науке, а в отдельных учебниках его именовали «правомочием». Однако в дальнейшем данные попытки не получили поддержки [Матузов, 1999, с. 131].

Таким образом, ни одна из проанализированных теорий не может свести субъективное право к обязанностям. Главное, что необходимо вынести из анализа подобных теорий, это то, что объективное право способно себя проявить в полной мере только через феномен субъективных прав (и прежде всего, прав относительных). Можно ли все право описать с помощью субъективных прав? Разумеется, нет, поскольку поведение обязанных лиц в относительных правах довольно сложно описать без субъективной обязанности одним лишь рефлексом нормы права (полагаем, что скорее всего, такой подход может быть применим при описании абсолютных прав).

Несмотря на это именно субъективное право практически всегда имеет приоритет в правоотношении и является первоочередным элементом по отношению к обязанностям. Разглядеть это можно как в Конституциях всех стран, так и в отдельных отраслях, где конституционные нормы находят специальное применение.

¹ Для простоты исследования примем за должное, что запрет вытекает из обязанности (т. е. запрет совершать убийство вытекает из обязанности не нарушать право на жизнь других лиц), поэтому далее будем оперировать именно категорией обязанности.

Так, как известно, Конституции многих стран содержат разделы, посвященные правам, свободам и обязанностям человека и гражданина. При этом во всех известных авторам Конституциях именно права и свободы занимают большую часть раздела, а обязанности, наоборот, представляют собой лишь незначительный перечень, среди которых обычно обязанности уплачивать налоги, защищать отечество и т. д. То есть, согласно Конституции, при конструировании правоотношений государство в первую очередь исходит из субъективных прав. При этом даже при установлении обязанностей государство делает это не просто так, а для каких-то целей, защищая какие-либо интересы. Например, при установлении обязанности защищать Отечество государство защищает публичный интерес по безопасности¹. Таким образом, данное правоотношение можно представить как право государства против обязанности гражданина, в котором именно субъективное право имеет приоритет и является катализатором возникновения правоотношений, ведь если бы общество (чьи интересы представляет государство) не нуждалось в защите и безопасности, никто и не был бы заинтересован в установлении обязанности по защите отечества.

Далее рассмотрим регулирование в более частных отраслях права. Наиболее просто понять приоритет субъективных прав в гражданском праве. Пожалуй, это единственная отрасль права, построенная на классификации субъективных прав²: например, вещное право, обязательственное право, интеллектуальное право, наследственное право. Именно по данной категоризации строится пандектная система гражданского права и поэтому очевидно, что обязанности вытекают из субъективных прав (например, обязанность по ненарушению чужого права собственности существует не просто так, а исходя из необходимости для правопорядка охранять полное господство собственника над вещью).

При этом в других отраслях права приоритет также имеют субъективные права. Например, в трудовом праве обязанности работодателей изначально конструировались (преимущественно, еще в начале XX века) для защиты интересов работников, как менее защищенного класса. То есть государство осуществляло своего рода патерналистскую функцию.

Если взять уголовное право, то на первый взгляд оно состоит практически из одних обязанностей, запрещающих совершение каких-либо действий. Однако в действительности все данные обязанности первоначально вызваны интересами общества и, следовательно, государства на сохранение безопасности в тех или иных сферах жизни. Например, запрет на совершение налоговых преступлений корреспондирует праву общества и государства на получение налогов, которое предусмотрено для реализации социально-значимых проектов и удовлетворения иных публичных интересов.

Аналогичным образом во всех других отраслях права ключевым приоритетом и отправной точкой является субъективное право, поскольку в абсолютном большинстве случаев³ оно содержит в себе интерес, который поощряется и защищается законодателем.

Наконец, в пользу такого подхода говорит теория естественного права. Хотя некоторые постулаты данной концепции трудно доказуемы (например, заключение общественного договора при создании государства), ряд положений заслуживает полной поддержки. Среди таких положений – тезис о том, что некоторые права являются естественными и существуют вне зависимости от их признания государством. Иначе, если придерживаться позитивистского подхода, то можно прийти к признанию тоталитарного общества, в котором государство может устанавливать любые античеловечные законы по своему усмотрению. Недаром римляне говорили *ius est ars boni et aequi* (право есть искусство добра и

¹ Оговоримся, что мы не поддерживаем в полной мере идею Л. Дюги о социальных функциях. Речь лишь о том, что субъективное право в абсолютном большинстве случаев содержит в себе интерес.

² Если брать, конечно, не институциональную систему (поскольку при ее зарождении субъективных прав не было, а были только иски), а пандектную.

³ Мы делаем такую оговорку, поскольку бывают случаи, когда при отсутствии интереса лицу предоставлены субъективные права (например, право на наследование предоставлено лицу, хотя пассивов в наследстве больше, чем активов).

справедливости), значит любой закон необходимо оценивать с точки зрения двух данных критериев, и все, что не есть добро и справедливость, то не является правом. К слову, по этому мы поддерживаем позицию Д.Д. Гримма о том, что субъективное право не является исключительно продуктом объективного права [Гримм, 2022].

Таким образом, с помощью методов верификации и фальсификации мы показали, что объективное право проявляется вовне (как на идеальном, так, пожалуй, и на материальном уровне) посредством конструкции правоотношения. При этом в рамках правоотношений именно субъективное право, а не обязанность, имеет приоритет и обуславливает структуру правоотношения (например, субъектов, объект и т. д.).

Относительные права как приоритетный вид субъективных прав

Как известно, субъективные права бывают разных видов, и поэтому логически может вытекать следующий вопрос: если субъективные права являются ключевой формой верификации объективного права, можно ли выделить какой-нибудь наиболее естественный или преимущественный вид субъективных прав? Представляется, что на данный вопрос можно ответить утвердительно.

В теории права субъективные права по критерию определенности обязанных лиц делятся на абсолютные и относительные. Субъекту абсолютного права противостоит «всякий и каждый». Субъект относительного права, в свою очередь, состоит в правоотношении, имеет в качестве обязанного одно или несколько строго определенных лиц. В качестве ключевого примера абсолютного права обычно приводится право собственности, а в качестве примера относительного права – обязательственное право из договора. При этом из данного деления обычно делается вывод, что абсолютное право может нарушить кто угодно, а относительное право – только одно или несколько заранее определенных лиц [Эннексерус, 1949, с. 274; Гонгало и др., 2017, с. 83].

На первый взгляд данное деление звучит довольно логично и убедительно. Но попробуем рассмотреть существо абсолютного права и структуру правоотношений, в которых они находятся. Так, субъекту права собственности противостоит всякое третье лицо. Это означает, что с правовой точки зрения существуют отношения между незнакомыми друг другу лицами, которые могут даже находиться на разных континентах. Во-первых, данная конструкция накладывает обязанности на лиц, которые даже могут не иметь представления о наличии правоотношений. Например, лицо, проживающее в России, не может знать о том, что пара итальянцев на свадьбу получили в подарок набор антикварной посуды, однако вне зависимости от этого знания, лицо будет обязано по отношению к новым собственникам – итальянским молодоженам. Во-вторых, посредством выделения правоотношения, например, собственника со всяким третьим лицом создается фиктивная конструкция. Как мы указывали ранее, мы полагаем, что правоотношение представляет собой во многом юридическую, идеальную связь, однако невооруженным глазом видно, что конструкция абсолютных правоотношений значительно усложняет правовую действительность и делает значительно более сильным разрыв между фактическими общественными отношениями и правоотношениями.

Как же обстоит дело с относительными правами? Относительные права и, следовательно, относительные правоотношения представляют собой связь между строго определенными лицами, стороны которых в абсолютном большинстве случаев знают о существовании правоотношения и о субъектах правоотношения. Поэтому, как представляется, именно относительные субъективные права являются наиболее естественными и непротиворечивыми субъективными правами.

Еще в античности школа софистов большое внимание уделяла человеку, субъективизму. Во времена софистов субъективизм в Греции развился во всех проявлениях греческой жизни – и в философии, и в искусстве [Ягодинский, 1906, с. 5]. Великий софист Про-

тагор говорил, что человек есть мера всех вещей. Хотя данное изречение в основном посвящено познанию и не сильно связано с относительными правоотношениями, можно сказать, что софисты стали одними из основоположников антропоцентричной философии, которая во многом побудила к изучению человека и человеческих взаимоотношений, которые и представлены в учении об относительном правоотношении и отличают его от абсолютного правоотношения, в котором как таковое взаимодействие людей отсутствует.

Основы для преимущественности относительных правоотношений (их ядре в виде относительных субъективных прав) можем найти также и в других областях философского знания. В различное время ученые изучали взаимодействие между людьми.

Так, известный немецкий философ К. Ясперс указывал, что коммуникация составляет всеохватывающую сущность человеческого бытия. Вне коммуникации, считает ученый, немислима и человеческая свобода со всеми ее степенями. Все, что есть человек и что есть для человека, обретается прежде всего в коммуникации [приводится по: Спиркин, 2011, с. 168]. Таким образом, коммуникация по К. Ясперсу является основным феноменом и условием человеческого существования.

К. Ясперс говорит, что человеческий разум требует беспредельной коммуникации, поскольку только в коммуникации, при взаимодействии экзистенций может быть открыта истина. Философ сравнивает две веры: веру в Бога и веру в философию. Первую он описывает, как удаление от людей в поиске абсолютной истины, характеризующуюся как замкнутая монада, что никто не может выйти из себя, а коммуникация есть иллюзорная идея. Веру в философию К. Ясперс синонимизирует с верой в коммуникацию и характеризует с помощью двух положений: 1) истина это то, что объединяет людей, и 2) в коммуникации содержатся истоки истины. Философ считает, что при объединении людей находится истина, которая не может быть достижима и теряется в изоляции, своеволии и замкнутом одиночестве [Ясперс, 1991, с. 442].

Если попробовать развить учение К. Ясперса для нашей сферы, то окажется, что абсолютные права (хотя они и являются бесспорными и, безусловно, важными) имеют второстепенное значение, поскольку для их осуществления или в их содержании не требуется или не наблюдается коммуникация между людьми, которая необходима для поиска и достижения истины. Взаимодействие людей применительно к абсолютным правам может произойти только при нарушении абсолютного права (фактически такая ситуация будет влечь возникновение относительных правоотношений). Относительные права, напротив, как раз в своем содержании предусматривают коммуникацию, взаимодействие людей.

Похожий подход можно наблюдать во взглядах ключевой фигуры для символического интеракционализма Дж. Мида. Ученый полагал, что человек развивается и приобретает свое истинное лицо лишь в социуме, при взаимодействии с другими личностями. Социальное целое в концепции философа первично по отношению к индивидуальному разуму, сначала идет социальная группа, и она приводит к мыслительному потоку самосознания [Ритцер, 2002, с. 243]. «Самость» (т. е. самостоятельность, индивидуальность) индивида может возникнуть только в рамках общества, поскольку она предполагает социальный процесс, коммуникацию между людьми. В отсутствие социального опыта возникновение «самости» представить невозможно [Ритцер, 2002, с. 252].

Для осознания важности социального опыта представим себе следующую ситуацию: в новообразованном государстве законодатель плохо защитил относительные права. Что может произойти с таким обществом? Представляется, что из-за отсутствия регулирования относительных прав количество социальных взаимодействий между людьми будет минимально, а социализация будет происходить только в рамках семьи. Подобная ситуация может привести к созданию сильно отстающего общества как с экономической, так и с социальной точек зрения.

Наконец, рассмотрим учение Р. Штамллера – известного немецкого юриста и философа права. Он полагал, что цель права состоит в регулировании совместного поведения

членов общества, которое направлено на удовлетворение потребностей [Козлихин и др., 2007, с. 367]. Философ подчеркивал, что коммуникация является единственной идеей, безусловно действительной для всякого права [Штамлер, 1908, с. 75]. Р. Штамлер считал, что справедливое право – это специальным образом построенное положительное право. К справедливому праву, по мнению Р. Штамллера, относятся те положения, которые обладали свойством формальной справедливости. Это свойство он видел в тех правовых нормах, чье содержание соответствовало социальному идеалу, который Р. Штамлер мыслил в идее человеческого общения или социальной коммуникации (лежащей, по Р. Штамллеру, в основе понятия права) [Козлихин и др., 2007, с. 367].

Таким образом, по философии Р. Штамллера относительные права также имеют приоритет, поскольку обеспечивают совместное взаимодействие между людьми, которое направлено на удовлетворение их потребностей.

Заключение

В итоге на основе проведенных последовательных размышлений резонно сделать исследовательский вывод, что объективное право из абстрактной формы становится правовой реальностью, включаясь в системы общественных связей, преобразуясь в форму правовых отношений и в реальных правовых связях получая свою жизненную данность. Но при этом на глубинном уровне (содержательном уровне) индикацией (формой индикации, верификации, реального проявления) объективных правовых моделей становятся не столько юридические обязанности, сколько субъективные права, причем те из них, которые имеют относительную природу, вытекая из установленных договорных и прочих взаимнообязательственных отношений, где на одной стороне лицо обязанное, а на другой – управомоченное лицо, и наоборот, при этом понятно, с чем конкретно связаны те или иные обязательства и корреспондирующие им субъективные права лиц. В таких отношениях объективное право как бы «разливается» в социальных ситуациях, становится тканью общественных отношений, и в этом заключаются социальные сила и значение относительных прав, определяющих «действительность» права как такового (объективного права).

Список источников

- Гражданское право. 2017. В 2 т. Под ред. Б.М. Гонгало. Т. 1. М., Статут, 511 с.
История политических и правовых учений. 2004. Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., Норма, 944 с.
История политических и правовых учений. 2007. СПб., Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета, СПбГУ, 856 с.
Марченко М.Н., Дерябина Е.М. 2019. Теория государства и права. М., Проспект., 432 с.
Спиркин А.Г. 2011. Философия. М., ИД Юрайт, 828 с.

Список литературы

- Кельзен Г. 2015. Чистое учение о праве. Пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. СПб., ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 542 с.
Грибанов В.П. 2022. Осуществление и защита гражданских прав. М., Статут, 414 с.
Гримм Д.Д. 2022. Юридическое отношение и субъективное право. *Вестник гражданского права*, 2: 136–174.
Кечекьян С.Ф. 1958. Правоотношения в социалистическом обществе. М., Издательство АН СССР, 187 с.
Матузов Н.И. 1999. О праве в объективном и субъективном смысле: гносеологический аспект. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*, 4(227): 129–143.
Петражицкий Л.И. 2000. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 608 с.
Ритцер Дж. 2002. Современные социологические теории. СПб., Питер, 688 с.
Тон А. 2013. Правовая норма и субъективное право. Исследования по общей теории права (часть пятая). *Вестник гражданского права*, 1: 241–280.

- Третьяков С.В. 2022. Д.М. Генкин, дискуссия об абсолютных правах вне правоотношений и некоторые вопросы классификации субъективных гражданских прав. *Вестник гражданского права*, 4: 151–188.
- Третьяков С.В. 2022. Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике: дисс. ... докт. юрид. наук. М., 495 с.
- Савиньи Ф.К. фон. 2011. Система современного римского права. Т. I. Пер. с нем. Г. Жигулина; род ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М.: Статут, 510 с.
- Сырых В.М. 2022. Основы материалистической теории права: в 4 т. Т. 1: Объективное право и формы его выражения. М., Юрлитинформ. 568 с.
- Штаммлер Р. 1908. Сущность и задачи права и правоведения. М., Тип. т-ва И.Д. Сытина, 166 с.
- Эннекцерус Л. 1949. Курс германского гражданского права. М., 431 с.
- Ягодинский И.И. 1906. Софист Протагор. Казань. Типо-литография Императорского Университета, 35 с.
- Ясперс К. 1991. Смысл и назначение истории. Пер. с нем. М., Политиздат, 527 с.

References

- Kel'zen Gans. 2015. *CHistoe uchenie o prave* [Pure doctrine of law]. Translated from German. M.V. Antonova i S.V. Lëzova. SPb., Publ. Alef-Press, 542 p.
- Gribanov V.P. 2022. *Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskih prav* [Implementation and protection of civil rights]. М., Statut, 414 p.
- Grimm D.D. 2022. *YUridicheskoe otnoshenie i sub"ektivnoe pravo* [Legal attitude and subjective law]. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2: 136–174.
- Kechek'yan S.F. 1958. *Pravootnosheniya v socialisticheskom obshchestve* [Legal relations in a socialist society]. М., Publ. AN SSSR, 187 p. (in Russian)
- Matuzov N.I. 1999. *O prave v ob"ektivnom i sub"ektivnom smysle: gnoseologicheskij aspekt* [On law in the objective and subjective sense: the epistemological aspect]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie*, 4 (227): 129–143.
- Petrazhickii L.I. 2000. *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei pravstvennosti* [The theory of law and the state in connection with the theory of morality]. SPb., 608 p.
- Ritser Dzh. 2002. *Sovremennye sociologicheskie teorii* [Modern sociological theories]. SPb., Publ. Piter, 688 p.
- Ton A. 2013. *Pravovaya norma i sub"ektivnoe pravo. Issledovaniya po obshchej teorii prava (chast' pyataya)* [Legal norm and subjective law. Research on the general theory of law (part five)]. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 1: 241–280.
- Tret'yakov S.V. 2022. D.M. Genkin, diskussiya ob absolyutnyh pravah vne pravootnoshenij i nekotorye voprosy klassifikacii sub"ektivnyh grazhdanskih prav [D.M. Genkin, discussion on absolute rights outside legal relations and some issues of classification of subjective civil rights]. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 4: 151–188.
- Tret'yakov S.V. 2022. *Development of the doctrine of subjective private law in foreign civil law: diss. ... doctors of law. sciences'*. М., 495 p. (in Russian)
- Savin'i F.K. fon. 2011. *Sistema sovremennogo rimskogo prava*. [The system of modern Roman law]. Vol. I. Translated from German G. ZHigulina; ed. O. Kutateladze, V. Zubarya. М., Publ. Statut, 510 p. (in Russian)
- Syryh V.M. 2022. *Osnovy materialisticheskoi teorii prava* [Fundamentals of the materialistic theory of law]: in 4 vol. Vol. 1: *Ob"ektivnoe pravo i formy ego vyrazheniya*: Objective law and the forms of its expression. М., Publ. YUrlitinform, 568 p.
- Shtammmler R. 1908. *Sushchnost' i zadachi prava i pravovedeniya* [The essence and tasks of law and jurisprudence]. М., Publ. Printing house of the I.D. Sytin partnership, 166 p.
- Ennekcerus L. 1949. *Kurs germanskogo grazhdanskogo prava* [Course of German civil law]. М., 431 p.
- YAgodinskij I.I. 1906. *Sofist Protogor* [The sophist Protagoras]. Kazan', Publ. Typo-lithography of the Imperial University, 35 p.
- YAspers K. 1991. *Smysl i naznachenie istorii* [The meaning and purpose of history]. Translated from German. М., Publ. Politizdat, 527 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцію 14.03.2023
Поступила после рецензирования 30.03.2023
Принята к публикации 18.04.2023

Received March 14, 2023
Revised March 30, 2023
Accepted April 18, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Трофимов Василий Владиславович, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, г. Тамбов, Россия.

Вартанян Самвел Гарикович, аспирант кафедры теории и истории государства и права, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, г. Тамбов, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vasiliy V. Trofimov, Doctor of Law, professor of the Department of Theory and History of State and Law, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia.

Samvel G. Vartanyan, PhD student of the Department of Theory and History of State and Law, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia.

УДК 343.2/.7

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-3-529-539

Государственные преступления в проекте Уголовного уложения 1918 года

Трошкина Д.Э.

Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени И.Д. Путилина
Российская Федерация, 308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71
troshkinadiana@mail.ru

Аннотация: В настоящее время особое внимание органов государственной власти Российской Федерации требует обеспечение государственной безопасности, в том числе защиты граждан и государства от внешних и внутренних угроз. Немаловажное значение для российского государства приобретает советский опыт пресечения государственных преступлений. В связи с этим автором проведено исследование законопроекта «Свод законов русской революции. Часть пятая. Уголовное уложение. Издание 1918 года» с целью определения общественных отношений, подлежащих защите при образовании «нового» советского государства, санкций за совершение данных преступных деяний, а также выявления изменений, вносимых в уголовно-правовые нормы на основе Уголовного уложения 1903 года и принятым за период 1917–1918 гг. декретам советской власти. Анализ составов государственных преступлений показал компромиссный переход от законодательства Российской Империи к законодательству РСФСР, в котором сочетались как уголовно-правовые нормы о преступных деяниях против государства и власти, регламентированных дореволюционным Уголовным уложением 1903 года, так и новые составы государственных преступлений, формирующихся в советском государстве. При этом раздел «Преступления против государства и государственного управления» стоял на первом месте в системе особенной части Уголовного уложения 1918 года, так как защита государственных интересов выступала приоритетным направлением в политике советской власти.

Ключевые слова: государственные преступления, Уголовное уложение 1918 года, законотворчество, И.З. Штейнберг, уголовное право, советское государство

Для цитирования: Трошкина Д.Э. 2023. Государственные преступления в проекте Уголовного уложения 1918 года. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 48(3): 529–539. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-529–539

State Crimes in the Draft Criminal Code of 1918

Diana E. Troshkina

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia
71 Gorky St, Belgorod 308024, Russian Federation
troshkinadiana@mail.ru

Abstract. Currently, the special attention of the state authorities of the Russian Federation requires ensuring state security, including the protection of citizens and the state from external and internal threats. The Soviet experience of suppressing state crimes is of no small importance for the Russian state. In this regard, the author conducted a study of the draft law "Code of Laws of the Russian Revolution. Part five. Criminal code. The 1918 edition" in order to determine the social relations subject to protection during the formation of a "new" Soviet state, sanctions for committing these criminal acts, as well as to identify changes made to criminal law norms based on the Criminal Code of 1903 and the decrees of the Soviet

© Трошкина Д.Э., 2023

government adopted during the period 1917-1918. The analysis of the elements of state crimes showed a compromise transition from the legislation of the Russian Empire to the legislation of the RSFSR, which combined both the criminal law norms on criminal acts against the state and the authorities regulated by the pre-revolutionary Criminal Code of 1903, and the new elements of state crimes formed in the Soviet state. At the same time, the section "Crimes against the state and public administration" was in the first place in the system of the special part of the Criminal Code of 1918, since the protection of state interests was a priority in the policy of the Soviet government.

Keywords: state crimes, Criminal Code of 1918, lawmaking, I.Z. Steinberg, criminal law, the Soviet state

For citation: Troshkina D.E. 2023. State Crimes in the Draft Criminal Code of 1918. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(3): 529–539 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-529–539

Введение

В настоящее время в условиях нарастающей геополитической напряженности, усилении межгосударственных противоречий, обострении внутривластных проблем, особого внимания органов государственной власти Российской Федерации заслуживает обеспечение государственной безопасности, в том числе защита граждан и государства от внешних и внутренних угроз. В частности, Федеральным собранием Российской Федерации проводятся мероприятия, направленные на совершенствование уголовно-правовой сферы охраны национальных интересов России. Только в 2022 году в главу 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» Уголовного кодекса Российской Федерации было внесено 12 поправок, связанных с дополнением кодекса новыми статьями (ст. 275.1, 280.4, 282.4, 283.2¹, 280.3², 281.1, 281.2, 281.3³, 284.2⁴) и внесением изменений и дополнений в действующие (ст. 275, 276, 284.1)⁵. В 2023 году в указанную главу были внесены изменения, направленные на ужесточение уголовной ответственности за совершение государственной измены (ст. 275) и диверсии (ст. 281)⁶. Также Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен новой уголовно-правовой нормой об оказании содействия в исполнении решений международных организаций, в которых Российская Федерация не участвует, или иностранных государственных органов (ст. 284.3)⁷. В связи с активной трансформацией современного уголовного законодательства немаловажное значение приобретает накопленный российским государством советский опыт пресечения государственных преступлений.

¹ Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421797/ (дата обращения: 10.07.2023).

² Федеральный закон от 18 марта 2023 г. № 58-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_442341/ (дата обращения: 10.07.2023).

³ Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 586-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_436121/ (дата обращения: 10.07.2023).

⁴ Федеральный закон от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410887/ (дата обращения: 10.07.2023).

⁵ Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421797/ (дата обращения: 10.07.2023).

⁶ Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 157-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_446110/ (дата обращения: 10.07.2023).

Обращаясь к истории советского уголовного законодательства по предотвращению преступлений против государства и власти, необходимо отметить, что пресечение данных противоправных деяний имело первостепенное значение для советского государства. В связи с этим уже в первые годы советской власти остро назрел вопрос о криминализации данных посягательств в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года. Его принятию предшествовал достаточно активный законотворческий процесс.

Одним из малоизученных проектов уголовного права советского периода является проект Уголовного уложения 1918 года, разработанный комиссией народного комиссариата юстиции под руководством Исаака Захаровича Штейнберга. В советской литературе указанный документ подвергался достаточно строгой критике в силу того, что проект не соответствовал радикальным политико-правовым отношениям, складывавшимся в советском государстве. Более того, в официальной историографии уголовного права фактически не упоминается об Уголовном уложении 1918 года. В свою очередь, современные ученые в области уголовного права признают данный документ самостоятельным нормативным актом, правовым памятником, в котором нашли отражение уголовно-правовые идеи как дореволюционного, так и советского уголовного права [Токарева, 2019, с. 155]. По мнению Ю.В. Грачевой, А.И. Чучаева, С.В. Маликова, исключение из числа исторических источников «Советского уголовного уложения» в силу того, что оно не было реализовано на практике, «приводит к искаженным представлениям по ряду наиболее принципиальных вопросов уголовной политики государства и уголовного права» [Грачева, 2015, с. 6].

В настоящее время имеется ряд исследований, посвященных изучению Уголовного уложения 1918 года. Так, об истории создания данного документа и его появлении в советском законодательстве писала Л.И. Антонова [2008]. Достоинства и недостатки Уголовного уложения 1918 года отмечал А.И. Чучаев, к которым он относил преимущество дореволюционного уголовного законодательства, отражение в документе социальных потребностей советского государства, слабовыраженную общую часть, отсутствие четкой систематизации норм особенной части [Чучаев, 2012]. О ценности, которую представляет собой Уголовное уложение 1918 года, пишет Е.В. Щелконогова, утверждая, что данный источник может представлять интерес не только для исследователей уголовного права, но и для истории права, «поскольку оно было разработано во время разрушения государственно-политического строя царской России и создания «нового» Советского государства» [Щелконогова, 2016, с. 134].

Несмотря на многообразие исследований Уголовного уложения 1918 года, в юридической науке отсутствует конкретизированный правовой анализ составов государственных преступлений.

Целью данной статьи является определение общественных отношений, подлежащих защите при образовании «нового» советского государства, санкций за совершение данных преступных деяний, а также выявления изменений, вносимых в уголовно-правовые нормы на основе Уголовного уложения 1903 года и принятым за период 1917–1918 гг. декретам советской власти.

Подготовка законопроекта Уголовного уложения 1918 года под руководством И.З. Штейнберга

Уголовное уложение 1918 года было разработано кодификационным отделом народного комиссариата юстиции (далее НКЮ) под руководством Исаака (Ицхак-Нахман) Захаровича Штейнберга (1888–1957) – политического деятеля, ученого, народного комиссара юстиции (с 26 ноября 1917 г. по 18 марта 1918 г.), члена партии левых эсеров.

Согласно плану работы народного комиссариата юстиции от 19 декабря 1917 г. «О плане работы Народного Комиссариата Юстиции» в организации были образованы шесть отделов по соответствующим направлениям деятельности. Подготовка и разработка

«полного свода действующих законов Русской Революции»¹ вменялась в компетенцию третьего отдела (кодификационного). Структура второго отдела (законодательных предположений) подразделялась на шесть отделений. Интересно отметить, что вопросами уголовной политики занимались представители партии левых социалистов-революционеров, а не большевиков. Так, в компетенцию второго отделения входило уголовное судопроизводство (ответственный И.З. Штейнберг), четвертого – вопросы уголовного права (руководитель Д.А. Черепанов – член партии левых эсеров), шестого – редактирование всех законопроектов перед поступлением их на утверждение в совет народных комиссаров. Редактором последнего являлся А.А. Шрейдер (член партии левых эсеров). Руководитель НКЮ И.З. Штейнберг по совместительству заведовал отделом личного состава и судопроизводства, а также отделом тюремного управления.

Исаак Захарович был духовно сильной личностью с внутренним стержнем. Он являлся сторонником революционной законности в деятельности органов государственной власти. И.З. Штейнберг осуждал политику большевиков за применение смертной казни, массового террора к мирному населению, проведение незаконных арестов, обысков и выемок. «Массовый террор нарушает все человеческие и божеские права и чувства, он ужасен и страшен. Он поэтому – антиморален», – позже, 1923 году, писал народный комиссар юстиции в книге «Нравственный лик революции» [Штейнберг, 1923, с. 91].

Активная позиция народного комиссара юстиции и отстаивание политических взглядов, которые заключались в отказе от применения жестоких мер, репрессий, привели к конфликту с большевиками, считавшими только насилие и террор эффективными средствами борьбы с политическими противниками. И.З. Штейнберг так и не смог смириться с трагическими последствиями «красного террора», захлестнувшего всё пространство советской России, а также с заключением Брест-Литовского мирного договора 3 марта 1918 года. В знак протеста против ратификации данного документа 15 марта 1918 г. народный комиссар юстиции покинул свой пост и вышел из состава совета народных комиссаров. Он считал, что российская революция должна стать уроком для всех народов, готовящихся к восстанию, и называл её «гогофой» и грандиозным примером насилия.

Проект левых эсеров «Свод законов Русской Революции. Часть пятая. Уголовное уложение. Издание 1918 года»

В марте 1918 г. был подготовлен проект «Свод законов Русской Революции. Часть пятая. Уголовное уложение. Издание 1918 года». Как отмечает Л.И. Антонова, левые эсеры представляли Свод законов Русской Революции как «новое издание (1918 г.) Свода законов Российской Империи, который следовало лишь привести в соответствие с «республиканским строем» [Антонова, 2008, с. 137]. Основу документа составило Уголовное уложение 1903 года², а также принятые за период 1917–1918 гг. декреты советской власти. Левые эсеры пытались обеспечить преемственность дореволюционного и советского законодательства. В объяснительной записке к проекту Уголовного уложения 1918 года редактором кодификационного отдела А.А. Шрейдера указывалось: «Приступая к пересмотру Уголовного уложения в целом, Народный комиссариат юстиции счел необходимым в корне его переработать и пересмотреть с точки зрения нового революционного правосознания»³.

¹ План работы народного комиссариата юстиции от 19 декабря 1917 г. «О плане работы Народного Комиссариата Юстиции» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1917-1918. № 12. Ст. 171.

² Новое Уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г., неофиц. изд. Санкт Петербург, 1903. 253 с.

³ Объяснительная записка к проекту Уголовного Уложения 1918 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 353. Оп. 2. Ед. хр. 164. Л. 36.

Проект Уголовного уложения 1918 года состоял из семи разделов. Первый из них объединял нормы общей части уголовного права, остальные разделы были посвящены общественно-опасным деяниям, таким как: «а) преступления против государства и государственного управления; б) преступления против общественного порядка и спокойствия; в) преступления против личности; г) преступления против имущественных прав; д) преступления против народного хозяйства; е) преступления по должности» [Грачева, 2015, с. 20]. При этом раздел «Преступления против государства и государственного управления» стоял на первом месте после общих положений Уголовного уложения 1918 года, тогда как «Преступления против личности» располагались в разделе четвертом. Как справедливо отмечает Е.В. Щелконогова, данная последовательность разделов «связана с советской общеполитической и уголовной идеологией, основанной на принципе преобладания коллективных, общественных интересов над потребностями отдельного человека» [Щелконогова, 2016, с. 128].

Раздел второй «Преступления против государства и государственного управления» Уголовного уложения 1918 года содержал уголовно-правовые нормы о пяти группах преступных деяний. Первая группа включала в себя преступления против территориальной целостности, внешней и внутренней безопасности государства. Ко второй группе преступных деяний относились преступления, посягающие на интересы военной службы в советском государстве. Предметом посягательства третьей группы выступали деяния, направленные на нарушение деятельности органа государственной власти, неисполнение его распоряжений. Четвертая группа государственных преступлений содержала уголовно-правовые нормы о посягательствах на осуществление избирательного права. В пятой группе предусматривалась уголовная ответственность за совершение преступлений против интересов судебной власти, нормального функционирования системы правосудия и ее органов.

Раздел второй «Преступления против государства и государственного управления» начинался с главы второй «О государственной измене» (ст. 56–70), содержащей 15 составов преступных деяний, посягающих на суверенитет страны, безопасность государства. В главе отсутствовало определение понятия «государственной измены», а содержался лишь перечень действий, характеризующих противоправные деяния. Субъектом преступления мог быть как российский гражданин, так и иностранец или военнопленный. Кроме того, в ст. 67 говорится о специальном субъекте государственной измены – «уполномоченном в России»¹. Определение понятия «уполномоченный в России» в проекте не указывалось. Можно предположить, что это был государственный служащий, представляющий интересы государства на международной арене. К уголовной ответственности «уполномоченный в России» привлекался в случае заключения договоров с иностранным правительством или государством, заведомо направленных во вред России.

В качестве квалифицирующих признаков государственной измены разработчики проекта указали содействие противнику в его военных или враждебных против России действиях и шпионаж, значение данного понятия не раскрывалось в Уголовном уложении 1918 года.

Однако не все уголовно-правовые нормы главы «О государственной измене» были подвергнуты переработке левыми эсерами – некоторые из них сохранились согласно Уголовному уложению 1903 года. К таким преступлениям против безопасности государства относились: оказание содействия противнику в его военных действиях против России; шпионаж; переход на сторону противника во время боевых действий; сотрудничество с иностранным государством в целях оказания ему содействия в деятельности, заведомо направленной против безопасности России; сокрытие своей принадлежности к военной службе в целях проникновения на военный объект; производство негодных средств защиты от противника; изготовление и поставка негодных предметов довольствия для военно-

¹ Глава вторая «О государственной измене» // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 353. Оп. 2. Ед. хр. 164. Л. 60.

служащих; заключение договора с иностранным правительством, заведомо направленного против целостности и безопасности России; нарушение территориальной целостности России путем перемещения государственного знака, а равно повреждения или уничтожения документа, подтверждающего право России на территорию.

Несмотря на большую часть преемственности норм Уголовного уложения 1903 года, левые эсеры в главу «О государственной измене» добавили новые составы государственных преступлений. Так, ст. 59–61 предусматривали уголовную ответственность за соби́рание, опубликование или передачу сведений, сообщений, документов или предметов, касающихся внешней безопасности России, а также за продажу изобретений или усовершенствований, предназначенных для военной обороны страны. Кроме того, нормы о государственной измене содержали термин «гражданин» вместо термина «подданный». Это обусловлено принятием в 1917 году декрета «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», согласно которому все звания и наименования гражданских чинов уничтожались, и устанавливалось одно общее наименование «гражданин Российской Республики»¹.

Стоит отметить, что разработчики проекта унифицировали наказания, указав лишение свободы в качестве единственной санкции, применяемой за совершение государственной измены. Максимальный срок устанавливался по формуле «не свыше...» [Чучаев, 2012, с. 841]. При этом минимальный срок не указывался, следовательно, он мог определяться исходя из норм общих положений раздела первого Уголовного уложения 1918 года.

Глава третья (ст. 71–74) объединяла нормы «О нарушениях договора о службе в Рабоче-крестьянской Красной Армии и Флоте»². Данная глава представляет собой нововведение Уголовного уложения 1918 года. Согласно декрету Совета народных комиссаров «О Рабочей Крестьянской Красной армии» в Российской Республике создается новая армия «из наиболее сознательных и организованных элементов трудящихся классов»³. Поэтому в Уголовном уложении 1918 года преступные деяния красноармейцев рассматривались не как нарушение правил об обязательности воинской повинности, а как нарушение договора в военное время или в ходе боевых действий.

К уголовной ответственности привлекались граждане за неявку в часть на службу в Красную Армию или Флот, самовольное ее оставление раньше шестимесячного срока или опоздание из отпуска; отказ или умышленное отклонение от исполнения обязанностей солдата в Красной Армии и Флоте. Уголовно-наказуемым деянием также являлось подстрекательство военнотружущего к совершению вышеуказанных действий (ст. 73). В ст. 74 законодателем были определены квалифицирующие признаки, относящиеся к данным видам преступлений: совершение деяния во время похода, во время войны или в ходе боевых действий, при подготовительных к бою действиях или сопровождавших бой либо непосредственно следующих за ним.

За совершение преступлений против службы в Рабоче-крестьянской Армии или Флоте в качестве наказания предусматривалось лишение свободы или лишение всех политических прав. Последнее является новым видом наказания, отсутствующим в Уголовном уложении 1903 года.

Глава четвертая «О неповиновении власти» (ст. 75–83) содержит 9 составов государственных преступлений, в которых интегрированы нормы о преступных деяниях против власти. К таковым разработчики законопроекта относили: неисполнение обязательного постановления (ст. 75); применение насилия к служащему, исполняющему законное распоряжение власти (ч. 1 ст. 76); применение насилия, сопряженного с оружием или причи-

¹ Декрет Центрального исполнительного комитета совета рабочих и солдатских депутатов от 12 ноября 1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1917–1918. № 3. Ст. 31.

² Глава третья «О нарушениях договора о службе в Рабоче-крестьянской Красной Армии и Флоте» // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 353. Оп. 2. Ед. хр. 164. Л. 62.

³ Декрет Совета народных комиссаров от 20 января 1918 г. «О Рабоче-Крестьянской Красной армии» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1917–1918. № 17. Ст. 245.

нением телесного вреда, к служащему, выполняющему свои должностные обязанности (ч. 2 ст. 76); повреждение или срыв печати, наложенных должностным лицом на помещение, хранилище или предмет (ст. 77); склонение служащего к неисполнению своих обязанностей или злоупотреблению служебными полномочиями путем применения насилия (ч. 1 ст. 78); совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 78, сопряженного с применением оружия или причинением телесного вреда служащему (ч. 2 ст. 78); покушение на преступление, закрепленное ч. 1 ст. 78 (ст. 79); покушение на дачу взятки служащему в целях склонения его к неисполнению своих обязанностей или злоупотребления служебными полномочиями (ст. 80); самовольное присвоение власти или совершение действий, подлежащих осуществлению только должностному лицу (ст. 81); выдача себя за другое лицо в качестве народного заседателя (ст. 82); умышленное повреждение публично выставленных правительственных или общественных документов (ст. 83)¹.

Глава «О неповиновении власти» содержала норму об отсутствии признаков преступления в случае повреждения или срыва печати с помещения, хранилища или предмета собственником этих объектов на законных основаниях (ч. 2 ст. 77)².

Квалифицирующими признаками являлось совершение преступления несколькими лицами, сопряженного с применением оружия или причинением телесного вреда. В качестве самостоятельных преступлений признаются два вида покушения к склонению служащего к неисполнению им своих обязанностей или к злоупотреблению служебными полномочиями. Различаются они способом совершения деяния: путем насилия, угрозой его применения, дачей взятки.

Санкцией за совершение преступлений против власти являлось лишение свободы, за исключением случаев неисполнения обязательного постановления (ст. 75), выдачи себя за другое лицо в качестве народного заседателя (ст. 82), умышленное повреждение публично выставленных правительственных или общественных документов (ст. 83), которые сохранили в качестве наказания «денежную пеню».

Глава пятая (ст. 84–88) предусматривала ответственность за посягательства на осуществление избирательного права. К ним относились такие преступные деяния, как воспрепятствование деятельности законодательных учреждений, а равно свободному осуществлению избирательного права; разглашение результатов тайного голосования; склонение, посредством обещания доставления имущественной или иной личной выгоды, лица, пользующегося правом выборов, к воздержанию от выборов [Грачева, 2015, с. 127]. Глава пятая «О посягательстве на осуществление избирательного права» является нововведением в Уголовном уложении 1918 года, так как в Уголовном уложении 1903 года отсутствовали нормы об ответственности за нарушение избирательных прав. Уголовная ответственность за указанные преступления устанавливалась в виде лишения свободы или лишения политических прав.

Достаточно объемной является глава шестая «О противодействии правосудию» (ст. 89–104), в которой интегрированы нормы о преступных деяниях, посягающих на общественно-правовые отношения, складывающиеся в судебном процессе. Государственными преступлениями о противодействии правосудию признавались ложный донос (ст. 89–90); ложные показания свидетеля, переводчика, истца, ответчика (ст. 91, 93); ложные сведения об имущественном положении или об обстоятельствах, позорящих личность (ст. 94); повреждение, сокрытие, захват вещественных или письменных доказательств (ст. 92, 96); погребение или сокрытие мертвого тела, подлежащего судебно-медицинскому

¹ Глава четвертая «О неповиновении власти» // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 353. Оп. 2. Ед. хр. 164. Л. 63–65.

² Глава четвертая «О неповиновении власти» // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 353. Оп. 2. Ед. хр. 164. Л. 63.

осмотру (ст. 100); самовольное возвращение в Россию, высланного по законному распоряжению власти (ст. 104) ¹.

Объектом преступления некоторых уголовных норм «О противодействии правосудия» выступала нормальная деятельность органов, исполняющих уголовное наказание. К таким преступлениям в проекте Уголовного уложения 1918 года относилось: совершение побега из-под стражи, укрывательство преступника, выдача себя за лицо, обвиняемое в совершении преступления, отбывание наказания за другое осужденное лицо.

Наказаниями за преступления против правосудия выступали лишение свободы и «денежная пеня». Уголовно-правовые нормы главы «О противодействии правосудия», так же как и нормы главы «О неповиновении власти», сохранили свою преемственность преступных деяний, регламентированных Уголовным уложением 1903 года.

Проект Уголовное уложение 1918 года, подготовленный левыми эсерами под руководством И.З. Штейнберга не был официально опубликован и не подлежал применению на практике. Можно предположить, что причины отклонения документа заключались в политической конъюнктуре, господствующей в советском государстве, а также он мог быть отклонен в силу «ярко выраженного антагонизма между Штейнбергом и Лениным» [Концевой, 2021, с. 120]. Так, ряд советских деятелей утверждали о том, что проект противоречит «самоу духу советского законодательства... указаниям партии и высказываниям Ленина о революционном правотворчестве, о сущности и задачах советских декретов...» [Герцензон и др., 1948, с. 194]. Д.И. Курский высказывался о проекте Уголовного уложения 1918 года как о попытке «сочетать противоестественным браком пролетарскую демократию с буржуазной демократией» [Курский, 1948, с. 57]. П.И. Стучка также критично воспринимал проект, утверждая, что «старые законы были “сожжены”, и напрасно из уцелевших... листочков некоторые из наших революционеров стали кроить “уложения русской революции” (проект левых эсеров, весна 1918 г.), вместо того, чтобы творить действительно новые революционные законы» [Стучка, 1964, с. 243].

Стоит отметить, что изменяя «лестницу наказаний», левые эсеры отказались от такого вида наказания, как смертная казнь. Наиболее целесообразными санкциями выступали, по их мнению, лишение свободы, лишение политических прав (пассивного и активного избирательного права), денежный штраф, что, в свою очередь, не соответствовало уголовно-репрессивной политике большевиков. Также проект Уголовного уложения 1918 года содержал в себе четкий перечень составов преступлений с закрепленными санкциями за каждым из них, тогда как В.И. Ленин считал, что «Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого» [Ленин, 1970, с. 190]. Ярко выраженные противоположные политические взгляды большевиков и левых эсеров по вопросам определения видов наказаний и закрепления санкций за совершение преступлений привели к непризнанию законопроекта в правовой жизни советского государства.

Таким образом, проект Уголовного уложения 1918 года является продуктом левозсеровской политико-правовой мысли и, следовательно, антагонистом стремления к жестким репрессиям по отношению к политическим противникам партии большевиков.

Заключение

Таким образом, историко-правовой анализ составов государственных преступлений Уголовного уложения 1918 года показал компромиссный переход от законодательства Российской Империи к законодательству РСФСР, который сочетал как уголовно-правовые нормы о преступных деяниях против государства и власти, регламентированных дореволюционным Уголовным уложением 1903 года, так и новые составы гос-

¹ Глава шестая «О противодействии правосудию» // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 353. Оп. 2. Ед. хр. 164. Л. 68–73.

ударственных преступлений, формирующихся в советском государстве. В частности, уголовно-правовые нормы главы четвертой «О неповиновении власти» и шестой «О противодействии правосудию» сохранили свою преемственность Уголовного уложения 1903 года. Преступные посягательства, предусмотренные главами третьей «О нарушениях договора о службе в Рабоче-крестьянской Красной Армии и Флоте» и пятой «О посягательстве на осуществление избирательного права» представляют собой нововведения в Уголовном уложении 1918 года. При этом раздел «Преступления против государства и государственного управления» стоял на первом месте после общих положений Уголовного уложения 1918 года, тогда как «Преступления против личности» располагались в разделе четвертом.

Приоритет защиты государственных интересов отвечал требованиям политической и уголовной идеологии, господствующей в советском государстве. Существенным недостатком проекта Уголовного уложения 1918 года является отсутствие значений ряда понятий, таких как «государственное преступление», «государственная измена», «шпионаж».

Список источников

- Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 157-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_446110/ (дата обращения: 10.07.2023).
- Федеральный закон от 18 марта 2023 г. № 58-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_442341/ (дата обращения: 10.07.2023).
- Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 586-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_436121/ (дата обращения: 10.07.2023).
- Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421797/ (дата обращения: 10.07.2023).
- Федеральный закон от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410887/ (дата обращения: 10.07.2023).
- Новое Уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г., 1903. неофиц. изд. Санкт Петербург, 253 с.
- Декрет Центрального исполнительного комитета совета рабочих и солдатских депутатов от 12 ноября 1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917–1918. № 3. Ст. 31.
- План работы народного комиссариата юстиции от 19 декабря 1917 г. «О плане работы Народного Комиссариата Юстиции» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917–1918. № 12. Ст. 171.
- Декрет Совета народных комиссаров от 20 января 1918 г. «О Рабоче-Крестьянской Красной армии» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917–1918. № 17. Ст. 245.
- «Свод законов Русской Революции. Часть пятая. Уголовное уложение. Издание 1918 года» // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 353. Оп. 2. Ед. хр. 164. Л. 29–73.

Список литературы

- Антонова Л.И. 2008. Революционная кодификация законодательства (1920–1930-е гг.). *Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления*, 4(32): 136–155.
- Батюкова В.Е. 2022. К 100-летию Уголовного кодекса РСФСР: ретроспективный анализ понятия преступления первых лет советской власти. *Государство и право*, 12: 131–138.
- Грачева Ю.В., Маликов С.В., Чучаев А.И. 2015. Советское уголовное уложение (научный комментарий, текст, сравнительные таблицы). М., Проспект, 253 с.
- Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д. 1948. История советского уголовного права. М., Юрид. изд-во, 465 с.
- Исаев М.М. 1925. Общая часть уголовного права Р.С.Ф.С.Р. Ленинград, Гос. изд-во, 199 с.
- Концевой И.А. 2021. «Левый эсер, которого странным ветром занесло в революцию...»: И.З. Штейнберг в советском правительстве. *Петербургский исторический журнал*, 1: 110–125.
- Курский Д.И. 1948. Избранные статьи и речи. Сост.: Г.Н. Амфитеатров, А.С. Курский, М.Л. Шифман. М., Юрид. изд-во МЮ СССР, 198 с.
- Ленин В.И. 1970. Полное собрание сочинений. Март 1922 г. – март 1923 г. Т. 45. Дополнения к проекту вводного закона к Уголовному кодексу РСФСР и письма Д.И. Курскому. М., Изд-во полит. лит-ры, 762 с.
- Стучка П.И. 1964. Избранные произведения по марксистко-ленинской теории права. Сост.: Г.Я. Клява. Рига, Латв. гос. изд-во, 748 с.
- Токарева С.Н. 2019. Кодификация уголовного права в первые годы советской власти: от преемственности к самостоятельности. *Lex Russica*, 10 (155): 154–160.
- Чучаев А.И. 2012. Советское уголовное уложение (общая характеристика). *Lex Russica*, 71(5): 833–857.
- Штейнберг И.З. 1923. Нравственный лик революции. Берлин, СКИФЫ, 313 с.
- Щелконогова Е.В. 2016. Советское уголовное уложение и Уголовный кодекс РФ: сравнительно-правовой анализ. *Российский юридический журнал*, 3(108): 126–134.

References

- Antonova L.I. 2008. Revoljucionnaja kodifikacija zakonodatel'stva (1920–1930-e gg.) [Revolutionary codification of legislation (1920–1930s)]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie. Aktual'nye problemy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija*, 4(32): 136–155.
- Batjukova V.E. 2022. K 100-letiju Ugolovnogo kodeksa RSFSR: retrospektivnyj analiz ponjatija prestuplenija pervyh let sovetskoj vlasti [To the 100th anniversary of the Criminal Code of the RSFSR: a retrospective analysis of the concept of crime of the first years of Soviet power]. *Gosudarstvo i pravo*, 12: 131–138.
- Gracheva Ju.V., Malikov S.V., Chuchaev A.I. 2015. Sovetskoe ugovolnoe ulozhenie (nauchnyj kommentarij, tekst, sravnitel'nye tablicy) [Soviet Criminal Code (scientific commentary, text, comparative tables)]. M., Publ. Prospekt, 253 p.
- Gercenzon A.A., Gringauz Sh.S., Durmanov N.D. 1948. Istorija sovetskogo ugovolnogo prava [History of Soviet criminal law]. M., Legal Publishing House, 465 p.
- Isaev M.M. 1925. Obshhaja chast' ugovolnogo prava R.S.F.S.R. [The common part of the criminal law of the RSFSR]. Leningrad, State Publishing House, 199 p.
- Koncevoj I.A. 2021. “Levyj jeser, kotorogo strannym vetrom zaneslo v revoljuciju...”: I.Z. Shtejnberg v sovetskom pravitel'stve [“A left Socialist-revolutionary who was swept into the revolution by a strange wind...”: I.Z. Steinberg in the Soviet government]. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal*, 1: 110–125.
- Kurskij D.I. 1948. Izbrannye stat'i i rechi. Sost.: G.N. Amfiteatrov, A.S. Kurskij, M.L. Shifman [Selected articles and speeches.]. M., Legal Publishing House, 198 p.
- Lenin V.I. 1970. Polnoe sobranie sochinenij [The complete works]. Mart 1922 g.- mart 1923 g. Vol. 45. Dopolnenija k projektu vvodnogo zakona k Ugolovnomu kodeksu RSFSR i pis'ma D.I. Kurskomu. M., Publishing House of Political Literature, 762 p.
- Stuchka P.I. 1964. Izbrannye proizvedenija po marksistko-leninskoj teorii prava [Selected works on the Marxist-Leninist theory of law]. Riga, State Publishing House, 748 p.

- Tokareva S.N. 2019. Kodifikaciya ugolovnogo prava v pervye gody sovetskoj vlasti: ot preemstvennosti k samostoyatel'nosti [Codification of criminal law in the early years of Soviet power: from continuity to independence]. *Lex Russica*, 10(155): 154–160.
- Chuchaev A.I. 2012. Sovetskoe ugolovnoe ulozhenie (obshhaja harakteristika) [Soviet Criminal Code (general characteristics)]. *Lex Russica*, 71(5): 833–857.
- Shtejnberg I.Z. 1923. Nravstvennyj lik revolyucii [The moral image of the revolution]. Berlin, SKIFY, 313 p.
- Shhelkonogova E.V. 2016. Sovetskoe ugolovnoe ulozhenie i Ugolovnyj kodeks RF: sravnitel'no-pravovoj analiz [The Soviet Criminal Code and the Criminal Code of the Russian Federation: comparative legal analysis.]. *Rossijskij juridicheskij zhurnal*, 3(108): 126–134.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 17.01.2023
Поступила после рецензирования 02.02.2023
Принята к публикации 25.04.2023

Received January 17, 2023
Revised February 2, 2023
Accepted April 25, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Трошкина Диана Эдуардовна, адъюнкт кафедры государственно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

Diana E. Troshkina, adjunct of the Department of State and Legal Disciplines, Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Belgorod, Russia.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

УДК 349.6

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-3-540-549

Концепция экологической цивилизации Китая: представляет ли она интерес для российского права?

Анисимов А.П. , Волков И.К.

Донской государственный технический университет,
344003, Россия, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1
anisimovap@mail.ru; igor.volkov@list.ru

Аннотация. Концепция экологической цивилизации вписана в китайский менталитет, культуру, идеологию коммунистической партии Китая и представляет собой долгосрочный план действий по переходу Китая к устойчивому развитию. Необходимость разработки такой концепции была обусловлена тем, что одобренная ООН концепция устойчивого развития носит слишком абстрактный характер и требует учета национальной специфики. В исследовании доказано, что в России необходима разработка собственного плана действий по переходу к устойчивому развитию, который бы учитывал особенности национального сознания граждан страны. Авторы приводят примеры архетипов сознания россиян, влияющих на их отношение к природе, требующих поддержки средствами экологического воспитания, просвещения, а также посредством государственного финансирования (или исправления мерами ответственности). Разработка доктринальной модели перехода России к устойчивому развитию, учитывающей особенности национального самосознания населения, и ее утверждение органами государственной власти позволят сделать переход к устойчивому развитию более плавным и последовательным, а также увеличат поддержку мер по охране природы гражданами РФ.

Ключевые слова: Китай, Россия, экологическая цивилизация, загрязнение, общество, законодательство, устойчивое развитие, социализм, охрана природы

Для цитирования: Анисимов А.П., Волков И.К. 2023. Концепция экологической цивилизации Китая: представляет ли она интерес для российского права? *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 48(3): 540–549. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-540–549

The Concept of China's Ecological Civilization: Is it of Interest to Russian Environmental Law?

Alexey P. Anisimov , Igor K. Volkov

Don State Technical University (DSTU),
1 Gagarin Sq., Rostov-on-Don 344003, Russian Federation
anisimovap@mail.ru; igor.volkov@list.ru

Abstract. The concept of ecological civilization is inscribed in the Chinese mentality, culture, ideology of the Communist Party of China and represents a long-term action plan for China's transition to sustainable development. The need to develop such a concept was due to the fact that the UN-approved concept of sustainable development is too abstract and requires consideration of national specifics. The study proves that Russia needs to develop its own action plan for the transition to sustainable development, which would take into account the peculiarities of the national consciousness of the country's citizens. The

authors give examples of archetypes of consciousness of Russians that affect their attitude to nature, requiring support by means of environmental education, education, as well as through state funding (or correction by measures of responsibility). The development of a doctrinal model of Russia's transition to sustainable development, taking into account the peculiarities of the national consciousness of the population, and its approval by state authorities will make the transition to sustainable development smoother and more consistent, as well as increase support for nature protection measures by citizens of the Russian Federation.

Keywords: China; Russia; ecological civilization; pollution; society; legislation; sustainable development; socialism; nature protection

For citation: Anisimov A.P., Volkov I.K. 2023. The Concept of China's Ecological Civilization: Is it of Interest to Russian Environmental Law? *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(3): 540–549 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-540–549

Введение

Традиционный юридический подход к проблемам охраны окружающей среды в России заключается в том, что экологическое законодательство страдает теми или иными дефектами, и, если внести в него необходимые изменения, ситуация радикально улучшится и определенная группа экологических проблем будет успешно решена. Не возражая в целом против такого нормативистского восприятия экологической ситуации в России и способов ее улучшения, все же заметим, что к восприятию экологических проблем может быть и более сложный подход, который нам весьма наглядно демонстрирует соседний Китай.

Концепция экологической цивилизации является важной стратегией для достижения целей устойчивого развития и разрешения острых экологических проблем Китая. Экологическая цивилизация – это вполне характерная для Китая идеология, означающая путь к устойчивому развитию с китайской спецификой, с учетом экономических, культурных, экологических и иных особенностей страны. Китайские исследователи подчеркивают, что как форма человеческой цивилизации, экологическая цивилизация основана на идеях уважения и защиты природы, ставит своей целью достижение гармоничного симбиоза между человеком, обществом и природой, устанавливает устойчивые модели производства и потребления в качестве своего содержания и фокусируется на том, чтобы направлять людей к устойчивому и гармоничному пути развития. Экологическая цивилизация делает акцент на человеческом сознании и самодисциплине, подчеркивает взаимозависимость, взаимоусиление и сосуществование человека и природы. Помимо гармонии между человеком и природой, она также стремится к гармонии между людьми, что является предпосылкой гармонии между человеком и природой. Если говорить об ее содержании, экологическая цивилизация включает в себя цивилизацию экологического сознания, цивилизацию экологического законодательства и поведения [Wei et al, 2011, p. 839-840]. Последнее означает, что кроме достижения гармоничных отношений человека и природы, большое внимание в китайской концепции экологической цивилизации уделяется повышению уровня экологической культуры населения, гарантий (в том числе правовых) по сохранению уникальных природных объектов и комплексов. Само появление такой концепции имеет чисто китайские причины: бурный экономический рост последних десятилетий позволил не только вывести Китай в одну из самых передовых экономик мира и сильно поднять уровень жизни населения, но и обусловил ряд побочных эффектов, связанных с загрязнением атмосферного воздуха в городах, ухудшением состояния водных объектов и т.д. Для исправления сложившейся ситуации и обеспечения устойчивого развития Китая (китайская делегация участвовала в обеих международных конференциях ООН в Рио-де-Жанейро (1992, 2012 гг.), и поддержала концепцию устойчивого развития), правительство КНР разработало концепцию экологической цивилизации, которая стала одним из элементов стратегии национального развития и была включена в Конституцию

КНР в 2018 г., а также в экологическое законодательство. На доктринальном уровне концепция экологической цивилизации получила подробное обоснование в трудах Лю Сянжуна («Теория экологической цивилизации», 1999), Лю Цзунчао («Обзор экологической цивилизации и глобального совместного использования ресурсов», 2000), Ван Цзиньбо и Чжан Шэнляя («Экологическое право и этика в эпоху экологической цивилизации», 2007), а также многих других китайских ученых [Хунянь, 2013, с. 367-368].

Основные характеристики концепции экологической цивилизации

Концепция экологической цивилизации приняла законченный характер в решениях 17 и 18-го съездов Коммунистической партии Китая, а ее построение было увязано с общими задачами социально-экономического развития страны. Вскоре после 18 съезда партии ЦК КПК и Государственный совет опубликовали «Заключение об ускорении строительства экологической цивилизации» и «Общий план реформирования системы экологической цивилизации». Была установлена общая цель строительства экологической цивилизации в Китае и общий план проведения реформы системы экологической цивилизации [He, 2018, p. 617-619]. Исходя из решений 18-го Всекитайского съезда КПК (2012), в КНР началась реализация плана из пяти взаимосвязанных компонентов строительства прекрасного Китая: экономического, политического, культурного, социального строительства и создания экологической цивилизации. Таким образом, к классической конструкции устойчивого развития, китайские власти добавили еще два элемента: культурный и политический. Было предложено 10 жестких мер по созданию системы экологической ответственности и новых природоохранных стандартов. Они касаются энергоэффективности, ресурсосберегающих технологий, безотходных циклических производственных процессов, функционального экологического зонирования всех территорий, четкого проведения красных линий (назначения пределов допустимой нагрузки на природные объекты), внесения экологических критериев в систему аттестации госслужащих всех уровней и т.д. Всего выделялось 30 задач государственного планирования для трансформации китайского общества в экологическую цивилизацию [Глазырина, Симонов, 2015, с. 53-54]. С 2013 по 2016 гг. в Китае были последовательно выпущены «План действий по предотвращению загрязнения воздуха», «План действий по предотвращению загрязнения воды» и «План действий по предотвращению загрязнения почвы», которые дополнительно разъясняли цели предотвращения загрязнения воздуха, воды и почвы, и методы борьбы с этими экологическими угрозами. В них подчеркивалась необходимость серьезно усиливать оценку целевых показателей и строго обеспечивать экологический надзор и подотчетность. В апреле 2015 г. Центральный комитет КПК и Государственный совет КНР опубликовали «Мнения об ускорении строительства экологической цивилизации», которые стали первым документом, выпущенным Центральным комитетом по тематическому развертыванию экологической цивилизации. «Мнения» определили общие требования, цели, миссии и систему построения экологической цивилизации.

В сентябре 2015 г. был опубликован «Генеральный план реформирования системы экологической цивилизации». В нем была предложена система оценки и подотчетности для реализации концепции экологической цивилизации и эффективного предотвращения ухудшения экологической ситуации. Дальнейшие шаги в этом направлении были приняты в 13-м пятилетнем плане (2016-2020 гг.), который продолжил «зеленый поворот» во внутренней политике Китая. В ноябре 2016 г. Государственный совет Китая опубликовал «Экологический план охраны окружающей среды на период 13-й пятилетки». Данный план являлся программным документом по охране окружающей среды Китая в течение всей 13-й пятилетки. В нем были указаны 7 основных задач по предотвращению загрязнения воздуха, воды и почвы. Одним из итогов его реализации стало улучшение качества воздуха. Достижение серьезных результатов в деле охраны окружающей среды стало возможным потому, что правительство резко увеличило расходы на охрану окружающей

среды, начало внедрять в практику множество экологических стратегий, укрепило существующие институты управления охраной окружающей среды. В мае 2018 г. был официально утвержден документ с названием «Мысли Си Цзиньпина об экологической цивилизации», который считается неотъемлемой частью «Мыслей Си Цзиньпина о социализме с китайскими особенностями». Руководитель Китая предлагает пять основных направлений «зеленого» развития страны – инновация, координация, экологичность, открытость и совместное использование.

Таким образом, экологическая цивилизация сейчас окончательно включена в основную идеологию КПК. Подобный «зеленый поворот» в государственной политике Китая привел в тому, что, по данным статистики, с 2016 по 2019 гг. общий государственный бюджет страны на строительство экологической цивилизации достиг 3,1 трлн юаней при среднегодовых темпах роста в 14,8 %. Центральные специальные фонды экологической цивилизации в 2020 году увеличились на 8,5 % по сравнению с 2016 г. [Huang, Westman, 2021, p. 3-6]. С 2012 года законы и нормативные акты по охране окружающей среды Китая постоянно совершенствуются. Закон КНР от 26 декабря 1989 г. «Об охране окружающей среды Китайской Народной Республики», в который были внесены существенные изменения и дополнения в 2014 г. (введены в действие с 1 января 2015 г.), называют самым строгим новым законом об охране окружающей среды в истории страны. Он обеспечивает правовые гарантии защиты окружающей среды, предотвращения ее загрязнения и контроля за ее состоянием и состоянием здоровья населения, содействует построению экологической цивилизации и устойчивому развитию государства и общества. Ситуация «слишком рыхлого и мягкого» правоприменения в сфере охраны природы в КНР сейчас полностью изменена.

В настоящий момент китайские власти предусматривают два этапа построения экологической цивилизации. На первом (2020–2035 гг.) цель строительства экологической цивилизации заключается в том, чтобы коренным образом улучшить экологическую среду и сделать еще один шаг в сторону построения «прекрасного Китая». Будет создана чистая, низкоуглеродная, безопасная и эффективная энергетическая система, а система экологической цивилизации станет более надежной. На втором этапе (2036–2050 гг.) целью станет построение прекрасной экологической среды Китая с голубым небом, зеленой землей и чистой водой, будет обеспечено гармоничное развитие человека и природы, а Китай превратится в «прекрасную социалистическую модернизированную страну» [He, 2018, p. 619]. По мере движения к этим целям в научной литературе предлагается уделять больше внимания исследованию взаимосвязи состояния окружающей среды и здоровья человека, т.к. последнее – важнейший компонент стратегии экологической цивилизации [Duan, Wang, 2022].

Весьма интересно, что достижение поставленных целей воспринимается в контексте конкретных практических проблем, которые открыто обсуждаются в печати, и по ним высказываются различные конструктивные предложения. Во-первых, в процессе построения в Китае экологической цивилизации прослеживается очевидная региональная дифференциация, а именно – среда обитания человека на побережье лучше, чем в глубине страны, на юге лучше, чем на севере [Zuo et al, 2021, p. 10]. Другой региональный фактор строительства экологической цивилизации заключается в том, что в Китае многие отдаленные сельские деревни, живущие в рамках уклада сельскохозяйственной цивилизации, были принесены в жертву быстрой индустриализации и урбанизации, и в основном являются забытыми местами из-за их отдаленного географического положения и отсутствия транспортной инфраструктуры для связи с внешним миром. В эпоху экологической цивилизации в Китае предполагается, что эти деревни заново откроются в рамках национальной кампании по возрождению сельских районов, ключевым принципом которой является сохранение местной культуры и традиционных укладов жизни. При участии местных жителей план возрождения будет направлен не только на сохранение традиционной архитектуры и ландшафтов деревни, но и на использование культурного наследия посредством эко-

логического туризма для повышения уровня доходов жителей китайской деревни [Huang, Westman, 2021, p. 6].

Во-вторых, часто обсуждаемая в КНР проблема построения экологической цивилизации заключается в слабой осведомленности общественности относительно содержания планов и требований по охране окружающей среды. Поскольку граждане не обладают достаточными знаниями в области экологии (и экологической цивилизации), не имеют представления об ее важности, они безразлично относятся к исполнению своих экологических обязанностей, вытекающих из стратегии перехода к экологической цивилизации. Многие граждане продолжают придерживаться мировоззрения предыдущей эпохи индустриальной цивилизации. Последнее означает, что человек имеет право по своему желанию получать от природы любые ресурсы, необходимые для его существования и развития. Человек имеет право произвольно изменять природу, никогда не принимая во внимание способность природы к восстановлению. Поэтому, движимые стремлением к прибыли, люди просто концентрируются на текущей экономической выгоде, стремятся к очень быстрому росту экономики, чем постоянно усиливают противоречия между человеком и природой. Несмотря на то, что мы все чаще сталкиваемся с мезью природы, все равно есть много людей, которые не уделяют этому внимания и не смогли до сих пор понять суть новой цивилизационной концепции экологического сознания [Mi, Song, 2013, p. 32]. Действительно, на первый взгляд, для обычных китайцев концепция экологической цивилизации мало влияет на повседневную жизнь. Однако большинством китайских ученых и политиков отмечается, что основные параметры экологической цивилизации (связанные с энергосбережением, изменением отношения к вопросам обращения с отходами, созданием национальных парков) принимаются большинством китайских граждан, и по этому вопросу в стране сформировался консенсус власти и общества. Концепция экологической цивилизации является основным инструментом для разработки экологической и климатической политики, развития низкоуглеродных технологий, проведения экспериментов и внедрения проектов в сфере возобновляемых источников энергии. И хотя государство является главным источником экологических нарративов, с культурной точки зрения государство в КНР не отделено от общества, поскольку концепция экологической цивилизации удачно вписана в китайскую культурную традицию, коммунистическую идеологию, нравственные представления населения о хорошем и плохом. Именно поэтому государственные идеи о необходимости перехода к более экоцентричному поведению не вызывают возражений у большинства населения Китая. В-третьих, реализация концепции экологической цивилизации потребует создания национальных парков, зеленых коридоров, улучшения управления водными бассейнами, водно-болотными угодьями, прибрежными зонами и т.д. Это означает необходимость появления новых подходов в сфере планирования и управления охраной окружающей среды. Соответственно, это потребует более высокого уровня сотрудничества между Министерством экологии и охраны окружающей среды и рядом отраслевых административных органов на национальном, провинциальном и местном уровнях [Hanson, 2019, с. 12-13]. Но вот насколько успешным будет их взаимодействие и координация, пока трудно сказать.

Несколько отклоняясь от основной цели настоящей статьи, хотим все же заметить, что учет национальных культурных и иных традиций при разработке политико-правовых концепций и текстов конкретных экологических законов не является характерным для одного только Китая. Данная тенденция носит довольно распространенный в мире характер. Это может проявляться в том, что в национальные конституции и законы вносятся нормы о субъективных правах природы в целом или отдельных природных объектов (вод, лесов, животного мира и т.д.). «Права природы», например, зафиксированы в законодательстве Эквадора, Колумбии, Боливии, Аргентины, Бразилии и некоторых других латиноамериканских стран. По этому вопросу высказался и Генеральный секретарь ООН в своем докладе «В гармонии с природой» от 28 июля 2020 г., где он поддержал подобную практику отдель-

ных стран, рекомендовав ее изучение и возможное внедрение в других юрисдикциях. Существует и ряд публикаций на эту тему в российской и зарубежной литературе, в которых обосновывается необходимость признания за природными объектами субъективных прав, либо же данная экоцентричная конструкция подвергается критике [Рыженков, 2022].

Нужна ли концепция экологической цивилизации для России?

Не имея ничего против перехода России или любой другой страны к более экоцентричной политике и законодательству, а также отказу от господства потребительской психологии, заметим, что опыт многих зарубежных стран, прекрасно стыкующийся с менталитетом их местного населения, полностью неприемлем для Российской Федерации, где сформировались другие культурные, нормотворческие и иные представления о взаимодействии природы и общества, методах охраны природных объектов от воздействия человека.

Тем не менее китайский опыт, несмотря на всю свою оригинальность, представляет для российской эколого-правовой науки и законодательства определенный интерес. Данный опыт имеет международный и внутрисоциальный (российский) аспект. В международном плане восприятие идей китайской экологической цивилизации будет означать обязанность государств шире сотрудничать в целях охраны окружающей среды всей Земли.

Это может позволить улучшить управление окружающей средой, способствовать тому, чтобы государства лучше осознавали свою ответственность по сохранению биосферы Земли, привести к формированию новых международных принципов экологического права, которые смогут выступить основой новых видов и форм международного сотрудничества, лечь в основу международных документов. Первые проявления такого влияния уже видны в Куньминской декларации ООН 2021 г. (Декларация сегмента высокого уровня Конференции ООН по биоразнообразию 2020 года (Часть 1), посвященная теме «Экологическая цивилизация: построение общего будущего во имя всего живого на Земле» (12–13 октября 2021 г.). Состоялась в г. Куньмине, провинция Юньнань, Китайская Народная Республика).

В национальном плане эта стратегия перехода Китая к устойчивому развитию полноценно вписана не только в культуру или идеологию, но и полноценно отражается в действующем природоохранном законодательстве Китая. На наш взгляд, экологическое законодательство КНР (в интересующем нас аспекте) можно подразделить на три большие группы. Во-первых, это законодательные акты, традиционные для большинства стран мира (например, Закон КНР «О предотвращении и контроле за загрязнением атмосферы» от 29 августа 1995 г.). Во-вторых, это законы, которые иногда встречаются в других странах, но далеко не во всех (например, Закон КНР «О возобновляемых источниках энергии Китайской Народной Республики» от 13 мая 2017 г. или Закон КНР «О развитии циркулярной экономики» от 12 декабря 2017 г.). В России аналогов таким законам нет. В-третьих, это законы, которые трудно себе представить в других национальных юрисдикциях. В их числе можно выделить Закон КНР «Об охране реки Янцзы» от 26 декабря 2020 г. и Решение Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей «О полном запрете незаконной торговли дикими животными и искоренении вредной привычки к избирательному потреблению мяса диких животных в целях защиты жизни и здоровья человека» от 24 февраля 2020 г. Первый из указанных законов очень подробно и последовательно определяет полномочия разных органов власти в части планирования, контроля, установления запретов и ограничений хозяйственной деятельности в бассейне реки Янцзы. Принятие такого закона было обусловлено тем, что река Янцзы (ее протяженность более 6300 км) обладает богатым биоразнообразием, минеральными и водными ресурсами в своем бассейне, и считается символом китайской нации и цивилизации. При этом в законе не идет речь о запретах любых видов хозяйственной деятельности, скорее, цель законодателя была в установлении сложной системы балансов экономических, экологических и

социальных интересов. Представить себе в Российской Федерации принятие какого-то аналогичного закона (например, об охране реки Волга) довольно проблематично, поскольку в нашей стране сложилась иная законодательная традиция (возможно, не всегда оправданная).

Второй нормативный акт принят в Китае с целью «запрещения незаконной торговли дикими животными и наказания за нее, искоренения вредной привычки к неизбирательному потреблению мяса диких животных, обеспечения биобезопасности и экологической безопасности, предотвращения серьезных опасностей для общественного здравоохранения, защиты жизни и здоровья людей и улучшения охраны окружающей среды для большей гармонии между человеком и природой». Можно предположить, что одной из причин его принятия была пандемия коронавируса, причиной которой могло послужить употребление гражданами в пищу мяса летучих мышей и иных диких животных в китайской провинции Ухань в декабре 2019 г. Принятие этих и многих других законов последовательно реализует идею китайской экологической цивилизации.

В свою очередь, в России в настоящий момент принят ряд экологических стратегий и концепций, которые могут иметь общегосударственный или локальный характер (в отношении отдельных природных ресурсов или видов деятельности). Упоминания устойчивого развития мы встречаем в Федеральном законе «Об охране окружающей среды», Лесном и Градостроительном кодексах, многих других федеральных законах и подзаконных актах. По некоторым природным объектам установлены критерии и индикаторы устойчивого развития. В решениях судов мы также можем наблюдать попытки поиска баланса экологических, экономических и социальных интересов, хотя само устойчивое развитие в них может и не упоминаться. Все это говорит о том, что концепция устойчивого развития стихийно уже реализуется в РФ, без четкого плана действий, финансирования, указания ответственных органов, сроков, перечня законопроектов и т.д. Для ее более последовательного внедрения необходимо разработать политико-правовой программный документ, похожий на китайскую концепцию экологической цивилизации, только ориентированный на особенности менталитета, учет культурных и иных традиций народов РФ. Это позволит выйти за рамки существующей традиции «латания дыр» в текущем законодательстве, и предложить более долгосрочный и комплексный план устойчивого развития Российской Федерации.

Жесткая необходимость разработки собственной модели экологического развития для России состоит в том, что, если ничего не делать, весьма велик риск превратиться в сырьевой придаток к экологической цивилизации Китая. Это может проявиться в создании на приграничных с КНР российских территориях экологически вредных производств (например, целлюлозных), увеличении вырубке леса-кругляка и его вывоза в Китай, нерациональном использовании сельскохозяйственных угодий китайскими арендаторами, размещении на территории РФ новых полигонов для китайского мусора и т.д. В научной литературе отмечается, что Россия это «идеократическая и трансцендентная цивилизация, которая, в отличие от материалистической и целерациональной (капиталистической по сути) цивилизации, предполагает господство идей и ценностей над миром вещей и отношений отчуждения. Но у нее имеются все предпосылки, чтобы стать экологической цивилизацией» [Резник, 2022, с. 145]. Разделяя последний вывод, попробуем выявить ряд элементов национального менталитета, которые могут содействовать или препятствовать разработке концепции, аналогичной китайской (причем многие китайские предпосылки к созданию такой концепции у нас отсутствуют, т.к. в РФ сформировалась своя культура и менталитет населения, у нас нет китайского коллективизма или партийной коммунистической идеологии).

1) в национальном сознании россиян наблюдается восходящая еще ко временам древних славян склонность к созерцанию мира природы, потребность чаще бывать на природе в естественных экологических системах – лесных, степных и т.д. Наглядным под-

тверждением этому является тот факт, что вокруг всех более-менее крупных российских городов сформировалась система турбаз в живописных местах, в которых многие жители городов проводят выходные или даже отпуска. Данную особенность национального характера необходимо учитывать при развитии системы особо охраняемых природных территорий (выявляя такие живописные «заповедные» места и принимая меры по их охране), а также посредством развития экологического туризма (путем строительства объектов инфраструктуры, государственной финансовой и правовой поддержки предпринимателей и т.д.). Развитие экотуризма позволит улучшить благосостояние селян и уменьшить их миграцию, сохранив тем самым российские деревни, как это делается в сельской местности Китая.

2) восприятие мира природы как бескрайнего и неисчерпаемого источника бесплатных полезных ископаемых и иных природных ресурсов. С этим древним архетипом сознания следует последовательно бороться. Его типичным проявлением являются массовые случаи браконьерства и незаконной рубки леса. Например, из почти 23,9 тысяч экологических преступлений, зарегистрированных в России в 2018 г., подавляющее большинство было связано с незаконной вырубкой лесных насаждений (примерно 13,8 тысяч случаев) или незаконной охотой (более 1,9 тыс. случаев)¹. Решение этой проблемы одними карательными мерами невозможно – требуется изменение экологического сознания граждан.

3) во времена расселения на восток и северо-восток славянского населения, у него преобладал подсечно-огневой тип земледелия. Он означал заготовку лесного участка, сжигание там леса, что позволяло несколько лет получать хорошие урожаи сельскохозяйственных культур, после чего семья или родовая община перемещались на другое место, бросая мусор и другие отходы жизнедеятельности. Эти представления о бескрайней стране и перемещениях на другое место проявляются сегодня в образовании массовых свалок несанкционированных отходов, с которыми местные органы власти не могут справиться.

4) несмотря на то, что современное российское общество весьма атомизировано и урбанизировано, в национальном сознании до сих пор сохраняются старые коллективистские архетипы, что проявилось, например, в стихийной самоорганизации граждан по защите Химкинского леса или протестах против строительства мусорного полигона в Шиесе. С одной стороны, это говорит о том, что экологические проблемы могут стать чрезвычайно важными для местного населения (причем это может быть совершенно неожиданно для органов власти). С другой стороны, это означает сохранение стремления к коллективным действиям, что может быть использовано путем расширения полномочий органов местного самоуправления или через новые виды и формы общественного экологического движения.

5) одним из древнеславянских архетипов сознания является «работа на рыбок». Характер землепользования древних славян на востоке и северо-востоке славянского мира, где позднее возникло Московское государство, предполагал проживание в зоне рискованного земледелия. Это означало необходимость быстрого проведения посевной и столь же быстрого сбора урожая, пока не начались дожди и холода. Между этими двумя вспышками активности был довольно стабильный и спокойный период жизни. В современной ситуации охрана окружающей среды требует последовательной и планомерной работы, не предполагающей резкого увеличения и снижения активности. С другой стороны, данная особенность менталитета населения может быть использована для организации граждан в помощь МЧС для ликвидации последствий природных и техногенных катастроф (например, лесных пожаров), либо организации экологических субботников для ликвидации стихийных свалок.

¹ Количество зарегистрированных экологических преступлений в России в 2018 году по видам // https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.305786b3-64ffe9b1-87af41a3-74722d776562/https/www.statista.com/statistics/1063005/russia-environmental-crimes-count-by-type/ (дата обращения 12.09.2023).

Данный перечень русских архетипов сознания, которые следует учитывать при разработке российского аналога концепции экологической цивилизации, можно продолжить. При этом заметим, что формирование данной стратегии должно учитывать региональную специфику нашей большой страны, как это сделало китайское правительство, утвердив сначала пять провинций (Фуцзянь, Цзянси, Гуйчжоу, Юньнань и Цинхай) в качестве пилотных демонстрационных зон экологической цивилизации на провинциальном уровне [Hu et al, 2023, p.2], использовав затем полученный опыт в ходе проведения дальнейших реформ. Таким образом, практический опыт построения китайской экологической цивилизации представляет большой интерес для работы по улучшению охраны окружающей среды в России.

Заключение

В настоящий момент в России приняты различные концепции и стратегии охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, которые отражают точку зрения государства на пути и способы охраны окружающей среды, однако слабо коррелируют с национальным самосознанием населения страны, его представлениями о допустимых или недопустимых формах взаимодействия человека и природы. Не имея поддержки населения, органы государственной власти принимают отдельные законы (или вносят изменения в уже действующие), что позволяет решать локальные (тактические) задачи в области охраны окружающей среды, однако не позволяет осмыслить проблему в целом.

Между тем никакое государство не может исполнять свои функции, не опираясь на поддержку населения, поскольку возможности государственного принуждения носят ограниченный характер. С этой проблемой уже столкнулся коммунистический Китай, найдя выход из ситуации в разработке концепции экологической цивилизации, вписанной в культурную традицию и не противоречащей принятой в стране коммунистической идеологии.

Данная концепция не является абстрактной суммой представлений о взаимодействии природы и общества, а активно продвигается посредством принятия различных экологических законов, полностью «вписанных» в общий стратегический замысел руководства страны по реформированию экологических отношений. Данный опыт не может быть воспринят буквально в России, имеющей свою уникальную национальную специфику, но может представлять интерес при разработке аналогичного программного документа, определяющего авторский стратегический план перехода России к устойчивому развитию. При этом идеи китайской экологической цивилизации, в рамках которой западные теории были дополнены традиционными учениями китайских философов, не противопоставляющих человека природе (а считающих человека ее частью), могут быть очень полезны и в России.

Список литературы References

- Глазырина И.П., Симонов Е.А. 2015. «Экологическая цивилизация» Китая: новые вызовы или новые перспективы для России? *ЭКО*, 7: 52–72.
- Glazyrina I.P., Simonov E.A. 2015. «Ekologicheskaya civilizaciya» Kitaya: novye vyzovy ili novye perspektivy dlya Rossii? [China's "Ecological civilization": new challenges or new prospects for Russia]. *ECO*, 7: 52–72.
- Резник Ю.М. 2022. Методологические проблемы развития незападных цивилизаций. *Проблемы цивилизационного развития*, 4-1: 140–159.
- Reznik Y.M. 2022. Metodologicheskie problemy razvitiya nezapadnyh civilizacij [Methodological problems of the development of non-Western civilizations]. *Problemy civilizacionnogo razvitiya*, 4-1: 140–159.
- Рыженков А.Я. 2022. О роли эколого-правовой культуры в развитии «зеленой» экономики. *Правовая культура*, 1: 33–41.
- Ryzhenkov A.J. 2022. O roli ekologo-pravovoj kul'tury v razvitii «zelenoj» ekonomiki [About the role of the ecologist-legal culture in the development of "green" ecology]. *Pravovaya kul'tura*, 1: 33–41.

- Хунянь Л. 2013. Китайско-российское сотрудничество в сфере экологического права в контексте экологической цивилизации. *Вопросы правоведения*, 4: 358–373.
- Hunyan L. 2013. Kitajsko-rossijskoe sotrudnichestvo v sfere ekologicheskogo prava v kontekste ekologicheskoy civilizacii [Sino-Russian cooperation in the field of environmental law in the context of ecological civilization]. *Voprosy pravovedeniya*, 4: 358–373.
- Duan L., Wang L. 2022. How does the construction of China's ecological civilization affect the health burden of urban and rural residents? *Chinese Journal of Population, Resources and Environment*, 20: 369–382.
- Hanson A. 2019. Ecological Civilization in the People's Republic of China: Values, Action, and Future Needs. *ADB East Asia Working Paper Series*, 21: 1–25.
- He J. 2018. Retrospect and Prospect of Ecological Civilization Construction in China. *Advances in Engineering Research*, 170: 616–620.
- Hu J., Hu M., Zhang H. 2023. Has the construction of ecological civilization promoted green technology innovation? *Environmental Technology & Innovation*, 29: 1–13.
- Huang P., Westman L. 2021. China's imaginary of ecological civilization: A resonance between the state-led discourse and sociocultural dynamics. *Energy Research & Social Science*, 81: 1–7
- Mi X., Song Y. 2013. Obstruction and Measures of China Ecological Civilization Construction. *Journal of Sustainable Society*, 2-1: 31–35.
- Wei Z., Hulin L., Xuebing A. 2011. Ecological Civilization Construction is the Fundamental Way to Develop Low-carbon Economy. *Energy Procedia*, 5: 839–843.
- Zuo Z., Guo H., Cheng J., Li Y. 2021. How to achieve new progress in ecological civilization construction? – Based on cloud model and coupling coordination degree model. *Ecological Indicators*, 127: 1–12.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 02.02.2023
Поступила после рецензирования 10.03.2023
Принята к публикации 17.04.2023

Received February 2, 2023
Revised March 10, 2023
Accepted April 17, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины», Донской государственной технической университет, г. Ростов-на-Дону, Россия.

Web of Science Researcher I-4545-2017

[ORCID: 0000-0003-3988-2066](https://orcid.org/0000-0003-3988-2066)

Волков Игорь Константинович, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Гражданское право», Донской государственной технической университет, г. Ростов-на-Дону, Россия.

[ORCID: 0000-0002-5265-3367](https://orcid.org/0000-0002-5265-3367)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexey P. Anisimov, Doctor of Law, Professor of the Department of "Corner Law and Public Law Disciplines", Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia.

Web of Science Researches I-4545-2017

[ORCID: 0000-0003-3988-2066](https://orcid.org/0000-0003-3988-2066)

Igor K. Volkov, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia.

[ORCID: 0000-0002-5265-3367](https://orcid.org/0000-0002-5265-3367)

УДК 342

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-3-550-557

Сбалансированность прав и обязанностей гражданина: отдельные вопросы методологии конституционного исследования

Кемрюгов Т.Х.

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет,
196601, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 2
tengiz_09@bk.ru

Аннотация. Сегодня существует потребность научного осмысления одной из важных новелл Конституции Российской Федерации о том, что в Российской Федерации обеспечивается сбалансированность прав и обязанностей гражданина. Анализ практики Конституционного Суда Российской Федерации позволяет с высокой степенью уверенности констатировать, что Конституционный Суд Российской Федерации не только применяет идею баланса как правовое средство нормоконтроля, но фактически адресует эту идею в качестве условия и критерия конституционности правового регулирования различных общественных отношений всем субъектам права, законодателю и правоприменителям. Автор излагает ряд суждений, касающихся методологии научного исследования конституционного положения о сбалансированности. Сделан вывод о том, что рассматриваемая идея имплицитно содержалась в Конституции Российской Федерации и до оформления в тексте.

Ключевые слова: конституционный текст, конституционная новелла, методология исследования, баланс, баланс прав и обязанностей

Для цитирования: Кемрюгов Т.Х. 2023. Сбалансированность прав и обязанностей гражданина: отдельные вопросы методологии конституционного исследования. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 48(3): 550–557. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-550-557

Balance of Rights and Obligations of a Citizen: Some Issues of Research Methodology

Tengiz Kh. Kemrugov

St. Petersburg State Agrarian University,
2 Petersburg highway, Pushkin, St. Petersburg 196601, Russian Federation
tengiz_09@bk.ru

Abstract. The relevance of the topic of the article is due to the needs of scientific understanding of one of the important novels of the Constitution of the Russian Federation that the balance of the rights and duties of a citizen is ensured in the Russian Federation. The author makes a number of judgments regarding the methodology of scientific research of the constitutional provision on balance, comes to the conclusion that the idea in question was implicitly contained in the Constitution of the Russian Federation even before it was formalized in the text. An analysis of the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation allows us to state with a high degree of certainty that the Constitutional Court of the Russian Federation not only applies the idea of balance as a legal means of normative control, but actually addresses this idea as a condition and criterion for the constitutionality of the legal regulation of various social relations to all subjects of law, the legislator and law enforcers.

© Кемрюгов Т.Х., 2023

Keywords: constitutional text, constitutional novel, research methodology, balance, balance of rights and obligations

For citation: Kemrugov T.Kh. 2023. Balance of Rights and Obligations of a Citizen: Some Issues of Research Methodology. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(3): 550–557 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-550–557

Введение

Появление в тексте Конституции Российской Федерации ¹ новых единиц логоса (категорий, понятий, терминов, концептов, «смысловых рядов») является серьезным вызовом как для правоведения [Мархгейм, 2020; Астафичев, 2021; Мархгейм, 2022], так и для всего комплекса социальных наук [Эбзеев, 1995; Алекси, 2006; Хорунжий, 2017; Эбзеев, 2018].

Конституция – это неординарный правовой акт. В той мере, в которой мы соглашались с тем, что право объективирует особое коммуникативное пространство, зачастую его наполнением выступают разнонаправленные и противоречивые отношения социального, политического, экономического, идеологического характера, равно как и иные, в той или иной степени опосредуемые правом отношения и взаимодействия, нам следует исходить из презумпции о том, что правопорядок, подчиняющийся специфическому воздействию правовых норм, обладающих высшей по сравнению с иными нормами позитивного права, юридической силой и особым (учредительным, системообразующим, аксиологическим, телеологическим, гарантирующим, охранительным) действием, неизбежно сталкивается с задачей определения потенциала, который несут в себе указанные нормы, воплощенные языком конституции в конституционном тексте.

Как отмечается в научной литературе, феномен юридического языка имеет первородное, определяющее значение при исследовании всей правовой материи [Турагин, 2017, с. 38], и в этом смысле правоведение не может не участвовать в освоении когнитивных результатов процесса категоризации и концептуализации мира человеком. Бертран Рассел отметил, что «...во-первых, существует проблема, возникающая в нашем сознании всякий раз, когда мы используем язык с намерением выразить что-то посредством него; эта проблема принадлежит психологии. Во-вторых, существует проблема отношения мыслей, слов и предложений к тому, что они обозначают или означают; эта проблема принадлежит эпистемологии. В-третьих, существует проблема – как употреблять предложения так, чтобы выражать истину, а не ложь: она принадлежит специальным наукам, изучающим предметы рассматриваемых предложений. В-четвертых, имеется вопрос: в каком отношении один факт (такой как предложение) должен находиться к другому, чтобы он мог быть символом этого другого факта. Этот последний вопрос есть вопрос логики...» [Рассел, 2008, с. 11].

Не беря на себя смелость дополнить мысль выдающегося ученого, отметим вместе с тем, что можно также выделить проблему такого применения слов и предложений, чтобы придаваемое им значение общеобязательных правил поведения, выполнение которых обеспечено принуждением со стороны государства, позволяло упорядочить общественные отношения. И это проблема юриспруденции.

Давление, которое оказывают на позитивистское правопонимание ученые, активно развивающие представления о праве в рамках иных парадигм (социального конструктивизма, социетально-антропологического, коммуникативного, либертарного и иных подхо-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) (с изм. от 04.10.2022). Российская газета, № 144, 04.07.2020.

дов), вероятно, повлияло на то, что формально-юридический анализ (метод) не особенно широко распространен в настоящее время.

В научной литературе отмечается, что «формально-юридический метод означает особую совокупность обработки и анализа содержания действующей системы права. Его специфическим свойством является отвлечение от некоторых существенных сторон права, связанных с материальной и классовой обусловленностью правовой системы. На первый план выделяются здесь чисто логические, языковые и иные абстрактные стороны, выражающие структурные закономерности права» [Лазарев, 1974, с. 57; Козлов, Суслов, 1981, с. 19]. Интерес представляет мнение о том, что «формально-юридический метод способствует изучению «догмы» права, выявлению формально-логических связей, абстрагированию от иных социально-экономических явлений (экономических, идеологических, политических)... имеет ограниченное применение, но важное значение с точки зрения формирования и функционирования права как целостного явления «узнаваемого» людьми и контролируемого институтами гражданского общества» [Берлявский, Шматова, 2012, с. 51].

Приведенные суждения служат аргументацией нашему убеждению в том, что формально-юридический метод, относящийся к специально-юридическим, особенно востребован тогда, когда предметом анализа выступает та или иная юридическая новелла. Данный метод и послужил подспорьем в наших размышлениях о методологических подступах к исследованию сбалансированности прав и обязанностей гражданина.

Новелла не нова?

Положение о сбалансированности (балансе), в том числе и применительно к субъективным правам и обязанностям, формализованное ст. 75.1 Конституции России было бы преувеличением считать действительно конституционной новеллой. В Конституционном Суде Российской Федерации достаточно давно идут серьезные дискуссии о природе феномена баланса и его функциональном назначении применительно к опосредованным конституционным текстом отношениям. Эти дискуссии отражаются и в правовых позициях судебного органа конституционной юстиции, но еще более выпукло они отражаются в научных публикациях и позициях самих носителей судебной власти – судей Конституционного Суда. Проиллюстрируем сказанное двумя мнениями судей Конституционного Суда Российской Федерации. Так, судья Н.С. Бондарь в своем особом мнении по Постановлению Конституционного Суда РФ от 23 января 2007 года № 1-П¹ полагает, что «...идея баланса конституционных ценностей, которая как конституционный принцип и как методологический прием ... предполагает, в частности, необходимость взвешивания вступивших в противоречие (конфликт) в рамках конституционно-правового спора конституционных ценностей и определение сообразно их конституционному весу соотношения, которым и обуславливается содержание правового регулирования конкретной сферы общественных отношений. При этом каждая из конституционных ценностей, между которыми возникла коллизия, должна быть сохранена в рамках существующего конституционно-правового противоречия, которое не обязательно должно преодолеваться путем устранения данного противоречия».

В то же время судья А.Л. Кононов в особом мнении по Постановлению Конституционного Суда РФ от 14 июля 2005 г. № 9-П² подчеркивает: «Употребляемая неоднократно Конституционным Судом РФ формула о балансе частных и публичных интересов, по

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.01.2007 № 1-П по делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Агентство корпоративной безопасности» и гражданина В.В. Макеева. Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 1.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2005 № 9-П по делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.А. Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа. Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 4.

нашему мнению, искажает шкалу конституционных ценностей, поскольку баланс предполагает нивелирование, уравнивание, равнозначность интересов отдельной личности и государства, что заведомо ставит личность в подчиненное и незащищенное положение, деформирует само понятие правового государства. Конституция РФ говорит не о балансе, а о предпочтении гуманитарных ценностей».

Тем не менее формализация положения о балансе непосредственно в конституционном тексте ставит перед правовой наукой вопрос об обеспечении условия, которое приобретает особое значение в современном правовом дискурсе (формирования и функционирования права как целостного явления «узнаваемого» людьми) и, следовательно, выступает прямой предпосылкой тому, чтобы юридическая мысль сосредоточила внимание на разработке теоретических моделей, позволяющих непротиворечиво понимать и применять соответствующие конституционные положения. Для этого в первую очередь необходимо уяснить содержание исследуемого конституционного понятия и его место в системе известных науке понятий (категорий). Как известно, определение понятия – это логическая операция, которая заключается в том, чтобы раскрыть содержание путем указания на основные существенные признаки изучаемого объекта, отличающие его от других общественных явлений и выделяющие из числа правовых [Васильев, 1976, с. 86].

Мы принимаем во внимание известную степень справедливости и обоснованности позиции о том, что «...теория права насчитывает немало попыток сочетаться с логикой, познать природу правовых норм с помощью логического научного инструментария, построить логически выверенную систему норм позитивного права, решить проблему формализации нормативных рассуждений. Общеизвестно, что такие попытки пока еще не дали сколько-нибудь заметного результата» [Костылев, 1998, с. 70]. Подобного рода суждения тем более актуальны применительно к конституционному тексту, который «отличается от текста норм других отраслей права своей краткостью, высокой плотностью юридического содержания при минимуме слов» [Гаджиев, 2013, с. 7], что серьезно усложняет формально-юридический анализ. При этом мы исходим из того, что зачастую порождаемый лаконичностью конституционного текста семантический вакуум представляет собой не пробел, не пустое место, а пространство не проявленных (не объективированных) смыслов [Актуальные проблемы современной когнитивной науки, 2011], задаваемых сложной связью предшествующего конституционно-правового опыта и образом желаемого (потребного) будущего. И для нас принципиально, что вне формально-юридического метода, который, безусловно, применяется наряду и в связи с иными методами, извлечь (проявить) указанные смыслы достаточно затруднительно.

Конституционный путь от идеи к формализации

Подчеркнем также, что исследование не только рассматриваемого нами конституционного положения, но и иных конституционных норм мы полагаем обоснованным лишь в парадигме эволюционного развития общественных отношений, а, следовательно, и опосредующих их правовых феноменов, формально-текстовых (юридико-лингвистических) форм их выражения. В данном случае непринципиально, исходить ли из линейного понимания эволюции государственно-правовых явлений или согласиться с тем, что эволюция правовых феноменов имеет нелинейный характер и представляет собой ряд необусловленных предшествующим развитием скачкообразных переходов на новую фазу эволюционного развития, которые с полным на то основанием можно считать мутациями (в терминологии Н.В. Разуваева) эволюционирующего феномена [Разуваев, 2016, с. 12; Сызранцев, 2002]. И в том, и в другом случае эволюция рассматривается как процесс накопления и усложнения этого опыта, влекущий за собой историческую трансформацию приемов его типизации.

Для нашего исследования важным выступает позиция о том, что появившаяся в 2020 году в конституционном тексте лексема «сбалансированность» является плодом относительно длительного правового (в нашем случае – конституционно-правового) развития как правовой доктрины, так и практики. И исследователь, выявляя содержание сба-

лансированности прав и обязанностей гражданина в Российской Федерации, не может не учитывать данного обстоятельства. Следовательно, мы исходим из того, что конституционный законодатель в положении о «сбалансированности прав и обязанностей гражданина» «не изобретал» ничего такого, чему мы: а) не могли бы найти предпосылок в линейно накапливаемом опыте конституционного правоприменения либо б) не могли бы найти предпосылок в устанавливаемой путем ретроспективного анализа совокупности заранее непрогнозируемых факторов (флуктуациях), предопределившей тот или иной характер развития исследуемого феномена в конкретный период.

В качестве обоснования нашего суждения сошлемся на тот факт, что Конституционный Суд Российской Федерации заговорил о балансе применительно прав и обязанностей задолго до конституционной реформы-2020. Как минимум с 2007 года сбалансированность прав и обязанностей введена в конституционно-правовое поле. Судом высказывались правовые позиции о том, что «...В Российской Федерации как правовом и социальном государстве устанавливаемый федеральным законодателем правовой режим пособий по обязательному социальному страхованию должен быть основан на универсальных принципах справедливости и юридического равенства и вытекающего из них требования сбалансированности прав и обязанностей (статья 1, часть 1; статья 6, часть 2; статья 19 Конституции Российской Федерации)...»; «...в Российской Федерации как правовом и социальном государстве устанавливаемый федеральным законодателем правовой режим страховых выплат по обязательному социальному страхованию должен быть основан на универсальных принципах справедливости и юридического равенства и вытекающего из них требования сбалансированности прав и обязанностей (статья 1, часть 1; статья 6, часть 2; статья 19 Конституции Российской Федерации)»¹.

Важно подчеркнуть – то обстоятельство, что в своих решениях 2007 года и последующих Конституционный Суд ссылается на ряд своих более ранних решений 1998 и 1999 годов (в которых строго буквально о сбалансированности ничего не сказано, такое понятие в тексте судебного акта отсутствует) позволяет утверждать, что как идея (еще не облеченная в правовую форму) сбалансированность прав и обязанностей имплицитно, по мнению Конституционного Суда Российской Федерации, содержалась в Конституции Российской Федерации изначально.

В юридических исследованиях, опять-таки задолго до 2020 года, отмечалось, что закрепившаяся в практике Конституционного Суда Российской Федерации тенденция расширения и углубления процесса конституционализации общественных отношений требует, во-первых, все большего разнообразия конституционно-правовых средств, во-вторых, качественно более высокого уровня гармонизации разнообразных конституционно-правовых средств, без чего достижение целей конституционно-правовой политики крайне затруднительно [Кемрюгов, 2017, с. 79].

Наконец, еще один момент, который мы полагаем предпосланным нашим суждениям о подходе к понятию «сбалансированность (баланс)» в контексте прав и обязанностей гражданина. В свое время Роско Паунд отстаивал юридический эмпиризм, под которым он понимал «процесс проб и ошибок со всеми его преимуществами и недостатками», «юридический поиск действующего правового предписания, принципа, который дает хорошие результаты в предоставлении приемлемых оснований решения реальных случаев»

¹ Указанные правовые позиции см.: постановления Конституционного Суда РФ от 22.03.2007 № 4-П по делу о проверке конституционности положения части первой статьи 15 Федерального закона «О бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации на 2002 год» в связи с жалобой гражданки Т.А. Баныкиной. Российская газета, № 66, 30.03.2007; от 10.07.2007 № 9-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 10 и пункта 2 статьи 13 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» и абзаца третьего пункта 7 Правил учета страховых взносов, включаемых в расчетный пенсионный капитал, в связи с запросами Верховного Суда Российской Федерации и Учалинского районного суда Республики Башкортостан и жалобами граждан А.В. Докукина, А.С. Муратова и Т.В. Шестаковой. Российская газета, № 150, 13.07.2007.

[Сызранцев, 2002, с. 35]. Исследуя положение о «сбалансированности (балансе)» в контексте прав и обязанностей гражданина, мы исходим из того, что имеем дело не с научной абстракцией, но с действующей нормой Конституции Российской Федерации, которая применяется непосредственно к реальным общественным отношениям, в том числе в процессе нормоконтроля. Поэтому, на наш взгляд, любая теоретико-правовая операционализация положения о «сбалансированности (балансе)» должна подразумевать некоторый праксеологический потенциал, адекватный потребностям учредительного, регулирующего, аксиологического, телеологического, гарантирующего, системообразующего воздействия конституции на общественные отношения.

Судья, который обязан (в силу прямого действия норм Конституции Российской Федерации) применить при разрешении конкретного дела конституционное положение о сбалансированности прав и обязанностей гражданина, не должен решать вопрос «является ли данная конкретная линия длиннее, чем тот конкретный камень тяжелее»¹, и задумываться о том, что балансирование конституционных принципов и ценностей требует от суда «измерить неизмеримое и сравнивать несравнимое».

Следовательно, резюмируем, что как минимум один из смыслов (мы допускаем, что смысловое насыщение конституционного положения может быть многогранным) рассматриваемого конституционного положения должен находиться в рамках типичных инструментов (средств), которыми обеспечивается публичный правопорядок.

Заключение

Закрепление в конституционном тексте формулы, что в Российской Федерации «обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина» имеет существеннейшее значение для теории и практики конституционного права.

Во-первых, в настоящее время появились основания пересмотреть классическое определение правового статуса личности как совокупности прав и обязанностей в пользу правового статуса личности как сбалансированной совокупности прав и обязанностей. В обозначенном контексте требуют переосмысления и иные ключевые понятия: гражданство, субъект права, субъект правоотношения и т.д.

Во-вторых, расширяется спектр регулирующего воздействия конституционного права на самый широкий круг общественных отношений, опосредованных правами и обязанностями, появляются качественно новые характеристики обязывания как метода конституционно-правового регулирования.

В-третьих, проблематизируется (в позитивном смысле) перспектива следующего эволюционного шага в развитии прав и обязанностей – от сбалансированности к взаимобусловленности.

Мы полагаем, что на текущем этапе своего развития юридическая формализация идеи сбалансированности прав и обязанностей гражданина своим смыслообразующим началом должна иметь не метафорические (взвешивание, гармонизация) и не предельно субъективно-оценочные (соразмерность, пропорциональность) концепты, а конкретно-юридическое содержание, поддающееся формализации в системе действующего правового регулирования и пригодное для прямого применения в том числе и при разрешении конкретных споров о праве.

Список литературы

Актуальные проблемы современной когнитивной науки: материалы четвертой всероссийской научно-практической конференции с международным участием (20–21 октября 2011 года). 2011. Иваново, Изд-во «Иваново», 349 с.

¹ Известное высказывание судьи Верховного Суда США А. Скалиа, характеризующее его отношение к методу взвешивания, уравнивания конкурирующих конституционных ценностей, выраженное в деле *Bendix Autolite Corp. v. Midwesco Enter., Inc.*, 486 U.S. 888, 897 (1988) и впоследствии ставшее краеугольным камнем критики применения балансировки (пропорциональности) в судебном правоприменении.

- Алекси Р. 2006. Сбалансированность, конституционный контроль и представительство. *Сравнительное конституционное обозрение*, 2(55): 113–118.
- Астафичев П.А. 2021. Конституционализация принципа уважения к старшим: опыт конституционных поправок 2020 года, их содержание и проблемы реализации. *Сравнительное конституционное обозрение*, 2: 180–191.
- Берлявский Л.Г., Шматова Е.С. 2012. Формально-юридический метод в правовых исследованиях: современные подходы. *Юридический мир*, 6: 51–54.
- Васильев А.М. 1976. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 264 с.
- Гаджиев Г.А. 2013. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., Норма; ИНФРА-М, 319 с.
- Кемрюгов Т.Х. 2017. Конституционные обязанности личности в решениях Конституционного Суда Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 173 с.
- Козлов В.А., Суслов Ю.А. 1981. Конкретно-социологические исследования в области права. Л., 111 с.
- Лазарев В.В. 1974. Пробелы в праве и пути их устранения. М., 184 с.
- Мархгейм М.В. 2020. Конституционные модели федеральных территорий: зарубежный опыт для российских перспектив. *Социально-политические науки*, 3: 56–61.
- Мархгейм М.В. 2022. Публичный правопорядок российской федерации: конституционный абрис нового ориентира. *Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета*, 3(103): 24–31.
- Разуваев Н.В. 2016. Эволюция государства: социально-антропологический и юридический аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб, 413 с.
- Витгенштейн Л. 2017. Логико-философский трактат. Сер. «Памятники философской мысли». М., Канон + РООИ «Реабилитация», 288 с.
- Сызранцев Д.Г. 2002. Прагматизм в праве (Метод Роско Паунда): дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 158 с.
- Турагин В.Ю. 2017. Юридическая терминология в современном российском законодательстве (теоретико-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. Белгород, 437 с.
- Хорунжий С.Н. 2017. Конституционная идеология и баланс защищаемых правовых ценностей. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право*, 2(29): 45–64.
- Эбзеев Б.С. 2018. Конституционный правопорядок и основные обязанности: историческое развитие, юридическая природа и особенности нормирования. Часть I. *Государство и право*, 3: 35–42.
- Эбзеев Б.С. 1995. Права и обязанности человека и гражданина как отражение диалектики индивидуального и коллективного начал в организации социума. В кн.: *Личность и власть. Межвузовский сб. науч. работ. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ВШ МВД РФ: 116–128.*

References

- Aktual'nye problemy sovremennoj kognitivnoj nauki [Actual problems of modern cognitive science]: materials of the fourth All-Russian scientific and practical conference with international participation (October 20-21, 2011). 2011. Ivanovo, Publ. Ivanovo. 349 p.
- Aleksii R. 2006. Sbalansirovannost', konstitucionnyj kontrol' i predstavitel'stvo [Balance, constitutional control and representation]. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie*, 2(55): 113–118.
- Astafichev P.A. 2021. Konstitucionalizaciya principa uvazheniya k starshim: opyt konstitucionnyh popravok 2020 goda, ih sodержanie i problemy realizacii [Constitutionalization of the principle of respect for elders: the experience of the 2020 constitutional amendments, their content and problems of implementation]. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie*, 2: 180–191.
- Berlyavskij L.G., SHmatova E.S. 2012. Formal'no-yuridicheskij metod v pravovyh issledovaniyah: sovremennye podhody [Formal legal method in legal research: modern approaches]. *YUridicheskij mir*, 6: 51–54.
- Vasil'ev A.M. 1976. Pravovye kategorii. Metodologicheskie aspekty razrabotki sistemy kategorij teorii prava [Legal categories. Methodological aspects of the development of the system of categories of the theory of law]. М., 264 p.
- Gadzhiev G.A. 2013. Ontologiya prava (kriticheskoe issledovanie yuridicheskogo koncepta dejstvitel'nosti) [Ontology of law (critical study of the legal concept of reality)]: Monografiya. М., Publ. Norma; INFRA-M, 319 p.

- Kemryugov T.H. 2017. Konstitucionnye obyazannosti lichnosti v resheniyah Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii [Constitutional duties of the individual in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation]: dis. ... cand. law sciences. Belgorod, 173 p.
- Kozlov V.A., Suslov YU.A. 1981. Konkretno-sociologicheskie issledovaniya v oblasti prava [Concrete sociological research in the field of law]. L., 111 p.
- Lazarev V.V. 1974. Probely v prave i puti ih ustraneniya [Gaps in the law and ways to eliminate them]. M., 184 p.
- Marhejtm M.V. 2020. Konstitucionnye modeli federal'nyh territorij: zarubezhnyj opyt dlya rossijskih perspektiv [Constitutional models of Federal Territories: Foreign experience for Russian perspectives]. *Social'no-politicheskie nauki*, 3: 56–61. (In Russian)
- Marhejtm M.V. 2022. Publichnyj pravoporyadok rossijskoj federacii: konstitucionnyj abris novogo orientira [Public law and order of the Russian Federation: the constitutional outline of a new landmark]. *YUridicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 3(103): 24–31. (In Russian)
- Razuvaev N.V. 2016. Evolyuciya gosudarstva: social'no-antropologicheskij i yuridicheskij aspekty [The evolution of the state: socio-anthropological and legal aspects]: abstract of the dis. ... cand. law sciences. SPb, 413 p.
- Vitgenshtejn L. 2017. Logiko-filosofskij trakta [Logical and Philosophical Treatise]. M., Publ. Kanon + ROOI «Reabilitaciya», 288 p.
- Syzrancev D.G. 2002. Pragmatizm v prave (Metod Rosko Paunda) [Pragmatism in Law (The Roscoe Pound Method)]: dis. ... cand. law sciences. Rostov n/D, 158 p.
- Turanin V.YU. 2017. YUridicheskaya terminologiya v sovremennom rossijskom zakonodatel'stve (teoretiko-pravovoe issledovanie) [Legal terminology in modern Russian legislation (theoretical and legal research)]: dis. ... cand. law sciences. Belgorod, 437 p.
- Horunzhij S.N. 2017. Konstitucionnaya ideologiya i balans zashchishchaemyh pravovyh cennostej [Constitutional ideology and the balance of protected legal values]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2(29): 45–64.
- Ebzeev B.S. 2018. Konstitucionnyj pravoporyadok i osnovnye obyazannosti: istoricheskoe razvitie, yuridicheskaya priroda i osobennosti normirovaniya [Constitutional legal order and main responsibilities: historical development, legal nature and features of rationing]. *CHast' I. Gosudarstvo i pravo*, 3: 35–42. (In Russian)
- Ebzeev B.S. 1995. Prava i obyazannosti cheloveka i grazhdanina kak otrazhenie dialektiki individual'nogo i kollektivnogo nachal v organizacii sociuma [The rights and obligations of a person and a citizen as a reflection of the dialectic of individual and collective principles in the organization of society]. Rostov-na-Donu, Publ. Rost. VSH MVD RF: 116–128. (In Russian)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 11.01.2023

Поступила после рецензирования 02.03.2023

Принята к публикации 28.04.2023

Received January 11, 2023

Revised March 2, 2023

Accepted April 28, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кемрюгов Тенгиз Хатызович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и административного права юридического факультета, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tengiz Kh. Kemrugov, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Faculty, St. Petersburg State Agrarian University, St. Petersburg, Russia.

УДК 342.41

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-3-558-568

Легализация официального языка: советский вариант

Новикова А.Е.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
novikova_a@bsu.edu.ru

Аннотация. Современный статус государственного языка конституционно определен ст. 68 и конкретизирован в специальном законодательстве. Однако сформированная правовая база и легализованный принцип недопустимости дискриминации по языковому признаку (ст. 19) не гарантируют в полной мере защиту прав граждан. Кроме того, на фоне недостаточной исследованности проблема конституционно-правовых подходов формализации государственного языка актуализирована вхождением в Российскую Федерацию новых субъектов и необходимостью гармонизации законодательства на всей территории многонациональной страны. По мнению автора, оформление и коррекция современного законодательства требует обращения к аналогичному правовому опыту Советского государства, территориально и национально превосходящего Россию. В этой связи представлены результаты анализа конституционно-правовых норм СССР, формализующих вариации категории «язык», авторские выводы о положительных и отрицательных сторонах такой регламентации. Сделан вывод о том, что конституционно-законодательный подход Советского государства адекватен для правопреемства в современном регулировании юридического статуса языка, исключая дискриминационные проявления как для самого языка, так и для многонационального населения.

Ключевые слова: язык, официальный язык, государственный язык, русский язык, родной язык, легализация языка, статус государственного языка, языковая дискриминация, языки народов, гарантии

Для цитирования: Новикова А.Е. 2023. Легализация официального языка: советский вариант. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 48(3): 558–568. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-558–568

Legalization of the Official Language: The Soviet Version

Alevtina E. Novikova

Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation
novikova_a@bsu.edu.ru

Abstract. The current status of the state language is constitutionally defined by Article 68 and specified in special legislation. However, the established legal framework and the legalized principle of non-discrimination on the basis of language (Article 19) do not fully guarantee the protection of citizens' rights. In addition, against the background of insufficient research, the problem of constitutional and legal approaches to the formalization of the state language is actualized by the entry of new subjects into the Russian Federation and the need to harmonize legislation throughout the multinational country. According to the author, the design and correction of modern legislation requires an appeal to the similar legal experience of the Soviet state, geographically and nationally superior to Russia. In this regard, the results of the analysis of the constitutional and legal norms of the USSR formalizing variations of the category "language", the author's conclusions about the positive and negative sides of such regulation are presented. It is concluded that the constitutional and legislative approach of the Soviet state is adequate for succession in the modern regulation of the legal status of the language, excluding discriminatory manifestations both for the language itself and for the multinational population.

Keywords: language, official language, state language, Russian language, native language, legalization of the language, the status of the state language, language discrimination, languages of peoples, guarantees

For citation: Novikova A.E. 2023. Legalization of the Official Language: The Soviet Version. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(3): 558–568 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-558–568

Введение

Язык выступает одним из «инструментов осуществления государственной национальной политики, создания единого коммуникативного информационного пространства» [Белов, Кропачев, 2016, с. 100]; «важнейшим средством самоидентификации народа, особой формой воплощения национального самосознания. Совокупно приведенные и иные характеристики опосредуют важность языковой политики в многонациональном государстве, которым является Российская Федерация» [Курбанова, 2017, с. 70]. В свою очередь, «конституционно-правовая формализация государственного языка является центральным и наиболее значимым элементом правового режима языков, затрагивая вопросы использования национальных языков в законодательно очерченных сферах отношений в пределах государственной территории, а также права их носителей» [Доровских, 2007, с. 8].

Представляется, что одновременно целесообразно и сложно легализовать статус государственного языка в многонациональном государстве, когда его субъектам адресовано право устанавливать государственные языки на своей территории.

Согласно ч. 1 ст. 68 Конституции России «государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации»¹. На русском говорят 250 млн человек в мире. Русский – один из 6 официальных языков ООН, а в СНГ 2023 год объявлен Годом русского языка как языка межнационального общения². Такие прикладные факты, полагаем, обуславливают научное внимание и к статусу языка в государстве [Караман, 2022; Мирзадинов, Байжомартова, 2023; Мархгейм, Новикова, 2023], и подходам к его легализации не только в современный период [Артеменко, 2008; Воронежский, 2008; Кабышев, 2007; Солодов, 2004], но и в ретроспективе, поскольку нынешние страны – члены СНГ – это части Советского государства, на которые распространялись его нормы.

С учетом значимости языка в федеративном многонациональном государстве, а также исходя из приведенных аргументов, автором представлены результаты анализа правовых аспектов вариаций категории «язык» в советском законодательстве, проведенного с целью обобщения исторического опыта и возможностей использования его положительных юридических инструментов в современном правовом поле Российской Федерации.

Конституционная легализация вариаций категории «язык»

Впервые на конституционном уровне была заявлена формулировка «языки, общепотребительные в союзных республиках» и в их числе названы: «русский, украинский, белорусский, грузинский, армянский, тюрко-татарский»³. Об этом говорилось в ст. 34 Конституции СССР 1923 года применительно к опубликованию на этих языках декретов и постановлений ЦИКа, его Президиума и СНК Союза ССР.

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.

² https://cis.minsk.by/news/24650/v_sng_2023_god_objavljen_godom_russkogo_jazyka?ysclid=llnr0c1q5m589275771 (дата обращения 11.05.2023).

³ Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик (утв. ЦИК СССР 06.07.1923) // СУ РСФСР. 1923. № 81. Ст. 782.

Приведенная конституционная норма текстуально воспроизводила п. 14 Договора об образовании Союза Советских Социалистических Республик¹.

В конституциях СССР 1936 (ст. 40) и 1977 годов (ст. 118) фиксировалось, что законы, иные акты публикуются на языках союзных республик (без конкретизации этих языков)². Данное положение было распространено и на специальные правовые нормы³.

Что касается такого правового источника, как международный договор СССР, то его аутентичные тексты, составленные на иностранных языках, публиковались на одном из этих языков с официальным переводом на русский язык (п. 4)⁴. Подобного рода нормы позволяют сделать вывод об особом статусе русского языка в советском государстве, несмотря на то, что до 1990 года не было такой специальной нормы.

В 1923 году (ст. 70) и позднее – в конституциях СССР 1936 (ст. 143) и 1977 годов (ст. 169) выявлено сопоставление с государственными символами языков, общеупотребительных в союзных республиках, а также языков союзных республик при описании Государственного герба Союза Советских Социалистических Республик, в котором на указанных языках присутствовала надпись «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Далее в хронологическом порядке в советских конституциях осуществлена корреляция языков с судопроизводством, которое велось «на языке Союзной или Автономной республики или автономной области с обеспечением для лиц, не владеющих этим языком, полного ознакомления с материалами дела через переводчика, а также права выступать на суде на родном языке» (ст. 110)⁵. Данная норма явилась основанием для формализации соответствующего принципа в специальном советском законодательстве о судостроительстве⁶.

Аналогична норма ст. 159 Конституции СССР 1977 года с единственным отличием – судопроизводство могло осуществляться на языке большинства населения данной местности. Таким образом, с учетом важности изъяснения на родном языке в многонациональном государстве конституционно были легализованы языки территориальных единиц Союзного государства. Несмотря на появление в рассматриваемой конституционной норме категории «язык большинства населения» в 1977 года, в процессуальных советских нормах законов она фиксировалась с 1958 года⁷.

Начиная с 1979 года, в рассматриваемых нормах осталась лаконичная формулировка «языки союзных республик»⁸.

¹ Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик (принят на I Съезде Советов СССР 30.12.1922) // Съезды Советов в документах. 1917–1936. Т. III, 1960. С. 18.

² См.: Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283; Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

³ См.: Указ Президиума ВС СССР от 19.06.1958 «О порядке опубликования и вступления в силу законов СССР, постановлений Верховного Совета СССР, указов и постановлений Президиума Верховного Совета СССР» // Ведомости ВС СССР. 1958. № 14. Ст. 275.

⁴ Постановление Совмина СССР от 20.03.1959 № 293 «О порядке опубликования и вступления в силу постановлений и распоряжений Правительства СССР» // Свод законов СССР. 1990. Т. 1. С. 145.

⁵ Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283

⁶ Ст. 7 Закона СССР от 16.08.1938 «О судостроительстве СССР, союзных и автономных республик» // Ведомости ВС СССР. 1938. № 11.

⁷ См.: ст. 11 Закона СССР от 25.12.1958 «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 15; ст. 11 Закона СССР от 25.12.1958 «Об утверждении Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик» // Ведомости ВС СССР. 1958. № 1. Ст. 12; ст. 10. Закона СССР от 08.12.1961 г. «Об утверждении Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1961. № 50. Ст. 526.

⁸ Ст. 66 Регламента Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик (принят ВС СССР 19.04.1979 г. № 3-Х) // Ведомости ВС СССР. 1979. № 17. Ст. 272; Закон СССР от 14.03.1990 г. № 1360-1 «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР» // Свод законов СССР. 1990. Т. 1. С. 130-1.

Специфика появилась в процессуальной норме 1989 года, согласно которой судопроизводство в Верховном Суде СССР и в военных трибуналах велось на официальном языке СССР (ч. 2 ст. 12)¹. Такую формулировку мы связываем с принятием специального законодательства о государственном языке. В остальном заявленная процессуальная норма текстуально совпадала с ранее зафиксированными.

Трансформации в сторону использования только русского языка в судопроизводстве появились в 1991 году применительно к арбитражному процессу. Согласно ст. 9 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве «в Высшем арбитражном суде СССР арбитражное производство ведется на русском языке»².

Легализация недопустимости дискриминации по признаку языка была осуществлена только в Конституции СССР 1977 года: «Граждане СССР равны перед законом независимо от... языка...» (ч. 4 ст. 34)³. Вместе с тем заявленный принцип на законодательном уровне начали фиксировать с 1961 года⁴.

В Конституции СССР 1977 года были сопоставлены субъективные права с родным языком и языками других народов СССР. Так, согласно ст. 36 граждане СССР различных рас и национальностей имеют равные права, осуществление которых «обеспечивается... возможностью пользоваться родным языком и языками других народов СССР»⁵. В законодательном выражении данная норма получила преломление в сфере распространения массовой информации (ст. 3)⁶.

На основании ст. 45 Основного закона СССР 1977 года «право граждан СССР на образование обеспечивается... возможностью обучения в школе на родном языке»⁷. Стоит отметить, что на законодательном уровне уже в 1973 году, кроме представленной нормы (ст. 3), дополнительно были формализованы основные принципы народного образования в СССР, в частности, «равенство всех граждан СССР в получении образования независимо от ... языка; свобода выбора языка обучения: обучение на родном языке или на языке другого народа СССР» (ст. 4)⁸. В ст. 20 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании «учащимся общеобразовательной школы предоставлялась возможность обучаться на родном языке или языке другого народа СССР»⁹.

Нормативно-правовое регулирование вариаций категории «язык»

В конституционном формате иные вариации категории языка не выявлены, поэтому далее представим результаты анализа законодательных и подзаконных правовых актов Советского государства на предмет выявления в них норм, легализующих вариативные категории языка в период с 1922 по 1991 год.

¹ Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве (приняты ВС СССР 13.11.1989 г.) // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1989. № 23. Ст. 441.

² Закон СССР от 17.05.1991 № 2171-1 «О порядке разрешения хозяйственных споров Высшим арбитражным судом СССР» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 23. Ст. 652.

³ Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

⁴ Ст. 7 Закона СССР от 08.12.1961 «Об утверждении Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1961. № 50. Ст. 526; ст. 3 Закона СССР от 12.10.1967 № 1950-VII «О всеобщей воинской обязанности» // Ведомости ВС СССР. 1967. № 42. Ст. 552, ст. 6 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве (приняты ВС СССР 13.11.1989) // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1989. № 23. Ст. 441.

⁵ Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

⁶ Закон СССР от 12.06.1990 № 1552-1 «О печати и других средствах массовой информации» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 26. Ст. 492.

⁷ Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

⁸ Закон СССР от 19.07.1973 № 4536-VIII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании» // Ведомости ВС СССР. 1973. № 30. Ст. 392.

⁹ Ведомости ВС СССР. 1973. № 30. Ст. 392.

Уточним, что в первых нормативных правовых актах либо использовались дословные конституционные формулировки о языках, либо употреблялись неконституционные категории языка. К примеру, в Декрете СНК СССР от 18 сентября 1923 г. указывалось, что «торговые книги ведутся по усмотрению владельца предприятия на одном из живых языков. Употребление мертвых языков и шифра воспрещается» (п. 3) ¹. Подобное установление имелось и в связи с обязательным ведением счетоводства торговыми и промышленными предприятиями (п. 2) ².

Что касается первого варианта формализации, то, к примеру, в документах о введении в обращение денежных знаков говорилось о надписях на них, сделанных на языках, общеупотребительных в союзных республиках с дословной конституционной конкретизацией ³. Подобного рода формулировки касались и иных сфер деятельности ⁴.

Последующий анализ правовых источников позволил сделать вывод, что в советском законодательстве большинство нормативных правовых актов, затрагивающих языки, касалось официальных атрибутов государство-аффилированных структур, делопроизводства, юридического процесса и пр. Считаю такой подход объективным, поскольку он вносит однозначную определенность в понимание информации, передаваемой различными способами на конкретном языке.

Что касается официальных атрибутов государство-аффилированных структур, заметим п. 16 Положения о Средне-Азиатском государственном университете, на печати которого имелось «изображение государственного герба Союза ССР и надпись вокруг... на русском и на тюркском языках» ⁵.

На правовом уровне уделялось внимание языкам фиксации символики ключевых государственных предприятий. Например, «на именных вещах для предприятий связи, находящихся на территории национальных республик и областей, наименование предприятия указывается на русском и на местном национальном языках» ⁶ или «на именных вещах почтовых вагонов (почтовых кают), обслуживающих несколько республик и автономных областей, надпись делается только на русском языке» (п. 53) ⁷.

Правило о русском и местном языке распространялось на текст аптечных этикеток, предназначенных для оформления лекарств, приготовляемых индивидуально (п. 9) ⁸.

На русском и национальном языках осуществлялось информирование пассажиров в аэровокзалах аэропортов, расположенных в союзных и автономных республиках (п. 2.3.8) ¹.

¹ Декрет СНК СССР от 18.09.1923 «Об обязательном ведении торговых книг торговыми и промышленными предприятиями» // СУ РСФСР. 1923. № 100. Ст. 998.

² Постановление СНК СССР от 09.11.1926 «Об обязательном ведении счетоводства торговыми и промышленными предприятиями» // СЗ СССР. 1927. № 1. Ст. 8.

³ См.: постановления ЦИК СССР, СНК СССР от 23.11.1923 «О выпуске в обращение денежных знаков образца 1923 г. с надписями на языках, указанных в ст. 34 Конституции Союза ССР» // СУ РСФСР. 1924. № 13. Ст. 116; от 12.06.1929 г. «Об утверждении Устава Государственного банка Союза ССР» // СЗ СССР. 1929. № 38. Ст. 332, 333; Декрет ЦИК СССР, СНК СССР от 18.12.1923 «О выпуске в обращение денежных знаков образца 1923 года достоинством в 15000 рублей с надписями на языках, указанных в ст. 34 Конституции Союза ССР» // СУ РСФСР. 1924. № 17. Ст. 169 и др.

⁴ См.: постановления ЦИК СССР, СНК СССР от 08.01.1926 г. «Консульский устав Союза Советских Социалистических Республик» // СЗ СССР. 1926. № 10. Ст. 78. от 22.08.1924 «О порядке опубликования законов и распоряжений Правительства Союза ССР» // СЗ СССР. 1924. № 7. Ст. 71 и др.

⁵ Постановление Президиума ЦИК СССР от 13.08.1926 «Об утверждении Положения о Средне-Азиатском Государственном Университете» // СЗ СССР. 1926. № 73. Ст. 563.

⁶ Почтовые правила (утв. Приказом Минсвязи СССР от 26.11.1962 № 670. М. : Связь, 1966.

⁷ Там же.

⁸ Приказ Минздрава СССР от 19.07.1972 № 583 «Об утверждении Единых правил оформления лекарств, приготовляемых в аптеках» // Сборник нормативных актов по аптечной службе. М. : Медицина, 1979.

Интересно, что в советский период были установлены строгие правила об использовании языков в рамках торжественного церемониала спортивных соревнований. Так, «при проведении международных соревнований лозунги-приветствия и другая информация записывались и передавались на русском языке и официальных языках международной федерации по виду спорта (при двусторонней встрече – языке команды-гостя)» (п. 1.3.2). Любопытно, что на «торжественный церемониал участники соревнований должны были выходить в спортивной, повседневной (опрятной) форме, при этом участникам всесоюзных соревнований запрещалось иметь на спортивной форме знаки иностранных торговых фирм, различные надписи на русском и иностранном языках, кроме установленных правилами» (п. 1.4)².

Правовыми нормами предписывались языки опубликования результатов деятельности различных органов и организаций. Так, Коммунистической Академии при Центральном Исполнительном Комитете Союза ССР было рекомендовано публиковать «труды своих членов, научных сотрудников и других ученых, а также своих учреждений в периодических изданиях, сборниках или отдельными книгами как на русском языке, так и на языках наций, населяющих Союз ССР, а, в отдельных случаях, и на иностранных языках» (п. 6)³. Таким образом, в юридико-технический оборот, кроме русского языка, введены языки наций, населяющих Союз ССР, и иностранные языки.

Интересно отметить, что диссертация могла быть подготовлена на любом языке народов СССР. Однако «с разрешения специализированного совета должны быть напечатаны авторефераты диссертаций на правах рукописи... на том же языке, что и диссертация, а также на русском языке, в том числе и в случаях представления к защите опубликованных монографий и учебников»⁴.

Категория национальных языков появилась в нормативных правовых актах Советского государства в 1924 году. Она упоминалась в контексте деятельности Центрального издательства народов Союза ССР, в которую входило издание периодической и непериодической литературы как общественно-политического, так и научного и учебного характера на национальных языках (газеты, журналы, книги, учебники, брошюры и пр.)⁵. Позднее, в 1930 году, данное установление было изложено в Положении о Центральном издательстве народов Союза ССР, но с использованием категории «языки народов Союза ССР»⁶.

В аспекте оформления официальных документов нормативно определялось, например, что «паспортные книжки и бланки изготавливаются по единому для всего Союза ССР образцу. Текст паспортных книжек и бланков для граждан различных союзных и автономных республик печатается на двух языках: на русском и на языке, общеупотребительном в данной союзной или автономной республике (п. 10)⁷. Это касалось и формы трудовой книжки⁸.

¹ Руководство по обслуживанию пассажиров на воздушных линиях Союза ССР. Часть I. Обслуживание пассажиров в аэропорту и в городском аэровокзале (утв. МГА СССР 21.11.1985). М. : Воздушный транспорт, 1986.

² Приказ Спорткомитета СССР от 29.07.1985 № 697 «О торжественном церемониале спортивных соревнований» // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.05.2023).

³ Постановление ЦИК СССР от 26.11.1926 «Положение о Коммунистической Академии при Центральном Исполнительном Комитете Союза ССР» // СЗ СССР. 1927. № 3. Ст. 34.

⁴ Постановление Совмина СССР от 30.12.1989 № 1186 «Вопросы аттестации научных и научно-педагогических кадров» // СП СССР. 1990. № 4. Ст. 26.

⁵ Декрет ЦИК СССР от 13.06.1924 «Положение (Устав) о Центральном Издательстве народов Союза ССР» // СУ РСФСР. 1924. № 75. Ст. 759.

⁶ Постановление Президиума ЦИК СССР от 02.07.1930 «Положение о Центральном издательстве народов Союза ССР» // СЗ СССР. 1930. № 37. Ст. 402.

⁷ Положение о паспортах (утв. ЦИК СССР, СНК СССР 27.12.1932 г.) // СЗ СССР. 1932. № 84. Ст. 517; Постановление Совмина СССР от 28.08.1974 № 677 «Об утверждении Положения о паспортной системе в СССР» // СП СССР. 1974. № 19. Ст. 109.

⁸ Постановление СНК СССР от 20.12.1938 № 1320 «О введении Трудовых книжек» // СП СССР. 1938. № 58. Ст. 329.

Студенческие билеты печатались на языке республики, на территории которой находилось высшее учебное заведение (п. 6) ¹.

Для бланков свидетельств о заключении брака, рождении, усыновлении (удочерении), установлении отцовства, перемене фамилии, имени, отчества, расторжении брака, смерти был определен единый для всего СССР образец: «для РСФСР – на русском языке, а для автономных республик, входящих в состав РСФСР, – на русском языке и соответственно на языке автономной республики (п. 3)» ². Еще одним важным документом в государственном строительстве были избирательные бюллетени, которые печатались на языках населения соответствующего избирательного округа (ст. 68) ³.

Непосредственно о делопроизводстве речь шла в Приказе Министра обороны СССР, предписывавшем, что «вся служебная переписка в Вооруженных Силах СССР ведется только на русском языке» (п. 4) ⁴. Но «стенографические отчеты сессий Верховного Совета СССР издавались на языках союзных республик» ⁵.

На наш взгляд, объективна содержательно широкая формулировка языка средств массовой информации, поскольку они должны быть доступны населению. Так, «средства массовой информации осуществляли свою деятельность, пользуясь языками народов, которые они обслуживают или чьи интересы представляют. Средства массовой информации вправе распространять массовую информацию на иных языках» ⁶.

Помимо сопоставления языков с различными аспектами государственной деятельности, необходимо особое внимание уделить связи языка с реализацией субъективных прав и специальных статусов. Так, доступность изданий на известном языке способствовала просвещению по важному спектру вопросов. Здесь целесообразен пример, когда «Комитет при Президиуме Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР по улучшению труда и быта работниц и крестьянок принимает меры к изданию научных работ и массовой литературы по вопросам женского труда и быта на языках национальностей Союза ССР (п. 8)» ⁷.

Еще одним примером «в интересах обслуживания национальных меньшинств литературой на родном языке в соответствии с растущими культурными запросами широких масс трудящихся национальных районов» ⁸ стало предписание о передаче «издания литературы на национальных языках местным национальным издательствам» ⁹.

Министрам здравоохранения союзных республик рекомендовалось «включать в планы санитарно-просветительной работы специальные лекции, беседы, а также издание листовок, лозунгов, плакатов на национальных языках о значении прививок в профилактике инфекционных заболеваний» ¹⁰.

¹ Приказ Минвуза СССР от 11.05.1956 № 396 «О введении новой формы студенческого билета». М.: Советская наука, 1957.

² Постановление Совмина СССР от 02.06.1969 № 410 «Об утверждении форм книг регистрации актов гражданского состояния» // Свод законов СССР. 1990. Т. 2. С. 159.

³ Постановление ЦИК СССР от 09.07.1937 «Об утверждении "Положения о выборах в Верховный Совет СССР"» // СЗ СССР. 1937. № 43. Ст. 182. См. также ст. 69 Указа Президиума ВС СССР от 11.10.1945 «Об утверждении "Положения о выборах в Верховный Совет СССР"» // Ведомости ВС СССР. 1945. № 72.

⁴ Приказ Министра обороны СССР от 05.10.1967 г. № 255 «О введении в действие Руководства по служебной переписке и делопроизводству в Вооруженных Силах СССР» // Справочник по законодательству для офицеров Советской Армии и Флота. М.: Воениздат, 1970.

⁵ Регламент Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик (принят ВС СССР 19.04.1979 г. № 3-Х) // Ведомости ВС СССР. 1979. № 17. Ст. 272.

⁶ Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 26. Ст. 492.

⁷ Постановление Президиума ЦИК СССР от 23.05.1930 «Об утверждении положения о Комитете при Президиуме Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР по улучшению труда и быта работниц и крестьянок» // СЗ СССР. 1930. № 29. Ст. 327.

⁸ Постановление Президиума ЦИК СССР от 21.09.1931 «Об издании литературы на языках национальных меньшинств» // СЗ СССР. 1931. № 60. Ст. 389.

⁹ СЗ СССР. 1931. № 60. Ст. 389.

¹⁰ Приказ Минздрава СССР от 11.06.1960 № 260 «Об организации кабинетов по проведению профилактических прививок детям» // Законодательство по здравоохранению, том VI. М., 1963.

На Министерство культуры СССР возлагалась обязанность увеличить выпуск фильмокопий художественных фильмов с субтитрами на русском языке, обеспечив совместно с ВЦСПС показ этих фильмов глухим зрителям в клубах, Домах культуры и кино-театрах (п. 8) ¹.

Таким образом, «просветительский» аспект прослеживался в различных общественных сферах.

С 1924 году в исследуемых нормативных правовых актах появляется формулировка нерусского языка народов, в области просвещения которых наблюдался положительный сдвиг и признавалась необходимость энергичной работы «в деле развития школ 1-й ступени и в подготовке новых кадров культурных коммунистически-опытных педагогов и издания учебников на соответственных языках, что является главным путем к поднятнью культуры наиболее отсталых народов нерусского языка» (п. 19) ².

Подобного рода правовые усилия прилагались не только к развитию и использованию нерусских языков, но и к повышению качества преподавания русского языка. В частности, в Постановлении СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 13 марта 1938 г. отмечалось, что «преподавание русского языка в школах национальных республик и областей поставлено неудовлетворительно» ³. Вместе с тем устанавливалась «необходимость преподавания русского языка, как предмета изучения в школах национальных республик и областей» по следующим мотивам:

«Во-первых, в условиях многонационального государства, каковым является СССР, знание русского языка должно явиться мощным средством связи и общения между народами СССР, способствующим их дальнейшему хозяйственному и культурному росту.

Во-вторых, овладение русским языком способствует дальнейшему усовершенствованию национальных кадров в области научных и технических познаний.

В-третьих, знание русского языка обеспечивает необходимые условия для успешного несения всеми гражданами СССР воинской службы в рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота» ⁴.

Рассматриваемое постановление предписывало конкретные меры по улучшению ситуации с преподаванием/изучением русского языка ⁵.

Специально-законодательное регулирование языков народов СССР

В истории Советского государства специальный закон о языках народов СССР появился только 24 апреля 1990 г. Согласно преамбуле этого документа «Советское государство обеспечивает гражданам СССР условия для использования в различных сферах государственной и общественной жизни языков народов СССР, заботится об их возрождении, сохранении и развитии. Граждане СССР должны бережно относиться к языку как духовному достоянию народа, всемерно развивать родной язык, уважать языки других народов СССР» ⁶. Что касается правового статуса языков, то союзная, автономная республики были вправе определять правовой статус языков республик, в том числе устанавливать их в качестве государственных языков (ст. 4).

¹ Постановление Совмина СССР от 27.07.1962 № 772 «Об улучшении общего и профессионального образования, трудового устройства и обслуживания глухих граждан» // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.05.2023).

² Постановление ВЦИК от 15.10.1924 «О мероприятиях по народному просвещению» // СУ РСФСР. 1924. № 87. Ст. 875.

³ Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 13.03.1938 № 324 «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.05.2023).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Закон СССР от 24.04.1990 «О языках народов СССР» // Свод законов СССР. 1990. Т. 1. С. 372–12.

Русский язык, с учетом исторически сложившихся условий и в целях обеспечения общесоюзных задач, признавался на территории СССР официальным языком СССР и использовался как средство межнационального общения (ст. 4).

В заявленном законе фиксировались гарантии языков народов СССР; права граждан на использование языков народов СССР; использование языков народов СССР в деятельности государственных органов, предприятий, учреждений, организаций; ответственность за нарушение законодательства о языках.

После принятия специального закона его ориентиры были восприняты текущим законодательством, в котором указывалось на русский язык как официальный язык СССР. К примеру, согласно ст. 24 «О всенародном голосовании (референдуме СССР)» «протоколы по итогам голосования и иные документы референдума представляются в Центральную комиссию референдума на русском языке – официальном языке СССР¹».

Таможенный кодекс СССР в качестве языка, на котором производилось таможенное оформление, указывал русский (ст. 48)² и иные примеры³.

Заключение

В качестве итогов проведенного исследования, укажем, что впервые на конституционном уровне в 1923 года была заявлена формулировка «языки, общеупотребительные в союзных республиках». Эта категория использовалась применительно к государственным символам и официальным текстам публикуемых нормативных правовых актов.

Легализация недопустимости дискриминации по признаку языка была осуществлена только в Конституции СССР 1977 года. В этом же Основном законе были сопоставлены субъективные права с родным языком и языками других народов СССР.

Выявленное конституционное многообразие вариаций категории «язык» соответствовало требованиям оформления официального общения в многонациональном государстве. Однако серьезным регулятивным изъяном считаем отсутствие в советских конституционных нормах легализации официального или государственного языка. Его статус был закреплен лишь в 1990 году на законодательном уровне. До этого времени общепризнанной интегративной категории не было, хотя отдельные правовые нормы позволяли сделать вывод об особой значимости русского языка. Соответственно в нормативных правовых актах СССР заявленного хронологического периода наблюдалась еще большая вариативность категории «язык», чем в Основных законах. Преимущественно сопоставление языка осуществлялось с оформлением государственных символов, опубликованием результатов деятельности, юридическим процессом, делопроизводством и пр. Меньшее количество норм было посвящено корреляциям языка с субъективными правами и статусами. Полагаем, такой конституционно-законодательный подход является прекрасным примером для современной «работы над ошибками» в регулировании правового статуса языка, исключая дискриминационные проявления как для самого языка, так и для населения.

Список литературы

- Артеменко О.И. 2008. Полиэтничность России: государственная образовательная и языковая политика. *Вестник образования*, 2: 4–54.
- Belov S.A., Kropachev N.M. 2016. СНто nuzhno, chtoby russkij yazyk stal gosudarstvennym [What has to be doneto make the russian language national?] *Zakon*, 10: 100–112.

¹ Закон СССР от 27.12.1990 № 1869-1 «О всенародном голосовании (референдуме СССР)» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 1. Ст. 10.

² Таможенный кодекс СССР (утв. ВС СССР 26.03.1991 № 2052-1) // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 17. Ст. 484.

³ Правила составления, подачи и рассмотрения заявки на выдачу патента на изобретение (утв. Приказом Госпатента СССР от 02.07.1991. № 49) // Вопросы изобретательства. № 7.

- Доровских Е.М. 2007. К вопросу о разграничении понятий «государственный язык» и «официальный язык». *Журнал российского права*, 12: 8–20.
- Кабышев С.В. 2007. Проблемы реализации конституционно-правового института государственного языка Российской Федерации. *Юрислингвистика*, 8: 42–47.
- Караман А.А. 2022. Отсутствие государственного языка в СССР как предпосылка «парада государственных языков» в союзных республиках. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*, 3: 10–25. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-10-25>
- Курбанова З.М. 2017. К вопросу об определении конституционно-правового статуса государственных языков республик (в контексте национально-языкового регулирования в Республике Дагестан). *Конституционное и муниципальное право*, 4: 70–73.
- Мархгейм М.В., Новикова А.Е. 2023. Государственные языки в конституциях республик в составе Российской Федерации: статусно-аксиологические сопряжения. *Право и государство: теория и практика*, 5(221): 210–212. DOI: [10.47643/1815-1337_2023_5_210](https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_5_210)
- Мирзадинов Ж.О., Байжомартова К.А. 2023. Государственный язык и его правовой статус в национальных и многонациональных государствах. *Интернаука*, 7-2(277): 36–39.
- Солодов А.В. 2004. Государственный язык Российской Федерации: проблемы легального определения. *Российский юридический журнал*, 3(43): 37–44.

References

- Artemenko O.I. 2008. Polietnichnost' Rossii: gosudarstvennaya obrazovatel'naya i yazykovaya politika [Polyethnicity of Russia: state educational and language policy]. *Vestnik obrazovaniya*, 2: 4–54.
- Belov S.A., Kropachev N.M. 2016. CHto nuzhno, chtoby russkij yazyk stal gosudarstvennym [What has to be done to make the Russian language national?] *Zakon*, 10: 100–112.
- Voroneckij P.M. 2008. Yuridicheskaya priroda i status gosudarstvennogo yazyka respublik v sostave Rossii [The legal nature and status of the state language of the republic within Russia]. *Politika i obshchestvo*, 7(43): 74–79.
- Dorovskih E.M. 2007. K voprosu o razgranichenii ponyatij «gosudarstvennyj yazyk» i «oficial'nyj yazyk» [On the issue of the differentiation of the concepts of "state language" and "official language"]. *ZHurnal rossijskogo prava*, 12: 8–20.
- Kabyshev S.V. 2007. Problemy realizacii konstitucionno-pravovogo instituta gosudarstvennogo yazyka Rossijskoj Federacii [Problems of implementation of the constitutional and legal institute of the state language of the Russian Federation]. *YUrislingvistika*, 8: 42–47.
- Karaman A.A. 2022. The Absence of a State Language in the USSR as a Prerequisite for the "Parade of State Languages" in the Union Republics. *Proceedings of Southwest State University. Series: History and Law?* 3: 10–25. (In Russian) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-10-25>
- Kurbanova Z.M. 2017. K voprosu ob opredelenii konstitucionno-pravovogo statusa gosudarstvennyh yazykov respublik (v kontekste nacional'no-yazykovogo regulirovaniya v Respublike Dagestan) [On determination of constitutional status of official languages of the republics (in the context of national linguistic regulation in the republic of Dagestan)]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*, 4: 70–73.
- Markheim M.V., Novikova A.E. 2023. Gosudarstvennye yazyki v konstituciyah respublik v sostave Rossijskoj Federacii: statusno-aksiologicheskie sopryazheniya [State languages in the constitutions of Republics as part of the Russian Federation: status-axiological conjugations]. *Law and State: The Theory and Practice*, 5(221): 210–212. DOI: [10.47643/1815-1337_2023_5_210](https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_5_210)
- Mirzadinov Zh.O., Bajzhomartova K.A. 2023. Gosudarstvennyj yazyk i ego pravovoj status v nacional'nyh i mnogonacional'nyh gosudarstvah [The State language and its legal status in national and multinational States]. *Internauka*, 7-2(277): 36–39.
- Solodov A.V. 2004. Gosudarstvennyj yazyk Rossijskoj Federacii: problemy legal'nogo opredeleniya [The state language of the Russian Federation: problems of legal definition]. *Russian juridical journal*, 3(43): 37–44.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцію 12.05.2023
Поступила після рецензування 01.06.2023
Прийнята к публікації 17.06.2023

Received May 12, 2023
Revised June 1, 2023
Accepted June 17, 2023

ІНФОРМАЦІЯ ОБ АВТОРЕ

Новикова Алевтина Евгеньевна, доктор юридических наук, доцент, професор кафедри конституційного і міжнародного права юридического інститута, Белгородський державний національний дослідницький університет, г. Белгород, Росія.

 [ORCID: 0000-0001-7001-4908](https://orcid.org/0000-0001-7001-4908)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alevtina E. Novikova, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Law Institute, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.

 [ORCID: 0000-0001-7001-4908](https://orcid.org/0000-0001-7001-4908)

УДК 342.734

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-3-569-579

Правовое обеспечение граждан Российской Федерации, страдающих редкими (орфанными) заболеваниями, лекарственными препаратами

Ядута С.А.

Министерство здравоохранения Белгородской области
Россия, 308001, г. Белгород, Народный бульвар, д. 34а
svetlanayaduta@yandex.ru

Аннотация. Для определённой категории граждан России на территории России предусмотрены дополнительные гарантии в сфере здравоохранения, в том числе обеспечение бесплатными лекарственными препаратами и (или) питанием. Несмотря на наличие правовой регламентации указанных гарантий, не исключено двойное толкование действующего законодательства, что порождает правовую коллизию, которая чаще всего разрешается в судах. Цель исследования – рассмотреть порядок обеспечения граждан Российской Федерации, страдающих редкими (орфанными) заболеваниями, лекарственными препаратами, в том числе и незарегистрированными на территории Российской Федерации, и выявить существующие проблемы, а также пути их решения. Автором на основе проведённого анализа правовой регламентации, научных исследований, а также судебной практики сформирован вывод о возможном пути решения выявленных проблем с указанием конкретных действий, которые необходимо выполнить.

Ключевые слова: медицинское право, обеспечение лекарственными препаратами, обеспечение лекарствами в России, редкие заболевания, орфанные заболевания, обеспечение незарегистрированными лекарственными препаратами, незарегистрированные лекарства, государственные гарантии, правовая коллизия

Для цитирования: Ядута С.А. 2023. Правовое обеспечение граждан Российской Федерации, страдающих редкими (орфанными) заболеваниями, лекарственными препаратами. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 48(3): 569–579. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-569–579

Legal Provision of Citizens of the Russian Federation Suffering from Rare (Orphan) Diseases, Medicines

Svetlana A. Yaduta

Ministry of the health of Belgorod region
34a Narodny Boulevard, Belgorod 308001, Russian Federation
svetlanayaduta@yandex.ru

Abstract. For special category of the citizens in Russia provided additional guarantees in the healthcare such as provision medicines from government and subjects of Russian Federation. Despite the fact that in Russian Federation exists legal regulation of the above process of providing citizens with medicines, there is still a legal conflict in practice, which is most often resolved by filing lawsuits by persons in courts in order to protect their rights. The purpose of this research is to consider the procedure for providing citizens of the Russian Federation suffering from rare (orphan) diseases with drugs, including those not registered in the territory of the Russian Federation, and to identify existing problems, as well as ways to solve them. In this article, based on the analysis of legal regulation, scientific research, as well as judicial practice, a conclusion is drawn about a possible way to solve the problems identified, indicating the specific actions that need to be performed.

© Ядута С.А., 2023

Keywords: medical law, provision medicines, provision of medicines in Russia, rare disease, orphan disease, provision medicines that are not registered, unregistered medicines, state guarantees, legal conflict

For citation: Yaduta S.A. 2023. Legal Provision of Citizens of the Russian Federation Suffering from Rare (Orphan) Diseases, Medicines. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(3): 569–579 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-569–579

Введение

Конституция Российской Федерации (далее – Конституция) провозгласила человека, его права и свободы высшей ценностью¹. Охрана здоровья граждан на территории Российской Федерации находится под особой защитой государства.

Согласно ст. 4 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 323) охрана здоровья в Российской Федерации основывается на ряде принципов, в числе которых – соблюдение прав граждан в сфере охраны здоровья и обеспечение связанных с этими правами государственных гарантий².

Порядок применения лекарственных средств у больных по жизненным показаниям определен Положением о порядке применения лекарственных средств у больных по жизненным показаниям, утвержденным приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 9 августа 2005 г. № 494 (далее – приказ № 494)³.

Согласно п. 3 приказа № 494 в случае необходимости индивидуального применения по жизненным показаниям лекарственного средства, не зарегистрированного на территории Российской Федерации, решение о назначении указанного препарата принимается консилиумом федеральной специализированной организации, оформляется протоколом и подписывается главным врачом или директором федеральной специализированной медицинской организации.

Исходя из положений ст. 47 Федерального закона от 12 февраля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» (далее – ФЗ № 61) допускается ввоз в Российскую Федерацию конкретной партии незарегистрированных лекарственных средств, предназначенных для оказания медицинской помощи по жизненным показаниям конкретного пациента на основании разрешения, выданного уполномоченным федеральным органом исполнительной власти по заявлениям лиц, указанных в ст. 48 ФЗ № 61, в числе которых названы медицинские организации.

Статьей 44 ФЗ № 323 регулируется оказание медицинской помощи гражданам, которым предоставляются государственные гарантии в виде обеспечения питания, в том числе гражданам, страдающим редкими (орфанными) заболеваниями.

Согласно п. 1 ч. 3 ст. 80 ФЗ № 323 при оказании медицинской помощи в рамках программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи не подлежат оплате за счет личных средств граждан оказание медицинских услуг, назначение и применение лекарственных препаратов, включенных в перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов, медицинских изделий, компонен-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 8-ФКЗ). URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 17 апреля 2023 года).

² Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 17 апреля 2023 года).

³ Приказ Минздравсоцразвития РФ от 09 августа 2005 г. № 494 «О порядке применения лекарственных средств у больных по жизненным показаниям» Режим доступа: СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 17 апреля 2023 года).

тов крови, лечебного питания, в том числе специализированных продуктов лечебного питания, по медицинским показаниям в соответствии со стандартами медицинской помощи.

По статистике медицинская помощь в виде назначений лекарственных препаратов составляет 70–90 % врачебных назначений и является важной составляющей лечебного процесса [Нагибин, 2019, с. 37].

Из средств как федерального, так и регионального бюджета выделяется достаточно обширное финансирование для целей обеспечения лекарственных препаратов. Так, С.В. Линник, С.А. Швачко и Е.Е. Туменко проводят анализ затраченных субъектами России денежных средств из бюджетов субъектов на лекарственное обеспечение граждан. Например, затраты региональных бюджетов в 2021 году на лекарственное обеспечение граждан со злокачественными образованиями составили 32 миллиарда рублей [Линник, 2023, с. 2]. Как верно отмечают Т.В. Клименко, А.А. Мохов, А.В. Пекшев, А.Р. Поздеев, Н.С. Посулухина и О.В. Сушкова, существенную специфику имеют и орфанные лекарственные препараты – лекарственные препараты, предназначенные исключительно для диагностики или патогенетического лечения (лечения, направленного на механизм развития заболевания) редких (орфанных) заболеваний [Мохов, 2022, с. 403]. В связи с активным развитием науки, проведением различных исследований, стимулированием на территории Российской Федерации, а также и зарубежных стран предпринимателей, университетов и иных заинтересованных лиц в разработке и выпуске таких лекарственных препаратов практически ежегодно на рынке появляются новые препараты.

Существует целый ряд проблем медицинских орфанных технологий, например, необходимость больших финансовых затрат для исследования болезни, отсутствие единого подхода к исследованию [Тельнова, 2021, с. 77].

В соответствии с действующим российским законодательством существует целый ряд особенностей, связанный с регистрацией лекарственных препаратов (экспертиза по представленным производителями документов, принятие ранее выполненных за пределами территории России результатов клинических исследований). Главным образом данные особенности обусловлены необходимостью обеспечения безопасности граждан России и не допущения ввоза на территорию России лекарственных препаратов с неподтверждённой эффективностью и «сомнительным» составом.

Тем не менее в настоящее время в рамках правоприменительной практики на постоянной основе возникают вопросы, а также формируется судебная практика относительно обеспечения граждан, страдающих редкими (орфанными) заболеваниями, включенными в перечень жизнеугрожающих и хронических прогрессирующих редких (орфанных) заболеваний, приводящих к сокращению продолжительности жизни граждан или к их инвалидности¹, лекарственными препаратами за пределами установленного перечня лекарственных препаратов для лечения указанной категории заболеваний, в том числе незарегистрированных на территории Российской Федерации по решению консилиума федеральной клиники Российской Федерации (перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов, а также перечень лекарственных препаратов для медицинского применения и минимального ассортимента лекарственных препаратов, необходимых для оказания медицинской помощи (далее – перечень ЖНВЛП)².

Исходя из приведённых позиций учёных (Линник С.В., Швачко С.А., Туменко Е.Е., Клименко Т.В., Мохова А.В., Посулухиной Н.С., Сушковой О.В.), следует, что в настоя-

¹ См. Постановление Правительства РФ от 26 апреля 2012 г. № 403 «О порядке ведения Федерального регистра лиц, страдающих жизнеугрожающими и хроническими прогрессирующими редкими (орфанными) заболеваниями, приводящими к сокращению продолжительности жизни граждан или их инвалидности, и его регионального сегмента» URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.04.2023).

² См. Распоряжение Правительства РФ от 12 октября 2019 года № 2406-р «Об утверждении перечня жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов, а также перечней лекарственных препаратов для медицинского применения и минимального ассортимента лекарственных препаратов, необходимых для оказания медицинской помощи» URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.04.2023).

щее время существует недостаток исследования проблемы в области обеспечения граждан Российской Федерации, страдающих редкими (орфанными) заболеваниями. В рамках проведенного исследования иные исследования, в которых бы подробно раскрывались проблемы, исследовалась научная литература найдены не были.

Целью данной работы является детальное изучение правовой регламентации, а также складывающейся судебной практики на территории Российской Федерации, поскольку именно их изучение позволит выявить реальные проблемы с которыми сталкиваются как граждане, которым необходимо обеспечение вышеуказанными лекарственными препаратами, так и непосредственно правоприменители перед которыми ставятся задачи по разрешению возникших вопросов и правовых коллизий. На основе полученной информации планируется доказать как наличие пробелов в действующем законодательстве Российской Федерации, так и сформулировать конкретные вопросы, которые необходимо разрешить законодателю с целью их устранения.

Судебная практика по исковым заявлениям к органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации в сфере здравоохранения с требованиями обеспечения лекарственными препаратами лиц, страдающих редкими (орфанными) заболеваниями, не включенными в перечень ЖНВЛП, в том числе и незарегистрированных на территории Российской Федерации

Одним из общепринятых способов защиты нарушенных прав, а в некоторых случаях восстановления нарушенных прав является обращение в суд с соответствующим исковым требованием.

На протяжении более чем 10 лет на федеральном уровне не урегулирован вопрос порядка обеспечения граждан России, страдающих редкими (орфанными) заболеваниями (далее – пациенты), лекарственными препаратами (далее – ЛП), не включенными в перечень ЖНВЛП, в особенности в случаях, когда назначенные консилиумами федеральных медицинских организаций ЛП незарегистрированы на территории Российской Федерации. Кроме того, у органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в сфере здравоохранения (далее – ОИВС) также возникают вопросы относительно того, за счет средств какого из бюджетов России в вышеуказанной ситуации происходит закупка ЛП, так как ЛП являются дорогостоящими, и не всегда входят в перечень ЛП, предусмотренных территориальными программами бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на территории того или иного субъекта РФ.

Как верно отмечает А.А. Малышева, финансирование здравоохранения является одной из основополагающих вопросов для любой страны [Малышева, 2015, с. 99]. Возникновение подобных вопросов обусловлено ограниченностью бюджетов субъектов России, а также их плановым характером, поскольку в соответствии с бюджетным законодательством России бюджет планируется заранее на следующий за отчетным год и утверждается соответствующим нормативным правовым актом субъекта России.

О.А. Нагибин указывает, что если субъекты России будут строго придерживаться постановления Правительства № 890, то у них не хватит денежных средств на реализацию своих полномочий [Нагибин, 2020, с. 291]

В 2013 году кабинет министров Республики Татарстан обратился с запросом в Конституционный суд Российской Федерации, в котором указывал на то, что включение в ФЗ № 323 норм, возлагающих на субъекты Российской Федерации (далее – СРФ) обязанности обеспечивать зарегистрированными в установленном порядке на территории Российской Федерации ЛП для лечения заболеваний, включенных в перечень жизнеугрожающих и хронических прогрессирующих редких (орфанных) заболеваний, приводящих к сокращению продолжительности жизни гражданина или их инвалидности при отсутствии в Федеральном законе от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти

субъектов Российской Федерации» (далее – ФЗ № 184) норм, предусматривающих соответствующие полномочия СРФ, нарушает конституционный принцип разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и СРФ, в связи с чем, по мнению кабинета министров Республики Татарстан, п. 10 ч. 1 ст. 16 и ч. 9 ст. 83 ФЗ № 323 противоречат ч. 3 ст. 5 и п. «ж» ч. 1 ст. 72 Конституции¹.

В ходе рассмотрения данного обращения кабинета министров Республики Татарстан, Конституционный суд Российской Федерации (далее – Конституционный суд) разъяснил, что вышеуказанное разграничение полномочий между Российской Федерацией и СРФ направлено на принятие на различных территориальных уровнях проживания населения и осуществления публичной власти мер, предполагающих учёт социально-территориальных различий отдельных регионов, разумную дифференциацию и неформальное равенство². Кроме того, Конституционный суд разъясняет, что в связи с этим отсутствие прямого указания на полномочия ОИВС по обеспечению граждан ЛП для лечения заболеваний, включённых в перечень, в ФЗ № 184 обязанности ОИВС не могут рассматриваться в системе действующего правового регулирования как не предполагающее обязанность органов государственной власти субъектов Российской Федерации организовать за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации лекарственное обеспечение соответствующих категорий граждан. Иное означало бы снижение уровня государственных гарантий охраны здоровья граждан, особенно в этом нуждающихся в силу самого характера их заболевания.

Несмотря на то, что ФЗ № 184 с 1 января 2023 г. утратил силу в связи с принятием Федерального закона от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее – ФЗ № 414), выводы, изложенные в вышеуказанном определении Конституционного суда, не потеряли своей актуальности, поскольку в ФЗ № 414 также прямо не указаны обязанности ОИВС по обеспечению граждан ЛП, включёнными в перечень³. Так, ФЗ № 414 предусмотрено, что к полномочию ОИВС относится организация обеспечения ЛП для медицинского применения, специализированными продуктами лечебного питания, медицинскими изделиями, средствами для дезинфекции, дезинсекции и дератизации при оказании медицинской помощи, проведения медицинских экспертиз, медицинских осмотров и медицинских освидетельствований в соответствии с п. 5 и п. 44 ч. 1 ст. 45⁴.

Позиция Верховного суда Российской Федерации относительно порядка обеспечения граждан, страдающих редкими (орафанными) заболеваниями, ЛП

Вышеуказанная позиция Конституционного суда нашла своё дальнейшее развитие в складывающейся правоприменительной практике. В связи с этим считаем возможным констатировать необходимость дальнейшего трактования права по вышеуказанной ситуации, а также фактическую замену регламентации на законодательном уровне позицией Верховного суда Российской Федерации (далее – ВС РФ), изложенной в определениях и постановлениях ВС РФ.

Верховный суд РФ в обзоре практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с реализацией мер социальной поддержки отдельных категорий граждан, утверждён-

¹ Определение Конституционного суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 1054-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запросов кабинета министров республики Татарстан и Вахитовского районного суда города Казани о проверки конституционности пункта 10 части 1 статьи 16 и части 9 статьи 83 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.04.2023).

² См. там же. – п. 2.

³ Федеральный закон от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.04.2023)

⁴ См. там же. – п. 45 ч. 1 ст. 44.

ной Президиумом Верховного Суда РФ 17 июня 2020 г., а также в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 12 августа 2019 г. № 29-КГ19-1 исходит из того, что действующим правовым регулированием предусмотрено обеспечение детей-инвалидов всеми лекарственными препаратами по рецептам врачей бесплатно, в том числе лекарственными препаратами, не входящими в перечень ЖНВЛП¹.

По жизненным показаниям решением консилиума врачей федеральной специализированной медицинской организации для индивидуального применения пациенту может быть назначен лекарственный препарат, не зарегистрированный на территории Российской Федерации. Источниками финансового обеспечения в сфере охраны здоровья являются в том числе средства федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, местных бюджетов. **Отсутствие рецепта врача не может умалять право ребенка-инвалида, страдающего редким (орфанным) заболеванием, на бесплатное обеспечение лекарственным препаратом, назначенным ему решением консилиума врачей по жизненным показаниям.**

Кроме того, министерство здравоохранения Российской Федерации также указывало на то, что ФЗ № 323 не предполагает установления каких-либо ограничительных перечней лекарственных препаратов для обеспечения больных, страдающих редкими (орфанными) заболеваниями².

Из вышеприведённой позиции Конституционного суда, ВС РФ, а также министерства здравоохранения России следует, что граждане, страдающие редкими (орфанными) заболеваниями, должны обеспечиваться лекарственными препаратами, в том числе и не зарегистрированными на территории России за счёт средств субъекта Российской Федерации, даже несмотря на прямое указание данной обязанности ОИВС в федеральном законодательстве³.

Считаем необходимым обратить внимание на то, что в 2021 году Указом Президента Российской Федерации был создан фонд поддержки детей с тяжёлыми жизнеугрожающими и хроническими заболеваниями, в том числе редкими (орфанными) заболеваниями «Круг добра»⁴. Учредителем «Круга добра» является министерство здравоохранения Российской Федерации, а одной из основных целей «Круга добра» является «финансовое обеспечение за счёт бюджетных ассигнований, предусмотренных в федеральном бюджете

¹ Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с реализацией мер социальной поддержки отдельных категорий граждан, утверждённой Президиумом Верховного Суда РФ 17.06.2020, а также в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 12.08.2019 № 29-КГ19-1 – КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_355203/ (дата обращения: 17.04.2023).

² Письмо Министерство здравоохранения Российской Федерации от 8 июля 2013 г. № 21/6/10/2-4878 «О недопустимости отказа граждан, страдающим редкими заболеваниями, в лекарственном обеспечении за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации» – КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149335/ (дата обращения 17.04.2023).

³ См. также: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 07.10.2019 № 14-КГ19-10 – КонсультантПлюс URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=592854#wiJVknTE0iJJX0t> (дата обращения: 25.04.2023); Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 12.08.2019 № 29-КГ19-1 – КонсультантПлюс URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=595587#jyZVknT8Yf0APR5y1> (дата обращения: 25.04.2023); Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.10.2019 № 51-КГ19-7 – КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=592854#YvwVknT1jfExcOh9> (дата обращения: 25.04.2023).

⁴ Указ Президента РФ от 5 января 2021 г. № 16 «О создании Фонда поддержки детей с тяжёлыми жизнеугрожающими и хроническими заболеваниями, в том числе редкими (орфанными) заболеваниями, «Круг добра» – КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=439282&cacheid=390C6C85B49D8E1368FEE0A9EA31AB21&mode=splus&rnd=IoL2XQ#rZKWknTEhyswdOyo> (дата обращения: 25.04.2023).

Министерству здравоохранения Российской Федерации для нужд Фонда, обеспечения лекарственных препаратами детей в возрасте до 18 лет, больных гемофилией, муковисцидозом, гипопизарным нанизмом, болезнью Гоше, злокачественными новообразованиями лимфоидной, кроветворной и родственных им тканей, рассеянным склерозом, гемолитико-уремическим синдромом, юношеским артритом с системным началом, мукополисахаридозом I, II и VI типов, апластической анемией неуточненной, наследственным дефицитом факторов II (фибриногена), VII (лабильного), X (Стюарта-Прауэра), детей в возрасте до 18 лет после трансплантации органов и (или) тканей».

**Вопросы для разрешения существующей
в Российской правовой коллизии в области обеспечения граждан
незарегистрированными ЛП или ЛП, не включенными в перечень ЖНВЛП**

Вышеуказанная ситуация, на наш взгляд, требует детального изучения на федеральном уровне с целью решения следующих вопросов:

1. Возложение обязанности на соответствующий федеральный орган или ОИВС по обеспечению граждан ЛП, не включенными в вышеуказанный перечень, в том числе и незарегистрированными на территории России, или прямого указания на отсутствие указанной обязанности в случае наличия назначения данного ЛП федеральным консилиумом врачей. При этом последний вариант, на наш взгляд, прямо противоречит Конституции.

2. Предусмотреть механизм финансирования обеспечения граждан указанными ЛП, не включенными в перечень ЖНВЛП и (или) незарегистрированными на территории России, в том числе и за счет средств обязательного медицинского страхования.

Большинство авторов научных работ в области медицинского права приходят к одному общему выводу: законодательную базу необходимо доработать, поскольку, исходя из наличия различной судебной практики, которой приходится вышеприведённые проблемы «разрешать», есть основания для пересмотра и внесения изменений в соответствующие федеральные законы.

Как верно отмечают в своей работе И.А. Комаров, О.Ю. Александрова и О.А. Нагибин, «имеются дублирования в законодательных актах и не до конца разрешённые противоречия, что негативно сказывается на организации здравоохранения в нашей стране» [Комаров, 2019, с. 59].

При этом само наличие данной правовой коллизии, которой могут нарушаться права пациентов, противоречит сформировавшимся принципам медицинского права, которые законодательно закреплены в ФЗ № 323, а именно:

- соблюдению прав граждан в сфере охраны здоровья и обеспечения связанных с этими правами государственных гарантий;
- приоритету профилактики в сфере охраны здоровья.

Как верно отмечают А.В. Аристов, Ю.И. Аристов и А.П. Ганускус, в целях создания эффективных мер по организации обеспечения незарегистрированными ЛП необходимо предусмотреть и определить источники финансирования на закупку ЛП на постоянной основе в заранее установленные регламентированные сроки по завершении у пациентов необходимых им ЛП [Аристов, 2022, с. 22]. При этом, на наш взгляд, также необходимо обратить внимание на тот факт, что в связи с появлением новых лекарственных препаратов, которые по каким-либо объективным причинам ещё не зарегистрированы на территории России, но которые федеральный консилиум врачей признает достаточно эффективными и, более того, указывает на угрозу жизни в случае их неприменения, сам механизм закупки в рамках Федерального закона от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной си-

стеме в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – ФЗ № 44) не предусмотрен ¹.

Судебная практика, складывающаяся на территории Российской Федерации, демонстрирует, что при удовлетворении судами исковых требований по обеспечению граждан ЛП (в том числе и не зарегистрированными на территории России) суды также удовлетворяют и требование о немедленном исполнении решения. При этом в соответствии с действующим законодательством, в том числе и ФЗ № 44, процесс закупки любого ЛП объективно требует временных затрат. Кроме того, в случаях, когда речь идёт о незарегистрированных на территории Российской Федерации ЛП, некоторые страны без соответствующего патента выпускают генерики (дженерики, в общепринятом смысле «аналоги») без соответствующих патентов, которые в составе имеют те же действующие вещества, что и оригинальный ЛП. Чаще всего в отношении оригинального ЛП в стране производства и в стране, в которой производитель получил патент, были проведены какие-либо опыты, проверки, подтверждающее его эффективность, в то время как в отношении генериков (дженериков) какая-либо документация отсутствует.

Так на сайте американского издательства Time размещена статья под названием «Как некоторые дженерики наносят больше вреда, чем пользы». В вышеуказанной работе Е. Эбон указывает на найденную взаимосвязь между качеством поставляемой продукции и требованиями, предъявляемыми странами к экспортируемому ЛП. Екатерина Эбон приводит следующий вывод: «Компании направляют (поставляют) ЛП наиболее веского качества в страны со строгим регулированием процесса ввоза ЛП, такие как США и Европейский союз. Остальные же ЛП качеством хуже, изготовленные из менее качественных ингредиентов и с хуже проведённым тестированием в страны с более простым регулированием процесса ввоза» [Ebene, 2019]. На наш взгляд, вывод Е. Эбон соответствует действительности и в контексте необходимости обеспечения граждан, проживающих на территории России, качественными ЛП, вопрос качества ввозимых ЛП, незарегистрированных на территории РФ и в контексте вопроса качества ввозимых ЛП, незарегистрированных на территории РФ.

Особенно остро стоит вопрос в случаях закупки ЛП, незарегистрированных – в РФ, на основании решения федеральных консилиумов врачей, поскольку чаще всего в них указывается международное непатентованное наименование, поэтому не исключена возможность закупки и реализации ЛП, являющегося дженериком, и более низкого качества, чем тот ЛП, который поставляется гражданам, проживающим в стране происхождения данного ЛП. Как верно отмечает Рана Протэш и Вандана Рой в работе «Дженерики: проблемы и актуальность в мировом здравоохранении», существует множество правовых проблем в области регулирования дженериков, в том числе и связанных с качеством производимой продукции [Proteesh, Roy, 2015].

По общему правилу дженерики должны иметь состав, идентичный составу оригинального препарата, но, как указано в публикации гарвардского журнала медицины, дженерики должны быть химически приблизительно идентичными оригиналу, при этом производителям разрешено использовать до 20 % вариаций с оригинальными веществами в изначальной формуле [Harvard Health Publishing, 2021]. Несмотря на то, что производители обязаны использовать один и тот же химический состав, близкий к составу оригинального препарата, на них не возложена обязанность показывать, что дженерик и оригинальный препарат обладают одинаковыми терапевтическими свойствами. Это означает, что они не обязаны его тестировать и подтверждать идентичность его воздействия на пациента воздействию оригинального препарата.

¹ Федеральный закон от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» – КонсультантПлюс. URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 26.04.2023).

Э. Флохлич в своей работе рассказывает про необычный случай в его медицинской практике. К нему обратился пациент, который обнаружил у себя несколько необычных побочных эффектов от препарата, который ему назначил лечащий врач, после чего ему предложили заменить оригинальный препарат на дженерик, и после смены оригинального лекарственного препарата на дженерик, побочные эффекты исчезли [Frohlich, 2011].

Исходя из вышеизложенного, мнения авторов научных работ, врачей, обладающих специальными познаниями в области медицины, относительно возможности и безопасности использования в целях оказания лицам надлежащей медицинской помощи и формирования путей лечения заболеваний, в том числе и редких (орфанных), различны, единая позиция отсутствует.

На наш взгляд, необходимо руководствоваться основным принципом деонтологии – принципом пользы, означающим, что польза лекарственного препарата и оказываемого лечения должна превышать вред, причиняемый в этом процессе. Использование дженерика, исходя из того, что законодательство производителей дженериков различно и возможно наличие «примеси» к оригинальному химическому составу, может приводить к различным эффектам. Приведенный выше случай, указанный в работе Э. Флохлича, когда дженерик за счет того, что его формула не совпадает на 100 % с формулой оригинала, привел к положительному эффекту (исчез побочный эффект), не означает, что возможны исключительно случаи «положительных эффектов».

Кроме того, в отношении производства, продажи и покупки дженериков встает вопрос о нарушении или отсутствии нарушения патентного законодательства.

Так, в настоящее время, на территории Российской Федерации в качестве лекарственного препарата, назначаемого федеральными клиниками для лечения редкого заболевания – муковисцидоз, назначается лекарственный препарат, имеющий следующие международные непатентованные наименования (далее – МНН): элексафактор/тезакафтор/ивакафтор+ивакафтор. Оригинальным ЛП является трикафта. В то же время на территорию России ввозится и поставляется дженерик трикафты – трилекса. И трикафта, и трилекса в настоящее время не зарегистрированы на территории России. При этом в производстве арбитражного суда г. Москвы находится дело № А40-63941/2023 по исковому заявлению VERTEX PHARMACEUTICALS INCORPORATED (50 Northern Avenue, Boston, MA 02210, идентификационный номер: 043039129), являющегося производителем оригинального препарата трикафта (США), к юридическим лицам, поставляющим на территорию РФ дженерик – трилексу¹. Кроме того, наличествуют ситуации, когда лица, поставляющие дженерик, подают на электронные аукционы жалобы в УФАС субъектов Российской Федерации, ссылаясь на нарушение действующего законодательства².

На наш взгляд, закупка дженериков, которые не зарегистрированы на территории Российской Федерации, может приводить к расходованию федерального бюджета, а в основном – к расходованию бюджета субъектов Российской Федерации на лекарственные препараты сомнительного качества и зачастую с отсутствием документов, подтверждающих его терапевтические и фармакологические свойства.

Заключение

Исходя из вышеприведенного анализа нормативной правовой базы, судебной практики, научных исследовательских работ, считаем возможным сделать следующие выводы.

Из буквального толкования ст. 15 Конституции следует, что в нормативную правовую базу в Российской Федерации судебная практика не входит, не является источником права.

¹ Дело № А40-63941/2023 – Электронное правосудие URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/bc8507af-488a-4931-99b2-dbb13991b762> (дата обращения: 16 мая 2023 года).

² См., например, решение Управления Федеральной антимонопольной службы по Владимирской области от 3 марта 2023 г. по делу № 033/06/33-103/2023, решение Управления Федеральной антимонопольной службы по Владимирской области от 6 марта 2023 г. по делу № 033/06/11-103/2023, 033/06/33-103/2023

В связи с тем, что судебная практика на территории Российской Федерации не является источником права, Россию чаще всего относят (например, Л.В. Гааг [Гааг, 2022, с. 39]), исключительно к романо-германской правовой семье, сложившаяся судебная практика, которая исходит из того, что ОИВС обязаны в любом случае обеспечивать граждан лекарственными препаратами по назначению врачей (решение врачебной комиссии или консилиума) при условии, что данное лицо обладает специальным правовым статусом, при котором ему предоставляются дополнительные гарантии социальных услуг (в которые входит в том числе и бесплатное лекарственное обеспечение) за счет средств субъекта Российской Федерации, не может разрешить данную правовую коллизию.

Правовая коллизия в области обеспечения лекарственными препаратами граждан, страдающих редкими (орфанными) заболеваниями, состоит из нескольких вопросов:

– за счёт средств какого из бюджетов происходит обеспечение лекарственными препаратами (в том числе и незарегистрированными на территории России) лиц, страдающих редкими (орфанными) заболеваниями по назначению федерального консилиума врачей;

– является ли назначение федеральным консилиумом врачей лекарственного препарата без решения врачебной комиссии достаточным основанием для организации процесса обеспечения гражданина лекарственными препаратами, не входящими в перечень ЖНВЛП.

Прямые ответы на указанные вопросы в действующем законодательстве России отсутствуют, при этом судебная практика исходит из следующих вариантов «ответов» на данные вопросы:

– обеспечение за счет средств бюджета; при этом в случае, если гражданин, которому назначили лекарственный препарат, не входящий в перечень ЖНВЛП, не достиг возраста 18 лет, в соответствии с Указом Президента обеспечивается за счет средств «Круга добра»;

– решение консилиума врачей, которым назначен лекарственный препарат, является достаточным основанием для возложения на ОИВС обязанности по обеспечению ЛП.

На наш взгляд, в целях однозначного решения данной правовой коллизии, необходимо внести изменения непосредственно в ФЗ № 323, предусмотрев механизм обеспечения граждан, страдающих редкими (орфанными) заболеваниями, лекарственными препаратами, не включенными в перечень ЖНВЛП, в том числе и не зарегистрированными на территории России.

Список источников

Климнеко Т.В., Мохов А.А., Пекшев А.В., Поздеев А.Р., Посулухина Н.С., Сушкова О.В. 2022. Медицинское право России: учебник. Отв. ред. А.А. Мохов. Москва: Проспект, 544 с.

Edward D. Frohlich / ? Generic Drugs: The Good, the Bad, and the Unknown. The Ochsner Journal, 2011. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3119229/> (дата обращения: 16 мая 2023 года).

Do generic drugs compromise on quality?. Date Views 16.05.2023, URL: <https://www.health.harvard.edu/staying-healthy/do-generic-drugs-compromise-on-quality..>

Katherine, E., 2019. How some generics could do more harm than good. Time, 1. Date Views 26.04.2023. URL: <https://time.com/5590602/generic-drugs-quality-risk/>.

Proteesh, R. and V. Roy, 2015. Generic Medicines: Issues and relevance for global health. Fundamental & Clinical Pharmacology. Date Views 16.05.2023, URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/26405851/>, DOI: 10.1111/fcp.12155

Список литературы

Аристов А.В., Аристов Ю.И., Ганускус А.П. 2022. Обращение незарегистрированных лекарственных препаратов в Российской Федерации: актуальные проблемы социального обеспечения отдельных категорий граждан. *CETERIS PARIBUS*, 3: 16–23.

Комаров И.А., Александрова О.Ю., Нагибин О.А. 2019. Современная организация лекарственного обеспечения льготных категорий граждан. Федеральные и региональные особенности. *Менеджер здравоохранения*, 5: 53–59. DOI [10.21045/1811-0185-2023-2-40-49](https://doi.org/10.21045/1811-0185-2023-2-40-49)

Линник С.А., Швачко С.А., Туменко Е.Е. 2023. Льготное лекарственное обеспечение пациентов в федеральных округах и субъектах Российской Федерации на примере наиболее распространённых заболеваний. *Менеджер здравоохранения*, 2: 40–49. [DOI 10.21045/1811-0185-2023-2-40-49](https://doi.org/10.21045/1811-0185-2023-2-40-49)

Мальшева А.А., Мокшанов М.Г. 2015. Пробелы современного законодательства в области лекарственного обеспечения лиц, страдающих отдельными видами заболеваний. *Наука. Мысль: электронный практический журнал*, 9: 99–101.

Нагибин О.А., Селявина О.Н., Караушева Л.Е. 2020. Анализ нормативно-правовых актов по организации лекарственного обеспечения отдельных категорий граждан, имеющих право на меры социальной поддержки. *Наука молодых*, 2: 284–295. [DOI 10.23888./HMJ202082284-295](https://doi.org/10.23888./HMJ202082284-295)

Нагибин О.А. 2019. Проблемы обеспечения необходимыми лекарственными препаратами отдельных категорий граждан, имеющих право на меры социальной поддержки. *Уральский медицинский журнал*, 9: 137–141. [DOI: 10.25694/URMJ.2019.09.22](https://doi.org/10.25694/URMJ.2019.09.22)

Тельнова Е.А., Загоруйченко А.А. 2021. О состоянии льготного лекарственного обеспечения. *Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко*, 2: 72–80. [DOI: 10.25742/NRIPH.2021.02.009](https://doi.org/10.25742/NRIPH.2021.02.009)

Гааг Л.В. 2022. К вопросу об отнесении российской правовой системы к романо-германской правовой семье. *Вестник Томского государственного университета. Право*, 43: 32–40. [DOI 10.17223/22253513/43/3](https://doi.org/10.17223/22253513/43/3)

References

Aristov A.V., YU.I. Aristov, Ganuskus A.P. 2022. Circulation of unregistered medicines in the Russian Federation: actual problems of social security of certain categories of citizens. *CETERIS PARI-BUS*, 3: 16–23 (in Russian).

Komarov I.A., Aleksandrova O.Yu., Nagibin O.A. 2019. Modern organization of drug provision for privileged categories of citizens. Federal and regional features. *Menedzher zdravoohraneniya*, 5: 53–59.

Linnik S.A., Shvachko S.A., Tumenko E.E. 2023. Subsidized pharmaceuticals provision for patients in federal districts and subjects of the Russian Federation using the example of the most common diseases. *Menedzher zdravoohraneniya* 2: 40–49. [DOI 10.21045/1811-0185-2023-2-40-49](https://doi.org/10.21045/1811-0185-2023-2-40-49)

Malysheva A.A., Mokshanov M.G. 2015. Problems of modern legislation in the field of drug provision for persons suffering from certain types of diseases. *Science. Thought: electronic periodic journal*, 9: 99–101.

Nagibin O.A., Selyavina O.N., Karausheva L.E. 2020. Analysis of regularity legal acts on organization of pharmaceuticals provision of certain categories of citizens with the right of social support. *Science of the young (Eruditio Juvenium)*, 8 (2): 284–295. [DOI 10.23888./HMJ202082284-295](https://doi.org/10.23888./HMJ202082284-295)

Nagibin O.A. 2019. Problems of providing certain categories of citizens entitled to social support measures with the necessary medicines. *Ural Medical Journal*, 9(177): 137–141 (in Russian). [DOI: 10.25694/URMJ.2019.09.22](https://doi.org/10.25694/URMJ.2019.09.22)

Telnova E.A., Zagoruychenko A.A. 2021. About the state of preferred medicinal provision N.A. Semashko National Research Institute of Public Health, 2: 72–80. [DOI: 10.25742/NRIPH.2021.02.009](https://doi.org/10.25742/NRIPH.2021.02.009)

Haag, L.V. (2022) About the question of referring the Russian legal system to the Romano-Germanic legal family. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*, 43: 32–40. (In Russian). [DOI: 10.17223/22253513/43/3](https://doi.org/10.17223/22253513/43/3)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 20.04.2023

Поступила после рецензирования 28.05.2023

Принята к публикации 22.06.2023

Received April 20, 2023

Revised May 28, 2023

Accepted June 22, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ядута Светлана Алексеевна, консультант юридического отдела, Министерство здравоохранения Белгородской области, г. Белгород, Россия.

Svetlana A. Yaduta, Consultant of the Legal Department, Ministry of Health of the Belgorod Region, Belgorod, Russia.

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО. ПРАВСТВЕННОСТЬ HUMAN. CULTURE. SOCIETY. MORALITY

УДК 101.3

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-3-580-590

Манипуляция как социальный феномен

Авдеенко Е.В.

Воронежский государственный технический университет
Россия, 394006, Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

jjane@yandex.ru

Аннотация. С начала 21-го столетия в связи с масштабной информатизацией и цифровизацией современного общества технологии манипуляций претерпели большие изменения. Существует большое количество исследований технологий и характеристик массовой манипуляции, однако большинство из них ставит на первый план однозначно негативный модус манипуляции, а позитивные коннотации не учитываются или обесцениваются. В связи с этим цель исследования – сформулировать определение социальной манипуляции с учетом ее характеристик, определить значимые аспекты массовой манипуляции в контексте развития современного общества. Методология исследования опирается на системно-функциональный, компаративистский, экзистенциально-феноменологический подходы. Впервые в фокусе анализа социальные характеристики, которые актуализируют и трансформируют теории и практики массовой манипуляции в современном обществе. Рассмотрены ключевые функции, технологии и задачи манипуляции в различных сферах общественной жизни, в том числе и в политической. Автор обращает внимание на то, что, лишая индивида экзистенциальной свободы и создавая новые риски, манипуляция в то же время может создавать условия развития для каждого члена и общества. Сделан вывод о том, что манипуляция может выступать как средство структурирования социального пространства, которое повышает эффективность деятельности субъекта манипуляции.

Ключевые слова: манипуляция, политическая манипуляция, социальное поведение, власть, влияние, управление поведением, прескрипция, эффективность общества

Для цитирования: Авдеенко Е.В. 2023. Манипуляция как социальный феномен. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 48(3): 580–590. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-580-590

Manipulation As a Social Phenomenon

Evgeniya V. Avdeenko

Voronezh State Technical University
84 20-letiya Oktyabrya St, Voronezh 394006, Russian Federation

jjane@yandex.ru

Abstract. Since the beginning of the 21st century, due to large-scale informatization and digitalization of modern society, manipulation technologies have undergone great changes. There is a large number of studies on the technologies and characteristics of mass manipulation, however most of them highlight an unambiguously negative mode of manipulation, while positive connotations are not taken into account or devalued. In this regard, the purpose of the study is to formulate a definition of social manipulation, taking into account its characteristics, to determine the significant aspects of mass manipulation in the context of the development of modern society. The research methodology is based on system-functional,

comparative, existential-phenomenological approaches. For the first time, the focus of the analysis is social characteristics that actualize and transform theories and practices of mass manipulation in modern society. The key functions, technologies and tasks of manipulation in various spheres of public life, including political ones, are considered. The author pays attention to the fact that by depriving an individual of existential freedom and creating new risks, manipulation at the same time can create conditions for development for each member and society. It is concluded that manipulation can act as a means of structuring the social space, which increases the efficiency of the activity of the subject of manipulation.

Keywords: manipulation, mass manipulation, social behavior, power, influence, behavior management, prescription, efficiency of society

For citation: Avdeenko E.V. 2023. Manipulation As a Social Phenomenon. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(3): 580–590 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-580–590

Введение

Широта использования массовой манипуляции в современном обществе актуализирует исследовательскую активность в этой теме. За последние десятилетия технологии манипуляций претерпели большие изменения, это связано в первую очередь с информатизацией и цифровизацией современного общества. И на этот счет существует большое количество исследований, однако конкретные технологии и средства массовой манипуляции представляют интерес в первую очередь для таких дисциплин как экономика, политология, маркетинг, социальная психология, социология. С социально-философской точки зрения мы рассматриваем вопрос о сущности этой категории и о ее изменениях в ходе социального развития, а также об изменении отношения к ней в результате трансформаций аксиологического спектра.

История манипуляции сознанием начинается, вероятнее всего, вместе с появлением самого сознания. С тех пор, как у человека появляется мотивация влиять на поведение окружающих, начинают развиваться и технологии управления. Физическое, экономическое воздействие, средства прямого принуждения оказываются не всегда эффективными. В теории управления персоналом давно установлено, что мотивация и эффективность работника не находятся в прямо пропорциональной зависимости от размера заработной платы, а нефинансовые методы мотивации зачастую оказывают более существенное влияние на производительность труда. Именно потому крупные компании, которые могут позволить себе существенные инвестиции в перспективное развитие, выделяют бюджет на коррекцию корпоративной культуры и создание идеологических инструментов управления персоналом и поведением потребителя их продукта.

В социо-гуманитарной литературе накоплен большой объем знаний о технологиях, характеристиках и содержаниях массовой манипуляции. В ходе системного анализа соответствующих источников мы обратили внимание на то, что большинство исследователей подчеркивает, а иногда даже ставит на первый план однозначно негативный модус манипуляции. Один из первых современных исследователей манипуляции Герберт Франке дает такое определение: «Под манипулированием в большинстве случаев следует понимать психическое воздействие, которое производится тайно, а, следовательно, и в ущерб тем лицам, на которых оно направлено» [Франке, 1964, с. 7].

Большое внимание «ущербу» собственной воли объекта уделяется и в современных работах, посвященных манипуляции сознанием. Об этом в работе «Политология: Политическая теория, политические технологии» пишет А.И. Соловьев [2000]. С.В. Володенков: «...манипулирование – это тип скрытого, неявного информирования и программирования намерений реципиента, построенный на игнорировании его воли и относящийся к нему как к средству, орудию исполнения чуждых ему интересов» [Володенков, 2012, с. 90]. Г.В. Пушкарева: «...манипулятор всегда прибегает к скрытому воздействию, лишая тем

самым человека возможности критически воспринимать информацию, самостоятельно рассуждать и принимать решения» [Пушкарева, 2002, с. 97].

Существенное внимание исследователей манипуляции посвящено значимости ее латентного характера. Один из признанных исследователей Г. Шиллер в работе «Манипуляторы сознанием» обращает внимание на то, что «для достижения успеха манипуляция должна оставаться незаметной. Успех манипуляции гарантирован, когда манипулируемый верит, что все происходящее естественно и неизбежно, и сам факт манипуляции не отражен в памяти субъекта. Короче говоря, для манипуляции требуется фальшивая действительность, в которой ее присутствие не будет ощущаться» [Шиллер, 1980, с. 27]. Значимость латентности с точки зрения эффективности манипуляции фиксируют едва ли не все исследователи. Однако крайне интересным предстает тот факт, что практики массовых манипуляций оспаривают эту идею. Так современные отечественные исследователи массовой манипуляции А.П. Алексеев, И.Ю. Алексеева [2021] приводят данные из официального отчета 2019 года корпорации RAND (сотрудничающей с правительством США): «Действия, предпринимаемые для того, чтобы Россия надорвала свои силы, могут иметь желаемый эффект только при условии, что об этих действиях будет известно российскому руководству (а во многих случаях и российскому народу)»¹. Крайне интересным в этом контексте представляется тот факт, что подавляющее большинство и отечественных, и зарубежных теоретиков расходятся в вопросе принципиального значения латентности манипуляции для повышения ее эффективности с ведущими мировыми практиками массовой манипуляции. Можно предположить, что демонстративный характер манипуляции становится одной из ее новейших технологий. Но этот феномен еще предстоит исследовать.

Значительное внимание манипуляции как средству ущемления индивидуальной свободы, уделял классик неотрейдизма Эрих Фром: манипуляция лишает индивидуума собственной воли и представлений об идеальном и желаемом [Фромм, 1941]. О негативных последствиях массовой манипуляции пишут и другие зарубежные и отечественные исследователи: Т.А. Дейк [2006], А.М. Руденко [2015], Е.Л. Доценко [1997], А.М. Цуладзе [1999], Р. Борецкий [1998] и др. Кроме негативных коннотаций исследователи выделяют следующие аспекты массовой манипуляции. Признанный отечественный «классик» в этой теме С.Г. Кара-Мурза проводит кросс-культурный анализ манипуляции сознанием. Он рассматривает особенности, приводит примеры и техники манипуляций общественным сознанием, обращая свое исследовательское внимание на факты, имевшие место в средневековье и до наших дней. Его труды [Кара-Мурза, 2000, 2009, 2011, 2015] описывают бесчисленные примеры массовых манипуляций и эксплицируют их механизмы в разные общества.

Современный отечественный исследователь Ю.В. Пую [2010] уделяет большое внимание «искусственности» манипуляции. С другой стороны, Юлия Валерьевна обращает внимание на усугубляющийся разрыв между «властвующей элитой» и «интересами масс», отдавая существенную роль в этом процессе широкому распространению политических манипуляций. Пую продолжает свою исследовательскую работу в этой области, рассматривая, например, тему сакрального в обыденной жизни в контексте праздничных традиций как средств манипуляции, этому посвящена ее статья «Мистерия праздника как средство манипулирования общественным сознанием» [Пую, Тюхова, 2017]. Это направление исследования массовой манипуляции представляется нам перспективным.

Другой ракурс современных исследований массовой манипуляции находится в поле таких тем, как информационная безопасность и информационные войны. В этом направлении работают такие отечественные исследователи, как Д.В. Биндас [2023], В.Л. Римский [2022], Бибикина Р.Л. [2021]. В этом случае внимание авторов сосредоточено, с одной стороны, на актуальности проблемы информационной безопасности и информационного

¹ Extending Russia: Competing from Advantageous Ground. Santa-Monica, RAND, 2019. Электронный источник. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR3063.html (дата обращения: 1 февраля 2021).

регулирования в социальном пространстве, с другой стороны – на конкретных современных технологиях и явлениях манипулирования социальным сознанием.

Еще одно направление развития исследования массовых манипуляций мы можем наблюдать в около экономических дисциплинах, а именно – в когнитивистике. И здесь наиболее значительной фигурой является Д. Канеман - Нобелевский лауреат 2002 года, а также современный отечественный исследователь Черников М.В. Их труды сосредоточены в области применения когнитивных технологий управления поведением [Канеман, 2011; Черников, Авдеенко, 2023].

Интересным, на наш взгляд, представляется тот факт, что большинство исследований массовой манипуляции посвящено изучению манипуляции общественным сознанием. Мы видим пробел в исследовании манипуляции поведением в социально-философском аспекте и планируем посвятить этой теме свои следующие работы.

Таким образом, можно говорить о том, что в современной социо-гуманитарной литературе развернуто представлены негативные аспекты и последствия массовой манипуляции для социума, а позитивные коннотации и положительные результаты для общества либо не учитываются, либо обесцениваются. На наш взгляд, для полноценного развития необходимо всестороннее изучение имманентных обществу социальных феноменов, процессов, явлений. Массовые манипуляции присущи всем обществам во все времена, отказ или запрет их на данном этапе социального развития не только невозможен, но и не актуален, ввиду существенного количества решаемых ими задач с одной стороны и гуманизации управления за их счет – с другой. Соответственно, важно обратить исследовательское внимание на позитивные эффекты массовых манипуляций, средства и технологии их развития.

Еще один аспект нашего исследования связан с изучением актуализации и трансформации массовой манипуляции в современном обществе. Большинство исследователей фиксирует значение информатизации и цифровизации для теории и манипулятивных практик, однако не фокусирует внимание на таких современных явлениях как постмодернистское восприятие истины, гуманизации и глобализации социальных процессов. Мы хотели бы обратить внимание на трансформацию теории и практик массовой манипуляции в контексте этих характеристик современного общества. В большей части исследований сегодня основными параметрами манипуляции определяются: ее гуманность по сравнению с прямым принуждением и искажение истинной информации. Именно гуманизация и новое восприятие истины – характеризуют современное общество и отличают его от предыдущих периодов. В нашем исследовании мы хотели бы проследить взаимосвязи этих социальных явлений.

Цель исследования – определить особенности манипуляции как социального феномена, сформулировать определение социальной манипуляции с учетом ее характеристик, определить значимые аспекты массовой манипуляции в контексте развития современного общества.

Методологически мы опирались на системно-функциональный подход – стремясь изучить манипуляцию как процесс с предпосылками и последствиями, реализующийся в социальной системе с определенными характеристиками. Компаративистский подход позволил проследить трансформации массовой манипуляции как социального феномена. Экзистенциально-феноменологический метод позволил эксплицировать связь трансформаций массовой манипуляции и новых социальных явлений.

Массовая манипуляция в доинформационную эпоху

Манипуляция призвана решать управленческие задачи «мягким» способом. Воздействовать на поведение индивида можно с помощью внедрения в его сознание определенных мыслей – дескриптивных и прескриптивных конструкций. Дескрипции описывают мир, создают определенное отражение реальности в человеческом сознании, наполняют

его идеями. Прескрипции предписывают нам определенное поведение. На самых ранних этапах развития общественного сознания глобально эти задачи реализовывала мифология. Ее основной функцией было объяснение происходящего, наполнение смыслом существования, формирование правил поведения и создание тем самым в сознании индивида иллюзии управления собственными перспективами. Познав смыслы и правила, человек обретает уверенность в том, что с их помощью он может влиять на свое будущее.

На каждом этапе социального развития человечества актуальны различные техники манипуляции. Каждый следующий переход связан с появлением и массовым освоением новых технологий передачи информации: письменности, печати, теле- и радиотрансляций, Интернета. Цифровизация и информатизация современности существенно расширили технический арсенал манипуляции сознанием.

Интересно, что доступность информации в современном обществе, с одной стороны, облегчила доставку контента, с другой – поставила новые методологические задачи перед теорией манипуляции. Двести лет назад Ротшильд сказал: «Кто владеет информацией, тот владеет миром». Иллюстрацией к этой максиме стала его манипуляция. Узнав первым о поражении Наполеона при Ватерлоо, он произвел биржевую аферу: сокрушаясь об успехах французов, он продавал свои акции. Английские, австрийские и прусские биржевики последовали его примеру, их акции стремительно дешевели, и агенты Ротшильда скупали их за бесценок. Наутро всем стала доступна новость о поражении Наполеона. Ротшильд заработал 40 млн фунтов, многие разорившиеся покончили с собой.

Особенности современного общества, детерминирующие новые тенденции развития массовой манипуляции

Реалии информационного общества актуализируют новые задачи в теории и практике манипуляции. Сегодня человек находится в непрерывном информационном потоке с противоречивым контентом. Информация распространяется молниеносно, и большинство имеет доступ к любому контенту в каждый конкретный момент времени. Основным средством повышения манипулятивного эффекта становится не скорость и «избранность» освоения информации, а совершенствование технологий убеждения. Сегодня манипулятору нужно быть не только услышанным – ему нужно быть выбранным из множества других голосов.

Еще одна важная особенность манипуляции, отличающая ее от образования и просвещения, заключается в том, что манипулятор может не обладать истиной, он может ее создавать. Этот инструмент наглядно иллюстрирует религия как средство создания дескриптивного и прескриптивного контента. Однако в современном обществе постмодерна эта технология вошла в арсенал практически всех социальных институтов. Манипулятивный контент создают политические и бизнес структуры, военные, религиозные, спортивные, образовательные, развлекательные организации. Миссию по созданию «истины» мыслят себе практически все социальные объединения. В связи с этим на второй план отходит задача по «доказательству истины», возникает плюрализм ценностей и новая гуманистическая идея о необходимости социального принятия любого морального контента.

С другой стороны, сегодня новые задачи в теории манипуляции ставят гуманистические традиции современного общества. Отношение к физическому насилию и прямому принуждению существенно изменилось. И отправной точкой множества манипуляций становится идея о том, что теперь каждый человек должен чувствовать себя «хорошо»; нет сословий, каст, народов или групп, которые могут быть поработаны или ущемлены лишь по причине своей принадлежности к определенному социуму. Задачи и потребности управлять таким гуманистически идеологизированным обществом никогда не исчерпают своей актуальности. В связи с этим на первый план в теории управления и влияния выходят средства и инструменты, не требующие прямого принуждения, но создающие эффективные механизмы добровольного массового выбора.

«Проблема манипулирования массой, как известно, актуализировалась в начале XX века» [Сергеева, 2010, с. 109]. Исторически резкая актуализация массовой манипуляции происходит в результате революционных событий. Появляется необходимость управлять большим количеством людей, встраивать их в социально-экономические процессы посредством «мягкой силы». В ситуации, когда массы не имеют соответствующих дескрипций и прескрипций в силу отсутствия образования и невозможности его получения в короткие сроки, возникает необходимость в массовой манипуляции. В конце 20-х годов прошлого века Ортега-и-Гассет в работе «Восстание масс» обосновывает значимость массовой манипуляции, подчеркивая ее необходимость в современном мире: масса заявляет свои права на руководящее положение в обществе, но не обладает компетенциями, поскольку «массовый человек» не умеет думать [Ортега-и-Гассет, 1991].

Манипуляция с точки зрения различных социо-гуманитарных направлений

Термин «манипуляция» (от латинского слова *manus* – рука) переводится с английского как ручное обращение с объектами для достижения какой-либо цели или ручное управление. С социологических позиций манипуляция не рассматривается как набор воздействий в коммуникации, а трактуется как способ социального взаимодействия людей.

Гуманистические позиции предполагают негативный статус манипуляционных воздействий ввиду того, что они лишают человека экзистенциальной свободы. Ю.В. Пую пишет: «Манипуляция является специфической формой социальной репрессии, актуализирующейся в пространстве организационно-управленческой деятельности в виде многообразия коммуникативных технико-технологических практик, которыми обеспечивается реализация идеологически значимых целей» [Пую, 2010]. Несмотря на моральное осуждение с гуманистической точки зрения, невозможно отрицать имманентную представленность манипуляции в структуре и развитии социума. Для большинства экзистенциальная свобода и ответственность за каждый собственный выбор является бременем. С одной стороны человек испытывает потребность в дескриптивных и прескриптивных знаниях. Ему необходимо иметь представление о сущем, обрести некую внутреннюю «систему координат», в которую непротиворечиво будет вписываться его быт и образ жизни – во-первых, и правила поведения, взаимодействия, ограничения – во-вторых. С другой стороны, индивид бессознательно стремится сокращать интеллектуальные затраты, экономить энергию посредством минимизации когнитивной деятельности сознания. Таким образом, индивидуальное бессознательное становится благодатной почвой для манипуляции. Индивиду комфортнее быть манипулируемым, чем самообразованным и несущим ответственность за свои решения.

С социальной точки зрения, массовая манипуляция не просто и не только ограничивает экзистенциальную свободу индивидуума – она создает условия развития и структурирования общества. Манипуляция массовым сознанием вносит существенный вклад в его формирование. Появляются общие для всех членов социума представления о сущем и должном. Устанавливаются правила «общественного договора». У. Рикер предлагает рассматривать манипуляцию, как средство структурирования социального пространства, которое повышает эффективность деятельности субъекта манипуляции [Riker, 1986]. Ярким примером развивающей функции манипуляции можно назвать идеологизацию кинематографа. Наиболее эффективное развитие общества посредством идеологизации кино мы можем наблюдать в США. Внедрение в сюжетные линии идеалов так называемой «американской мечты»: доминирование американцев, патриотизм, стремление к превосходству, достижениям привело, с одной стороны, к повышению индивидуальной активности каждого, с другой – к развитию страны в целом. Использовать этот механизм стремятся руководства и других стран, но пока в киноиндустрии доминирует голливудское производство, оно и внедряет свои идеи всему мировому сообществу.

В социогуманитарной литературе говорится о существовании двух типов практик осуществления власти: «естественно возникшей» и «искусственно созданной»; в этом контексте манипуляция принадлежит сфере «искусственно созданных» видов осуществления власти.

Российский исследователь С.Г. Кара-Мурза в фундаментальном труде «Манипуляция сознанием» синтезирует характеристики понятия «манипуляция», предложенные другими исследователями. «Если выписать те определения, которые дают авторитетные зарубежные исследователи явлению манипуляции... то можно выделить главные, родовые признаки манипуляции. Во-первых, это вид духовного, психологического воздействия (а не физическое насилие или угроза насилия)... Во-вторых, манипуляция – это скрытое воздействие, факт которого не должен быть замечен объектом манипуляции... В-третьих, манипуляция – это воздействие, которое требует значительного мастерства и знаний. К людям, сознанием которых манипулируют, относятся не как к личностям, а как к объектам, особого рода вещам. Манипуляция – это часть технологии власти, а не воздействие на поведение друга или партнёра» [Кара-Мурза, 2000, с. 16].

Прежде всего, манипуляция – это одна из форм властных отношений, элемент технологии власти. Классическое определение власти формулирует Макс Вебер «как возможность того, что одно лицо внутри социального отношения будет в состоянии осуществить свою волю, не смотря на сопротивление и независимо от того, как эта возможность осуществлена» [Вебер, 2016, с. 361]. Этому близко определение власти Энциклопедического словаря по политологии как «особого волевого отношения субъекта к объекту этого отношения. Оно состоит в побуждении к действию, которое второй субъект должен совершить по желанию первого»¹.

Большинство современных исследователей рассматривает феномен власти в контексте отношения «господство – подчинение», полагая власть как силу или принуждение. Принуждение в системе властных отношений может осуществляться различными средствами. В случае манипуляции властные отношения реализуются посредством психологического влияния, а не физического насилия или его угрозы. То есть манипуляция – это не принуждение, а «влияние» – самая мягкая форма властных отношений. Манипулятивное влияние «не только побуждает человека делать то, чего желают другие, оно заставляет его хотеть это сделать» [Кара-Мурза, 2000, с. 19].

Важным аспектом манипуляции является ее латентный характер. Г. Шиллер обращает внимание на то, что манипулятивное формирование установок, намерений, смыслов и паттернов поведения является скрытым [Шиллер, 1980]. Т.А. Дейк предлагает рассматривать манипуляцию как латентное проявление силы властных структур, ущемляющее свободу воли объекта [Dijk, 2006].

В отличие от прямой пропаганды манипуляция представляет собой скрытое воздействие на сознание и бессознательное индивидуумов посредством визуальных образов, слов, жестов. При этом объект манипуляции искренне убежден в том, что его идеи и действия – это его персональный сознательный выбор. Чаще всего объект манипуляции не подозревает и даже не задумывается о том, что его мысли, желания и цели – это установки, которые запрограммированы кем-то извне. Г.И. Колесникова: «...манипуляционное воздействие направлено на общественное сознание личности, которое перестраивает индивидуальное сознание, в результате чего личность попадает в жестко детерминированную социальную среду, сохраняя при этом уверенность, что ее деятельность носит совершенно самостоятельный характер» [Колесникова, 2009, с. 4].

Понятие «манипуляция массовым сознанием» тесно связано с понятием «мягкая сила» или «мягкая власть» (soft power) – форма власти, предполагающая добровольное под-

¹ Политология. Энциклопедический словарь. Ред. Аверьянов Ю.И. 1992. М., с. 41.

чинение на основе привлекательности, аттракции, симпатии, согласия без принуждения. В этом контексте массовая манипуляция становится инструментом «мягкой силы». Массовая манипуляция формирует в общественном сознании привлекательность конкретных процессов и явлений, ощущение неприемлемости иных и тем самым формирует определенное, но добровольное социальное поведение. Выражаясь простым языком: социум интериоризирует правила, потому что они ему нравятся. Это делает общество более сплоченным, упрощает коммуникацию, минимизирует конфронтацию. Единое социальное представление о правилах и ценностях делает общество более сплоченным, организованным, структурированным и эффективным в достижении собственных целей.

С точки зрения персонального развития, под влиянием манипуляции изменяется ценностная структура личности. Человек может усомниться в навязываемых установках и не стать жертвой манипуляции. Но результатом эффективной манипуляции является соблазн, отключающий рациональность рефлексии, – «я сам обманываться рад». Манипулируемый индивид ощущает наполненность смыслами. В процессе манипуляции происходит интериоризация смыслов и ценностей. Пропадает экзистенциальная пустота, появляются готовые решения – снимается бремя ответственности за собственный выбор. Находясь под воздействием манипуляции, человек ощущает психологический комфорт ввиду удовлетворения целого ряда своих потребностей. Манипулируемому не требуется тратить драгоценную интеллектуальную энергию на принятие решений, осознанный выбор, аналитическую деятельность. «Общественность покупает свои мнения так же, как покупают молоко, потому что это дешевле, чем держать собственную корову. Только тут молоко состоит в основном из воды» (Сэмюэл Батлер).

Таким образом, массовая манипуляция делает жизнь и индивида, и социума «проще»; к сожалению, это не значит – «лучше». Качество жизни во многом зависит от содержания идей и конструктов, внедряемых массовой манипуляцией. Однако, наполняя индивидуальное и общественное сознание едиными конструктами, манипуляция может способствовать обретению и индивидуального, и социального психологического комфорта.

Создание технологий манипуляции требует учета среды, в которой она будет реализовываться, и учета социальных особенностей объекта.

Общепризнанно, что сознание и бессознательное, менталитет различны у людей в Европе, Азии, Америке, Африке, несмотря на общечеловеческие сходства. Есть дифференциация и внутри континентов. На психологию социума существенное влияние оказывают формы общественного сознания, контент которых отличается в разных цивилизациях. Различия детерминируются религиозными, историческими, идеологическими, культурными, политическими факторами. При применении инструмента манипуляции принимаются в расчет демографические, поколенческие, гендерные характеристики объекта манипуляции и его политические предпочтения. Эти факторы учитываются при разработке всех манипуляционных технологий.

Заключение

Таким образом, анализ современных и классических трудов по теме манипуляции сознанием, манипуляции поведением, политической манипуляции, управлению экономическим поведением, информационным войнам и цифровой безопасности современного общества обнаружил пробелы в области исследования позитивных последствий массовой манипуляции и ее созидательных социальных эффектов. Вклад автора в современную теорию массовых манипуляций заключается в экспликации технологий манипуляции созидательного характера и выявлении закономерностей трансформации массовой манипуляции в контексте новейших явлений и процессов современного общества: глобализации, информатизации, гуманизации, постмодернистского восприятия истины.

Особенности современного общества, такие как гуманизация, глобализация, цифровизация и новые принципы формирования истины, актуализируют и трансформируют

теории и практики массовой манипуляции. детерминируют новые тенденции массовых манипуляций. В новой реальности не важно быть услышанным быстрее всех, не ценно иметь доступ к информации, значимо лишь принятие и популярность мнения – тогда оно становится истинным и влиятельным.

Таким образом, социальная манипуляция – это форма властных отношений посредством латентного, высокопрофессионального, технологического управления поведением через формирование в психических структурах человека определенных целей, установок, поведенческих паттернов и ценностей, где индивид учитывается как объект, а не как личность (в классическом определении личности в отечественной психологии). Она широко применяется в экономической, политической, культурной и духовной сферах общественной жизни. При этом манипуляция общественным сознанием, социальным и политическим поведением далеко не всегда становится благом, но она определенно имманентно встроена в современную социальную реальность и может повышать эффективность общества.

Развитие теорий и практик позитивных эффектов массовых манипуляций для совершенствования общества мы видим перспективной темой для следующих исследований.

Список источников

- Кара-Мурза С.Г. 2000. Манипуляция сознанием. М., Эксмо, 864 с.
Кара-Мурза С.Г. 2009. Власть манипуляции. М., Академический проект, 380 с.
Кара-Мурза С.Г. 2011. Манипуляции продолжаются. Стратегия разрухи. М., Алгоритм, 352 с.
Кара-Мурза С.Г. 2015. Манипуляция сознанием. Век XXI. М., Алгоритм, 464 с.
Соловьев А.И. 2000. Политология: Политическая теория, политические технологии. Учебник для студентов вузов. М., Аспект Пресс, 559 с.

Список литературы

- Алексеев А.П., Алексеева И.Ю. 2021. Цифровизация и когнитивные войны. *Философия и общество*, 4(101): 39–51.
Бибикова М.Р. 2021. Интернет-мемы как инструмент soft-power - технологии миромоделирования современной молодежи. *Политическая лингвистика*, 5(89): 116–121.
Биндас Д.В. 2023. Философская парадигма информационной войны и обеспечения медиабезопасности. Дис. ... канд. филос. наук. М., 186 с.
Борецкий Р.В. 1998. В бермудском треугольнике ТВ. М., Икар, 202 с.
Вебер М. 2016. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: В 4-х т. Том 1. Социология. М., Изд. дом Высшей школы экономики, 445 с.
Володенков С.В. 2012. Современная политическая коммуникация как инструмент манипулирования общественным сознанием. *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*, 5: 89–103.
Доценко Е.Л. 1997. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М., МГУ, 344 с.
Колесникова Г.И. 2009. Социальный механизм манипуляции власти. Автореф. дис. ... доктора филос. наук. Ростов-на-Дону, 54 с.
Ортега-и-Гассет Х. 1991. Восстание масс. Пер. с исп. А.М. Гелескула. В кн.: Эстетика. Философия культуры. М., Искусство: 309–349.
Пушкарева Г.В. 2002. Политический менеджмент. М., Дело, 400 с.
Пую Ю.В. 2010. Социально-философские основания антропологии манипулирования. Автореф. дис. ... доктора филос. наук. Санкт-Петербург, 44 с.
Пую Ю.В. Тюхова И.С. 2017. Мистерия праздника как средство манипулирования общественным сознанием. *Идеи и Идеалы*, 4(34), 2: 28–33.
Римский В.Л. 2022. Мемы в информационной войне. Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право, 8: 439–443.
Руденко А.М., Шестаков Ю.А. 2015. Проблема манипуляции массовым сознанием как фактор дестабилизации информационной безопасности современного российского общества. *Молодой ученый*, 14: 635–638.
Сергеева З.Н. 2010. К вопросу об экспликации содержания понятия «социальное манипулирование». *Идеи и идеалы*, 2(4): 107–115.
Франке Г. 1964. Манипулируемый человек. М., Политиздат, 362 с.

- Цуладзе А.М. 1999. Политические манипуляции или Покорение толпы. М., Книжный дом «Университет», 144 с.
- Черников М.В., Авдеенко Е.В. 2023. Манипуляция как инструмент пропаганды. *KANT*, 2 (47): 245–251.
- Шиллер Г. 1980. Манипуляторы сознанием. Пер. с англ. Москва, Мысль, 326 с.
- Dijk, Teun A. van. 2006. Discourse and manipulation. *Discourse and Society*, 17(2): 359–383.
- Fromm E. 1941. *Escape From Freedom*. New-York, Farrar & Rinehart, 257 p.
- Kahneman D. 2011. *Thinking, Fast and Slow*. New-York, Farrar, Straus and Giroux, 542 p.
- Riker W.H. 1986. *The Art of Political Manipulation*. New Haven, Yale University Press. 153 p.

References

- Alekseev A.P., Alekseeva I.Yu. 2021. Cifrovizaciya i kognitivnye vojny [Digitalization and Cognitive Wars]. *Philosophy and Society*, 4(101): 39–51.
- Bibikova M.R. 2021. Internet-memy kak instrument soft-power - tehnologii mi-romodelirovaniya sovremennoj molodezhi [Internet-Meme as a Soft-Power Tool: Technologies of World Modeling of the Modern Youth]. *Politicheskaja lingvistika*, 5(89): 116–121.
- Bindas D.V. 2023. Filosofskaja paradigma informacionnoj vojny i obespechenija mediabezopasnosti [Philosophical paradigm of information warfare and media security]. dis. Cand. of Philosophy. Moscow, 186 p.
- Boreckij R.V. 1998. V bermudskom treugol'nike TV [In the Bermuda Triangle TV]. Moscow, Publ. Ikar, 202 p.
- Weber M. 2016. *Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss der vertsehenden Soziologie*. . 5. revidierte Aufl. Besorgt von Johannes Winckelmann. Moscow, Publ. Izdatel'skij dom Vysshej shkoly jekonomiki, 445 p.
- Volodenkov S.V. 2012. Sovremennaja politicheskaja kommunikacija kak instrument manipulirovaniya obshhestvennym soznaniem [Modern political communication as a tool for manipulating public consciousness]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12. Politicheskie nauki*, 5: 89–103.
- Docenko E.L. 1997. Psihologija manipuljacji: fenomeny, mehanizmy i zashhita [Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection]. Moscow, MGU, 344 p.
- Kolesnikova G.I. 2009. Socialnyj mehanizm manipul'acii vlasti [The social mechanism of power manipulation]. Abstract dis. Doctor of Philosophy. Rostov-on-Don, 54 p.
- Ortega y Gasset J. 1991. La rebelión de las masas. Translation from Spanish by A.M. In: Geleskul. Moscow, Iskustvo: 309–349.
- Pushkareva G.V. 2002. Politicheskij menedzhment [Political management]. Moscow, Delo. 400 p.
- Puiu Iu.V. 2010. Social'no-filosofskij analiz antropologii manipulirovaniya [Socio-philosophical analysis of the anthropology of manipulation]. Abstract diss. Doctor of Philosophy. Saint Petersburg, 44 p.
- Puiu Iu.V. Tyukhova I.S. 2017. Misterija prazdnika kak sredstvo manipulirovaniya obshhestvennym soznaniem [The mystery of the holiday as a means of manipulating public consciousness]. *Idei i idealy*, 4(34), 2: 28–33.
- Rimskiy V.L. 2022. Memy v informacionnoj vojne [Memes in the modern information war]. *Aktual'nye problemy sovremennoj Rossii: psihologija, pedagogika, jekonomika, upravlenie i pravo*, 8: 439–443.
- Rudenko A.M., Shestakov Ju.A. 2015. Problema manipuljacji massovym soznaniem kak faktor destabilizacii informacionnoj bezopasnosti sovremenного rossijskogo obshhestva [The problem of manipulation of mass consciousness as a factor of destabilization of information security of modern Russian society]. *Molodoj uchenyj*, 14: 635–638.
- Sergeeva Z.N. 2010. K voprosu ob jeksplikacii sodержaniya ponjatija «social'noe manipulirovanie» [To the question of the explication of the content of the concept of "social manipulation"]. *Idei i idealy*, 2(4): 107–115
- Franke H. 1964. *Der manipulierte Mensch*. Moscow, Politizdat. 362 p.
- Culadze A.M. 1999. Politicheskie manipuljacji ili Pokorenie tolpy [Political Manipulation or Mob Conquest]. Moscow, Knizhnyj dom «Universitet», 144 p.
- Chernikov M.V., Avdeenko E.V. 2023. Manipuljacija kak instrument propagandy [Manipulation as a propaganda tool]. *KANT*, 2(47): 245–251.
- Schiller H. 1980. *Mind Managers [Mind Manipulators]*. Moscow, Publ. Progress. 326 p.

- Dijk, Teun A. van. 2006. Discourse and manipulation. *Discourse and Society*, 17(2): 359–383.
Fromm E. 1941. *Escape From Freedom*. New-York, Farrar & Rinehart, 257 p.
Kahneman D. 2011. *Thinking, Fast and Slow*. New-York, Farrar, Straus and Giroux, 542 p.
Riker W.H. 1986. *The Art of Political Manipulation*. New Haven, Yale University Press. 153 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 16.05.2023

Поступила после рецензирования 30.06.2023

Принята к публикации 30.07.2023

Received May 16, 2023

Revised June 30, 2023

Accepted July 30, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Авдеенко Евгения Викторовна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории, Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya V. Avdeenko, Candidate of Philosophical Sciences, Docent of Philosophy, Sociology and History Department, Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia.

УДК 141.319.8

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-3-591-602

Цивилизационная парадигма России и становление культурной идентичности личности

Остапенко С.М.

Министерство просвещения Российской Федерации,
Россия, 127006, Москва, Каретный Ряд, д. 2

OstapenkoSM@mail.ru

Аннотация. Современная динамика развития общественных отношений привлекает внимание исследователей множественностью подходов при определении стратегий и вектора цивилизационного развития, поиском оснований для формирования моделей идентичности. Эта проблема включает различные аспекты, среди которых одним из главных становится вопрос становления и самоопределения идентичности личности. В связи с этим автором поставлена цель исследовать основы цивилизационной модели идентичности России и выявить факторы, характеризующие российский цивилизационный код, обозначить пути для достижения их устойчивости посредством создания устойчивости культурно-образовательного пространства. Изучены сложности развития общемирового пространства идентичности, выявлены ценностно-смысловые особенности смещения научного дискурса от понимания феномена идентичности к определению антропологической характеристики феномена российской цивилизации. Полученные результаты открывают возможность для целостного понимания возможностей культуры и образования воздействовать на формирование цивилизационной идентичности России.

Ключевые слова: цивилизационная динамика, общество, культурно-образовательное пространство, этнокультурное разнообразие, российская идентичность, ценности, культурный код

Для цитирования: Остапенко С.М. 2023. Цивилизационная парадигма России и становление культурной идентичности личности. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 48(3): 591–602. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-591–602

The Civilizational Paradigm of Russia and the Formation of the Cultural Identity of the Individual

Svetlana M. Ostapenko

The Ministry of Education of the Russian Federation
2 Karetny Ryad St, Moscow 127006, Russian Federation

OstapenkoSM@mail.ru

Abstract. The modern dynamics of the development of social relations draws attention of researchers to the selective plurality of approaches to the choice of strategies and the vector of civilizational development, the search for grounds for the formation of identity models. This problem includes various aspects, among which the question of the formation and self-determination of personality identity arises among the main ones. In this regard, the author sets the goal of researching the foundations of the civilizational model of Russian identity and revealing the factors that characterize the Russian civilizational code, identify ways to achieve their stability by creating stability in the cultural and educational space. Difficulties in the development of the global space of identity are studied, value-semantic features of scientific discourse shift from understanding the phenomenon of identity to the definition of anthropological characteristics of the Russian civilization phenomenon are revealed. The

results obtained provide an opportunity to holistically reveal the possibilities of culture and education effect on the formation of the civilizational identity of Russia.

Keywords: civilizational dynamics, society, cultural and educational space, ethnocultural diversity, Russian identity, values, cultural code

For citation: Ostapenko S.M. 2023. The Civilizational Paradigm of Russia and the Formation of the Cultural Identity of the Individual. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(3): 591–602 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-591–602

Введение

Одним из основополагающих факторов динамической устойчивости культурно-образовательной среды России является целостность национального культурно-образовательного пространства, его способность обеспечивать воспроизводство российской цивилизационной парадигмы. Это в свою очередь объясняет возникновение социального запроса на культурно-образовательную среду, которая будет способствовать преодолению кризисных проявлений как внутри государства, так и в общемировом масштабе, укреплять человеческий потенциал и создавать возможности для достижения высокого качества жизни.

Становление личности в условиях современной социокультурной ситуации связано с вопросом самоопределения цивилизационной и культурной идентичности, рассматривать который необходимо прежде всего через призму российского цивилизационного кода. Эта тема является одной из дискуссионных в гуманитарных исследованиях, и предлагаемые к ее рассмотрению подходы базируются на понимании цивилизации как этнической общности (Л.М. Дробижева, В.А. Тишков), на попытках обозначить историческое развитие России посредством формирования социальной идентичности (З.А. Жаде, В.А. Ядов), гражданской идентичности (В.А. Авксентьев) и даже обосновать появление трансэтнической национально-цивилизационной модели (А.В. Лубский). В то же время вопросы сопряжения и взаимосвязи между сложными общемировыми тенденциями формирования пространства идентичности и встроенностью в эти процессы, определением в них места российской государственности, требуют специального внимания, исходя из традиций собственной культурной самобытности поиска закономерностей для формирования новой, устойчивой формы идентичности, определения в ней роли культуры и образования.

Целью данного исследования является рассмотрение особенностей цивилизационной модели идентичности России и выявление факторов, характеризующих основы российского цивилизационного кода. Достичь их устойчивости возможно посредством воспитания культурной идентичности личности и формирования устойчивости культурно-образовательного пространства.

Сложности формирования пространства идентичности

Постоянно возрастающее социокультурное разнообразие, возникающее на фоне изменения ценностно-смысловых границ социальных и культурных общностей, плюрализации культурных кодов, переформатирует традиционные системы ценностей и усложняет процессы самоопределения человека [Малыгина, 2019]. Этим обуславливается необходимость расширения исследовательских подходов к проблеме формирования идентичности в современном социогуманитарном знании, которые сложились к настоящему времени и имеют глубокие основания. На наш взгляд, истоки этой проблемы коренятся в концептуальных разногласиях между позицией, отстаивающей плюрализм, множественностью локальных цивилизаций и идеями мондиализма, отстаивающими принципы единения, моно-

литности глобальной цивилизации. Обнаруживается эта проблема и в цивилизационном дуализме современности, в противостоянии между западной и восточной цивилизациями.

Противоречия между плюрализмом и мондиализмом наиболее ясно очерчены во взглядах С. Хантингтона и Ф. Фукуямы. Так, следуя идее разделения человеческих цивилизаций по этнокультурному принципу, С. Хантингтон геополитически фиксирует важнейшие из ныне существующих цивилизаций: западную, латиноамериканскую, африканскую, исламскую, синскую, индуистскую, православную, буддистскую и японскую [Хантингтон, 2003]. По утверждению Хантингтона, цивилизационные отличия народов проявляются в разных представлениях об отношении к Богу и вере, групповому и индивидуальному, о соотношении гражданских и государственных прав, свобод, обязанностей, равенства, иерархии власти. Эти различия, порожденные многовековой историей и более глубинные по своей природе, нежели государственные политические устройства и господствующие идеологии, в будущем неизбежно приведут к обострению противоречий и, возможно, к появлению глобальных конфликтов [Хантингтон, 2003].

По-иному, с позиций мондиализма, рассматривается мир в концепции Ф. Фукуямы, который осмыслил процесс глобализации как идею «конца истории» и окончание эволюции идеологических систем с последующей интеграцией всех стран мира в единое планетарное государство на основе западных либерально-демократических ценностей [Фукуяма, 1990, 2010].

Противостояние, проявляющееся в цивилизационной дуальности, также накладывает отпечаток на сложности формирования общемирового пространства. Свидетельством тому могут служить неравномерности развития Востока и Запада. С одной стороны, мы наблюдаем разрывы в темпах изменения жизни и, как следствие, желание каждого из субъектов исторического процесса иметь свободу выбора собственного пути, ощущать свою состоятельность и самодостаточность. С другой стороны, понятие «Восток» включает в себя и понятие «третий мир», где присутствуют как успешные игроки, целенаправленно и продуктивно развивающиеся на мировой арене (Япония, Китай, страны Юго-Восточной Азии), так и страны, существующие в условиях политических и социальных кризисов.

Следует отметить, что концептуальная трактовка исторического процесса в рамках цивилизационного подхода сложилась значительно раньше и в определенной степени является уже традиционной, поскольку приверженность идее локальных цивилизаций естественным образом противопоставляется историческим концепциям эволюционизма и универсализма. Отчасти споры вокруг главенства приоритетов, что считать более важным – стабильность, общность исторических проявлений либо культурную специфику стоящих за ними субъектов, весьма схоластичны. На самом деле поиски различий или же, наоборот, закономерностей дополняют друг друга, а проблема локальности/универсальности дает возможность выявить дополнительные факторы, такие как, например, «влияние одних исторических субъектов на развитие других» [Щипков, 2018, с. 29].

Но есть точки зрения, открывающие нам новые ракурсы проблематики идентичности. С позиции инструментального подхода к этничности ее природа и динамика представлены информационной теорией этноса отечественных этнологов Н.Н. Чебоксарова и С.А. Арутюнова. В ее основных положениях рассматривается механизм взаимодействия этнических общностей на основе циркулирования информационных потоков, плотность и интенсивность внутри которых по мере исторического развития типов – от племени до нации – возрастает и уплотняется. Обращение, возврат к устойчивым этническим ценностям играет роль своеобразного фильтра, защищающего в сложных информационных ситуациях человеческую психику и сознание от нестабильностей и обезличенности современной жизни [Шакиров, 2017; Банников, 2022]. Но в таком случае в связи с множественностью этнокультурного разнообразия, ситуативностью, этнической мозаичностью возникает вопрос относительно того, как долго российская цивилизационная идентичность бу-

дет находиться в перманентном стремлении достичь устойчивости своей этнической структуры?

Ряд ученых отстаивают довольно спорную, на наш взгляд, позицию о том, что человек уже прошел исторический путь своего развития, и его существование не изменится от того, будут ли выделены цивилизации, общественно-экономические формации или каким-то иным способом систематизированы этапы их развития. А.Н. Чумаков утверждает: «Все это есть ничто иное, как наши попытки схематизировать постоянно развивающийся живой процесс, в котором пребывает мировая история, стремление описать подвижную, перманентно изменяющуюся систему в “застывших” понятиях» [Чумаков, 2019, с. 18]. Но это уже иная сторона проблемы взаимодействия теории и практики, оценки возможности влияния людей на ход культурно-цивилизационного развития.

Цивилизационная идентичность: дискурсы современности

Вместе с тем смысл проблематики цивилизационной идентичности более широк – определить существуют ли единые человеческие ценности, способные объединить людей в единстве многообразия без ущемления их культурной самобытности, осуществимо ли взаимопонимание между людьми, настолько различными по самобытности и культурным предпочтениям? Есть ли вообще у человечества перспективы культурного развития?

В связи с этим перед научным сообществом стоит задача не только установить логическую взаимосвязанность и соотношение использования терминов идентичности: «культурной», «национальной», «цивилизационной», но, возможно, пересмотреть существующие подходы к пониманию идентичности как таковой и даже в определенной степени переосмыслить сам феномен идентификации [Пастюк, 2020].

Требуют прояснения и другие вопросы, не менее дискуссионные в своей постановке. Как изменяется культурная идентичность личности под влиянием происходящих глобальных трансформаций? Какие факторы в конечном счете влияют на ее формирование? Насколько он управляем и поддается ли воздействию данный процесс? Можно ли (и при помощи каких инструментов) нивелировать многоплановые разночтения и сформировать российскую цивилизационную модель государственной национально-гражданской культурной идентичности наивысшего порядка?

В поиске ответа на них необходимо признать, что дискуссия об идентификационном пространстве России давно перешагнула порог дисциплинарности в современной науке и концептуально связана с такими областями научного знания, как философия, психология, социология, политология, культурология. В связи с этим многозначно и по-разному понимаемое исследователями понятие «идентичность» приобрело многомерный и полипарадигмальный характер [Жаде, 2008], а междисциплинарный подход стал методологической основой самых различных исследований. При этом, заметим, в определенной степени многообразие исследовательских подходов предопределено кризисом идентичности в переходных условиях современности, перманентностью и разнообразием процессов глобализирующегося мира. Сюда же можно отнести и неопределенность, размытость, касающуюся формирования идентификации на постсоветском пространстве.

В этой связи в научной литературе конца прошлого – начала нынешнего столетия появилось большое количество работ, авторы которых изучали проблему социальной идентичности, феномен этничности (Л.М. Дробижева [2003], В.А. Тишков [2003], В.А. Ядов [1995; Россия: трансформирующееся общество, 2001] и другие). Однако тогда же вновь активно стали высказываться точки зрения об «особом», индивидуальном пути развития России и собственной, уникальной национальной цивилизационной идентичности [Поиск национально-цивилизационной идентичности, 2004]. О необходимости уделять должное внимание данным вопросам и учитывать поиск Россией своего места в глобальном мире [Конкурентоспособность России в условиях глобализации, 2006].

Сложности такого поиска заключаются в том, что сообразно ее историческому прошлому «Россию столь же трудно представить и как совершенно особую, окончательно сложившуюся и во всем отличную от Запада цивилизацию» [Межуев, 2000]. Она открыта грядущему и до конца еще не реализовала свою способность изменяться, развиваться и представляет собой страну «не столько ставшей, окончательно сложившейся, сколько становящейся цивилизации» [Межуев, 2000].

Но так или иначе, новая устойчивая российская идентичность, и это подчеркивалось не одним исследователем, должна быть обращена в будущее, «отражать геополитические реалии современного мира <...> через 15–20 лет; иметь четкие цивилизационные ориентиры» [Авксентьев, 2006, с. 20] и способствовать «обретению человеком гражданской самости в поликультурном мире» [Авксентьев, 2006, с. 19]. Закономерно, что «проблемы сохранения целостности российской культуры и формирования национально-культурной и гражданской идентичности становятся центральными в дискурсах власти» [Астафьева, 2011, с. 240].

Кризисный и переломный период, который ныне переживает история российской государственности, с особой напряженностью и остротой выдвигает на первый план тематику идентификации в привязке к вопросам культурно-образовательного пространства. Вследствие этого акцент в научных дискуссиях смещается с уровня методологических споров о понимании и трактовке сложного феномена идентичности и критериев процесса идентификации к исследованию идентичности как базовой антропологической характеристики национальных государств [Малыгина, 2019], к феномену российской нации, русской цивилизации (И.В. Кондаков [2011], А.В. Костина [2019], И.В. Малыгина [2018], Н.М. Морозов [2014], М.М. Мчедлова [Религия в современной России... 2019], О.А. Митрошенков [2023]).

Динамика цивилизационной идентичности и культурный код русской цивилизации

Исторический контекст социокультурной динамики цивилизации России, который часто объединяет противоречивые идеи, суждения и точки зрения, к началу XXI века оформился по двум направлениям:

- цивилизация как способ или стадия существования общества;
- локальная цивилизация как социальная целостность, основанная на консолидации факторов (этнический, культурно-исторический, социокультурный, территориальный, институциональный и прочие) и подчеркивающая отличающие ее от других цивилизаций особенности, сформированные под влиянием традиций и ментальности [Морозов, 2014].

Цивилизационная динамика России проявляет дискретность: время от времени резко сменяются культурные парадигмы, вызревающие в результате ломки общественного устройства, либо социального, исторического, политического уклада страны [Кондаков и др., 2011], что не может не отразиться и на цивилизационном коде России. Этапы цивилизационного развития России сопровождались сдвигами, которые формировали новые мировоззренческие нормы, новые культурные коды. Один из таких цивилизационных поворотов произошел с началом реформ Петра I, в результате чего были модернизированы экономическая и политическая сферы [Морозов, 2014], изменилось российское самосознание. Другой – пришелся на мощнейший период разрушения советской государственности.

Исследуя природу становления человеческой идентичности, И.В. Кондаков определяет алгоритм развития цивилизации России и ее цивилизационный код через широкоформатность культуры и искусства. Смена типов идентичности представлена цепочкой из пяти последовательно возрастающих культурно-исторических уровней, которые соответствуют культурным механизмам данной эпохи: кумуляция (скопление, интеграция культур), дивергенция (обнаружение расхождений), культурный синтез (нивелирование про-

тивоположностей), селекция (отбор компонентов культуры) и конвергенция (объединении и синтез различных смыслов). Квинтэссенцией такого подхода стало мнение исследователя о значительном совпадении, сходстве архитектоники, построения русской культуры и архитектоники цивилизации России [Кондаков и др., 2011].

Следуя мысли ученого о том, что «почти все цивилизации или некоторые их компоненты были сформированы в прошлом благодаря культурному заимствованию» [Кондаков и др., 2011, с. 505], на наш взгляд, можно утверждать следующее: и в случае «обогащения» цивилизации средствами иной культуры (литература, музыка, архитектура, художественное творчество), и в случае «переноса» цивилизации (заимствование системы ценностей, социально-экономической, политической систем) [Кондаков и др., 2011], и семантика цивилизационных кодов, и культурная идентичность, и в конечном счете сама цивилизация подвергнутся изменениям, хотя и разным по силе своего воздействия.

Сходна по механизму своего развития и концепция, предложенная М.В. Петровой. Согласно ее исследованию, национальная идея России существует в предопределенной историческими вызовами последовательности парадигм. Четыре устойчивые формы – политическая, идентификационная, культурологическая и цивилизационная – основываются на проблематике и решении вопроса по самоопределению народа в конкретном отрезке времени. Сегодняшняя парадигма России – цивилизационная – содержит аспекты идентификации, политики, культуры, которые оформились в течение эволюции первых трех парадигм. Ее главный вопрос – обозначить место и роль цивилизации России в общемировом развитии. Ее стержневой, кодовый принцип – суперэтнический универсализм, поиск и объединение общечеловеческих начал в каждой из национальных культур [Петрова, 2000; Митрошенков, 2023].

Маркеры культурной идентичности – язык, способность к воображению, коллективная память вместе с факторами государственности – этатизма, социоцентризма и патернализма – легли в основу базовой структуры культурного кода российской цивилизации. В совокупности с осознанием геополитического и природного положений, влияющих на ментальность, они образуют своего рода смысловую основу, каркас культурного и исторического своеобразия России [Лисенкова, 2018]. Истинная же значимость, сущность российского цивилизационного кода проявляется в восприятии и оценке ценностей. И здесь уместно провести параллели между ключевыми различиями, коренным образом разграничивающими европейскую, атлантическую и российскую цивилизации.

Религиозная идентичность и языковое единообразие в употреблении латыни, породившие ощущения европейского единства, а впоследствии идеология Просвещения и рационализма наделили идею европоцентризма инструментарием прагматизма, нео- и постпозитивизма. Она ориентирует жизненные стратегии людей не на познание и осознание основ бытия, а на адаптацию к условиям социума, на практицизм в решении проблемных жизненных ситуаций. Результатом этого стали ценности социальной успешности, монетаризма, пунктуальность и активность личности [Костина, 2016]. Причем европейские просветители трактовали всеобщность и исключительность европейской культуры и цивилизации как единственно возможную модель [Костина, 2016] и тем самым изначально создали основы будущего цивилизационного конфликта между одно- и многополярностью мира.

Совсем иная иерархия приоритетов заложена в основаниях российской цивилизации. Развитие духа, стремление к целостности внешнего мира через обретение внутренней целостности, осознание своего места в человеческой истории, поиск путей к достижению гармонии с природой и обществом, сострадание, миролюбие, патриотизм, приверженность ценностям государства и святости родины [Каган, 1997]. Таким образом, рационализму и схоластике Запада противопоставлены антирационализм и онтологизм русской

культуры [Костина, 2016], ценностям индивидуализма – ценности всеобщего блага, социальной справедливости и вселенской гармонии.

Устойчивость цивилизационной и культурной идентичности России

Вместе с тем пространство ценностей, наполненное внутренними имплицитными доминантами, слабо поддающееся воздействию и регулированию, должно обладать достаточным смысловым содержанием для становления личности, для сохранения целостности национального культурно-образовательного пространства. На этом фоне проблема идентичности – одна из центральных для современной России – вызывает потребность формировать устойчивые цивилизационные основания для существования личности и всего общества, поскольку «цивилизация сегодня выступает как основная геополитическая единица, более значимая, чем национальное государство» [Костина, 2016, с. 139].

Выбор дальнейшего пути развития российской цивилизации осложнен гуманитарной интервенцией, которая при помощи ментальной экспансии западной цивилизации нацелена на разрушение российского цивилизационного кода, на поглощение российской культурной идентичности. Усложняют процесс личностной идентификации и опасности глобализации, размывающие ценностные ориентации и погружающие человека в противоречия между глобальным и локальным, между коллективным и индивидуальным.

Сохранить свою индивидуальность, избежать тенденции универсализации и не стать периферией запада Россия может «только придав этой тенденции направление, соответствующее ее собственным культурным ценностям и приоритетам» [Межуев, 2000]. Но ни близость к Европе или к Азии, ни переходная, посредническая роль России между этими двумя мирами и культурами [Ключевский, 1987], ни обращение к западным моделям ценностей не позволяют применить для формирования целостной российской цивилизации уже готовые, но заимствованные концепции идентичности. Основанные на другой ментальности, они всегда будут нести в себе новые угрозы российской идентичности, ее цивилизационному коду, который и так подвергся испытаниям ценностями индивидуализма, либерализма, идеалами потребительства и массовой культуры.

Существуют и внутригосударственные сложности формирования культурной идентичности. Они связаны с полиэтничностью и обилием конфессиональных групп, множественность их культурной специфики осложняет и без того непростую задачу нациестроительства в России и формирование интегрирующей идентичности населения постсоветского пространства [Лубский, 2014]. Однако этот процесс имеет и оборотную сторону. Как отмечает О.А. Митрошенков, «важнейшей особенностью российской цивилизации является евразийский характер образующей ее социокультурной общности при полиэтнической основе» [Митрошенков, 2023, с. 13]. Таким образом «гетерогенность российской цивилизации», нашедшая выражение в сдвоенной идентичности, является одним из оснований «российского суперэтнуса» [Митрошенков, 2023, с. 14]. Его устойчивость способна противопоставить интервенции других культур собственную глобальную идентичность, построенную на многонациональном характере культуры, на сохранении «своей модели бытия и традиционных представлений» [Митрошенков, 2023, с. 16], на иерархии духовных ценностей, на соответствии культуры и экономики, на признании особой роли государства в жизни человека. В работах Г.А. Аванесовой и О.Н. Астафьевой представлены общие содержательные контуры и типологические единицы семантического комплекса, способного стать основой не только для укрепления коллективной идентичности, но и для развития межгосударственного евразийского сотрудничества в области образования. Среди ценностно-смысловых единиц этого ряда авторами называются базовые семантические единицы отечественной цивилизации, сложившиеся за весь период русской истории; ведущие смыслы и ценности, а также отраслевые цели, ситуативные принципы, которыми руководствуются партнеры из восточно-евразийских регионов; латентные разновидности мировоззренческих установок западно-европейской цивилизации, сохраняющих свое вли-

яние в мире; современные ценностные ориентации, которые принимают амбивалентный, мозаичный, частично преходящий характер, однако выполняют адаптивные функции для традиционных культур [Аванесова, Астафьева 2015; Астафьева, Аванесова, 2016].

Таким образом, российская модель культурной идентичности многоаспектна и, кроме культурного, этнического и национального, включает также социальный фактор. Научное сообщество едино во мнении о социальной природе идентичности, которая рождается в результате усвоения навыков коммуникации и изменяется под воздействием социальных изменений [Жаде, 2008]. Но неоспорим и факт того, что идентичность предопределена культурной средой, в которой происходит формирование личности.

Понятие, определяющее среду «не просто как круг чего или кого-то, а чью-то среду, среду какого-то субъекта» [Белозерцев, Барышников, 2010, с. 17], и где исходным началом познания среды становится сам человек, неотделимо от понятий «культура» и «образование».

Антропологический подход к изучению становления человеческой личности сопряжен с признанием ценностей культуры и целей образования, поскольку «образование создает механизм не просто трансляции культуры, но, главное, – включение человека в культуру» [Белозерцев, Барышников, 2010, с. 5]. Культура же «в условиях разрушения национальной идентификации в российском обществе на фоне социально-политических и экономических преобразований остается едва ли не единственным надежным фактором стабильности и одновременно неиссякаемым источником развития и созидания во всех сферах жизни народов России. Наследие, культура питают исторический оптимизм нации особенно в переломные моменты развития общества и государства» [Белозерцев, Барышников, 2010, с. 5].

Причем формирование культуры личности – это не только процесс саморазвития человека, но это также и деятельность по созданию условий, которые удовлетворяют разного уровня потребности, в результате чего формируются ценности, образ жизни и культура общества в целом. Ценностно-ориентационная (нормативная) функция культуры отвечает «необходимости консолидации общества едиными <...> идеалами, оценками, нормами» [Каган, 1974, с. 236]. Это обеспечивает обществу прогрессивное развитие, постоянное повышение «уровня его негэнтропии» [Каган, 1974, с. 235] – меры упорядоченности и организованности.

Таким образом, ценностно-смысловое наполнение культурной идентичности, мировоззренческие нормы и поведенческие ориентации, формирование массового сознания возможно через коллективные способы организации деятельности, через накопление обществом знаний и их передачу посредством институтов социализации и образования. Иными словами, и культура, и образование как абсолютные социальные ценности способны раскрыть потенциал человека и укрепить национально-культурную идентичность личности, а также, будучи общественным благом, повлиять на обновление культурной среды, на духовное и общественное бытие России как страны/цивилизации.

Заключение

Вопрос о том, какой подход будет наиболее точен при определении цивилизационной модели идентичности России – религиозный (конфессиональный), национальный (этнокультурный) либо геополитический, как и вопрос о формировании системы ценностных маркеров культурной идентичности россиян, по-прежнему открыт для дискуссии.

Сложности формирования общемирового и внутригосударственного пространства идентичности на фоне множасьего социокультурного разнообразия приводят нас, по сути, к осознанию феноменальности, своеобразия и особой роли цивилизации России, к отстаиванию своей самобытности и собственной системы ценностных ориентаций.

Идентичность как базовая антропологическая характеристика российского государства не приемлет заимствования концепций, основанных на чужеродных моделях ментальности. Но и не учитывать семантической сложности цивилизационного типа идентичности России представляется преждевременным. На наш взгляд, основными ориентирами

на достижение устойчивости цивилизационной и культурной идентичности для России выступает код российской цивилизации, который характеризуют два ключевых фактора: множественность, полиэтничность и высоко духовное ценностно-смысловое содержание.

В свою очередь, воспроизводство российской цивилизационной парадигмы является итогом формирования устойчивости культурной идентичности личности. Ее становление, формирование человеческого потенциала, а впоследствии и массового сознания предопределено культурной средой. Сопряжение целей и ценностей образования и должны стать фундаментом среды и частью национального подхода при формировании цивилизационной идентичности России.

Список литературы

- Аванесова Г.А., Астафьева О.Н. 2015. Россия в межцивилизационных союзах: культурно-гуманитарные аспекты евразийского сотрудничества. *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств*, 3(43): 29–36.
- Авксентьев В.А. 2006. Социокультурная идентичность в XXI веке: выбор российской перспективы. В кн.: Проблема субъектов российского развития. Материалы Международного форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход» (Звенигород, 16–19 октября, 2006). М., Когито-Центр: 19–21.
- Астафьева О.Н., Аванесова Г.А. 2016. Стратегический вектор и семантические основания включения России в гуманитарное пространство межцивилизационных союзов: взаимодействие в сфере образования. *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств*, 1(45): 65–80.
- Астафьева О.Н. 2011. Коллективная идентичность в условиях глобальных изменений: динамика устойчивого и укоренение становящегося. *Вопросы социальной теории*, 5: 223–241.
- Банников К.Л. 2022. Инстинкт гармонии смыслов. Информационная теория этноса: аспекты и интерпретации. М., ИЭА РАН, 94 с. DOI: [10.33876/978-5-4211-0300-4/1-94](https://doi.org/10.33876/978-5-4211-0300-4/1-94)
- Белозерцев Е.П., Барышников В.Я. 2010. Образование: как изучать и понимать (тезисы к фундаментальной теме). Воронеж, ВГПУ, 92 с.
- Дробижева Л.М. 2003. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., Центр общечеловеческих ценностей, 376 с.
- Жаде З.А. 2008. Идентичность как междисциплинарная проблема современной науки. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*, 8: 406–411.
- Каган М.С. 1997. Философская теория ценности. СПб., Петрополис, 204 с.
- Каган М.С. 1974. Человеческая деятельность. (Опыт системного анализа). М., Политиздат, 328 с.
- Ключевский В.О. 1987. Сочинения в 9 т. Т. I. Курс русской истории. Ч. I. М., Мысль, 430 с.
- Кондаков И.В., Соколов К.Б., Хренов Н.А. 2011. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. М., Прогресс-Традиция, 1024 с.
- Конкурентоспособность России в условиях глобализации. 2006. Под общ. ред. В.К. Егорова, С.В. Степашина. М., РАГС, 445 с.
- Костина А.В. 2019. Россия: путь к будущему. М., Ленанд, 200 с.
- Костина А.В. 2016. Цивилизационная идентичность России: вызовы и ответы. *Знание. Понимание. Умение*, 2: 138–152. DOI: [10.17805/zpu.2016.2.12](https://doi.org/10.17805/zpu.2016.2.12).
- Лисенкова А.А. 2018. Особенности формирования российской культурной идентичности. *Ценности и смыслы*, 2(54): 55–68.
- Лубский А.В. 2014. Дискурсы о национальной и цивилизационной идентичностях в России. *Научная мысль Кавказа*, 2(78): 24–32.
- Малыгина И.В. 2019. Идентичность в пространстве пост-культуры. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, 13(829): 173–185.
- Малыгина И.В. 2018. Идентичность в философской, социальной и культурной антропологии. Изд. 2-е. М., Согласие, 240 с.
- Межуев В.М. 2000. Российская цивилизация – утопия или реальность? *РОССИЯ XXI*, 1: 44–69.
- Митрошенков О.А. 2023. Русская философия: Имена и идеи. Изд. 2-е. М., Ленанд, 202 с.

- Морозов Н.М. 2014. Концептуализация исторического знания о российской цивилизации на рубеже XX–XXI вв. Кемерово, Практика, 401 с.
- Пастюк А.В. 2020. Соотношение понятий цивилизационной и этнокультурной идентичности *Молодой ученый*, 12(302): 229–231.
- Петрова М.В. 2000. Парадигмы русской национальной идеи: История и современность. Дисс... доктора политич. наук: (23.00.03). М., 376 с.
- Поиск национально-цивилизационной идентичности и концепт "особого пути" в российском массовом сознании в контексте модернизации. 2004. М., ИМЭМО РАН, 171 с.
- Религия в современной России: контексты и дискуссии: монография. 2019. Отв. ред. М.М. Мчедлова. М., РУДН, 393 с.
- Россия: трансформирующееся общество. 2001. Под ред. В.А. Ядова. М., Канон-Пресс-Ц, 640 с.
- Тишков В.А. 2003. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., Наука, 542 с.
- Фукуяма Ф. 2010. Конец истории и последний человек. М., Полиграфиздат, 588 с.
- Фукуяма Ф. 1990. Конец истории? *Вопросы философии*, 3: 134–148.
- Хантингтон С. 2003. Столкновение цивилизаций. М., Издательство АСТ, 603 с.
- Чумаков А.Н. 2019. Философское измерение культурно-цивилизационного развития в условиях многоаспектной глобализации. В кн.: Межкультурное взаимодействие России и Китая: глобальное и локальное измерение. М., Проспект: 11–31.
- Шакиров И.А. 2017. Информационная теория этноса и виртуальные полюса роста. В кн.: Социальный и духовный потенциал региона и их реализация: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Уфа, 26–27 мая 2017). Уфа, УГАТУ: 373–377.
- Щипков А.В. 2018. Понятие "код" в рамках современного цивилизационного подхода. *Вопросы философии*, 7: 28–34. DOI: [10.31857/S004287440000220-7](https://doi.org/10.31857/S004287440000220-7)
- Ядов В.А. 1995. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности. *Мир России. Социология. Этнология*, 4(3–4): 158–181.

References

- Avanesova G.A., Astaf'eva O.N. 2015. Rossiya v mezhtsivilizatsionnykh soyuzakh: kul'turno-gumanitarnye aspekty evraziyskogo sotrudnichestva [Russia in the union of inter-civilization: cultural and humanitarian aspects of the Eurasian cooperation]. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv*, 3(43): 29–36.
- Avksent'ev V.A. 2006. Sotsiokul'turnaya identichnost' v XXI veke: vybor rossiyskoy perspektivy [Sociocultural identity in the XXI century: the choice of the Russian perspective]. In: The problem of subjects of Russian development. Proceedings of the International Forum "Projects of the Future: an interdisciplinary approach" (Zvenigorod, October 16–19, 2006). М., Publ. Kogito-Tsentr: 19–21.
- Astaf'eva O.N., Avanesova G.A. 2016. Strategicheskii vektor i semanticheskie osnovaniya vklyucheniya Rossii v gumanitarnoe prostranstvo mezhtsivilizatsionnykh soyuzov: vzaimodeystvie v sfere obrazovaniya [Strategic vector and semantic grounds of the including Russia in the humanitarian space of intercivilization unions: interaction in education]. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv*, 1(45): 65–80.
- Astaf'eva O.N. 2011. Kollektivnaya identichnost' v usloviyakh global'nykh izmeneniy: dinamika ustoychivogo i ukorenenie stanoviyashchegosya [Collective identity in the context of global changes: the dynamics of sustainable and the rooting of the becoming]. *Voprosy sotsial'noy teorii*, 5: 223–241.
- Bannikov K.L. 2022. Instinkt garmonii smyslov. Informatsionnaya teoriya etnosa: aspekty i interpretatsii [The instinct of harmony of meanings. Information theory of ethnos: aspects and interpretations]. М., Publ. IEA RAN, 94 p. DOI: [10.33876/978-5-4211-0300-4/1-94](https://doi.org/10.33876/978-5-4211-0300-4/1-94)
- Belozertsev E.P., Baryshnikov V.Ya. 2010. Obrazovanie: kak izuchat' i ponimat' (tezisy k fundamental'noy teme) [Education: how to study and understand (theses on the fundamental topic)]. Voronezh, Publ. VGPU, 92 p.
- Drobizheva L.M. 2003. Sotsial'nye problemy mezhnatsional'nykh otnosheniy v postsovetsoy Rossii [Social problems of interethnic relations in Post-Soviet Russia]. М., Publ. Tsentr obshchechelovecheskikh tsennostey, 376 p.

- Zhade Z.A. 2008. Identichnost' kak mezhdistsiplinarnaya problema sovremennoy nauki [Identity as an interdisciplinary problem of modern science]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*, 8: 406–411.
- Kagan M.S. 1997. *Filosofskaya teoriya tsennosti* [Philosophical theory of value]. SPb., Publ. Petropolis, 204 p.
- Kagan M.S. 1974. *Chelovecheskaya deyatelnost'. (Opyt sistemnogo analiza)* [Human activity. (Experience in system analysis)]. M., Publ. Politizdat, 328 p.
- Klyuchevskiy V.O. 1987. *Essays in 9 vols. Vol. I. Course of Russian history*. P. I. M., Publ. Mysl', 430 p. (in Russian).
- Kondakov I.V., Sokolov K.B., Khrenov N.A. 2011. *Tsivilizatsionnaya identichnost' v perekhodnuyu epokhu: kul'turologicheskiy, sotsiologicheskiy i iskusstvovedcheskiy aspekty* [Civilizational identity in the Transitional Era: cultural, sociological and art-historical aspects]. M., Publ. Progress-Traditsiya, 1024 p.
- Konkurentosposobnost' Rossii v usloviyakh globalizatsii [Competitiveness of Russia in the context of globalization]. 2006. Pod obshch. red. V.K. Egorova, S.V. Stepashina. M., Publ. RAGS, 445 p.
- Kostina A.V. 2019. *Rossiya: put' k budushchemu* [Russia: the way to the future]. M., Publ. Lenand, 200 p.
- Kostina A.V. 2016. *Tsivilizatsionnaya identichnost' Rossii: vyzovy i otvety* [Russia's civilizational identity: challenges and responses]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2: 138–152. DOI: [10.17805/zpu.2016.2.12](https://doi.org/10.17805/zpu.2016.2.12)
- Lisenkova A.A. 2018. *Osobennosti formirovaniya rossiyskoy kul'turnoy identichnosti* [Features of formation of the Russian cultural identity]. *Tsennosti i smysly*, 2(54): 55–68.
- Lubskiy A.V. 2014. *Diskursy o natsional'noy i tsivilizatsionnoy identichnostyakh v Rossii* [Discourses of national and civilizational identities in Russia]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, 2(78): 24–32.
- Malygina I.V. 2019. *Identichnost' v prostranstve post-kul'tury* [Identity in the space of post-culture]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 13(829): 173–185.
- Malygina I.V. 2018. *Identichnost' v filosofskoy, sotsial'noy i kul'turnoy antropologii* [Identity in Philosophical, social and cultural anthropology]. M., Publ. Soglasie, 240 p.
- Mezhuev V.M. 2000. *Rossiyskaya tsivilizatsiya – utopiya ili real'nost'?* [Russian civilization – utopia or reality?]. *ROSSIYA XXI*, 1: 44–69.
- Mitroshekov O.A. 2023. *Russkaya filosofiya: Imena i idei* [Russian Philosophy: Names and Ideas]. M., Publ. Lenand, 202 p.
- Morozov N.M. 2014. *Kontseptualizatsiya istoricheskogo znaniya o rossiyskoy tsivilizatsii na rubezhe XX–XXI vv* [Conceptualization of historical knowledge about Russian civilization at the turn of the XX–XXI centuries]. Kemerovo, Publ. Praktika, 401 p.
- Pastyuk A.V. 2020. *Sootnoshenie ponyatiy tsivilizatsionnoy i etnokul'turnoy identichnosti* [Correlation of the concepts of civilizational and ethno-cultural identity]. *Young Scientist*, 12(302): 229–231. (In Russian).
- Petrova M.V. 2000. *Paradigmy russkoy natsional'noy idei: Istoriya i sovremennost'* [Paradigms of the Russian National Idea: History and Modernity]. Diss... Doctors of Political Sciences: (23.00.03). M., 376 p.
- Poisk natsional'no-tsivilizatsionnoy identichnosti i kontsept "osobogo puti" v rossiyskom massovom soznanii v kontekste modernizatsii [The search for national and civilizational identity and the concept of a "special path" in the Russian mass consciousness in the context of modernization]. 2004. M., Publ. IMEMO RAN, 171 p.
- Religiya v sovremennoy Rossii: konteksty i diskussii: monografiya [Religion in Modern Russia: contexts and discussions]. 2019. Ed. M.M. Mchedlova. M., Publ. RUDN, 393 p.
- Rossiya: transformiruyushcheesya obshchestvo [Russia: a transforming society]. 2001. Ed. V.A. Yadova. M., Publ. Kanon-Press-Ts, 640 p.
- Tishkov V.A. 2003. *Rekviem po etnosu: issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoy antropologii* [Requiem for ethnos: studies in socio-cultural anthropology]. M., Publ. Nauka, 542 p.
- Fukuyama F. 2010. *Konets istorii i posledniy chelovek* [The end of history and the last man]. M., Publ. Poligrafizdat, 588 p.
- Fukuyama F. 1990. *Konets istorii?* [The end of the history?] *Voprosy filosofii*, 3: 134–148.
- Khantington S. 2003. *Stolknovenie tsivilizatsiy* [The clash of civilizations]. M., Publ. Izdatel'stvo AST, 603 p.

- Chumakov A.N. 2019. Filosofskoe izmerenie kul'turno-tsivilizatsionnogo razvitiya v usloviyakh mnogoaspektnoy globalizatsii [Philosophical Dimension of Cultural and Civilizational Development in the Context of Multi-aspect Globalization]. In: Intercultural Interaction between Russia and China: Global and Local dimension. M., Publ. Prospekt: 11–31.
- Shakirov I.A. 2017. Informatsionnaya teoriya etnosa i virtual'nye polyusa rosta [Information theory of ethnos and virtual poles of growth]. In: Social and spiritual potential of the region and their realization: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation (Ufa, May 26–27, 2017). Ufa, Publ. UGATU: 373–377.
- Shchipkov A.V. 2018. Ponyatie "kod" v ramkakh sovremennogo tsivilizatsionnogo podkhoda [The concept of "code" in the framework of the modern civilizational approach]. *Voprosy filosofii*, 7: 28–34. DOI: [10.31857/S004287440000220-7](https://doi.org/10.31857/S004287440000220-7)
- Yadov V.A. 1995. Sotsial'nye i sotsial'no-psikhologicheskie mekhanizmy formirovaniya sotsial'noy identichnosti lichnosti [Social and socio-psychological mechanisms of the formation of a personality's social identity]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 4(3-4): 158–181.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 12.03.2023
Поступила после рецензирования 12.06.2023
Принята к публикации 30.08.2023

Received March 12, 2023
Revised June 12, 2023
Accepted August 30, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Остапенко Светлана Михайловна, начальник отдела Департамента цифровой трансформации и больших данных, Министерство просвещения Российской Федерации, г. Москва, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana M. Ostapenko, head of department in the Department of Digital Transformation and Big Data, Ministry of Education of the Russian Federation, Moscow, Russia.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

УДК 261.6

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-3-603-613

Понятийные маркеры соотношения статики и динамики современного русского православия

Гаврилов О.Ф., Жукова О.И., Казаков Е.Ф.

Кемеровский государственный университет,

Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6

gof57@yandex.ru, oizh@list.ru, kemcitykazakov@mail.ru

Аннотация. Русская православная церковь остается важным фактором социальных процессов современной России, поэтому ясное понимание возможных вариантов ее будущего развития является значимой предпосылкой выработки принципов взаимодействия церкви и общества, сохранения культурной преемственности при усвоении новых стандартов жизни. В ходе активной дискуссии, посвящённой этой теме, адекватность терминов, в которых она ведется, остается в тени. Целью исследования как раз и стало определение степени соответствия понятийного инструментария, используемого при обсуждении проблемы соотношения изменчивости и константности русского православия в условиях турбулентных трансформаций глобального масштаба. Логико-гносеологический анализ дефиниций «консерватизм», «фундаментализм», «либерализм», «мобилизационность», «инновационность» и др. применительно к внутрицерковным процессам позволил авторам установить их ограниченную применимость и указать на те предпосылки, которые в лице диалогичного обращения к живому опыту Священного Предания смогут обеспечить оптимальное соотношение статики и динамики в русском православии, гарантировать единство сохранения фундамента веры и её имплементацию в новых условиях.

Ключевые слова: русское православие, традиция, консерватизм, фундаментализм, либерализм, мобилизационная модель, инновационная модель, акривия, икономия, Священное Предание

Для цитирования: Гаврилов О.Ф., Жукова О.И., Казаков Е.Ф. 2023. Понятийные маркеры соотношения статики и динамики современного русского православия. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 48(3): 603–613. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-603–613

Conceptual Markers of the Correlation of Statics and Dynamics of Modern Russian Orthodoxy

Oleg F. Gavrilov, Olga I. Zhukova, Evgeny F. Kazakov

Kemerovo State University,

6 Krasnaya St, Kemerovo 650000, Russian Federation

gof57@yandex.ru, oizh@list.ru, kemcitykazakov@mail.ru

Abstract. The Russian Orthodox Church remains an important factor in the social processes of modern Russia, so a clear understanding of possible options for its future development is a significant prerequisite for developing principles of interaction between Church and society, preserving cultural continuity while

assimilating new standards of life. During the active discussion devoted to this topic, the adequacy of the terms in which it is conducted stays hidden. The purpose of the article was precisely to determine the degree of conformity of the conceptual tools used in discussing the problem of the relationship between the variability and constancy of Russian Orthodoxy in the conditions of turbulent transformations on a global scale. The logical and epistemological analysis of the definitions as "conservatism", "fundamentalism", "liberalism", "mobilization ability", "innovativeness", etc. in relation to the intra-church processes allowed the authors to establish their limited applicability and point out those prerequisites that, represented by a dialogical appeal to the living experience of Sacred Tradition, will be able to ensure an optimal balance of statics and dynamics in Russian Orthodoxy, guarantee the unity of preserving the foundation of faith and its implementation in new conditions.

Keywords: Russian Orthodoxy, tradition, conservatism, fundamentalism, liberalism, mobilization model, innovative model, acrybia, church economy (the divine economy), Sacred Tradition

For citation: Gavrilov O.F., Zhukova O.I., Kazakov E.F. 2023. Conceptual Markers of the Correlation of Statics and Dynamics of Modern Russian Orthodoxy. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(3): 603–613 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-603–613

Введение

Взгляду постороннего человека состояние Русской православной церкви представляется достаточно монолитным: её динамика, внутреннее многообразие, разнонаправленные тенденции остаются почти незаметными. На самом деле жизнь церкви наполнена внутренними противоречиями, поиском оптимальных условий гомеостаза. Одним из важных тематических стержней, вокруг которых разворачивается дискуссия в религиозной сфере, оказывается отношение к традиции. Среди субъектов противоположных мнений в обсуждении этой проблемы можно назвать имена известных клириков и церковных активистов из мирян, представителей светских общественных институтов, авторов из числа священников и учёных [Филатов, 2012; Лункин, 2018; Апполонов, 2021; Ашков, 2021, Чапнин, 2021 и др.].

Описание любой культурной традиции предполагает оценку допустимости/недопустимости, наконец, меры её трансформаций. Эта тема привлекает многих людей и служит предметом эмоциональных споров потому, что является своеобразной призмой, отражающей перспективы религиозной жизни. Соответственно, предметом специального рассмотрения становится баланс консерватизма и либерализма в рамках церковной жизни в целом [Анашкин, 2012], в Русской Православной церкви в частности [Зайцева, 2018]. В исследованиях, посвящённой этой теме, делается акцент либо на необходимости активного приспособления церкви к реалиям сегодняшнего дня, либо на важности бережного сохранения святоотеческих традиций. Авторы при этом учитывают исторический контекст, в рамках которого разворачивается полемика по этому вопросу. Они анализируют процессы секуляризации современного общества [Кокс, 1996; Малахов, Летняков, 2021], наглядно проявляющиеся в призме различных вариантов взаимодействия церкви и государства [Штекль, 2018].

Острота и актуальность этого вопроса обусловлены тем, что сегодня в обществе происходят глубокие, затрагивающие его основы, изменения, которые вполне можно назвать тектоническими сдвигами. Рождается новый мир. Естественно, что эти процессы не могут не затронуть сферу религии. Они вторгаются в её границы, влияют на характер происходящих в ней событий. Для описания этих процессов необходимо понимание того, насколько надёжен понятийный аппарат, который используется для этого. Проблема состоит в том, что отечественных разработок по данной тематике сегодня практически нет.

Задача данного исследования как раз и состоит в том, чтобы осуществить проверку логического соответствия терминологии, в которой происходит обсуждение необходимости и готовности церкви реагировать на вызовы быстро и радикально изменяющейся реальности, сохраняя при этом свою идентичность и преемственность с прошлым.

«Фундаментализм», «консерватизм», «либерализм»: оценка логической адекватности понятий

Как правило, в качестве возможных тенденций, в рамках которых раскрывается определённое отношение к традиции, называют консервативную и реформаторскую позиции. Всё остальное – не более чем их оттенки. В первом приближении консерваторы – это все те, кто выступает против нововведений, стремится сохранить в разных сферах религиозной жизни статус-кво, активно противодействует попыткам от него отказаться. Тогда к числу реформаторов могут быть причислены люди, не удовлетворенные сегодняшним состоянием РПЦ, усматривающие в её динамике признаки стагнации и призывающие создать более *свободные* условия существования церкви, сделать её открытой современным общественным трендам, в том числе тенденциям различных христианских конфессий и деноминаций на Западе. Использованный для описания этой позиции термин «свобода» позволяет реформаторов с определённой долей условности рассматривать одновременно как либералов.

Но эта дихотомия в лице религиозных консерваторов и либералов слишком абстрактна и в полной мере не отражает нюансы отношений субъектов религиозной активности к происходящим процессам, видению перспектив, взаимодействию друг с другом. Если пользоваться этими критериями деления, то 99 % участников религиозного движения в русском православии, под которым здесь и далее мы будем понимать Русскую православную церковь, следует отнести к центристам. Ими могут быть названы те, кто, признавая важность сохранения аутентичного облика РПЦ, вместе с тем согласны с необходимостью его изменения в отдельных сферах.

Следовательно, «консерваторы» и «либералы» – не более чем логические инструменты, применение которых ведёт к упрощению в чём-то реальной картины религиозной жизни. Тем не менее эти понятийные маркеры соотношения статики и динамики современного русского православия оказываются необходимым условием понимания того, что в ней происходит. С этой точки зрения консерватизм и либерализм в религии нами рассматриваются, во-первых, как реперные точки на шкале, между которыми вмещаются разнообразные оттенки мнений, от фундаментализма, через традиционализм, модернизм, умеренный либерализм, до крайнего либерализма. Различия между ними не очевидны, но тем не менее определённые оттенки всё же различимы. Во-вторых, эти маркеры могут использоваться как названия не столько отдельных людей или некоторых групп, сколько определённых тенденций. Очевидно, что тенденции сами по себе не существуют, их носителями являются реальные персоны. Но высказывания последних бывают часто довольно противоречивы (относительно одного вопроса они выступают как консерваторы, относительно другого – как либералы), и потому определить их принадлежность только к одному из направлений оказывается непросто. Тем не менее это делается, принадлежность определяется, и, как правило, это происходит в ходе полемики, когда данные ярлыки наполняются негативной коннотацией и приклеиваются к оппонентам для их дискредитации. Это как раз и есть третье значение терминов «консерваторы» и «либералы». Конечно, возможны и такие случаи, когда участник дискуссии по религиозной тематике сознательно идентифицирует себя в качестве консерватора, либерала и т. п. Однако чаще всего собеседники стараются избегать тесных рамок этих и подобных им определений.

То, что терминологические ограничения и мировоззренческие предпочтения иногда мешают выразить важные смысловые оттенки, показывает хотя бы сравнительный анализ таких понятий, которыми обозначаются особенности «правых» позиций в отношении к традиции – «консерватизм» и «фундаментализм». На наш взгляд, провести между ними чёткую границу весьма затруднительно. Казалось бы, содержание понятия религиозного фундаментализма раскрыто. В частности, принято считать, что православный фундаментализм является крайней формой консерватизма. То есть эти понятия находятся в отношении подчинения, а видовое отличие фундаментализма состоит в том, что он представляет

собой предельно радикальную форму сознания и активности. В ракурсе этого мировоззрения истинному христианству угрожает серьёзная опасность в лице как внешних врагов, так и внутренних. В качестве первых рассматривается мир в современных формах своего проявления, к которым можно отнести процессы глобализации и, как их частный случай, – экуменизм, внедрение в повседневную жизнь (в медицину, образование, организацию жизни городов) цифровых технологий, любые новации в культовой составляющей церковной жизни. Внутренние угрозы видятся в дефиците идейного и организационного единства, который ослабляет церковь, делает её менее сильной и способной к самосохранению и развитию. Фундаментализм сопровождается сознанием радикальной эсхатологичности, самоощущением гонимого меньшинства, неприятием церковной иерархии, конструированием реальности посредством выборочного подхода к традиции, когда из нее вычлняются удобные элементы [Макаркин, 2021]. Реакцией на угрожающие факторы выступают либо активное сопротивление, либо изоляция.

В качестве иллюстрации первого варианта действия можно привести недавнюю историю бывшего схиигумена Среднеуральского женского монастыря под Екатеринбургом Сергия (в миру Николай Романов), выступившего с критикой государственных и церковных руководителей, организовавшего в монастыре противостояние власти и приговоренного к 3,5 годам колонии по делу о склонении к самоубийству, нарушении права на свободу совести и вероисповедания. Примером крайнего изоляционизма могут стать события 2007–2008 гг., когда группа верующих («пензенские затворники»), называвших себя православными христианами, но формально не относящихся ни к одной из канонических православных инстанций, ушли в «добровольный затвор», то есть в выкопанное ими под землей.

Эти примеры, конечно, представляют собой наиболее радикальные формы активности в русском православии. Но возникает вопрос: несут ли они в себе нечто настолько оригинальное, что позволяет их рассматривать как уникальное, то есть нехарактерное для православия в целом явление? Думается, что нет. РПЦ в своём современном состоянии демонстрирует большое количество менее эффектных сюжетов, но по существу подобных тем, что были описаны выше. Будучи широко распространёнными, они несут в себе сильный заряд протестной энергии, направленной против каких-либо изменений.

Это касается, например, отношения представителей клира и мирян к ограничениям, связанных с распространением COVID-19. Речь идёт о соблюдении санитарной дистанции во время службы, ношении санитарных масок в церковных помещениях, необходимости дезинфекции лжицы в ходе Святого Причастия, да и вообще – посещения храмов в периоды обострения эпидемии. Показательно, что, несмотря на разумность антиковидных мер, значительная часть руководителей подразделений РПЦ и довольно большие церковные группы отрицательно отнеслись к этим ограничениям, исходя из убеждения, что «Бог не попустит». И, хотя в основном это противодействие носит тихий, неявный характер, оно тем не менее прозрачно демонстрирует сопротивление церковной власти. Достаточно выражено неприятие и таких тем, как перевод богослужения на русский язык, разделение таинств исповеди и причастия [Ашков, 2021, с. 35], переход на григорианский календарь, мера и формы взаимодействия с другими христианскими конфессиями и т. д.

Деятельность в сфере русского православия полна примерами оппозиции государственной и даже церковной власти, как в виде попыток активного сопротивления, так и изоляции, которые были описаны выше. Здесь и мероприятия по подготовке референдума о запрете абортов, идея которого входит в противоречие с законодательной политикой государства, и движение в сторону изоляционизма, наблюдаемое, например, в модели семейного образования [Штекль, 2018]. Считать ли это проявлением фундаментализма или только консерватизма – вопрос предпочтений.

РПЦ сквозь призму концепта «либерализм»

Есть основания предполагать, что представители либеральной позиции в оценке современного состояния РПЦ принципиальной разницы между «консерватизмом» и «фундаментализмом» не видят, для них это – тождественные понятия. Но нет и чёткой границы между «либералами», «консерваторами», «центристами». Существует мнение, что настоящему либеральной повестке в РПЦ не сформировалась и любая критика настоящего положения дел в церкви исходит из консервативных позиций. О «церковных либералах» С. Чапнин пишет так: «Это эмоционально окрашенный симулякр. Правда состоит в том, что никакой последовательной церковно-либеральной программы в России не существует... Здесь надо говорить не о "либералах", а о либерально-консервативном синтезе и, соответственно, о "центристах", то есть о большинстве членов Церкви. Все те, кто выступают с критикой сложившихся церковных практик, делают это чаще всего с консервативных позиций...» [Чапнин, 2021, с. 8]. Видимо, это в большой степени соответствует действительности и обусловлено историческим опытом страны и самой Русской православной церкви хотя бы в лице церковного раскола XVII века и так называемого обновленческого раскола 20-х гг. XX века. То, что происходило, в частности, в первой половине прошлого века, заставляет представителей клира относиться сегодня к возможным реформам очень настороженно.

Пусть церковный либерализм как выраженная и представительная платформа внутри РПЦ не оформился, но существование либеральных умонастроений относительно церкви среди представителей светского общества – медийных персон, публицистов, учёных-религиоведов – очевидно. Поэтому имеет смысл взглянуть на РПЦ сквозь призму понятия «либерализм» и дать ей оценку с этой точки зрения. Несмотря на то, что позитивная программа либеральных преобразований РПЦ не сформулирована, некоторые аспекты её содержания реконструировать не очень сложно. Материалом для нашей реконструкции главных тезисов либеральной позиции служит исходящая из неё критика РПЦ. Если эту критику эксплицитировать в положительных формулировках, то складывается следующая картина.

Религиозное сообщество современной России должно стать ближе к европейским стандартам организации церковной жизни [Малахов, Летняков, 2021]. Это, в частности, означает, что клерикоцентричность как отличительная особенность институционализации современного русского православия должна быть скорректирована в направлении более демократических форм. Строгая иерархия церковных структур, авторитарный стиль руководства, характерный для всей вертикали церковной власти, является препятствием на пути религиозного творчества и свободного самовыражения. Нельзя ограничивать источник церковного авторитета и принятия решений только высшими иерархами, тем более, что их авторитет, по мнению критиков РПЦ, иногда вызывает сомнение. Не удовлетворяет их даже особа патриарха: «Кирилл и его единомышленники проповедуют не веру в Бога, а неославянофильскую идеологию национального возрождения, по сути своей светскую» [Филатов, 2012, с. 34]. Необходимо создать условия, обеспечивающих внутрицерковный диалог, включающий голоса не только архиереев, но и других представителей церковной иерархии (церковнослужителей, дьяконов, пресвитеров), а также мирян. Следует отказаться от возведения обрядовых практик в высшую добродетель, как это происходит, например, во время Причастия без дезинфекции лжицы. Приоритетом должны стать жизнь и здоровье человека, возможность его свободного выбора.

Дефиниции «мобилизации» и «инновации» как маркеры дилеммы русского православия

Тема социальной роли христианства на Западе сегодня стала предметом живой полемики между специалистами-религиоведами. Она интересна тем, что, по мысли её участников, помимо прочего, является способом прогнозирования перспектив РПЦ. В ходе

дискуссий высказываются различные мнения, причём в них находят отражение не только общеевропейские, но и региональные особенности. Отмечается, что если в одних западных странах доля людей, относящих себя к агностикам, составляет около половины населения (Великобритания, Франция), то в других – неверующие образуют относительно небольшую долю.

Так, о важности религии в своей повседневной жизни, согласно исследованию межконфессиональных отношений, организованном Европейской комиссией, заявили 72 % итальянцев¹. В свою очередь Р. Старк, признавая, что объективная религиозность (посещаемость служб, членство в религиозных организациях) в Европе снижается, отстаивает положение, согласно которому субъективная религиозность (совокупность соответствующих идей и чувств), как и раньше, остаётся на высоком уровне. Однако А. В. Аполлонов, ссылаясь на статистические данные, утверждает, что факты, приведённые Старком, за последние 30–40 лет устарели и число тех, кто не исповедует никакой религии, за это время выросло почти в 20 раз. Причём это касается не только европейских стран, но и США, Великобританию [Аполлонов, 2021]. Оценку А. В. Аполлонова фактически ставит под сомнение Р. Н. Лункин: «Важным фактором трансформации церковных форм деятельности и демократизации церквей стало неожиданное и для самих церквей отсутствие фатального упадка веры, который бы сводил роль церковных структур к роли лишь "хранителей культуры". Несмотря на падение численности верующих практически во всех европейских странах, христианство остается ведущей религиозной силой континента» [Лункин, 2018, с. 48].

Эти противоречивые тенденции западного христианства активно интерпретируются в проекции на происходящее в РПЦ. Те авторы, которые категорично не удовлетворены её состоянием и дают ей негативную характеристику с точки зрения либеральных позиций, заявляют, что церковь должна преодолеть нежелание идти в ногу с прогрессивным Западом и включиться в процессы модернизации и секуляризации, перенимая ценности светского общества. Например, толерантность, ставшая нормой на Западе и постепенно принимаемая общественным сознанием россиян, должна быть в полной мере представлена и в религиозной жизни. А. Шишков, воспроизводя логику данной точки зрения, говорит о недопустимости для её сторонников такой ситуации, когда некоторые группы оказываются угнетёнными или даже выведенными за пределы церкви: женщины (женщина, согласно М. Лютеру, в лице Евы – «блудница чёртова»), люди нетрадиционной сексуальной ориентации, некрещённые, человеческие эмбрионы и т. д. Они очень влияют на жизнь церкви, «...странное и темное принадлежит к церковному бытию, а не инородно по отношению к нему» [Шишков, 2021, с. 71]. В продолжении этой темы исподволь подготавливается почва и для появления института женского священства [Семенова В., Семенова Л., 2017], звучат призывы к активному развитию межконфессиональных контактов, к включению в экуменический процесс, к отказу от мобилизационной модели развития и предпочтению инновационного пути религиозной эволюции.

Остановимся на последнем пункте чуть более подробно. Понятие «мобилизационное развитие» пришло в общественное сознание из военной практики и прочно утвердилось, отражая некоторые специфические стандарты социальной динамики. Мобилизационная модель, согласно С. А. Баканову, предполагает, в частности, наличие внешней угрозы и, как следствие, постановку чрезвычайных целей, использование чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм [Баканов, 2013, с. 87]. Максимальная мобилизация осуществляется средством самосохранения и предполагает готовность к предельным усилиям и большим жертвам. Это оказывается возможным при определенном содержании менталитета, где находят место культурные и политические особенности социума. Первые предполагают актуализацию ценностей патриотизма, национализма, исторической преем-

¹ См.: Gallup Coexist Index 2009: A Global Study of Interfaith Relations, European Commission, 08.05.2009, p. URL: <https://ec.europa.eu/migrant-integration/librarydoc/the-gallup-coexist-index-2009-a-global-study-of-interfaith-relations>, accessed on 05.11.2020 (дата обращения: 23.02.2022).

ственности, вторые – ценности консолидации власти и народа. Этому пути развития противопоставляется иной вариант социальной модели, получивший название инновационной. Инновационный тип развития общества или какой-либо его сферы предполагает ориентацию на поиск, подготовку и реализацию нововведений для улучшения жизни людей. Именно инновационные принципы организации социума обеспечивают его конкурентоспособность и эффективность, а опора на нормы мобилизации обрекают систему на постоянное отставание в соревновании систем и стагнацию.

В своём обстоятельном исследовании, посвященном современному состоянию русского православия, Б. Кнорре и А. Засядько показывают, что в РПЦ очень распространены антиэкуменические настроения, основой которых является как раз принцип «мобилизации» церковной жизни, утверждающей приоритет ценностей сакралитета и пассионарности как готовности к жертвенности. Для носителей этих ценностей «неприемлемы требования религиозной и в целом культурной толерантности, принятые в условиях глобализации и имеющие по большей части ориентацию на ценности современного западного мира. Сакралитет и пассионарность – нечто такое, что прямо противоположно принципу толерантности», – отмечают они [Кнорре, Засядько, 2021, с. 302]. То есть мобилизационная модель, сакралитет и пассионарность, по мнению авторов, представляют собой препятствие на пути нормального развития церкви.

Но зададимся вопросом: насколько адекватны понятия «мобилизации» и «инновации» для описания бифуркации религиозных процессов? На наш взгляд, применение понятия «инновационная модель» по отношению к церкви не является вполне корректным. Проясним эту мысль. Во-первых, то, что РПЦ, да и христианство в целом, должно находиться в состоянии постоянной мобилизации, – естественно. Христианство сегодня действительно сталкивается с чрезвычайной угрозой со стороны внешних факторов. Благотворительная организация Open Doors опубликовала рапорт о преследовании христиан в мире в период с 1 октября 2020 г. по 30 сентября 2021 г.¹ Не вдаваясь в подробности этих данных, отметим, что по причинам религиозной принадлежности христиан убивают, всячески ущемляют, на их культовые сооружения посягают. И интенсивность этих атак растёт в геометрической прогрессии. Причём с подобного рода рисками христиане встречаются не только в странах, где исповедуются в основном нехристианские религии, но и в Европе². К сожалению, всё это неожиданностью не является. О необходимости постоянной готовности христиан к жертвенности предупреждают слова самого Христа: «Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас...» (Ин. 15:20).

Во-вторых, ожидать некой инновационности от такого общественного института, как религия, не следует. Если церковь включится в процессы глубокой трансформации, которые уже долгое время являются характеристикой процессов общественного развития, она утратит свою сущность, превратится в феномен, не имеющий никакого отношения к религии. Д. П. Анашкин прав, отмечая: «Обвиняющим Церковь в консерватизме можно ответить, что она консервативна по самой своей сути. В сознании верующих она ассоциируется с вечным и неизменным. Поэтому попытки радикально осовременить Церковь, приспособить ее к сиюминутным желаниям тех или иных слоев населения заведомо обречены на провал» [Анашкин, 2012, с. 47].

Наконец, утверждать, что «сакралитет» и «пассионарность» должны уступить место толерантности, значит игнорировать саму природу религиозности. Религия без сакрального – не религия. Более того, ощущение сакрального, то есть того, что противостоит профанному, свойственно не только религиозной, но и светской культуре, с той лишь разни-

¹ 360 млн христиан подвергаются высокому уровню преследований // CNLNEWS. Информационное агентство. 26.12.22. <https://cnl.news/2022/01/26/464160> (дата обращения: 20.02.2022).

² Число преступлений на почве ненависти к христианам резко выросло в Европе в 2020 году // Православие.Ru. 24.11.2021. <https://pravoslavie.ru/143068.html> (дата обращения: 20.02.2022).

цей, что религия устанавливает связь со священным путем обращения к трансцендентному, а символы светской культуры – к трансцендентальным основаниям. Но даже и в последнем случае соприкосновение с сакральным вызывает яркие чувства, готовность к подвигу и жертвенности, то есть демонстрирует то, что близко к пассионарности [Гаврилов, Гаврилов, 2020]. Однако справедливости ради стоит сказать, что по мере того, как сакральность в светской культуре уменьшается, её энергетика постепенно остывает, своеобразие и колорит стираются, смысл жизни растворяется. Как говорил о вырождении культуры Х. Кокс, постепенно секуляризация «вытесняет сакральный порядок и порождает собственную систему, которую мы назвали организацией...» [Кокс, 1996, с. 178–179, 185]. Не трудно догадаться, что в данном случае автор использовал термин «организация» не для обозначения добровольного объединения людей, а как синоним безжизненной, лишённой оригинальности социальной системы. Это предупреждение протестантского теолога позволяет наглядно представить, что произойдет с русским православием, если его избавить от «сакральности» и «пассионарности».

Акривия как основа веры, икономия как средство её актуализации

Предпринятая выше попытка реконструкции либеральной позиции в оценке РПЦ не должна восприниматься как полное неприятие либерализма, в том числе и религиозного. Принципиальное противопоставление консерватизма и либерализма в религии возможно только в процедурах логического анализа как результат метода идеализации. «Истинный либерализм и истинный консерватизм неразрывно связаны друг с другом», – заключает Т.И. Зайцева в результате исследования связи между русским либерализмом, консерватизмом и православием [Зайцева, 2018, с. 142]. На самом деле практическая жизнь религиозных институтов подразумевает поиск оптимального сочетания статики и динамики. Сохранение традиции до определённых пределов не исключает, а, напротив, предполагает изменения.

Для обозначения этих в определённой степени противоположных сторон используются понятия акривии и икономии. Первая дефиниция указывает на приоритет сохранения незыблемости основ веры, а вторая – на допустимость их корректировки в соответствии с запросами времени. В истории РПЦ, в теологических и философских спорах по поводу проблемы соотношения этих тенденций высказывались разные точки зрения, однако при ясном понимании того, что ничем не ограниченная икономия закономерно ведёт к протестантскому варианту христианства, в котором единство источника веры утрачивается, а ему на смену приходит множественность индивидуального.

Но и препятствия на пути живой эволюции русского православия в виде застывших религиозных форм чреваты гибельными последствиями. Поэтому Церковь ориентируется на баланс этих моментов развития религии. «Господствующим течением в современном богословии выступает "золотая линия церкви", рассматривающая христианскую традицию как итог органичного сочетания вечного и временного, божественной неизменности и человеческой относительности» [Лебедев, 2015, с. 101]. Сохранение основ православной веры обеспечивается Священным Преданием, составляющим стержень духовной преемственности. Но и Священное Предание не следует воспринимать как однажды рождённое явление, сохраняющееся и поныне в своём неизменном виде. Оно – процесс, однажды начавшийся, продолжающийся развиваться и сейчас. Начиная с апостольских времён, эстафета преемственности передаётся всё далее через поколения вплоть до сегодняшнего дня. Пройдя через разрозненность первых христианских общин, преодолев распри тринитарных, христологических и др. споров, найдя единство в Никео-Цареградском Символе веры и утвердившись в решениях Вселенских, Поместных соборов, в рефлексии святоотеческой литературы и канонического права, Священное Предание живёт, сохраняя главное, но одновременно адаптируясь к тем, кто сегодня к нему обращается.

Заклучение

Русское православие сейчас сталкивается с противоположными тенденциями. Одна из них проявляется в стремлении приспособиться к изменениям общества, в наибольшей степени соответствовать им. Она питается теми радикальными социальными трансформациями, которые имеют глобальный характер и естественно проникают в сферу религии. Встречная линия активности, напротив, воспринимает возможные реформы как опасность, угрожающая целостности, сохранению идентичности православия, да и самой возможности существования веры. Те маркеры, которые применяются для обозначения этих трендов: «консерватизм», «фундаментализм», «либерализм» и пр. – с одной стороны, являются необходимым терминологическим инструментарием, с помощью которого можно в определённой степени раскрыть содержание религиознеза. С другой – они демонстрируют свою ограниченность, проявляющуюся в отсутствии четких границ в процедуре определения их содержания, а следовательно, в неспособности адекватно выразить нюансы происходящего. Эта дефицитарность понятийного аппарата предполагает взвешенное и в определённой степени критическое отношение к его познавательному потенциалу.

Применение этих понятий является индикатором проблемы – какой быть православной церкви России в будущем: должна ли она открыться тенденциям современного общества или замкнуться в своей самодостаточности. В защиту каждого из этих вариантов специалистами, представителями медийного пространства высказываются свои аргументы. Но ни тот, ни другой путь нельзя признать приемлемым, поскольку каждый из них несёт либо угрозу утраты аутентичности РПЦ, либо возможность её стагнации и в конечном случае – разрыва с социумом. Решение этой дилеммы предполагает постоянное диалогичное общение со Священным Преданием как условием сохранения веры, как способом его актуализации в соответствии с повесткой нашего времени в результате достижения соборного согласия.

Список литературы

- Анашкин Д.П. 2012. Церковный консерватизм в современном обществе. *Полития*, 4(67): 45–64.
- Апполонов А.В. 2021. Родни Старк, субъективная религиозность и затянувшееся прощание с теорией секуляризации. *Концепт: философия, религия, культура*, 5(3): 101–112.
- Ашков Г. (протоиерей) 2021. Искажение традиции или законное историческое развитие? В кн.: Системные проблемы Православия: анализ, осмысление, поиск решений. Материалы второго семинара. М., Проект «Соборность»: 33–45.
- Баканов С.А. 2013. Мобилизационная модель развития советского общества: проблемы теории и историографии. *Вестник Челябинского государственного университета. История*, 56-18(309): 87–92.
- Гаврилов О.Ф., Гаврилов Е.О. 2020. Сакральное в светских символах. *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*, 52: 44–51.
- Гаврилов О.Ф. 2020. Всесокральность культуры в контексте антидиффамационного законодательства. В кн.: Социальные коммуникации: философские, политические, культурно-исторические измерения. Сборник статей I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Кемерово, Кемеровский государственный университет: 40–43.
- Зайцева Т.И. 2018. Либерализм и православие: неслиянны и нераздельны. *Идеи и идеалы*, 1(2): 141–157. DOI: [10.17212/2075-0862-2018-1.2-141-157](https://doi.org/10.17212/2075-0862-2018-1.2-141-157).
- Кнорре Б., Засядько А. 2021. Православный антиэкуменизм 2.0: мобилизационная модель, секьюритизация и реваншизм. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 2(39): 277–317.
- Кокс Х. 1996. Мирской град. Секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте. М., Вост. лит., РАН, 264 с.
- Лебедев И.А. 2015. Генезис принципа «единство во множестве» в Священном Предании Православной церкви. *Вестник Чувашского университета*, 4: 121–134.
- Лункин Р.Н. 2018. Общественно-политическая роль религии в Европе: запрос на христианскую идентичность. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 11(4): 46–64. DOI: [10.23932/2542-0240-2018-11-4-46-64](https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-4-46-64)

- Макаркин А. 2021. Критерии фундаментализма в Русском Православии. В кн.: Системные проблемы Православия: анализ, осмысление, поиск решений. Материалы второго семинара. М., Проект «Соборность»: 97–107.
- Малахов В., Летняков Д. 2021. Постхристианское или постатеистическое общество? Некоторые особенности российского режима секулярности. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 39(1): 245–266.
- Семенова В.Э., Семенова Л.Э. 2017. Христианская церковь в современном мире: ее сущность, традиция андроцентризма и новые тенденции. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, 1: 115–122. DOI: [10.17072/2078-7898/2017-1-115-122](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2017-1-115-122).
- Филатов С. 2012. Патриарх Кирилл — два года планов, мечтаний и неудобной реальности. В кн.: Православная Церковь при новом патриархе. Под ред. А. Малашенко, С. Филатова. М., РОССПЭН, 9–68.
- Чапнин С. 2021. Предисловие. Несколько слов о «церковном либерализме». В кн.: Системные проблемы Православия: анализ, осмысление, поиск решений. Материалы второго семинара. М., Проект «Соборность»: 7–9.
- Шишков А. 2021. Кто скрывается в тени: контуры темной экклезиологии. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 39(2): 61–89.
- Штекль К. 2018. Три модели церковно-государственных отношений в современной России. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 3: 195–223.

References

- Anashkin D.P. 2012. Tserkovnyy konservativizm v sovremennom obshchestve [Church conservatism in modern society]. *Politiya*, 4(67): 45–64.
- Appolonov A.V. 2021. Rodni Stark, sub"ektivnaya religioznost' i zatjanuvsheesya proshhanie s teoriey sekulyaritsatsii [Rodney Stark, subjective religiosity and the prolonged farewell to the theory of secularization]. *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 5(3): 101–112.
- Ashkov G. (Archpriest) 2021. Iskazhenie traditsii ili zakonnoe istoricheskoe razvitiye? [Distortion of tradition or legitimate historical development?]. In: Systemic problems of Orthodoxy: analysis, comprehension, search for solutions. Materials of the second seminar. М., Sobornost Project: 33–45.
- Bakanov S.A. 2013. Mobilizatsionnaya model' razvitiya sovetskogo obshchestva: problemy teorii i istoriografii [The mobilization model of the development of Soviet society: problems of theory and Historiography]. *Bulletin of Chelyabinsk State University. History*, 56-18(309): 87–92.
- Gavrilov O.F., Gavrilov E.O. 2020. Sakral'noe v svetskikh simbolakh [Sacred in secular symbols]. *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*, 52: 44–51.
- Gavrilov O.F. 2020. Vsesakral'nost' kul'tury v kontekste antidiffamatsionnogo zakonodatel'stva [The all-sacredness of culture in the context of anti-defamation legislation]. In: Social communications: philosophical, political, cultural and historical dimensions. Materials of the Ist All-Russian Scientific and practical conference with international participation. Kemerovo, State University: 40–43.
- Zaitseva T.I. 2018. Liberalizm i pravoslavie: nesliyanny i nerazdel'ny [Liberalism and Orthodoxy: not merged and inseparable]. *Ideas and Ideals*, 1(2): 141–157. DOI: [10.17212/2075-0862-2018-1.2-141-157](https://doi.org/10.17212/2075-0862-2018-1.2-141-157).
- Knorre B., Zasyadko A. 2021. Pravoslavnyy antiekumenizm 2.0: mobilizatsionnaya model', sek'yuritizatsiya i revanshizm [Orthodox anti-ecumenism 2.0: mobilization model, securitization and revanchism]. *State, Religion, Church in Russia and abroad*, 2(39): 277–317.
- Cox H. 1996. The secular city. Secularization and urbanization in theological perspective. М., East Lit., RAS: 264 p.
- Lebedev I.A. 2015. Genezis printsiipa «edinstvo vo mnozhestve» v Svyashchennom Predanii Pravoslavnoy tserkvi [The genesis of the principle of "unity in the multitude" in the Sacred Tradition of the Orthodox Church]. *Bulletin of the Chuvash University*, 4: 121–134.
- Lunkin R.N. 2018. Obshchestvenno-politicheskaya rol' religii v Evrope: zapros na khristianskuyu identichnost' [The socio-political role of religion in Europe: a request for Christian identity]. *Contours of global transformations: Politics, Economics, Law*, 11(4): 46–64. DOI: [10.23932/2542-0240-2018-11-4-46-64](https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-4-46-64)

- Makarkin A. 2021. Kriterii fundamentalizma v Russkom Pravoslavii [Criteria of fundamentalism in Russian Orthodoxy]. In: Systemic problems of Orthodoxy: analysis, comprehension, search for solutions. Materials of the second seminar. M., Sobornost Project: 97–107.
- Malakhov V., Letnyakov D. 2021. Postkhristianskoe ili postateisticheskoe obshchestvo? Nekotorye osobennosti rossiyskogo rezhima sekulyarnosti [Post-Christian or post-atheistic society? Some features of the Russian regime of secularity]. *State, Religion, Church in Russia and abroad*, 39(1): 245–266.
- Semenova V.E., Semenova L.E. 2017. Khristianskaya tserkov' v sovremennom mire: ee sushchnost', traditsiya androtsentrizma i novye tendentsii [The Christian Church in the modern world: its essence, the tradition of androcentrism and new trends]. *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*, 1: 115–122. DOI: [10.17072/2078-7898/2017-1-115-122](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2017-1-115-122)
- Filatov S. 2012. Patriarkh Kirill – dva goda planov, mechtaniy i neudobnoy real'nosti [Patriarch Kirill – two years of plans, dreams and uncomfortable reality]. In: The Orthodox Church under the New Patriarch / Edited by A. Malashenko, S. Filatov. M., ROSSPEN: 9–68.
- Chapnin S. 2021. Predislovie. Neskol'ko slov o «tserkovnom liberalizme» [Preface. A few words about "church liberalism"]. In: Systemic problems of Orthodoxy: analysis, comprehension, search for solutions. Materials of the second seminar. M., Sobornost Project: 7–9.
- Shishkov A. 2021. Kto skryvaetsya v teni: kontury temnoy ekkleziologii [Who hides in the shadows: Contours of dark Ecclesiology]. *State, Religion, Church in Russia and abroad*, 39(2): 61–89.
- Shtekl K. 2018. Tri modeli tserkovno-gosudarstvennykh otnosheniy v sovremennoy Rossii [Three Models of Church-state relations in Modern Russia]. *State, Religion, Church in Russia and abroad*, 3: 195–223.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 15.03.2022

Received March 15, 2022

Поступила после рецензирования 30.06.2022

Revised June 30, 2022

Принята к публикации 30.08.2023

Accepted August 30, 2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Гаврилов Олег Фёдорович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и общественных наук, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия.

Oleg F. Gavrilov, PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Жукова Ольга Ивановна, доктор философских наук, заведующая кафедрой философии и общественных наук, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия.

Olga I. Zhukova, Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy and Social Sciences, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Казakov Евгений Фёдорович, доктор культурологии, профессор кафедры философии и общественных наук, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия.

Evgeny F. Kazakov, Doctor of Cultural Studies, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

УДК 291.4+291.6

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-3-614-622

Религиоведческое исследование феномена русского юродства: проблема применимости феноменологического метода Жака Ваарденбурга

Шарабарина Е.А.

Среднерусский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Российская Федерация, 302028, г. Орел, ул. Октябрьская, д. 12
eva.sharabarina@mail.ru

Аннотация. В представленной работе отражен первый опыт систематического исследования феномена русского юродства. Его детальное рассмотрение проливает свет на русский менталитет, открывает новые грани отечественной культуры, а также переводит неопеноменологию на новый уровень практической методологии. Ранее в корпусе религиоведческих дисциплин данное проблемное поле не выделялось в качестве объекта самостоятельного изучения. Целью исследования является определение границ применимости систематической методологии Ж. Ваарденбурга в современном религиоведении на примере анализа феномена русского юродства. Сделан вывод о том, что концепция голландского исследователя позволяет объединить различные подходы в одной теории, где религия предстает в качестве системы ориентирования. В целом применение данной методологии предоставляет возможность более детального изучения религиозных фактов различных религиозных традиций.

Ключевые слова: русское юродство, методология религиоведения, неопеноменология, систематический подход, интенциональность, религиозный факт

Для цитирования: Шарабарина Е.А. 2023. Религиоведческое исследование феномена русского юродства: проблема применимости феноменологического метода Жака Ваарденбурга. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 48(3): 614–622. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-614–622

Religious Studies on the Phenomenon of Foolishness: The Problem of Applicability of Neophenomenology Jacques Waardenburg

Evgeniya A. Sharabarina

Central Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation
12 Oktyabrskaya St., Orel 302028, Russian Federation
eva.sharabarina@mail.ru

Abstract. The presented work reflects the first experience of systematic research of the phenomenon of Russian foolishness. Its detailed consideration sheds light on the Russian mentality, opens up new facets of Russian culture, and also takes neophenomenology to a new level of practical methodology. Previously, in the corpus of religious studies, this problem field was not singled out as an object of

© Шарабарина Е.А., 2023

independent study. The aim of the study is to determine the limits of applicability of the systematic methodology of Zh. Waardenburg in modern religious studies by the example of the analysis of the phenomenon of Russian foolishness. It is concluded that the concept of the Dutch researcher allows combining different approaches in one theory, where religion appears as an orientation system. In general, the application of this methodology provides an opportunity for a more detailed study of religious facts of various religious traditions.

Keywords: Russian foolishness, methodology of religious studies, neophenomenology, systematic approach, intentionality, religious fact

For citation: Sharabarina E.A. 2023. Religious Studies on the Phenomenon of Foolishness: The Problem of Applicability of Neophenomenology Jacques Waardenburg. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(3): 614–622 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-614–622

Введение

Религиоведение как совокупность дисциплин, изучающих «закономерности возникновения, развития и функционирования религии, ее многообразные феномены, как они представляли в истории общества, взаимосвязь и взаимовлияние религии и других областей культуры» [Яблоков, 2000, с. 4], на протяжении долгого времени находится в методологическом поиске. Во второй половине XX века растет число подходов, изучающих религию в том или ином аспекте. При этом все чаще появляются указания на неправомерность абсолютизации какого-то одного метода. Высказываются точки зрения о необходимости дополнения одного подхода другим, например, сбора исторических данных систематической обработкой (К.П. Тиле [Tiele, 1904], Г. ван дер Леув [Leeuw, 1961], Р. Петтацони [Петтацони, 2002], К. Ю. Блеекер [Bleeker, 1973] и др.) или использование герменевтического подхода в феноменологическом исследовании (П. Рикер [1995], Й. Вах [Waardenburg, 1999] и др.).

Единая концепция, в которой методологический плюрализм будет приведен в стройную систему, должна стать выходом из кризиса, постигшего наиболее систематическую дисциплину по изучению религии – феноменологию религии. Основные признаки кризиса были отражены в докладе «Существует ли в религиоведении «феноменология религии»?», представленном Ц. Вербловки на конференции Международной ассоциации истории религии [Werblowsky, 1979]. Исследователь отмечает, что классическая феноменология религии использует общенаучные методы описания, систематизации и типологизации, что ставит под вопрос своеобразие и уникальность того, что называется «феноменологический метод».

«В настоящее время, – писал во второй половине XX столетия Ф. Уэйлинг, – не существует доминирующей в научных кругах теории религии. У религиоведов, за редким исключением, отсутствует даже желание разрабатывать общие теории. Для создания общих теорий религии необходимо абстрагирование от частных контекстов» [Whaling, 1985, p. 12]. Выход из методологического кризиса осмысливался голландским религиоведом Ж. Ваарденбургом. Он создал уникальную концепцию теории религии, вбирающую в себя все прошлые достижения религиоведения – неофеноменологию. Классические концепции феноменологии религии оказались включенными в модифицированном виде в теорию голландского исследователя. По замечанию А.В. Кольцова, Ж. Ваарденбург «может считаться преемником наследия таких классиков дисциплины, как П. Д. Шантепиде ла Соссе, В. Б. Кристенсен, Г. ван дер Леув» [Кольцов, 2013, p. 88].

Однако его теория вызывает ряд вопросов у отечественных мыслителей. В частности, Т.С. Самарина не принимает труды Ж. Ваарденбурга как новое слово в религиоведении по причине его критики классиков феноменологии религии и отсутствия конкретного алгоритма исследовательской программы [Самарина, 2019a].

В связи с вышесказанным, целью данного исследования является определение границ применимости систематической методологии Ж. Ваарденбурга в современном религиоведении на примере изучения феномена русского юродства.

Интересно, что ранее в корпусе религиоведческих дисциплин данное предметное поле отражено не было. Различные аспекты феномена русского юродства были представлены в авторских разработках отдельных исследователей, однако систематического религиоведческого осмысления данный феномен не получил.

Основные положения неофеноменологии Ж. Ваарденбурга

Систематическое исследование религии, представленное Ж. Ваарденбургом, строится на четырех равных подходах. На наш взгляд, данная концепция позволяет упорядочить различные методологические концепции в изучении религии, каждая из которых претендовала в свое время на статус единственной и общезначимой. Ж. Ваарденбург отмечает большую сложность в однозначном определении «религии» как таковой [Ваарденбург, 2016, с. 40], поэтому выделяемые им подходы имеют собственное толкование.

Каждое новое определение религии предполагает новую методологию ее исследования. Исторический подход рассматривает религию, религиозные традиции в качестве элемента исторического процесса. Сравнительный подход раскрывает религию как совокупность явлений и ситуаций, признанных человеком священными, а также как мир религиозных феноменов, рассматриваемых вне истории. В рамках сравнительного подхода, по мнению Ваарденбурга, возможно использование типологического, феноменологического, морфологического методов и метода моделирования. Контекстуальный подход предполагает изучение различных уровней, структур и функций общества, и религия здесь выступает как некая основополагающая структура или функция общества, культуры. То есть изучается нерелигиозный аспект религиозных фактов [Ваарденбург, 2016, с. 45].

В своей концепции Ж. Ваарденбург исходил из понимания религии как системы ориентирования [Ваарденбург, 2016, с. 41]. Такая трактовка религии наиболее полно раскрывается в выделенном им четвертом герменевтическом подходе. Религия предстает своеобразным инструментом, с помощью которого человек специфическим образом познает окружающую действительность и действует в ней на основе доминирующих в данной системе ценностей. Подобное обобщение и систематизация подходов в изучении религии позволяет избежать абсолютизации одного из них, что является неоспоримым преимуществом концепции Ж. Ваарденбурга.

Ж. Ваарденбург не отрицал феноменологический подход исследования религии, но говорил о его недостаточности и недопустимости абсолютизации [Ваарденбург, 2010, с. 76]. Современные исследователи феноменологии религии чаще всего абсолютизируют данный подход [Самарина, 2019а, 2019б; Кольцов, 2013]. Это связано с той задачей, которую поставил перед данной дисциплинарной областью ее родоначальник Шантепиде ла Соссе. Словосочетание «феноменология религии», «ставшее наименованием "научного религиоведения" и преподаваемой в университетах дисциплины, описывающей дискриптивно-аналитический подход (т. е. нейтрально-объективистское исследование в целом)» [Амелин, 2011, с. 32], противопоставлялось теологии и философии (догматизму, мифам, предрассудкам) и истории религии (одному лишь описанию фактов). Феноменология религии, как пишет Т.С. Самарина, «по самому своему наименованию... претендует на глубокую философскую фундированность, по декларируемой ее выразителями цели стремится быть системообразующей религиоведческой дисциплиной» [Самарина, 2019б, с. 7].

В концепции Ж. Ваарденбурга феноменология религии действительно является системообразующей дисциплиной, так как именно с ее разбора автор начинает раскрывать перед читателем свою концепцию. Терминология, возникшая в рамках данной области, может быть применена ко всем остальным дисциплинам религиоведческого толка.

Свои рассуждения голландский исследователь начинает с изменения предмета исследования. Ж. Ваарденбург предлагает исследовать феномены не на предмет их соответствия идеальным нормам, а на предмет «реального содержания значения феноменов» [Ваарденбург, 2010, с. 62]. В классической феноменологии религии акцент делался на выявлении объективных структур в сфере религиозных феноменов и поиске критериев, по которым субъективные «свидетельства» можно считать достоверными. В методологии Ж. Ваарденбурга религиозные феномены интересны не сами по себе, а по той роли, которую они играют в системе ориентирования представителей определенной религиозной традиции. Они представляют собой религиозные факты. Не умаляя значение исторического и иных подходов, автор сместил смысловой акцент с изучения объективных феноменов религии на их значение для людей в целом. В этом новаторство представленной концепции.

Голландский ученый не дает описания религии, которое бы ни зависело от человека, что также подвергается критике современными исследователями феноменологии религии [Самарина, 2019а, с. 120]. Однако следует отметить, что подобный антропологизм неоднократно встречается в религиоведении. Так, один из основателей религиоведения К.П. Тиле отмечал следующее: «Мнение о том, что никаких особенных законов развития не существует, верно постольку, поскольку, строго говоря, развивается не религия, а религиозный человек» [Tiele, 1904, p. 25]. Далее историк религии Д.С. Йенсен писал: «Разговор о религии не есть разговор о "Боге", "Трансцендентном", "Сакральном" и т. п. Это, прежде всего, разговор о людях, их идеях и деяниях» [Jensen, 2011, p. 360]. По выражению самого Ж. Ваарденбурга, то, что действительно объективно существует – так это интерпретируемая человеком реальность. «Эта "субъективная" интерпретация реальности общепризнана и составляет предмет исследования в гуманитарных науках» [Ваарденбург, 2010, с. 31]. Религия – это система ориентирования, а также субъективная интерпретация реальности, которая придает ей значение. Научное исследование начинается с обнаружения объективных фактов и их максимально полного изучения, и лишь потом анализируются субъективные значения – интерпретируются объективные факты. Такая строгая последовательность нивелирует критику, согласно которой религиовед должен поступиться историей. Историческое исследование – неотъемлемая часть системного религиоведческого анализа объективного религиозного факта.

Ведущим термином методологии Ж. Ваарденбурга является термин интенции. Он редко встречается в трудах классиков феноменологов религии из-за опасности впасть в солипсизм, однако элементы исследования интенций здесь также прослеживаются (например, Р. Отто писал о религиозном сознании как сознании, направленном на «нуминозный объект» [Отто, 2008, с. 13]). Интенциональность при системном подходе не противоречит историчности исследования: исследование объективных религиозных фактов предваряет анализ субъективных религиозных фактов (изучение интенций). «Религиовед должен парадоксальным образом реконструировать интенцию верующих с помощью собственного воображения» [Самарина, 2019а, с. 117], – пишет Т.С. Самарина о подходе Ж. Ваарденбурга. Данная критика направлена на отсутствие (если речь идет об изучении фактов прошлого) или недостаточность источниковедческой базы, из которой можно было бы почерпнуть данные сведения, и подталкивает исследователя к наибольшему охвату данных по изучению своего предмета. Т.С. Самарина в качестве изучения интенции предлагает методы социологического опроса и интервью, однако что касается отживших религий или религиозных фактов прошлого, применение предложенных методов очевидно невозможно. Положительной стороной методологии Ж. Ваарденбурга является представление религии как системы ориентирования, от ценностной доминанты которой зависит мировоззрение и, как следствие, поведение людей. Именно конкретные поступки и действия, информация о которых может быть сохранена в исторических источниках, будет являться отражением интенции конкретного человека. При этом автор предлагает анализ фактического выражения субъективных значений, манеры данного выражения, культурного кон-

текста, в котором данное выражение считается «религиозным», а также самого содержания выражения субъективного значения или же того, что человек был намерен донести [Ваарденбург, 2010, с. 61]. Религиозные выражения, объективированные в письме, речи и других материальных источниках, могут стать своеобразной новой смысловой системой в конкретном культурно-историческом контексте. Голландский исследователь представляет конкретные примеры научного исследования интенций (в пространстве таких сфер, как, во-первых, противостояние (сравнение) религий – различных интенций, во-вторых, религия – социальный институт, в-третьих, религия – мир) [Ваарденбург, 2010, с. 158–162]. Делая акцент на изучении интенций, автор уважительно относился к исследованиям религии, цели которых отличаются от названных им, а также отмечал ценность каждого применяемого метода [Ваарденбург, 2010, с. 36].

Ж. Ваарденбург, отдавая должное феноменологии религии и сравнительному подходу в религиоведении, отмечал, что многие феноменологи-классики в построении своих концепций сторонние религии использовали для доказательств истинности и всеобщности христианства. То есть классическое религиоведение представлялось ему теологичным. Немецкие протестантские теологи А. Швейцер, А. Ритчль, О. Пфлейдерер, А. Гарнак, Э. Трельч внесли немалый вклад в развитие религиоведения. Они, как отмечает А.Н. Красников, хотели беспристрастно изучать религию, но оставались на позициях христианской теологии и переставали быть объективными учеными [Красников, 2022, с. 19].

Предложенный метод систематического религиоведения позволяет наиболее рационально отрешиться от субъективной вовлеченности верующего исследователя и «со стороны», наиболее объективно подойти к изучению религиозных фактов. На первый взгляд данное утверждение может быть воспринято критично, пока дело не доходит до анализа конкретно религиозного факта.

Феномен русского юродства в свете неофеноменологии

Необъяснимость сущности феномена русского юродства с позиции наиболее распространённых, в данном случае культурологическом и историческом, подходов вполне ясна – юродство представляет собой вид православного подвижничества, христианский подвиг, поэтому его исследование должно начинаться с изучения православной традиции.

С позиции Ж. Ваарденбурга теология представляет собой отдельную дисциплину и не рассматривается в систематическом религиоведении. Однако четыре подхода, выделяемые голландским ученым, успешно взаимодополняют друг друга. В рамках контекстуального подхода на примере изучения русского юродства православная традиция выступает тем самым контекстом, в русле которого и возникает новый чин святости. Изучение юродства вне данной традиции приводит к акценту на внешней стороне юродства. В этом кроется причина неполноты многих существующих исследований русского юродства. Данная сторона контекстуального подхода позволяет изучить юродство внутри православной традиции, а именно раскрыть его содержание глазами Православной Церкви, из которой оно вышло на свет, получило признание и нашло свое распространение. Именно здесь находится точка пересечения теологии с религиоведением в рамках изучения предложенной предметной области.

Взгляд православного верующего на русское юродство сугубо теологичен. Однако понимающий ученый в рамках герменевтического подхода к религии как системе ориентирования познает юродство с разных сторон. Важно при этом, что результаты исследования русского юродства, полученные при применении методологии Ж. Ваарденбурга, не противоречат, а логично дополняют результаты теологического подхода, что доказывает ее результативность и актуальность для современного религиоведения. Теология конкретной религии помогает понять нам изучаемый феномен из него самого, его теологическую сущность. Герменевтика же религиозного факта исследует его восприятие, понимание,

интерпретацию конкретным человеком, встраивание в определенную систему ценностей, что в конечном счете сказывается на его отношении к этой религии. Это служит большему или меньшему ее пониманию, что особенно явственно при изучении русского юродства.

Также герменевтика отвечает на вопрос о причинах поведения человека, расширения, изменения, любой трансформации его ценностной системы. Причем подобный подход имеет широкое поле применения: исследователь изучает как религиозный факт, принадлежащий к собственной религиозной традиции (например, православный человек изучает феномен русского юродства), так и факт, принадлежащий к иной религиозной традиции (например, католик или неопределившийся в вопросе веры исследователь изучает феномен священнодействия в исламе, что в конечном счете не только сказывается на восприятии исследователем данного факта, но и служит более полному пониманию данной религии вообще). До настоящего времени в такой дисциплинарной области, как религиоведение, русское юродство в принципе не становилось предметом специального рассмотрения. Между тем методологические ориентиры, предложенные голландским мыслителем Ж. Ваарденбургом, помогают пролить свет на данный феномен как православному верующему человеку, так и стороннему исследователю любой другой конфессии. Дополнение феноменологии контекстуальным подходом позволяет избежать проекции собственной религии на религиозные феномены иных религиозных традиций.

Современный исследователь феноменологии религии Т.С. Самарина отмечает отсутствие в концепции Ж. Ваарденбурга конкретного алгоритма работы: «...почти не найдем конкретной исследовательской программы, каким образом такое исследование можно проводить на эмпирическом материале» [Самарина, 2019а, с. 121]. В данной работе мы попробуем пойти не критическим, а конструктивным путем. Исходным пунктом будет представленный Ж. Ваарденбургом метод систематического религиоведения, описанный в одноименной книге [Ваарденбург, 2010]. Автор неоднократно разрабатывал алгоритмы исследования религиозных фактов [Ваарденбург, 2010, с. 36, 72]. Разберем данную методологию в общих чертах на примере русского юродства.

Признаками научности знания, полученного в результате религиоведческого исследования, Ж. Ваарденбург называет, во-первых, установление наиболее полного знания о фактах; во-вторых, постижение различных связей между этими фактами и выявление их закономерности; в-третьих, исследование того, как люди реагируют на эти факты, включают в свою систему ориентирования и в некоторых случаях создают новые факты [Ваарденбург, 2010, с. 31].

Ж. Ваарденбург перечислил основные цели и задачи исследования религии [Ваарденбург, 2010, с. 25–26]. Во-первых, это установление действительных религиозных фактов. Как было отмечено выше, Ж. Ваарденбург представляет религию в качестве системы ориентирования. Русское юродство выступает в данной системе двояко – как объективный религиозный факт, имеющий действительное место в исторических реалиях, так и как субъективный факт в виде субъективного переживания феномена юродства [Ваарденбург, 2010, с. 23]. Второй задачей Ж. Ваарденбург видит выяснение причинных и иных связей между этими фактами. Здесь исследование может пойти в разных направлениях: выявление места юродства в контексте православной агиологии как самостоятельного чина святости, сравнение русского юродства в различные исторические периоды и определение его сущностных черт, определение типологически схожих религиозных явлений в иных традициях и другое. Третьим направлением научного исследования религии автор называет установление повторяющихся связей выделенных религиозных фактов. Здесь речь пойдет о выделении общих черт русского юродства с иными видами православного подвижничества и с типологически схожими явлениями иных религиозных традиций. На четвертой ступени научного постижения религиозных фактов Ж. Ваарденбург предлагает «осознать подлинное значение этих фактов и иных данных для причастности к ним людей» [Ваарденбург, 2010, с. 26]. Речь идет об исследовании того, как данные религиозные факты формируют взгляд людей на мир и на самих себя. Пятая ступень дает широкое поле

для исследователя: на ней «следует осознать различные значения-паттерны, религиозные или нерелигиозные, принятые в определенном обществе в данное время, и в которых люди принимают более или менее активное участие» [Ваарденбург, 2010, с. 26].

В другом своем труде «Религия и религии: систематическое введение в религиоведение» [Ваарденбург, 2016] Ж. Ваарденбург выделяет четыре подхода научного исследования религиозных фактов. Как объективный религиозный факт русское юродство может быть рассмотрено в историческом и контекстуальном подходах, как субъективный религиозный факт – в сравнительном и герменевтическом подходах.

Исторический подход рассматривает юродство в тот или иной исторический период: условия и причины его возникновения, трансформация в зависимости от исторических реалий, угасание феномена в те или иные периоды.

Далее автор пишет о контекстуальном подходе: «Смысл и значение, которыми обладают объективные факты сами по себе или которые приписываются им наукой как их объективное значение, в большой степени зависят от контекста, в рамках которого эти факты имеют место быть или в рамках которого они рассматриваются и оцениваются» [Ваарденбург, 2010, с. 22]. Контекстом в данном случае могут выступить: во-первых, православная традиция; во-вторых, социально-политическое измерение конкретного исторического периода существования русского юродства; в-третьих, культурное пространство (например, юродство представляет собой объективный религиозный факт русской культуры, в которой важное место занимает смеховой мир или юродство выступает религиозным фактом русской действительности начала XX-го века); в-четвертых, географическое измерение (например, климатические особенности распространения русского юродства).

Следующий, сравнительный, подход основан на сравнении русского юродства с типологически схожими явлениями иных религиозных традиций. Наиболее полно он был отражен в диссертационном исследовании Е.А. Воронковой «Юродство как транскультурный религиозный феномен» [Воронкова, 2011]. Здесь юродство представлено как религиозный феномен западноевропейской, античной, центральноазиатской, мусульманской, китайской, японской и других культур.

Герменевтический подход представляют русское юродство как субъективный религиозный факт, существующий в качестве субъективного переживания (самим подвижником, его современниками, потомками). В целом исследование начинается с обнаружения объективных фактов и их максимально полного изучения, далее анализируются субъективные значения – интерпретация объективных фактов.

Заключение

Положительные или отрицательные характеристики могут быть даны методологии только на основании ее результативности. Границы исследования в данном случае будут определяться полнотой источниковедческой базы, на основании которой устанавливаются факты и проводится их системный анализ (материальные источники, содержащие информацию об объективном религиозном факте, или источники, содержащие косвенные свидетельства субъективных религиозных фактов (субъективных религиозных значений)) «Изучение "религии" с такой... точки зрения является реконструкцией религиозных значений на основе доступных документальных материалов с определенным вниманием, обрабатываемым на интенции, которым эти материалы служат свидетельством» [Ваарденбург, 2010, с. 115], – пишет Ж. Ваарденбург. При этом сам автор отмечает, что подлинная глубина религиозного значения не может быть окончательно выражена и зафиксирована в словах или действиях [Ваарденбург, 2010, с. 25]. Слова и действия человека подчинены этим значениям, но они не отражают всю полноту их избыточной ценности. Тем не менее, именно источники, в которых мы читаем вербальную или невербальную реакцию людей на изучаемый религиозный факт, указывают на его значения для конкретных людей.

На сегодняшний день концепция Ж. Ваарденбурга, в которой религия выступает в качестве системы ориентирования, до сих пор остается самостоятельным объектом изуче-

ния, при этом к конкретным исследованиям методология голландского автора не применялась. Данный вопрос представляет собой не закрытую книгу, которую следует отложить на дальнюю полку, признав принципиальную невозможность ее прочтения, а широкое поле для смелой научно-исследовательской деятельности.

В представленной работе были намечены общие черты систематического исследования феномена русского юродства как первый опыт применения в отечественной науке методологии Ж. Ваарденбурга. Несмотря на то, что русское юродство представляет собой уникальный религиозный феномен, ранее в религиозных дисциплинах он не рассматривался. Применение данной методологии открывает широкое поле для исследований религиозных фактов различных религиозных традиций, в том числе православной.

Список литературы

- Амелин А.В. 2011. Нуминозное в религиозном опыте при психических расстройствах. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*, 2(7): 179–184.
- Ваарденбург Ж. 2010. Размышления о религиоведении, включая эссе работ Герардаван дер Леу. Классические подходы к изучению религии. Цели, методы и теории исследования. Введение и антология. Владимир. Изд-во Владим. гос. ун-та, 408 с.
- Ваарденбург Ж. 2016. Религия и религии: систематическое введение в религиоведение. СПб. Издательство РХГА, 216 с.
- Воронкова Е.А. 2011. Юродство как транскультурный религиозный феномен: автореф. дис. ... степени канд. филос. наук: 09.00.14. Благовещенск, 30 с.
- Кольцов А.В. 2013. Феноменология религии «нового стиля» Ж. Ваарденбурга в контексте голландской традиции феноменологии религии. *Вестник ПСТГУ*, 3(47): 87–100.
- Отто, Р. 2008. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб. АНО «Изд-во С.-Петербур. ун-та», 272 с.
- Петтацони Р. 2002. Высшее существо: феноменологическая структура и историческое развитие. *Религиоведение*, 1: 149–155.
- Самарина Т.С. 2019а. Религиоведческое наследие Жака Ваарденбурга: критический анализ. *Религиоведение*, 3: 117–126.
- Самарина Т.С. 2019б. Феноменология, ноуменология, постфеноменология религии. М., ИФ РАН, 296 с.
- Рикер П. 1995. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., Изд-во «МЕДИУМ». 415 с.
- Bleeker C.J. 1973. Commentary. In: *Science of Religion: Studies in Methodology*, 173–177.
- Jensen J.S. 2011. What Sort of «Reality» is Religion. In: *Religious Transformations and Socio-Political Change: Eastern Europe and Latin America*. Ed. Luther Martin, Berlin, New York: De Gruyter, 357–380.
- King U. 1984. Historical and phenomenological Approaches to the Study of Religion. Some major Developments and Issues under Debate since 1950. *Contemporary Approaches to the Study of Religion*, 1: 29–164.
- Leeuw G. van der. 1961. Einführung in die Phanomenologie der Religion. Darmstadt, 220 p.
- Tiele C. 1904. Grundzüge der Religionswissenschaft. Harvard University. Publ. J.C.B. Mohr (PaulSiebeck), 90 p.
- Waardenburg J. 1999. Classical Approaches to the Study of Religion: Aims, Methods and Theories of Research. Introduction and Anthology. Vol. 1, 742 p.
- Werblowsky Z. 1979. Is there a «Phenomenology of Religion» in the Study of Religion? *Current Progress in the Methodology of the Science of Religion*, 291–296.
- Whaling F. 1985. Introduction. *Contemporary Approaches to the Study of Religion. Archives de sciences sociales des religions*, 60.2: 309–310.

References

- Amelin A.V. 2011. Numinoznoye v religioznom opyte pri psikhicheskikh rasstroystvakh [Numinous in religious experience in mental disorders]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedeniye*, 2(7): 179–184.
- Vaardenburg Zh. 2010. Razmyshleniya o religiovedenii, vklyuchaya esse rabot Gerardavan der Leu. Klassicheskiye podkhody k izucheniyu religii. Tseli, metody i teorii issledovaniya. Vvedeniye i

- antologiya [Reflections on religious studies, including essays by Gerard van der Leu. Classical approaches to the study of religion. Objectives, methods and theories of research. Introduction and anthology]. Vladimir. Publ. Vladim. gos. un-ta, 408 p.
- Vaardenburg Zh. 2016. *Religiya i religii: sistematischeskoye vvedeniye v religiovedeniye* [Religion and Religions: A Systematic Introduction to Religious Studies]. St. Petersburg, Publ. RKHGA, 216 p.
- Voronkova Ye.A. 2011. *Yurodstvo kak transkul'turnyy religioznyy fenomen* [Foolishness as a transcultural religious phenomenon]: Abstract. dis. ... cand. filos. sciences. Blagoveshchensk, 30 p.
- Kol'tsov A.V. 2013. *Fenomenologiya religii «novogo stilya» Zh. Vaardenburga v kontekste golland-skoy traditsii fenomenologii religii* [The Phenomenology of Religion in the «New Style» by J. Waardenburg in the Context of the Dutch Tradition of the Phenomenology of Religion]. *Vestnik PSTGU*, 3(47): 87–100.
- Otto R. 2008. *Svyashchennoye. Ob irratsional'nom v ideye bozhestvennogo i yego sootnoshenii s ratsional'nym* [Sacred. On the irrational in the idea of the divine and its relation to the rational]. St. Petersburg, Publ. ANO «Izd-vo S.-Peterb. un-ta», 272 p.
- Pettatsoni R. 2002. *Vyssheye sushchestvo: fenomenologicheskaya struktura i istoricheskoye razvitiye* [The Supreme Being: Phenomenological Structure and Historical Development]. *Religiovedeniye*, 1: 149–155.
- Samarina T.S. 2019a. *Religiovedcheskoye naslediyе Zhaka Vaardenburga: kriticheskiy analiz* [The Religious Legacy of Jacques Waardenburg: A Critical Analysis]. *Religiovedeniye*, 3: 117–126.
- Samarina T.S. 2019b. *Fenomenologiya, noumenologiya, postfenomenologiya religii* [Phenomenology, noumenology, postphenomenology of religion]. Moscow, Publ. IF RAN, 296 p.
- Riker P. 1995. *Konflikt interpretatsiy. Ocherki o germeneytike* [Conflict of interpretations. Essays on hermeneutics]. Moscow, Publ. «MEDIUM». 415 p.
- Bleeker C.J. 1973. *Commentary*. In: *Science of Religion: Studies in Methodology*, 173–177.
- Jensen J.S. 2011. *What Sort of «Reality» is Religion*. In: *Religious Transformations and Socio-Political Change: Eastern Europe and Latin America*. Ed. Luther Martin, Berlin, New York: De Gruyter, 357–380.
- King U. 1984. *Historical and phenomenological Approaches to the Study of Religion. Some major Developments and Issues under Debate since 1950*. *Contemporary Approaches to the Study of Religion*, 1: 29–164.
- Leeuw G. van der. 1961. *Einführung in die Phanomenologie der Religion*. Darmstadt, 220 p.
- Tiele C. 1904. *Grundzüge der Religionswissenschaft*. Harvard University. Publ. J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 90 p.
- Werblowsky Z. 1979. *Is there a «Phenomenology of Religion» in the Study of Religion? Current Progress in the Methodology of the Science of Religion*, 291–296.
- Whaling F. 1985. *Introduction. Contemporary Approaches to the Study of Religion*. *Archives de sciences sociales des religions*, 60.2: 309–310.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 18.07.2022
Поступила после рецензирования 18.10.2022
Принята к публикации 30.08.2023

Received July 18, 2022
Revised October 18, 2022
Accepted August 30, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шарабарина Евгения Александровна, преподаватель предметно-цикловой комиссии общеобразовательных, гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Орел, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya A. Sharabarina, Teacher of the subject-cycle commission of general education, humanities and socio-economic disciplines, Central Russian Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Orel, Russia.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА CULTURAL STUDIES AND PHILOSOPHY OF ART

УДК 101.1; 130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-3-623-631

Молчание автора: автор и текст, речь и письмо, дискурс и понимание

^{1,2} Римский В.П., ¹ Римская О.Н.

¹ Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Белгород, 308007, ул. Королева, д. 7.

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, 308015, ул. Победы, 85
rimskiy@bsu.edu.ru, olgarimskaja@rambler.ru

Аннотация. Проблема автора и творчества является классической не только в филологии, но и в философии и гуманитарных науках, предполагает рассмотрение материализации авторского творчества в текстах культуры (письменных, устных, визуальных). В отечественной литературе этот парадокс был зафиксирован в творчестве Л.Н. Толстого, 195-я годовщина со дня рождения которого отмечается в 2023 году. Л.Н. Толстому приписывают призыв к автору молчать и не писать, но известно и его революционное воззвание «не могу молчать». Современные философы и культурологи пытались решать эту дилемму путём введения концепта «дискурс», более широкого, чем понятия «текст» и «контекст». Однако до сих пор эта парадоксальная позиция «молчащего автора», когда сам текст и дискурс начинают «говорить» вместо автора, остаётся загадкой и интеллектуальной головоломкой. С использованием методов герменевтики и дискурс-анализа получено новое прочтение данной классической проблемы, когда само молчание автора выступает не только в качестве контекста произведения в дискурсе конкретной ситуации и события культуры, но и как авторская позиция, в том числе идеологическая, мировоззренческая и философская.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, автор, творчество, письмо, текст, диалог, разговор, понимание

Для цитирования: Римский В.П., Римская О.Н. 2023. Молчание автора: автор и текст, речь и письмо, дискурс и понимание. *НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право*, 48(3): 623–631. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-623-631

The Silence of the Author: The Author and the Text, Speech and Writing, Discourse and Understanding

^{1,2} Viktor P. Rimsky, ¹ Olga N. Rimskaya

¹ Belgorod State Institute of Arts and Culture,
7 Koroleva St., Belgorod 308007, Russian Federation

² Belgorod National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation
rimskiy@bsu.edu.ru, olgarimskaja@rambler.ru

Abstract. The problem of the author and creativity is classical not only in philology, but also in philosophy and the humanities, it involves considering the materialization of the author's creativity in cultural texts (written, oral, visual). In Russian literature, this paradox was recorded in the work of L.N. Tolstoy, the 195th anniversary of whose birth is celebrated in 2023. L.N. Tolstoy is credited with calling on the author to be silent and not to write, but his revolutionary appeal "I cannot be silent" is also known. Mod-

ern philosophers and cultural scientists have tried to solve this dilemma by introducing the concept of "discourse", broader than the concepts of "text" and "context". However, until now, this paradoxical position of the "silent author", when the text itself and the discourse begin to "speak" instead of the author, remains a mystery and an intellectual puzzle. Using the methods of hermeneutics and discourse analysis, a new reading of this classical problem is obtained, when the author's silence itself acts not only as the context of the work in the discourse of a specific situation and cultural event, but also as the author's position, including ideological, ideological and philosophical.

Keywords: L.N. Tolstoy, author, creativity, writing, text, dialog, conversation, understanding

For citation: Rimsky V.P., Rimskaya O.N. 2023. The Silence of the Author: The Author and the Text, Speech and Writing, Discourse and Understanding. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(3): 623–631 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-623–631

Введение

Ветхозаветный Моисей является для нас той культурно-символической фигурой, которая открывает не только тематику «автора» и «авторского творчества» [Аверинцев, 1996, 2006], но и проблематику «молчания автора». Дело в том, что косноязычный Моисей согласно Книге «Исход» [Исх.4:10] не только «молча внимает Богу» (это особый разговор без слов, божественное откровение) и получает каменные скрижали, первый письменный текст Заповедей Господа [Аверинцев, 2006, с. 313–319], но и препоручает своему брату Аарону от своего имени толковать собственную путанную речь и даже молчание перед народом Израилевым [Аверинцев, 2006, с. 14–15]. Таким образом, «священное молчание» изначально привносит в наши культурно-цивилизационные тексты и контексты не только символику «авторитетного авторства» (библейское Пятикнижие освящено авторитетом Моисея, как и другие книги Библии получили сакральную санкцию от имён пророков и царей), но и первичные практики диалога [Бахтин, 1979] и герменевтики [Герменевтическая... 2019], то есть толкования и понимания текстов и многообразных знаков – символических систем культуры – монологических и диалогических, устных и письменных, визуальных и цифровых, и т.д.

Проблему автора на материале творчества Ф.М. Достоевского первым в отечественной филологии (с философской глубиной) в двадцатые годы XX века поднял М.М. Бахтин, различая позиции монолога и диалога в авторском творчестве [Бахтин, 2000, с. 25]. Именно в это время рождаются отечественная семиотика и структурные исследования архаического мифа и ритуально-фольклорной культуры (помимо М.М. Бахтина это были П.Г. Богатырёв, А.Н. Веселовский, Л.С. Выготский, А.М. Золотарёв, В.Я. Пропп, С.М. Эйзенштейн, Р.О. Якобсон и др.) [Иванов Вяч. Вс., 1976], в которых проблемы авторского и фольклорного творчества, мифа и знака, ритуала и мифа, текста и знака, автора и творчества ставятся в новом культурно-семиотическом и диахронном измерении, что позднее в некоторой мере повлияло и на возникновение западного структурализма.

Западные структуралисты (Р. Барт [1989]) и постструктуралисты (М. Фуко [1996]) 60-х годов прошлого века ввели в научный и философский диалог и полемику тематику «дискурса», «автора» и «смерти автора» в их сложном существовании в анонимных текстах, в которых и был похоронен не столько творящий автор, сколько реальная философско-антропологическая проблема человека в мире культуры.

В это же время проблема автора и авторитетного авторства в отечественной науке поднимается и развивается кругом филологов и философов в притяжении С.С. Аверинцева [Аверинцев, 1978; Роднянская, 1978]. В рамках нашей философской школы мы также обращались к фигуре автора в контексте истории культуры [Римский и др., 2017]. Однако во всех подходах и концепциях автора, в том числе и в собственных наших, мы не находим концепт «молчание автора», который может раскрыть многие парадоксы культуры и творчества.

Данная работа нами рассматривается как первая попытка прервать загадочность «молчания автора» в собственном понимании этого культурно-исторического феномена.

Парадокс авторского молчания в версии Л.Н. Толстого

В обыденном сознании и словоупотреблении приобрело статус «бродячей фразы» высказывание, приписываемое Л.Н. Толстому: «если не можешь писать, то лучше не пиши (или молчи)». Это произвольно пересказанная мысль из переписки и дневника Л.Н. Толстого.

Но могла ли быть апологетика молчания у такого великого автора, как Л.Н. Толстой, в его земной, бременной и бурной жизни? У писателя, который в своей критике репрессивной политики монархии создал непревзойдённый диссидентский манифест «Не могу молчать» (1908) [Толстой, 1956] ...

Вот поэтому обратимся к толстовским высказываниям, которые, будучи вырваны из текстов и контекстов, сводятся порой к банальному совету начинающим графоманам: если можете не писать – тогда не пишите...

В тексте и контексте письма и дневника всё было сложнее и глубже. Обратимся к письму Л.Н. Андрееву от 2 сентября 1908 г. [Толстой, 1956а, с. 220], которое было написано Л.Н. Толстым после своих беспощадных слов об андреевском «Рассказе о семи повешенных»: «Отвратительно! Фальшь на каждом шагу! Пишет о таком предмете, как смерть, повешение, и так фальшиво!» [Гусев, 1928]. [Толстой, 1956а, с. 220]. Именно здесь, после своей гневной статьи «Не могу молчать», он вполне лояльно советует автору: «Думаю, что писать надо, во-первых, только тогда, когда мысль, которую хочется выразить, так неотвязчива, что она до тех пор, пока, как умеешь, не выразишь ее, не отстанет от тебя... Второе, что часто встречается и чем, мне кажется, часто грешны особенно нынешние современные писатели (всё декадентство на этом стоит), желание быть особенным, оригинальным, удивить, поразить читателя... Это исключает простоту. А простота – необходимое условие прекрасного. Простое и безыскусственное может быть нехорошо, но непростое и искусственное не может быть хорошо. Третье: поспешность писания. Она и вредна и, кроме того, есть признак отсутствия истинной потребности выразить свою мысль... Четвертое: желание отвечать вкусам и требованиям большинства читающей публики в данное время» [Толстой, 1956а, с. 218–219].

Разумеется, речь идёт не о молчании, как любят толковать неискушённые читатели, а скорее об *ответственности пишущего*, о самобытной толстовской поэтике. И мы видим не только своеобразный спор с русскими декадентами, первыми постмодернистами, но и переключку-диалог с будущими структуралистами и постструктуралистами.

Столь же примитивно толкуют в духе «проповеди молчания» и толстовскую дневниковую запись от 19 октября 1909 г., вырванную даже из ближайшего текста и контекста. В тексте Л.Н. Толстого мы читаем: «...Вообще как вредно приписыванье значения текстам... Сейчас почитал К[руг] Ч[тения], письма, ответил на конвертах, и ничего не хочется писать, и слава Богу. Перечитал по случаю фонографа свои писания: О смысле жизни, О жизни и др., и так ясно, что не надо только портить того, что сделано. *Если уже писать, то только тогда, когда не можешь не писать* (курсив наш. – В.Р.)» [Толстой, 1952, с. 154]. Да, любому пишущему автору знакомо это чувство «разрыва в письме», когда тебе кажется, что ты зашёл в творческий тупик. Тогда лучше остановиться и помолчать перед чистым листом бумаги или пустым экраном компьютера...

Однако, если вникнуть более пристально в эти слова, то здесь, как и в записи от 18 октября и последующей от 20 октября, мы видим не столько «молчащего» Толстого, сколько автора, который *регулярно ведёт дневник и пишет письма* в газеты и частным корреспондентам, думает о собственных старых произведениях и новых литературных замыслах, читает чужие тексты, собирается надиктовывать свои мысли на фонографе (новинка!), разговаривает с домочадцами, многочисленными интеллигентными «почитателями» (интересная переключка у этого слова с «читателями»), личным врачом Душаном Маковицким и простым крестьянином. Это не молчание – а пауза, в которой идёт обдумывание и проигрывание в воображении грядущих текстов.

И главное – Л.Н. Толстой много думает о «разговоре» с Богом, даже пытается сочинять версии собственной молитвы к Нему: «Радуюсь тому, что знаю, что Ты еси, и что я есмь, и, главное, тому, что знаю, что Ты и я одно и то же», «помни, что тебе нет [дела] до людей, что ты перед Богом» [Толстой Л.Н. 1952, с. 153, 155]. И молитва, сотворенная наедине с Богом, – отнюдь не «молчание», а особый, *тайный разговор и мистический диалог*. Или особое молчание?

Здесь патриарх русской и мировой литературы очевидно сопряжён с библейским патриархом (разве случайно совпадение иконографического образа Моисея с толстовскими фотографическими портретами?). Творческий автор как бы входит в своём молитвенном молчании в диалог с дискурсом мировой культуры.

Но может ли быть реальное молчание у живого автора и смертного человека? На память приходит судьба советского писателя Юрия Олеши, который после своей знаменитой повести «Зависть» (1927) на долгие годы фактически замолчал, будучи задавлен идеологическими стереотипами советского литературного дискурса. Однако и тогда он не позволил умереть, умолкнуть автору в себе, создавая литературный дневник с самоироничным названием «Ни дня без строчки», полностью опубликованный книгой уже после смерти автора.

Так в нашей стране возник феномен «писательского молчания», который всё же не был в чистом виде «молчанием автора», так как многие советские писатели «работали в стол», то есть фактически не молчали. Или это было особое молчание? Или смерть писателя как автора?

Как возможна смерть автора?

И далее уместно обратиться к французским философам, Р. Барту и М. Фуко, к их полемике об авторе и смерти автора. Связана ли «смерть автора» с его «молчанием»?

Р. Барт парадоксы авторского бытия, автора-писателя и «пишущего человека», превращённых им в анонимного «скриптора», ведомого языком, текстами и их игрой в культуре, выразил в «смерти автора» перед лицом анонимного «читателя» [Барт, 1989, с. 133–140; 384–390]. Но анонимный автор-скриптор, как и анонимный «читатель-соавтор», в его трактовке и есть умерщвляющая и обезличенная тотальность дискурса культуры.

М. Фуко в заочном диалоге с Бартом в книге «Слова и вещи» констатировал «смерть человека» в тотальности языка и дискурса: «Человек был фигурой между двумя способами бытия языка; или, точнее, он возник в то время, когда язык после своего заключения внутрь представления, как бы растворения в нем, освободился из него ценой собственного раздробления: человек построил свой образ в промежутках между фрагментами языка... тогда – можно поручиться – человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке» [Фуко, 1994, с. 403–404]. И в своём докладе «Что такое автор?» [Фуко, 1996, с. 8–46] он говорит уже не о смерти человека, но об исчезновении автора *в тотальности абсолютно анонимного дискурса*.

В своём споре с Р. Бартом, авторитетом структурализма, М. Фуко писал о сродстве письма и смерти в жертвенном творчестве автора: «...письмо теперь связано с жертвой, с жертвоприношением самой жизни» [Фуко, 1996, с. 14], а не с бессмертием в «вечности культуры» и в «веках», как было прежде принято банально считать. И Фуко, полемизируя одновременно с Бартом и Ницше, говорил: «Но, конечно же, недостаточно просто повторять, что автор исчез. Точно так же, недостаточно без конца повторять, что Бог и человек умерли одной смертью» [Фуко, 1996, с. 18]. Разумеется, французские философы-авторы спорили не о смерти «живого человека» или о «смерти автора», смертного человека, вполне себе телесного и исторически фиксируемого, например, как «Пушкин» или «Бальзак», «Барт» или «Фуко». Они говорили о *смерти концептов* «человек» и «автор» [Римский и др., 2017, с. 66], порождённых в дискурсе гуманитарной науки и философии XIX–XX веков, которые пришли к кризису перед лицом неизвестных процессов в постсовременной массовой культуре.

Вот в этой своей «смерти» в культуре постмодерна авторы и умолкают, перестают писать и говорить. И знаменитый диалог-спор Р. Барта и М. Фуко об авторе в окружении французских интеллектуалов шестидесятых годов XX века, «писателей» и «пишущих», фактически ничего нам не проясняет в концепте «молчание автора».

Автор в герменевтике текстов и дискурсов

Мы неоднократно определяли, что такое «дискурс». Дискурс в нашем уточнённом определении «представляет собой не только и не столько формально-логические и рассудочные формы мышления, сколько сложную *систему производимых человеком смыслов*, связанную функционально с культурно-исторической ментальностью и идеологией той или иной эпохи, выраженную *в понятиях и концептах* и воплощённую в самых разнообразных *языках* (текстах и других знаково-символических формах), обладающих определённой целостностью и погруженных в *речевые, культурно-коммуникативные и мыслительные практики* конкретных *сообществ* и жизнедеятельность *живого человека*, в социокультурный, иррационально-психологический и другие *контексты*, т. е. в экзистенциальную магму бытия» [первичное определение см.: Мельник, Римский, 2014, с. 34].

Наверное, в обозначенной дискурсной цепочке можно было бы упомянуть и читателя, *читающего пишущего автора*. Ведь тогда всплывает и ещё один дискурсный персонаж – *контекст*, который и существует только в *пульсирующей целостности живого дискурса*.

При этом дискурс всегда разворачивается в пространстве и времени *диалога* авторов и читателей, авторов и авторов, авторов и критиков, читателей и читателей. При этом надо иметь в виду, что необязательно непосредственное присутствие в диалоге идей и концептов философов и писателей, учёных и прочих интеллектуалов, сопоставленных в исследуемых текстах через «сети цитирования», равно как и наличие их свидетельств друг о друге, рефлексивного знания, восприятия и критики текстов друг друга или личного общения.

Коммуникация, культурный диалог и аккультурация идей и концептов, как и стилей философствования и создания художественных текстов тех или иных мыслителей и писателей, ввиду всеобщности литературно-философского дискурса могут происходить в более глубоком временном измерении, широком дискурсном пространстве и культурном контексте, нежели хронотоп актуальной эпохи: через века, через преемников и наследников, через школы и просто через одиноких энтузиастов мыслительных практик и художественные интуиции литературы.

Правда, где-то сбоку, чуть ли не в подсознании выплывает старый советский анекдот о приёме чукчи в Союз писателей: «чукча не читатель, чукча – писатель»... Незадачливые провинциальные и столичные графоманы до сих пор смеются над чукчей, упуская мудрость высказывания древнего азиата: писатель всегда читатель, а читатель – всегда соавтор. Но это нисколько не убивает ни автора, ни читателя. Разве что это делает ложная мудрость западных философов...

И анонимный читатель, и анонимный дискурс, поглощающие «пишущего автора», – не только плод интеллектуальной игры Барта или Фуко, но реально возникли во времени их жизни, когда медийный планктон уже поглощал и автора, и читателя, и слушателя-зрителя. Тем более, их правоту подтвердила эпоха тотальной анонимности интернет-дискурса, когда стала господствовать фигура и непонятный персонаж под именем «блоггер» – этакий *интернет-чукча*.

Может ли быть молчание автора при его земной, бренной жизни? Неужели автор действительно *замолкает* только в собственной смерти, реальной, телесной или культурной? Неужели его непрерывное говорение и писание подобны смерти? Неужели он ничего в действительности не «творит»? Ведь все эти разговоры и письма, диалоги и тексты, контексты и дискурсы всегда предполагают *живого автора-человека*, того, кто их ведёт и создаёт. И главное: *кто* или *что* есть автор? Кто разговаривает и пишет, спорит и слушает?

Так кто же «автор»?

А проясняет ли нам что-то само слово «автор»? Если отталкиваться от этимологии латинского слова *auctor*, то «автор» имеет следующие модусы и смыслы (эти смыслы и обыгрывал Фуко в своём выступлении): «виновник», «учредитель», «основатель», «подаватель мнения или совета», «сочинитель» [Аверинцев, 1978].

С.С. Аверинцев выделял и иные, глубинные (археологические) коннотации концепта «автор»: «*Auctor* ("автор") – *nomen agentis*, т. е. обозначение *субъекта действия* (курсив наш. – *B.P.*); *auctoritas* ("авторитет") – обозначение некоего свойства этого субъекта. Само действие обозначается глаголом *augeo*, одним из, говоря по-гетевски, "Urwoorte" ("первоглаголов") латинского языка... Он способен нечто "учинить" и "учредить": например, воздвигнуть святилище, основать город, предложить закон, который в случае принятия его гражданской общиной будет носить имя предложившего. Во всех перечисленных случаях гражданин выступает как *auctor*; им практикуема и пускаема в ход *auctoritas*» [Аверинцев, 1996, с. 76]. Здесь можно узреть и значение «создателя», протянув смысловую цепочку к христианскому креационизму.

В истории западноевропейского культурного дискурса слово *auctor* («автор») прямо соотносится с такими культурно-антропологическими феноменами, как *autos* – *сам* (отсылает нас к «автономии» и «свободе»); *ars* («искусство», «виртуоз», «искусник» и «искуситель»), «артист» и «мастер» (французское *artiste*). «Автор» оказывается, например, сопряжённым и со словом «актор» (Актор – в античности под этим именем часто выступают и мифологические, и исторические персонажи), термином, который новомодные социологи и политологи применяют для номинации анонимных активистов современного массового общества [подробнее см.: Римский и др. 2017, с. 65–69].

Когда же рождается автор, создающий философский литературный дискурс; автор, живущий, говорящий, молчащий и умирающий в творимом им самим дискурсе?

Автор в философском и литературном дискурсе

Мы ранее уже исследовали институциональную специфику античной философии в двух её формах – номотетической и диатрибической [Римский В.П., Римская О.Н., 2020]. *Номотетическая философия* как созерцающая, теоретическая и понимающая, которая в *думающем слове* узревает, приоткрывает и провозглашает *истину* и *законы мышления*. Она их видит любящим и дружеским взором, любит и любителю.

Понимание – всегда не только схватывание, но и «поятие», «поимение», открытие и эротическое слияние с истиной и думающим мышлением в любящем слове. И это слово – призыв к мысли, любовь к мысли, любовь к мудрости и дружба с мудростью как *филия*, ибо «мудрость» и несёт в себе эрос, «муд» и «уд». Она никогда не кричит на площади, а говорит почти шёпотом слова любви к истине. И предельное выражение такого философского слова не в поучающем тексте – в *созерцающем умолчании и молчании мыслителя*.

Есть и *номотетическая литература*, проза и поэзия, которая в *думающем слове* прозревает, выражает и любит *истину* и *законы жизни*. Она всегда – в *уединении*, в любящем и тихом разговоре с самим собой мыслящим. И собой – другим, с другим – как с собой. И её предельное выражение – не в писании букв и слов, а в жизни: она живёт так, будто своей жизнью пишет один и тот же текст, который и растворяется в *мочаливом приятии собственной судьбы и жизни*.

И когда такая философия и литература, думающая и любящая истину, мышление и жизнь, встречаются в одной судьбе и одном человеке, тогда и рождается великая философская литература. Это и Герклит с Парменидом, и Данте с Гёте, и Андрей Платонов с Михаилом Булгаковым...

Есть и *диатрибическая (академическая), поучающая философия*, которая именно в разговоре учителя и ученика, если она не выливается в плетение словес и болтовню по ангажированному утверждению законов силы и власти, а заканчивается *думающим молча-*

нием и пониманием, также приоткрывает и созерцает истину и законы мышления. Это Сократ, готовый ради любви к истине и свободному мышлению принять и поять (полюбить) смерть. И этим научить жизни в мышлении и мышлению в жизни. И такой философии не нужны тексты, а лишь свободное мыслящее слово, знающее *истину молчания*, вовремя умолкающее, но не умолкающее во времени.

Есть и диатрибическая философия, которая не может вовремя замолчать, создаёт тексты и передаёт истинное слово, законы мышления другим. Она всегда просвещает других, в школах или университетах, часто блуждая во тьме с фонарём мысли, как Диоген в поисках человека или Хайдеггер в приоткрытии алетей.

Есть и *диатрибическая, учащая литература*, которая поучает других и всех законам и истине жизни, хотя порой не может вовремя замолчать и умолчать истину, разворачивает великую трагедию пишущего человека, который часто ставит текст выше своей жизни, а потому также рождает в трудах великую литературу, как Достоевский или Толстой.

Диатрибическая философская литература также взывает к истине жизни и мышления, часто принося собственную жизнь и судьбу в жертву этому призыву (Beruf). Это также и Сократ с софистами, и Платон с Аристотелем, и Кант с Гегелем, и Достоевский с Толстым...

16 декабря Православная Церковь чтит память Святого Иоанна Молчальника (Безмолвника), связанного с армянской церковью. В народе эту дату называют «Днём тишины и немоты». Может ли пишущий человек не писать и молчать, наподобие монаха-исихаста? Ведь даже Иисусова молитва исихастов, великих молчальников, тоже *разговор с Богом!* Тогда что же молчание? Как оно врывается или вкрадывается в наши тексты и контексты, в нашу жизнь? И возможно ли оно вообще?

Концепт «автор» как понятие, нагруженное образными смыслами и контекстными коннотациями, требует вдумчивого понимания как завершающей герменевтической процедуры. И понимание всегда предполагает «понимание кого» и «понимание чего»: понимание другого и понимание текста. А понимание другого без разговора и диалога как минимум двух, говорящих и пишущих, невозможно.

Слова, вынесенные в заглавие нашей статьи, собственно, дают и сжатую формулу культурного бытия дискурса: автор в осмысленной речи с самим собой и в диалоге с другими авторами пишет и создаёт тексты, понимание которых возможно только в их прочтении и толковании контекстов, разворачивающихся в большом культурном пространстве многообразных дискурсов.

Но при этом пишущий автор должен *уметь вовремя замолчать* и вдуматься в создаваемые им самим и другими авторами тексты, прерывая тем самым анонимность дискурсов культуры, философских, литературных, художественных, повседневных.

Молчание автора – это *разрыв* дискурсного континуума, *остановка творчества* в осмыслении его целей в контексте актуальной эпохи. Этот разрыв в собственном творчестве всегда даёт возможность остановиться в повседневной суете и мысленным взором обратиться к Богу, определяя *смыслы* собственного бытия, живого человека-автора.

Список литературы

- Аверинцев С.С. 1978. Автор. Краткая литературная энциклопедия. Т. 9. М., С. 28–30.
Аверинцев С.С. 1996. Риторика и истоки европейской литературной традиции. Москва: Школа «Языки русской культуры», 448 с.
Аверинцев С.С. 2006. Собрание сочинений. Под ред. Н.П. Аверинцевой и К.Б. Сигова. София-Логос. Словарь. Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 912 с.
Барт Р. 1989. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. Москва: «Прогресс», 616 с.
Бахтин М.М. 2000. Проблемы творчества Достоевского (1929). В кн.: М.М. Бахтин. Собрание сочинений. Т. 2. М.: Издательство «Русские словари», С. 5–175.

- Бахтин М.М. 1979. Эстетика словесного творчества. Сост. С.Г. Бочаров; Текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; Примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. Москва: Искусство, 424 с.
- Герменевтическая традиция в России. 2019. Герменевтическая традиция в России: актуальные контексты и современные проблемы. Под ред. Б.И. Пружинина, Т.Г. Щедриной. Москва, СПб., Белгород: ЦГИ Принт, 272 с.
- Гусев Н.Н. 1928. Два года с Л.Н. Толстым: воспоминания и дневник бывшего секретаря Л.Н. Толстого 1907–1908 г. Москва: Изд. Толстовского музея, 204 с.
- Иванов Вяч. Вс. 1976. Очерки по истории семиотики в СССР. Москва, Наука, 303 с.
- Мельник Ю.М., Римский В.П. 2014. Время жить и время созерцать... Экзистенциальные смыслы и философское понимание времени в классической европейской культуре: монография. СПб., Алетейя, 184 с.
- Римский В.П. 2020. Нам есть ещё что вспомнить... *Наука. Искусство. Культура*, 2(26): 119–130.
- Римский В.П. и др. 2017. Учреждающая дискурсивность Михаила Петрова: интеллект в интерьере культурного капитала; под ред. В.П. Римского. Москва, Канон+ РООИ «Реабилитация», 456 с.
- Римский В.П., Римская О.Н. 2020. Сообщества и корпорации в античной философии. *Наука. Искусство. Культура*, 2(26): 81–91.
- Роднянская И.Б. 1978. Автор. Краткая литературная энциклопедия. Т. 9. М., С. 30–34.
- Толстой Л.Н. 1956. Полное собрание сочинений. Том 37. Произведения 1906–1910 гг. Москва, Государственное издательство художественной литературы, 493 с.
- Толстой Л. Н. 1952. Полное собрание сочинений. Том 57. Дневники и записные книжки 1909. Москва: Государственное издательство «Художественная литература», 428 с.
- Толстой Л.Н. 1956а. Полное собрание сочинений. Том 78. Письма 1908. Москва, Государственное издательство «Художественная литература», 448 с.
- Фуко М. 1994. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. Санкт-Петербург, А-сад, 406 с.
- Фуко М. 1996. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Москва, Магистериум; «Касталь», 447 с.

References

- Averintsev S.S. 1978. Author. Brief Literary Encyclopedia. Vol. 9. M., pp. 28–30. (In Russian).
- Averintsev S.S. 1996. Rhetoric and the origins of the European literary tradition. Moscow? Publ. School "Languages of Russian culture", 448 p. (In Russian).
- Averintsev S.S. 2006. Collected works. Edited by N.P. Averintseva and K.B. Sigov. Sofia is the Logos. Dictionary. Kiev? Publ. DUKH I LITERA, 912 p. (In Russian).
- Bart R. 1989. Selected works: Semiotics: Poetics. Moscow, Publ. "Progress", 616 p. (In Russian).
- Bakhtin M.M. 2000. Problems of Dostoevsky's creativity (1929). In: Bakhtin M.M. Collected works. Vol. 2. M., Publishing House "Russian dictionaries", pp. 5–175. (In Russian).
- Bakhtin M.M. 1979. Aesthetics of verbal creativity. Comp. S.G. Bocharov; Text prepared by G.S. Bernstein and L.V. Deryugin; Notes by S.S. Averintsev and S.G. Bocharov. Moscow, Publ. Iskusstvo, 424 p. (In Russian).
- Hermeneutical tradition in Russia. 2019. Hermeneutical tradition in Russia: current contexts and modern problems. Edited by B.I. Pruzhinin, T.G. Shchedrina. Moscow, St. Petersburg, Belgorod, Publ. CGI Print, 272 p. (In Russian).
- Gusev N.N. 1928. Two years with L.N. Tolstoy: memoirs and diary of the former secretary of L.N. Tolstoy 1907–1908 Moscow, Publishing house of the Tolstoy Museum, 204 p. (In Russian).
- Ivanov Vyach. Vs. 1976. Essays on the history of semiotics in the USSR. Moscow, Publ. Nauka, 303 p. (In Russian).
- Melnik Yu.M., Rimsky V.P. 2014. A time to live and a time to contemplate... Existential meanings and philosophical understanding of time in classical European culture: monograph. St. Petersburg, Publ. Aleteya, 184 p. (In Russian).
- Rimsky V.P. 2020. We still have something to remember.... *The science. Art. Culture. Issue*, 2(26): 119–130. (In Russian).
- Rimsky V.P. et al. 2017. Mikhail Petrov's Founding Discursivity: An Intellectual in the Interior of Cultural Capital; edited by V.P. Rimsky. Moscow, Publ. Canon + ROOI "Rehabilitation", 456 p. (In Russian).

- Rimsky V.P., Rimskaya O.N. 2020. Communities and corporations in ancient philosophy. *The science. Art. Culture*, 2(26): 81–91. (In Russian).
- Rodnyanskaya I.B. 1978. Author. Brief Literary Encyclopedia. Vol. 9. M., pp. 30–34.
- Tolstoy L.N. 1956. The complete works. Volume 37. Works of 1906–1910. Moscow, Publ. State Publishing House of Fiction, 493 p. (In Russian).
- Tolstoy L. N. 1952. The complete works. Volume 57. Diaries and notebooks 1909. Moscow, State Publishing House "Fiction", 428 p. (In Russian).
- Tolstoy L.N. 1956a. The complete works. Volume 78. Letters 1908. Moscow, State Publishing House "Fiction", 448 p. (In Russian).
- Foucault M. 1994. Words and things. Archaeology of the Humanities. St. Petersburg, Publ. A-garden, 406 p. (In Russian).
- Foucault M. 1996. The Will to Truth: Beyond knowledge, power and sexuality. Works of different years. Moscow, Publ. Magisterium; "Castal", 447 p. (In Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 18.07.2022

Поступила после рецензирования 18.10.2022

Принята к публикации 30.08.2023

Received July 18, 2022

Revised October 18, 2022

Accepted August 30, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Римский Виктор Павлович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры; профессор кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Римская Ольга Николаевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Viktor P. Rimskiy, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies, Science, Belgorod State Institute of Arts and Culture; Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.

Olga N. Rimskaya, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies, Science, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia.

АРХИВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ, ПЕРЕВОДЫ И ЭССЕ ARCHIVED PUBLICATIONS, TRANSLATIONS AND ESSAYS

УДК 141.2

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-3-632-641

«Твое имя, Боже, славим...»: теография путешествий Христофора Колумба

Колесников С.А.

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина
308024 г. Белгород, ул. Горького, 71

skolesnikov2015@yandex.ru

Аннотация. В современных духовно-гуманитарных и культурологических исследованиях проблемы сакрального обоснования географических открытий XV–XVI веков представлены недостаточно полно, учитывая ту роль, которую сыграли эти открытия в истории мировой культуры в определении ключевых векторов развития мировой цивилизации. Целью данного исследования является выяснение обстоятельств, при которых великие географические открытия и прежде всего открытия Христофора Колумба изменили представления о планете, открыли новые возможности для распространения культуры в планетарном масштабе. Для выяснения скрытых культурно-преобразующих потенциалов цивилизации анализируется влияние христианства, христианского способа восприятия мира на динамику и последовательность путешествий Колумба. Исследование проблемы сакрального обоснования географических открытий позволило выявить основные характеристики способов и направлений преобразования открываемого географического мира через особую религиозную топонимию, присвоение открываемым землям имен, связанных с христианской системой ценностей. В ходе анализа выявлено влияние религиозного мировосприятия на развитие знаний о мире. Обоснован тезис о том, что топонимия Колумба была определена его религиозной позицией. Результаты исследования открывают новое теоретическое направление в исследовании проблем религиозной и культурологической оценки географических открытий Колумба и позволяют сделать вывод о продуктивности христианского отношения к миру, выражающейся в расширении горизонтов географических представлений.

Ключевые слова: религиозная топография, христианство и география, открытия Х. Колумба, культурология и религия

Для цитирования: Колесников С.А. 2023. «Твое имя, Боже, славим...»: теография путешествий Христофора Колумба. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 48(3): 632–641. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-632–641

"We praise your name, O God...": The theography of Christopher Columbus' Travels

Sergey A. Kolesnikov

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
71 Gorky St, Belgorod 308024, Russia

skolesnikov2015@yandex.ru

Abstract. In modern spiritual, humanitarian and cultural studies, the problems of the sacred justification of geographical discoveries of the XV–XVI centuries are not fully presented, given the role played by these discoveries in the history of world culture in determining the key vectors of the development of

world civilization. The purpose of this study is to clarify the circumstances under which the great geographical discoveries and, above all, the discoveries of Christopher Columbus changed the perception of the planet, opened up new opportunities for the spread of culture on a planetary scale. In order to clarify the hidden cultural and transformative potentials of civilization, the influence of Christianity, the Christian way of perceiving the world on the dynamics and sequence of Columbus' travels is analyzed. The study of the problem of the sacred justification of geographical discoveries allowed us to identify the main characteristics of the ways and directions of the transformation of the discovered geographical world through a special religious toponymy, the assignment of names associated with the Christian value system to the discovered lands. The analysis revealed the influence of religious worldview on the development of knowledge about the world. The thesis that Columbus' toponymy was determined by his religious position is substantiated. The results of the study open up a new theoretical direction in the study of the problems of religious and cultural assessment of Columbus' geographical discoveries and allow us to conclude that the productivity of the Christian attitude to the world, expressed in the expansion of the horizons of geographical representations.

Keywords: religious topography, Christianity and geography, discoveries of Columbus, cultural studies and religion

For citation: Kolesnikov S.A. 2023. "We praise your name, O God...": The theography of Christopher Columbus' Travels. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(3): 632–641 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-632–641

Введение

Важнейшим географическим «результатом» развития христианской культуры в эпоху Великих географических открытий становится преодоление страха нового пространства, страха, столетиями останавливавшего человечество в расширении знания о планетарных просторах. Показательно, что на географических картах за несколько десятилетий до Колумба мыс Нан на западном побережье Африки символизировал невозможность – ведь имя этого мыса переводится как «нет»! – дальнейшего познания. Страна неизвестного «нет» пугала и отталкивала от познания себя, однако этот страх становится преодолимым именно благодаря христианской вере и надежде.

Но еще более важным результатом географического изменения, приносимого христианством, становится не только само открытие новых территорий, но и новое восприятие открываемых земель. Открытие мира целиком давало новое осознание ответственности христианского путешественника за планету в целом; новые права христианского первооткрывателя на территорию, дарованную ему Богом, одновременно подразумевали и качественное усиление ответственности за столь величественный дар. Почва для подобного сакрального отношения к земному пространству была заложена еще крестоносцами, восклицавших во главе с Петром Амьенским: «Deus vult! – Господь желает!», а потому Господь желал открыть новые «Индии» для присоединения их к христианскому миру во время отбытия в 1492 году Колумба из Испании.

Неслучайным является тот факт, что «возвращение из первого путешествия Колумба воспринималось католическими государями как неслыханная милость Провидения» [Ирвинг, 1994, 153]. Сама церемония встречи Колумба была представлена прежде всего как религиозное действие: крестный ход, проходивший под звуки исполняемого королевской капеллой гимна «Твое имя, Боже, славим», торжественное крещение привезенных индейцев, чествование Колумба католическими величествами, кульминацией которого стала совместная молитва, благодарившая Бога за открытие Нового света... Причем подобное понимание открытия Колумба как сакрального события осознавалось не только в самой Испании, но и во всем христианском мире. «При дворе английского короля Генриха VII открытие Колумба провозгласили скорее Божественным, чем человеческим [Ирвинг, 1994, 156]», – и такое ощущение эпохи можно считать преобладающим. Бог открывал новые пространства человеку, и присутствие при этом величественном событии переполняло религиозным пиететом современников Колумба.

Имя и земля

Открытие Колумба придало импульс самой возможности мыслить человечеству в планетарных категориях. Символично, что после открытия Колумба появляются известные буллы папы римского Александра VI Борджиа о разделе Земли по демаркационным линиям между Португалией и Испанией. Впервые человек, наделенный высшей иерархической властью, принимает решение закрепить, распределить, упорядочить земные пространства в соответствии с религиозными представлениями о справедливости. Ведь новооткрытые земли, новые пространства дали человечеству уверенность в своих силах, уверенность, что мир может быть познан человеком. И прежде всего, как милость Божья, была воспринята моряками, в 1434 году под командой Жила Эанниша обогнувших тот самый мыс «Нет» (Нан), сама возможность дальнейшего плавания, дальнейшего открытия пространств мира. А потому и восклицали они: «...плыть под парусами здесь так же легко, как и у нас дома» [Цвейг, 2010, 42], осознав, что Божественные законы действуют везде, что милость Божья не имеет границ. Мир, отринув пугающее «Нет», сказал «Да» человеческому стремлению к новому, стремлению расширить границы Божьего мира.

Успешный проект Колумба позволил с религиозной точки зрения по-новому взглянуть на возможность человечества осваивать новые земли. Ведь с открытием Колумба у христианского сообщества появился уникальный шанс создать новое религиозное пространство, однородное в конфессиональном аспекте, попытаться осуществить идею всеобщего христианского царства с чистого листа. Показательно, что новые земли воспринимались как средство к проявлению милосердия – преступникам, направляемым туда, сокращались сроки наказания или вообще даровалась жизнь, путешественникам, отправляющимся в опасные экспедиции, католическая церковь официально, как некогда крестоносцам, обещала отпущение грехов... И, конечно, необходимо помнить: новые земли воспринимались Колумбом как земной рай, или, по крайней мере, как буквальное преддверие рая.

На этих новых землях и была предпринята попытка создать особое христианское пространство. Основания для такого решения уже были: в Испании, победившей мавров, изгнавших иноверцев со своей государственной территории, широко культивировалась идея возможного построения христианского государства, на территории которого исповедовалась бы только христианская система ценностей. Ведь даже когда Колумб вернулся из первого путешествия, некрещеным индейцам первоначально было запрещено инквизицией касаться испанской земли. Правда, после щедрого вознаграждения – «Адмирал принес одну из золотых масок касика Гуаканагари, перерубил ее пополам, и большую часть вручил инквизиторам» [Coleccion de los documentos..., 18] – этот запрет был снят, но сам принципиальный подход к религиозной чистоте территории показателен. Понятие «чистой христианской земли» присутствовало в сознании современников Колумба, и поиск этой «чистой земли» можно рассматривать как один из импульсов, подвигающих христиан на опасные путешествия.

Этими религиозными мотивами – конечно, не забывая и о коммерческой выгоде, – руководствовался сам Колумб, который писал испанской королевской чете: «И я говорю, что ваши высочества не должны допускать, чтобы вели здесь торговлю чужестранцы; и пусть ноги их не будет на этой земле; пусть разрешен будет доступ сюда только католикам-христианам; ибо целью и основой моего замысла было ради славы христианской религии и ради успешного ее распространения не допускать в эти страны никого, кто не слыл бы добрым христианином» [Путешествия, 1971, 43]. В последующем стремление испанских правителей создать абсолютно христианское пространство поставило заслон на пути в Новый свет «маранам, морискам, лицам, осужденным святой инквизицией, а также сыновьям и внукам лиц, которые как еретики привлекались в прошлом к суду инквизиционного трибунала» [Свет, 1973, 160]. Допускались в новые земли, – по крайней мере, декларировалось это так – лишь чистокровные кастильцы, исповедующие истинную христианскую веру.

И этот «бренд» фиксировался Колумбом с первых шагов по новооткрытым землям.

Знаковым являлось воздвижение креста, крещение земли – именно земли, а еще не людей! – с которого начиналось освоение каждого острова экспедициями Колумба. В дневниковых записях зафиксирован этот принципиальный подход к освящению новых земель: «*Пятница, 16 ноября*. Поскольку везде, в любой стороне, на всех островах и землях, куда вступал адмирал, он водружал кресты, то с этой же целью он направился на лодке ко входу в одну из бухт. На берегу он увидел два огромных бревна разной длины, и лежали они одно на другом, образуя крест, причем корабельный плотник заметил, что трудно было бы расположить эти бревна более удачно. Поклонившись этому кресту, адмирал приказал изготовить из тех же бревен очень большой и очень высокий крест» [Путешествие, 1971, 64]. Земля, был абсолютно уверен Колумб, для того, чтобы обрести статус *terra firma*, «настоящей тверди», должна быть окрещена, обрести сакральное право называться землей, входящей в Божий мир. Потому столь важным для понимания религиозного контекста экспедиций Колумба предстает именование новых земель.

В целом наделение именем воспринимается в христианстве, в соответствии с Библией (Быт., 2:19-20), в качестве главной задачи человека в мире. Именно с названия того или иного явления начинается соработничество человека и Бога, именно с имени начинается первый совместный «проект» по преобразению мира.

Несомненно, феномен имени, сакральная процедура именованья для Колумба как ревностного христианина имело особое значение. Ведь даже свое собственное имя в последние десятилетия Колумб превратит в таинственную криптограмму, которая станет предметом споров многих исследователей. Криптограмма S.S.A.S.X.M.Y., которой подписывался Колумб, имеет на сегодняшний день множество толкований, само количество которых показывает их гипотетичность. Так, например, С. Э. Морисон считал, что данная криптограмма означает: *Servus Sum Altissimi Salvatoris Xpistos Mariae Yios* – «Я есмь раб высочайшего Спасителя Христа, сына Марии...» [Морисон, 1958, с. 8]. И это еще один аргумент в пользу подтверждения сакрального мироощущения Колумба.

Так, в первом путешествии самый первый открытый остров был назван Сан-Сальвадор – Спаситель. Второй – Санта-Мария-де-ла-Консепсьон, т. е. Святая Дева-Заступница (если перевести приближено к русскому пониманию). Третий и четвертый острова соответственно были названы в честь католических величеств – Фернандиной и Изабеллой. Само сближение имен Спасителя и Девы Марии с одной стороны и имен верховных правителей Испании – с другой позволяют еще раз аргументировать тезис о глубоко религиозном осознании своей миссии Колумбом.

На протяжении всей первой экспедиции сакральное значение имени не ослабевает. Так, морское пространство, пересеченное Колумбом, было названо морем Святой Девы, река на ближайшем острове – рекой Св. Екатерины. Придание пространству христианского имени подразумевало коренное изменение в отношениях между путешественниками и открытым пространством. Теперь пространство, обретшее христианское имя, было «обязано» функционировать по христианским законам веры, надежды и любви, трансформироваться из профанного, языческого, а, следовательно, опасного пространства – в пространство милосердия. Святая Дева как заступница всех обездоленных и Святая Екатерина как символ преодоления языческого искушения образуют своеобразный симбиоз, видимо, выбранный Колумбом именно в силу духовной защиты, в которой особенно нуждалась экспедиция Колумба.

И во втором путешествии подобная религиозная значимость имени не исчезает. Первый остров, открытый в этом путешествии, получил имя Доминика (Воскресение), второй был назван «Гваделупа» в честь Девы Марии Гваделупской, являющейся покровительницей монастыря в Эстремадуре. Остров Монтсеррат был назван Колумбом в честь монастыря в Каталонии, Сан-Мартин – в честь Святого Мартина, отличавшегося милосердием. Далее можно перечислять уже списком: Виргинские острова или Острова Один-

надцати тысяч дев, принявших мученическую гибель от язычников, остров Сан-Хуан-Баутиста, т. е. остров Иоанна Крестителя, остров Евангелист... Христианские имена начинают получать появляющиеся города: так, первый город на острове Испаньоле был назван Сан-Доминго, в честь основателя монашеского ордена доминиканцев.

В третьем путешествии самый первый открытый остров был назван «Тринидат» (Троица): в это название Колумб вкладывал особый мистический смысл, т. к. на острове возвышались три горные вершины, символизирующие, по мысли адмирала, Высшее триединство. Правда, уже в третьем путешествии появляются и имена негативные, отрицательные, как, например, имя Пасть Дракона, данное местности, которая оказалась опасна для испанских моряков.

Вообще можно отметить снижение религиозной символичности в наименованиях новых земель от путешествия к путешествия. Явно здесь сказывается тот самый переход от религиозного рвения Открытия к меркантильной стратегии освоения. В последних путешествиях Колумба религиозно значимые имена встречаются реже, чаще возникают топонимы, призванные зафиксировать конкретные случаи личной биографии Колумба и тех событий, которые происходили во время путешествия. Появляется залив Стрел, где произошла перестрелка с туземцами, Тростниковая река, Зеленая река, река Рио-дель-Оро – Золотая река, названная так из-за обилия золотого песка на ее берегах. Реалиям путешествия обязаны своим возникновением имена бухты Пуэрто-Белто – Прекрасная, бухты Пуэрто-Бастиментос – Продовольственная; залив Ретрете, что означает Чулан, был так назван из-за тупикового положения, в котором оказались моряки; труднодоступный берег получил название – берег Борения...

Кроме того, усилившаяся стратегия освоения приводила к тому, что Колумб, стремясь компенсировать недостаточную рентабельность своего «проекта», начинал компенсировать материальные блага, играя на тщеславии правителей, называя все большее количество территорий именами верховных правителей Испании или членов королевской семьи: сеть островов, названных Сад Королевы, остров Хуана...

Появление таких «земных» имен, видимо, отражает стремление Колумба вписать собственную биографию в сакральный контекст, соединить реалии своего путешествия с религиозным смыслом Открытия. Потому неслучайным становится появление имен, связующих далекие земли с родной Испанией, – остров Испаньола, т. е. по сути повторение Испании, Новая Испания, река – Гвадалквивир и другие. Кстати, как только стихия оборачивается против Колумба, например, после ужасной бури, застигнувшей его корабли в четвертом путешествии, сразу же намечается возврат к религиозной топонимии: мыс, который оказался спасительным для испанских кораблей, получил название Грасьяс-а-Дьос, т. е. Благодарение Богу.

Обращенность к имени, к имени религиозно значимому, – и шире – к Слову! – означало для Колумба обращение к новому духовному пространству, соединяемому с открываемыми новыми географическими пространствами. Потому представляется оправданным говорить о специфике географических, Богоописательных, открытий Колумба, которые являлись для него не менее важными, чем открытия географические.

Географические открытия Колумба

Понять, хотя бы в самых общих чертах, что представлял собой для Колумба Бог, – важная задача, позволяющая по-иному взглянуть на всю мотивацию к открытию Нового как конкретного путешественника, так и эпохи в целом. Идея религиозного осмысления открытия новых пространств пронизывает все первые этапы Нового времени, что ярко, например, отразилось в личности португальского принца Генриха Мореплавателя, получившего такое прозвище только в XIX веке, не совершившего ни одного морского путешествия лично, но всей своей жизнью стремившегося воплотить в реальность религиозное мирооткрытие. Именно эту традицию религиозного отношения к пространству продолжил

Колумб. Концептуальность подобного отношения к миру Колумб, видимо, осознал очень рано, едва ли не с детских лет. Сама атмосфера религиозного пиетета, царящая в Генуе, подвигала к благочестию. В Генуе хранилось значительное количество христианских реликвий, в частности частица Честного Креста, в кафедральном соборе Гении было представлено изумрудное блюдо, из которого Сын Божий ел опресноки, в храме Марии ди Каstellо находился сосуд с млеком Пресвятой Девы, в церкви святого Варфоломея – Благостный Лик, чудотворный образ Христа...

Если попытаться рассмотреть весь процесс подготовки к первому путешествию с теологической точки зрения, то необходимо отметить многоступенчатую богословскую подготовку Колумба. Первому серьезному испытанию его теологические воззрения подверглись на богословском споре в монастыре в Саламанке, где Колумб отвечал своим оппонентам в духе телеологической Александрийской школы, в частности, предлагая аллегорическую экзегезу Священного Писания и призывая отказаться от буквалистского истолкования библейских географических представлений.

Первый опыт создания целостной теологической системы и перенесения ее в географическую сферу будет продолжен Колумбом и в дальнейшем. Несомненным является тот факт, что «Колумб считал свое открытие Божественным откровением, предначертанным нашим Спасителем и пророками» [Ирвинг, 1992, с. 458]. Само достижение новой земли представало для Колумба практическим доказательством его теологических выкладок, красноречивым примером результативности религиозного мировосприятия. «К его размышлениям, – писал В. Ирвинг о теологии Колумба, – примешивалось глубокое религиозное переживание: себя он видел орудием в руке Божьей, избранным из всех людей для исполнения великой цели; в Священном Писании он обнаружил, как он считал, предсказание о грядущем своем открытии, прежде еще символически предреченном пророками. Концы земли надлежало свести воедино, все народы, все языки, все страны – объединить под знаменем Спасителя» [Ирвинг, 1992, с. 25]. Конечно, Колумб не оставил развернутого теологического трактата, однако те фрагменты, в которых он обращается к богословской тематике, свидетельствуют о глубоком религиозном контексте географических открытий Колумба.

Свое призвание совместить географические проекты и теологические идеи Колумб весьма четко осознавал. Кроме того, у Колумба возникает ощущение своего чуть ли не апостолического призвания к крещению новых земель, что и стремился он осуществить в первом путешествии. Обращение к библейскому тексту: «Не бойся, ибо Я – с тобою; не смущайся, ибо Я – Бог твой; Я укреплю тебя, и помогу тебе, и поддержу тебя десницею правды Моей» (Ис. 41:10) – красноречиво рисует состояние, в котором укреплял себя Колумб.

Немалое место в теологических изысканиях Колумба занимала и эсхатологическая тематика. Так, достаточно глубоко Колумб рассуждал о сроках конца света, о приближении Страшного суда. По его подсчетам, конец света должен наступить через 155 лет после первого путешествия, но прежде, благодаря золоту, добытому в «Индиях», Иерусалим будет отвоеван у неверных, а Гроб Господень возвращен Святой Церкви. Ведь даже сам год первого путешествия – год семитысячелетнего сотворения мира – воспринимался как год конца мира. Но путешествие Колумба стало реальным доказательством того, что мир не завершен, что жизнь мира продолжается. Практическое путешествие Колумба становилось теологическим действием, свидетельствующем о том, что будущее еще предстоит открыть, что исторические и географические перспективы человечества еще достаточно широки. Мир – религиозный и пространственный – по Колумбу, еще не закончен, еще ждет своего изучения и освоения. Сам Колумб относил конец света к 1666 году, а до этой даты, как глубоко был он уверен, предстоит выполнить еще много христианских задач.

Возможно, самым важным теологическим выводом и одновременно основанием для практического географического поиска Колумба стала идея освобождения Гроба Господ-

ня, которая сопровождала Колумба на протяжении всей жизни. Показательно, что теологические изыскания Колумба давали ему уверенность в том, что освобождение Гроба Господня придет не с Запада, как во времена крестовых походов, а с Востока, т. е. с его появления в Индии с Востока. В богословских заключениях Колумба появляется своеобразная практическая тео-география, с одной стороны, дающая новое видение мира, а с другой, – переосмысливающая священную историю, предлагающая оригинальные действия по ее развитию. Ведь новооткрытые земли, по мнению Колумба, должны были вписать новые страницы в историю взаимоотношений человека и Бога, а потому Новый свет становился в теологическом аспекте для Колумба новым светом, проясняющим отношения человеческого и Божественного.

Уже позднее, оглядываясь назад на совершенное Открытие, Колумб подчеркивал и теологически обосновывал его религиозную значимость: «Чудо явное пожелал содеять Наш Владыка моим плаванием в Индии, дабы утешить меня и небесную свою свиту. Семь лет провел я при королевском дворе, в споре со многими особами, сведущими в разных науках и обладающими авторитетом, и под конец решили они, что все, что я предлагаю, дело пустое, и в этом укоренились. Но затем народилось то, о чем возвестил Наш Искупитель Иисус Христос, а прежде него провидели святые пророки...» [Письмо Христофора Колумба, 1802, с. 286]. Промыслительность своего путешествия очевидна для Колумба, что еще более подчеркивается обнаруженным письмом к испанскому монарху: «Великий Боже! то было делом Твоим: ибо Ты наставил и вел меня к сей великой цели. Умилосердися надо мною и преклони ко мне сердца людей, которые еще любят справедливость и человечество!...» [Письмо Христофора Колумба, 1802, с. 287].

Несомненным для Колумба являлся визионерский характер его географического предназначения. Одно из писем сохранило нам рассказ Колумба о небесном гласе, дошедшего до него 6 апреля 1503 года, в тягостную минуту сомнений: «О глупец, нескорый в делах веры и служении твоему Господу, Владыке всего сущего! Свершил ли Господь больше для Моисея или для слуги своего Давида? С самого рождения твоего не оставлял Он тебя своими заботами. Когда же ты вырос и возмужал, что доставило Ему удовлетворение, Он сделал так, что имя твое стало звучать чудесным образом на земле. Индии – богатейшие части света – Он отдал тебе во владение. Ты разделил их так, как тебе было угодно, и Он дал тебе для этого полномочия. Он дал тебе ключи от заставы Океана, скрепленной мощными цепями, и подчинил тебе много земель, а среди христиан ты приобрел почет и славу... Ты в неверии взываешь о помощи. Ответствуй же, кто причинил тебе столько горестей — Бог или свет? Бог никогда не нарушает своих обетов и не отнимает своих даров. И не говорит после того, как Ему отслужена служба, что иными были Его намерения и что по-иному Он понимает их ныне... И не заставляет терпеть он муки, чтобы проявить свою мощь. Ни одно слово не пропадает даром — а все Им обещанное выполняется с лихвой. Таков Его обычай. Вот что совершил твой Создатель для тебя, и что Он свершает для всех... откинь страх, верь — все эти невзгоды записаны на мраморе и имеют причину» [Путешествия, 1961, с. 456]. Обретение уверенности в вере – важнейшее качество Колумба, позволившее ему добиться осуществления своих географических проектов.

А потому столь религиозно возвышенно, поистине в духе пророческого воззвания звучит письмо Колумба к испанской королеве: «Только Ваше Высочество поверила мне и в этой вере утвердилась. Кто же может сомневаться, что свет этот воссиял в ее душе от Духа Святого в той же мере, как и от меня, и что Дух Святой чудотворным сиянием своим сподобил Вас познать истину? А истина эта, высочайшая и светлейшая, содержится в сорока четырех книгах Ветхого завета, и в четырех Евангелиях, и двадцати трех посланиях святейших апостолов, и Вы вдохнули в меня жизнь, снарядив меня в путь, и с тех пор меня ободряете непрерывно» [Письмо Христофора Колумба, 1802, с. 287]. Теологически основанная вера, приведшая имя Христа в Новый свет, – вот что осознавалось Колумбом как основной импульс в преодолении всех препятствий.

Но не только Христоносцем, но и воином Христовым ощущал себя Колумб, уже самые первые шаги Колумба по землям Нового света определяются осознанием себя принадлежащим к воинству Христову. Стремление предстать истинным воином Христа приводит Колумба к обету, согласно которому он обещал за первые семь лет снарядить армию их 4 000 всадников и 50 000 пехотинцев, а за пять последующих – еще одну такую армию для освобождения Гроба господня. Идея вернуть Гроб Господень и затем перенести его в Новый свет и есть то религиозное основание, во имя которого Колумб и желал совершать открытия новых земель. В письме папе римскому Александру IV в 1502 году, в иных дошедших до нас документах Колумб постоянно акцентирует «желание вызволить Дом Святой и отдать его Святой Церкви...» [Raccolta, 1893]. Для этого он организует свои финансовые потоки таким образом, чтобы они аккумулировались в банке Св. Григория в Генуе (показательно, что именно в Генуе, а не в Испании), чтобы на эти деньги организовать поход за Гробом Господнем, однозначное требование чего он внес в текст первого завещания, причем сделал это таким образом, чтобы духовник имел возможность проконтролировать выполнение воли даже после смерти Колумба.

Религиозное воительство предстало для Колумба, по крайней мере в начале его открытий, как важнейший повод к преодолению пространства. Война с вне-христианским пространством, одоление этого пространства очевидно может рассматриваться как один из импульсов к первооткрытиям. Показательно, что первое золото, поступившее от открытий Колумба, было использовано для золочения сводов в Сарагосе – дворце мавританских королей. Символическая связь между войнами против врагов христианства на Пиренеях и против враждебного христианству пространства Нового света очевидна в этом символическом жесте: золото, добытое в новообращенных землях, органично входит в контекст победы над анти-христианством во всем мире. Тем самым само открытие Колумба может восприниматься как включенная в мировую – даже метафизическую! – войну христианства против врагов и врага рода человеческого. Само состояние духовной брани являлось для Колумба важным, практически результативным состоянием, способствующим реальным географическим открытиям. И пусть поход к Гробу Господню на доходы от открытий Колумба так и не был организован, пусть король Фердинанд посчитал более «рентабельным» не отвоевывать Гроб Господень, а заключить соглашение с египетским султаном, но открытие Нового света во многом произошло из-за духовно-религиозной позиции Колумба, осознававшего себя как одного из воителей Христовых.

Религиозным воительством Колумба не ограничивается спектр его теологического праксиса. Вся теология Колумба носила не только умозрительный характер, но и воплощалась в реальной практике – в чем можно увидеть актуальнейший урок для современности. И ярче всего этот праксис обнаруживается при обращении к религиозной специфике путешествий Колумба.

Примечательный факт, казалось бы, приводящий в сомнение относительно высоких религиозных устремлений Колумба: в его первой экспедиции не было ни одного монаха или священника. Однако в этом факте можно увидеть и иную сторону – Колумб так выстроил распорядок дня на кораблях первой экспедиции, что каждый член команды оказывался вовлеченным поистине в монастырскую атмосферу, преображался в «монаха», самим своим участием в деле, угодном Богу, совершая акт религиозного подвижничества. Устав, действующий на кораблях Колумба, напрямую соотносим с монастырским: «На каждом корабле юнга должен был встречать утреннюю зарю песней, начинавшейся так: «Благословен будь свет дневной, Благословен будь крест святой». После чего он читал «Отче наш» и «Аве Мария» и просил благословения команде. С заходом солнца, перед ночной вахтой, все матросы вызывались на вечернюю молитву. Церемония начиналась с того, что юнга зажигал лампу нактоуза и пел: «Дай нам, господь, доброй ночи, Доброго плавания дай кораблю. И капитану, и всей корабельной команде». Потом все матросы пели «Отче наш», «Верую» и «Аве Мария», в заключение исполнялась «Сальве Регина»»

[Путешествие, 1961, с. 85]. И пусть матросы искажали «без пощады мелодию» и «перевернули торжественную латынь», но от этого сам глубоко религиозный смысл их путешествия не исчезал.

Ощущение своего путешествия как находящегося в особой благодати Божьей пронизывает все мировосприятие Колумба. В целом духовно-психологическая ситуация на кораблях Колумба, постоянное нахождение экипажа в пограничных ситуациях, на грани возможной гибели, требовали постоянной духовной крепости, уверенности, что только личное благочестие и благочестие капитана способно спасти жизнь. Показательно поведение экипажа и Колумба в эпизодах жесточайших бурь, когда буквально смерть уже казалась рядом. Страх Божий как христианская добродетель не покидала Колумба. В дневниковых записях зафиксировано: «Адмирал имел большое желание доставить столь великие вести и доказать тем самым, что он был прав, когда говорил о [будущих] открытиях и их предсказывал. Но величайший страх внушала ему мысль, что он не завершит [свое дело] и что любой комар, как он говорит, может ему повредить и помешать... Страх этот адмирал приписывает своему маловерию и тому, что ослабла у него вера в Божественное провидение... и Бог удовлетворил желания адмирала, ибо после того как в Кастилии были преодолены многочисленные препоны и помехи в его делах и положен конец им и с помощью божьей налажено все это предприятие, и Бог, вняв адмиралу, дал ему все, что тот у него просил, можно было надеяться, что дарует господь и сейчас завершение начатого и доставит адмирала в сохранности [в Кастилию]... Бог, существующий извечно, дал ему силу и мужество, чтобы устоять против всех» [Путешествия, 1961, 99]. Развернутая цитата характеризует духовное и душевное состояние Колумба, а главное – показывает процесс преодоления слабости именно благодаря укреплению веры, достижение практического результата из-за уверенности в своей религиозной правоте.

Практическая результативность теологических воззрений нашла свое отражение в принятии обетов, призванных доказать верность христианскому учению. Можно вспомнить тот самый выбор жребия, который происходил во время бури, когда корабль Колумба возвращался в Испанию: именно Адмиралу дважды выпадает помеченный крестом боб, означавший необходимость совершить паломничество к Святой Деве Марии Гваделупской, поставить свечу весом в 5 фунтов. И уже на земле, после возвращения, изумленные жители наблюдали величественную в своем смирении процессию моряков Колумба, шествующих босиком, в одних рубахах к часовне Девы Марии...

И как теологический вывод выглядит финал дневника первого путешествия, приведенный Лас Касасом: «И верит он (Колумб) убежденно и безраздельно, не допуская никаких сомнений, и твердо знает: Бог творит одно только благо, и все на земле, исключая греха, есть благо, и нельзя себе ни вообразить, ни помыслить что-либо без Всевышней на то воли» [Путешествия, 1961, 102].

События, происходящие после первого путешествия, могут также рассматриваться как воплощение теологических воззрений Колумба в практическую сферу. Именно священнослужителю, архидьякону Севильи Хуану Родригесу де Фонсеке, было дано поручение наладить регулярное сообщение с Новым Светом, тем самым, очевидно, признана необходимость установления связи с Новым светом в религиозном контексте. Кроме того, была четко осознана задача христианизации новых земель, а потому уже во второй экспедиции Колумба было 12 проповедников, во главе – монах-бенедиктинец Бернардо Бойль, назначенный апостолическим викарием Нового Света. По сути, можно говорить, что благодаря открытиям Колумба, практически была возрождена апостолическая традиция преобразования мира. Конечно, реальные события, негативный формат стратегии освоения внес свои коррективы – через непродолжительное время Бойль захватывает корабли без согласования с Колумбом и бежит в Испанию, но сам первоимпульс весьма показателен.

Восприятие всей своей жизни как сакрального действия, осознание себя в качестве призванного выполнить религиозный долг – таков итог самооценки Колумба. Его мас-

штабные религиозные проекты освобождения Гроба Господня, перенесения Гроба Господня в Новый свет, практические действия по христианизации новооткрытых земель, теологические разработки, визионерский опыт – все это укладывается в единый спектр христианских задач, выполнению которых посвятил свой земной путь Адмирал Моря-Океана. В своем завещании Колумб писал: «Именно меня Бог удостоил откровения, указав мне, где следует искать новое небо и новую землю, ту, что Господь предвестил устами Иоанна в его Апокалипсисе, ту самую, о которой еще прежде поминал Исая» [Элиаде, 2-22, с. 156]. И эта уверенность в исполнении своего христианского долга звучит в последних словах Колумба: «В руки твои, Господи, предаю душу свою!».

Великий путешественник, отважный капитан и смиренный христианин – таким предстает Колумб для нас. Сохранение дара веры и способность воплотить этот дар в реальные результаты есть важнейший урок Колумба для нашей современности.

Список источников

- Ирвинг В. 1992. Жизнь и путешествия Христофора Колумба. Харьков, Око, 608 с.
Морисон С.Э. 1958. Христофор Колумб, мореплаватель. Перевод с англ. Н.В. Банникова. (Christopher Columbus mariner. By Samuel Eliot Morison. Boston-Toronto, 1955). М., Издательство иностранной литературы, 216 с.
Письмо Христофора Колумба к Гишпанскому Королю, недавно найденное, 1802. Вестник Европы. Часть 4. № 16. С. 282–286.
Путешествия Христофора Колумба. 1961. Дневники, письма, документы. Пер. с исп. Я.М. Света. М.: Географгиз, 515 с.
Свет Я. М. 1973. Колумб. М., Молодая гвардия, 368 с.
Цвейг С. Подвиг Магеллана. Человек и его деяние; Америго. Повесть об одной исторической ошибке. 2010. М.: АСТ, 380 с.
Raccolta di documenti e studi colombiane, pubblicati dalla Reale Commissione Colombiana pel quarto centenario dalla scoperta dell'America, P. I–VI, 1892–1896. Roma. P. I, v. II.
Coleccion de los documentos ineditos relativos al descubrimiento, conquista y organisation de las antiguas posesiones espanolas de Ultramar, Vol. 1–25, Madrid.

Список литературы

References

- Элиаде М. 2002. История веры и религиозных идей. М., Критерион, 352
Eliade M. 2002. Istoriya very i religioznyh idej [The history of faith and religious ideas]. Moscow, Publ. Kriterion, 352 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 28.11.2022

Поступила после рецензирования 28.02.2023

Принята к публикации 30.08.2023

Received November 28, 2022

Revised February 28, 2023

Accepted August 30, 2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесников Сергей Александрович, доктор филологических наук, проректор по научной работе Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью), профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Kolesnikov, Doctor of Philology, Professor of Vice-Rector for Research at Belgorod Orthodox Theological Seminary (with missionary focus), Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Belgorod, Russia

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, КОММУНИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИИ SCIENTIFIC LIFE, COMMUNICATIONS AND REVIEWS

УДК 281.911+291+322

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-3-642-646

Как возможна политическая теология православного христианства?

(Рецензия на книгу: А. Папаниколау. Мистическое как политическое. Демократия и не-радикальная ортодоксия. Киев : Дух і літера, 2021. 360 с.)

Петрунин В.В.

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева,
Россия, 302026, Орёл, ул. Комсомольская, 95

petrunin@list.ru

Аннотация. В представленной к рецензии монографии эксплицируется современный опыт построения православной политической теологии в условиях либеральной демократии. Авторский подход к изучению политической реальности, основанный на выявлении связей между православным учением о теозисе и политическими практиками человека, представляется достаточно оригинальным вкладом в развитие православной политической теологии, что и предопределило выбор представленной книги для рецензии. Рецензент обратил внимание на авторский обзор исторического развития православной политической теологии, а также выделил основные проблемные области, представленные в монографии (взаимосвязь политической теологии с православной экклезиологией, богообщение и современная демократия, проблема прав и свобод человека и др.). В рецензии показана ключевая идея книги, которая заключается в том, что современная западная демократия является единственным историческим примером политического пространства, в рамках которого возможна полноценная реализация православного учения о богочеловеческом общении. В заключении рецензии сделан вывод о приверженности автора традиции византизма, несмотря на критическое осмысление византийской концепции симфонии властей.

Ключевые слова: религиоведение, политическая теология, православное христианство, теозис, либерализм, демократия

Для цитирования: Петрунин В.В. 2023. Как возможна политическая теология православного христианства? (Рецензия на книгу: А. Папаниколау. Мистическое как политическое. Демократия и не-радикальная ортодоксия. Киев : Дух і літера, 2021. 360 с.). NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 48(3): 642–646. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-642–646

How Is the Political Theology of Orthodox Christianity Possible? (Review of the book: A. Papanicolaou. The Mystical as Political. Democracy and Non-Radical Orthodoxy. Kiev : Dukh i litera, 2021. 360 p.)

Vladimir V. Petrunin

Orel State University,
95 Komsomolskaya St, Orel 302026, Russian Federation

petrunin@list.ru

Abstract. The monograph presented for the review features modern experience of building Orthodox political theology in a liberal democracy. The author's approach to studying political reality, based on the identification of links between the Orthodox doctrine of theosis and political practices, makes an original

© Петрунин В.В., 2023

contribution to the development of Orthodox political theology, which determined the choice of the given book for the review. The reviewer commented on the author's outline of the historical development of Orthodox political theology, and highlighted the main issues presented in the monograph (the relationship of political theology with Orthodox ecclesiology, communion with God and modern democracy, the problem of human rights and freedoms, etc.). The review shows the key idea of the book. It is that modern Western democracy is the only historical example of a political space within which the full implementation of the Orthodox doctrine of divine-human communication is possible. The review concludes that the author adheres to the tradition of Byzantism, despite the critical interpretation of the Byzantine concept of the symphony of authorities.

Keywords: religious studies, political theology, Orthodox Christianity, theosis, liberalism, democracy

For citation: Petrunin V.V. 2023. How Is the Political Theology of Orthodox Christianity Possible? (Review of the book: A. Papanicolaou. *The Mystical as Political. Democracy and Non-Radical Orthodoxy*. Kiev : Dukh i litera, 2021. 360 p.). *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(3): 642–646 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-642–646

В современном отечественном религиоведении одной из проблемных областей, привлекающих особый исследовательский интерес, выступает политическая теология христианства. Представленная к рецензии книга¹ является одним из примеров не только современного осмысления политической проблематики в рамках православного христианства, но и представляет попытку ответа на вопрос: каким образом сегодня возможна православная политическая теология?

Автором книги является американский православный богослов Аристотель Папаниколау, который интересен для нас тем, что являлся членом богословской комиссии, подготовившей документ «За жизнь мира. На пути к социальному этосу Православной Церкви». Этот документ является социальной доктриной Константинопольского Патриархата, появившейся на свет в 2020 году. Идеи, представленные в рецензируемой монографии (на английском языке книга была опубликована в 2012 году), нашли свое выражение и в данном документе.

Во введении к монографии автор заявляет, что его труд «представляет собой попытку формулирования (не-радикальной) православной политической теологии», опирающейся на принцип бого-человеческого общения и «однозначно поддерживающей политическое сообщество, которое является демократическим в том смысле, что оно ориентируется на современные либеральные принципы свободы выбора, религиозной свободы... защиты прав человека... и разделения церкви и государства» (с. 36–37). Таким образом, Папаниколау сразу определяет цель своего исследования – обосновать совместимость православного христианства с современным либерально-демократическим контекстом.

Рассматриваемая монография содержит пять глав. В первой главе «Православная политическая теология в течение столетий» (с. 39–104) автор дает исторический обзор развития политической мысли в православном христианстве. Основная цель, которую ставит автор, заключается в рассмотрении влияния учения об обожении на православную политическую теологию. При этом Папаниколау признает, что сам тезис об этом влиянии является дискуссионным в современном православном богословии.

Исторический обзор начинается с византийского периода, в котором автор выделяет политическое учение Евсевия Кесарийского, кроме того упоминаются социально-политические воззрения таких христианских писателей, как Афанасий Александрийский, Василий Великий, Иоанн Златоуст, Григорий Нисский, Григорий Богослов. Не оставляет без внимания автор и византийское учение о симфонии, классическая формулировка ко-

¹ Папаниколау А. Мистическое как политическое. Демократия и не-радикальная ортодоксия. Пер. с англ.: А. Кырлежев. Киев : Дух і Літера, 2021. 360 с.

тогого принадлежит императору Юстиниану Великому. Подводя итог развитию политической теологии православного христианства в византийский период, Папаниколау отмечает, что в этот период не было создано ничего, подобного политическим трудам Августина Блаженного, а сама идея христианской империи не подвергалась сомнению.

Дальнейшая экспликация политической мысли православия заставляет автора обратиться к русскому вкладу в развитие политической теологии православного христианства. Американский теолог дает исторический обзор взаимодействия империи и церкви в русской истории, а потом обращается к теоретическим построениям русских мыслителей, отмечая, что XIX век стал для православной политической теологии наиболее продуктивным периодом.

Вместе с тем достаточно спорным выглядит выбор имен для анализа – Владимир Соловьев и Сергей Булгаков. Папаниколау подчеркивает принадлежность их к софиологической традиции, которую невозможно рассматривать в контексте православной ортодоксии. Тем не менее автор говорит о важности теоретических построений русских мыслителей, касающихся обоснования христианской политики, которая должна исходить из двух заповедей Христа – любви к Богу и ближнему (Мф. 22. 35-40).

После обращения к русской мысли автор останавливается на вкладе в политическую теологию других православных народов, справедливо замечая, что в Европе православные народы свое государственное строительство осуществляли в рамках национального государства, что отражалось и на идейных течениях православной мысли. Данное обстоятельство привело к появлению особого направления в рамках православной политической теологии, которое Папаниколау именуется «этнотеологией». Обращаясь к современности, американский теолог дает критический анализ политических положений «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви»¹ – документа, с которого началось формирование социальной доктрины Московского патриархата.

Выводы к первой главе не оставляют нам ясного представления о том, каким образом учение о теозисе влияло на православную политическую мысль. Достаточно странным выглядит совершенное игнорирование автором вклада в развитие православной политической мысли поздневизантийских богословов, прежде всего Григория Паламы и Николая Кавасилы², при том, что именно в этот период происходит окончательное доктринальное оформление православного учения о теозисе в качестве догмата Православной Церкви.

Во второй главе «Евхаристия или демократия?» (с. 105–153) автор рассматривает взаимосвязь политической теологии православия с христианской экклезиологией. Экпликация данной взаимосвязи строится на критическом анализе взглядов двух современных американских богословов (Стенли Харакас и Виген Гуроян). Харакас переосмысливает византийское учение о симфонии церкви и государства в контексте современной американской государственности, приходя к выводу о том, что православным христианам следует «рассматривать американскую ситуацию не как странную, а как совместимую с их собственной традицией» (с. 111). Т. е. в современных США он видит характерные черты византийской симфонической модели, которая строится на других политико-правовых основаниях – разделении церкви и государства.

Рассматривая богословскую позицию Вигена Гурояна, Папаниколау указывает на его критическое отношение к построениям Харакаса, опирающееся на евхаристическую экклезиологию Иоанна Зизиуласса. Гуроян подчеркивает понимание церкви как эсхатологической общины, существующей вокруг евхаристии. Соответственно отношение церкви

¹ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Информационный бюллетень Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. 2000. № 8. С. 5-105.

² О влиянии исихазма на политическую жизнь православного мира см.: Петрунин В.В., Штёкль К., Хоружий С.С. О политическом исихазме // Феномен человека в его эволюции и динамике: Труды Открытого семинара Института Синергийной Антропологии. Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2013. С. 190-245.

к государству должно строиться на понимании последнего как части греховного мира, преобразование которого является основной задачей христианской миссии. Разделение церкви и государства является результатом секуляризации и юридически закрепляет автономность политической сферы, что совершенно неприемлемо для христианского понимания церкви и ее миссии в этом мире. Папаниколау говорит о близости взглядов Гурояна с богословским обоснованием христианской политики католическим теологом Уильямом Кавано. Гуроян и Кавано подчеркивают, что политическое пространство также подлежит евхаристизации. Церковь, понимаемая как богочеловеческий организм, призвана воплотить мистическое в политическом. Папаниколау не согласен с главным выводом из богословских построений как Гурояна, так и Кавано – «о несовместимости церкви как евхаристической общины и политического сообщества, основанного на принципах современного демократического либерализма» (с. 145).

Третья глава «Личность и права человека» (с. 155–228) посвящена анализу христианской критики современной либеральной демократии. Папаниколау акцентирует свое внимание на либеральном понимании прав человека, тем самым смещая акценты с экклезиологии на православную антропологию. Прежде всего американский теолог обращается к рассмотрению различных точек зрения в православной теологии на проблему прав человека. Анализируя творчество Христоса Яннараса, Вигена Гурояна и социальную доктрину Московского патриархата («Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека»¹) Папаниколау определяет их отрицательную позицию по отношению совместимости либерального понимания прав человека с православием. Другая точка зрения представлена в творчестве таких богословов, как Джон Макгагин и Анастасий Яннулатор. Общим для всех православных теологов является рассмотрение проблемы прав человека в контексте христианского понимания человека, призванного к общению с Богом.

Дальнейшее раскрытие темы приводит Папаниколау к рассмотрению православного понимания личности (В.Н. Лосский, Христос Яннарас, Иоанн Зизиулас), которое показывает, что укорененные в современном западном мире права человека являются, в том числе, следствием любви Бога к своему творению. Соответственно, «православные могут рассматривать демократию, как такую форму правления, которая более всего способна оберегать и поддерживать права человека» (с. 223).

В четвертой главе «Бого-человеческое общение и общее благо» (с. 229–278) автор анализирует критику современной либеральной демократии со стороны неправославных христианских мыслителей, таких как Стенли Хауэрвас, Джон Милбанк, Грэм Вард, Чарльз Мэтьюз и Эрик Грегори. Общим для этих теологов является постулат о несовместимости либерализма с христианством. Хауэрвас подчеркивает невозможность поддержки со стороны церкви любой формы политического устройства, в том числе и либеральной демократии. Милбанк говорит об онтологических основаниях противостояния христианства и либерализма, подчеркивая нелегитимность секулярной демократии. Более того, демократия возможна только в том случае, если она ставит перед собой теологическую перспективу. Вард, Мэтьюз и Грегори рассматривают указанную проблему с практической точки зрения, пытаясь дать ответ на вопрос: как возможна христианская практика в условиях современной либеральной демократии? Папаниколау предлагает снять конфликтное противостояние между либеральной демократией и христианством посредством концепции «общего блага». Либеральное понимание общего блага можно соотнести с его теоретическим обоснованием в рамках бого-человеческого общения.

В пятой главе «Говорение правды, политическое прощение и свобода слова» (с. 279–326) автор поднимает проблему прощения в политике, рассматривая ее в контексте бого-человеческого общения. Данный аспект важен с точки зрения той роли, которую играет прощение для формирования равного присутствия множества идентичностей в демократическом политическом пространстве. Прощение Папаниколау рассматривает в соотнесе-

¹ Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428616.html> (дата обращения: 26.02.2023).

нии с христианской исповедью, которая непосредственно связана с говорением правды, что предполагает опыт обретения самого прощения. Само говорение правды американский теолог рассматривает как важную часть бого-человеческого общения. Папаниколау выстраивает смысловую цепочку – говорение правды, политическое прощение, свобода слова – которая позволяет в демократическом обществе решать актуальные для него проблемы. В качестве примера он приводит изменение в американском обществе отношения к женщинам, черным и ЛГБТ-сообществу, которое стало возможным благодаря свободе слова, т. е. возможности говорить правду и последовавшем за этим взаимном прощении конфликтующих сторон. Достаточно спорным в этом контексте выглядит обращение автора к еще одной проблеме, которая раскалывает современное американское общество, – право женщин на аборт. Папаниколау полагает, что в контексте его построений возможно «способствовать взаимопониманию и даже породить эмпатию» у двух сторон спора (с. 326), что выглядит проблемным утверждением для православного теолога в рамках христианского понимания аборта как тяжкого греха.

В кратком заключении к рецензируемой монографии автор подводит итоги своего, несомненно, важного для православной политической теологии труда, в котором говорит о взаимосвязи мистики и политики в православном христианстве. Бого-человеческое общение, понимаемое Папаниколау как исполнение заповеди о любви, призвано реализовать христианские принципы мирского бытия и в политическом пространстве. Сама политика должна быть переосмыслена как аскетическая практика, результатом которой должно стать «формирование политического пространства, напоминающего либеральную демократию» (с. 331).

Таким образом, Аристотель Папаниколау говорит о возможности экспликации современной политической теологии православного христианства только в рамках западной либеральной демократии. Такой вывод говорит о сохраняющейся приверженности автора традиции византизма в политической теологии, несмотря на озвученный тезис о необходимости ухода от византийских политических концепций (симфонии) при построении современной политической теологии православного христианства. Автор заменяет Византийскую империю на современный либерально-демократический Запад, тем самым попадая в ловушку христианского цезарепапизма, примером отхода от которого и объявлялся рецензируемый научный труд.

На наш взгляд, представляется более обоснованной и перспективной для развития православной политической теологии позиция Московского патриархата, выраженная в его социальной доктрине. В «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» ясно говорится о том, что в современных условиях следует придерживаться позиции, заключающейся в декларировании «непредпочтительности для Церкви какого-либо государственного строя, какой-либо из существующих политических доктрин»¹.

Поступила в редакцию 28.11.2022
Принята к публикации 30.08.2023

Received November 28, 2022
Accepted August 30, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Петрунин Владимир Владимирович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры теологии, религиоведения и культурных аспектов национальной безопасности, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, г. Орёл, Россия.

Vladimir V. Petrunin, PhD in Philosophical sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theology, Religious Studies and Cultural Aspects of National Security, Orel State University, Orel, Russia.

¹ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Информационный бюллетень Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. 2000. № 8. С. 22.

УДК. 316.354: 351/35

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-3-647-652

**Угроза бессмертия.
(Рецензия на книгу: В.А. Кутырёв. Чело-век технологий.
Цивилизация фальшизма. СПб. : Алетейя, 2022. 288 с.)**

А.С. Тимощук

Владимирский юридический институт ФСИН России,
Россия, 600020, г. Владимир, ул. Б. Нижегородская, 67
timos@33.fsin.gov.ru

Аннотация. В последней книге В.А. Кутырёв объясняет истерзанному пандемией и техносом обществу, что с ним происходит. В рецензии разбираются идеи Кутырёва о безальтернативности души, вечности, веры, свободы и прочей нетленной архаики, о том, что неутолимая жажда новых технологий неизбежно вращается вокруг брэнной телесности. Проблематизируются метафоры Кутырёва, такие как мозги в банке, церебральные чипы, сверхчувствительные импланты, симметрия людей и вещей, наномашин, технологическая сингулярность, COVID-паспортизация. Отмечено, что яркая подача помогает Кутырёву не забалтывать всевозможные вбросы, а раскрывать их античеловечную сущность. Анализируется стиль подачи «цивилизации фальшизма»: липовый, подложный, мнимый, фиктивный, контрафактный, бутафорский, подставной, лицемерный, ложный, лживый, паразитный, притворный, фальсифицированный, симулированный – таковы разнообразные эпитеты, используемые Кутырёвым для описания глобального механизма фальшизации, идеологии симулякров.

Ключевые слова: трансгуманизм, фальшизм, симулякры, транссексуализм, бессубъектность, бездуховность, закат культуры, небытие, меон, техноложество

Для цитирования: Тимощук А.С. 2023. Угроза бессмертия. (Рецензия на книгу: В.А. Кутырёв. Чело-век технологий. Цивилизация фальшизма. СПб. : Алетейя, 2022. 288 с.). *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 48(3): 647–652. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-647–652

**The Threat of Immortality.
(Review of the book: Kutyrév V.A. Man of Technology. Civilization of falsism.
St. Petersburg : Aleteyya, 2022. 288 p.)**

Alexey S. Timoshchuk

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
67 B. Nizhegorodskaya St, Vladimir 600020, Russian Federation
timos@33.fsin.gov.ru

Abstract. In his last book V.A. Kutyrév explains to the society tormented by the Pandemic and the Technos what is happening to him. He screams about the lack of alternatives of the soul, eternity, faith, freedom and other imperishable archaism, that the unquenchable thirst for new technologies inevitably revolves around the mortal corporality. “Brains in a jar, neural networks, cerebral chips, supersensitive implants, symmetry of people and things, nanomachines, technological singularity, COVID-certification”. Kutyrév does not allow all sorts of stuff to be blurred and reveals their anti-human essence in his post-COVID bestseller. “Fake, imaginary, fictitious, counterfeit, sham, hypocritical,

© Тимощук А.С., 2023

false, deceitful, parasitic, feigned, falsified, simulated” – these are the various epithets of the civilization of falsity, the global mechanism of falsification, the ideology of simulacra.

Keywords: transhumanism, falsity, simulacra, transsexualism, lack of subjectivity, lack of spirituality, decline of culture, non-existence, meon

For citation: Timoshchuk A.S. 2023. The Threat of Immortality. (Review of the book: Kutyrev V.A. Man of Technology. Civilization of falsism. St. Petersburg : Aleteyya, 2022. 288 p.). NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(3): 647–652 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-647–652

4 октября 2022 года ушёл из жизни великий антропоконсерватор, методолог гуманитарного познания, замечательный российский учёный и гражданин Нижнего Новгорода, Кутырев Владимир Александрович. Его последняя монография проблематизирует технологию как судьбу, Технос как благо. Именно она была выбрана для рецензирования, поскольку книга стала итогом целой серии антропологических штудий Владимира Александровича: «Человеческое и иное: борьба миров» (2009), «Бытие или ничто» (2010), «Время Mortido» (2012), «Последнее целование. Человек как традиция» (2015), «Унесённые прогрессом: эсхатология жизни в техногенном мире» (2016), «Сова Минервы вылетает в сумерки» (2018), «Человечество и Технос: философия коэволюции» (2020). Последняя монография предлагается как разработка практической, жизненной философии (field philosophy) для укрепления в духе всех, кто не желает становиться открытой целостностью, превосходящей границы вида.

Книга «Чело-век технологий. Цивилизация фальшизма» адресована как профессиональному сообществу, где В.А. Кутырёв занимал признанное почётное место, так и всем россиянам, кто сомневается в фатальности прогресса. Книга состоит из VI частей, написанных как экзистенциальные эссе и связанных единой темой переживания угрозы технологической сингулярности. Для раскрытия темы автор прибегает к публицистической критике акторов трансмодернизма (Р. Курцвейлер, Ю. Харари, Б. Гейтс и др.), саркастическому разбору маркетинговых стратегий («сделано с умом», «интеллектуальный продукт», «сделано при участии нейросети», «Яндекс есть – ума не надо» и т.п.), столкновению биологического и цифрового, неологизмам («робовладельческое общество», «светлобесие»), концептуальным метафорам («общество спектакля», «засилье брендов», «потребление знаков» «преступное творчество», «атеистическое доказательство бытия Бога», «небытие определяет сознание»), пафосных заявлений и героических прокламаций («или мы останемся какие есть, или нас не будет», «гребите против течения»). Особенности мышления Кутырёва – обличительный стиль его прозы, продолжающей гуманистические традиции Августина, Эразма, Мора, Руссо, Толстого и Достоевского.

Почему самообман стал технологией развития? Фальшизм – это удобно. Это новая нормальность, вменение нормы: «самоизоляция, виртуальное online образование, дистанция и маски – это буквальная реализация отчуждения» [Кутырев, 2022, с. 159]. В постмодернистской риторике стирается граница между текстом, интертекстом и контекстом, произведением искусства и штампованным изделием, конструкцией и деконструкцией. Постмодернистские конструкции – это структуры созидания в условиях новой нормальности и информационной разобщенности, фиктивных социокультурных объектов, цифровизации онтичности, провокативности и быстрой реактивности медийной среды. Постепен-

ный отказ от бытийности вещей осуществляется с помощью замены текста грамматологией и меонизмом. Суррогаты, симулякры, фейки, управление хаосом – многоходовая игра требует неординарных решений вроде переворачивания шахматной доски и введения туда новых фигур, правил и тактик. Фактически вместо классической игры мы получаем «мерцающие шахматы», когда в любой момент фигура может поменяться или любая фигура может вести себя как угодно. Усложнение правил игры вызвано достижением границ роста глобальной экономической системы. Мировые игроки ради замедления кризисных процессов готовы использовать серые схемы в виде нацизма, терроризма, фашизма, постмодернизма, идеологии бестиализма или «белокурого зверя» [Кутырев, 2022, с. 127].

Кутырёв концептуализирует постмодерн как инструмент разрушения архаики, как метатеорию неустойчивости, транспозитивности социальных отношений. Деконструкторский характер постмодерна проявляется в преодолении тео-онто-фоно-фаллологоцентризма или вообще идеи центра как культуремы, когда социальная сложность описывается как ризома, хаосмос, номадизм, разрыв, метаязык, складка, лабиринт, игра, постправда, контекст, проективность, интертекст, симулякр, бриколаж, шизоанализ, гибридность, янусовидность.

Для благополучной и счастливой жизни золотому миллиарду не хватает средств. Количество благ выросло благодаря дешевым кредитам США, дешевым азиатским рабочим ресурсами и доступным ценам на углеводороды. Мультипликация необеспеченных активов, надувание пузыря спекулятивной экономики сделали нас жертвами фальшизации общества, повторяющими мантру «прогресс не остановишь» [Кутырев, 2022, с. 22–23]? В этой фразе – фатализм и скрытое зло. Как можно радоваться тому, что нас отрицает? Как можно делать из трансгуманизма маркетинг?

Юваль Харари перешел от военной истории и глобалистики в трансгуманизм: слежка под кожей, взлом гомокода и т.п. Клаус Шваб из экономиста стал апологетом цифрового контроля. Трансгуманизм – это веяние моды, привлекательный маркетинг, т. к. вечные ценности христианства слишком простые для продвижения на рынке.

Постчеловеческое существование основано на экономиксизме, или такой теории хозяйствования, где учат не как работает экономика, а как двигаются финансовые потоки. Цифровая экономика требует дигитального человека. При этом сохраняется трансмодернистская монополия на экономическое образование [Кутырев, 2022, с. 185]. Механизмы финансового кризиса основаны на кумулятиве процессов и действий: девальвация доллара, закредитованность, отказ от золотого эквивалента, виртуализация экономики, создание фиктивных активов через фондовые рынки, скрытые финансовые махинации, разрастание финансовых инструментов (фьючерсов, опционов, свопов), подавление конкурентов с помощью государственного влияния, использование локальных и рейдерства войн как антикризисных сценариев. Искусственная мультипликация денег не может быть основой глобальной устойчивости, а пузырь фиктивных капиталов рано или поздно должен был лопнуть.

Абсурдизация, переворачивание смыслов, деонтологизация знаний, игра, манипуляция – всё это примеры неклассического информационного управления [Кутырев 2022, с. 143]. Следует различать, однако, онтологическую сложность и неклассическую (постмодернистскую) изощренность. Мир действительно сложен на всех уровнях бытия. Для описания этих напластований комплексности было предложено несколько терминов. Так, после мирового экономического кризиса стал циркулировать термин «новая нормальность» как образ онтогносеологической сложности, наслоения уровней и модальностей, смешение хаоса и порядка.

Старая классическая нормальность – уходящая натура [Кутырев, 2022, с. 67]. Новая нормальность породила много описаний, от самых нейтральных – «чрезвычайная ситуация порождает много возможностей для управляющего класса», «социальная дистанция становится физической» до критических – «принуждение к единодушию», «безальтернативное изменение правил игры», «административный ад» и постмодернистских «симулякр нормальности», «акт неожиданной дефекации через рот», «ребенок, неожиданно обретенный от мужчины сзади». Сущее и должное в постмодернистской теории права предстают рассогласованным единством регулятивов, а их двойственность снимается игрой, хайпом, бесконечной рекомбинацией смыслов.

Пандемия стала новым кейсом новой нормальности, когда логика повседневности была прошита паранепротиворечивыми нитками: «коронавирус хорошо изучен, однако он непредсказуем», «вирус очень опасный, но летальность у него низкая», «следите за обонянием, хотя это симптом многих инфекций», «вакцинация добровольна, но у Вас нет права отказываться от прививки». Ранее для описания сложности в политике использовался акроним VUCA, который фиксировал неустойчивость среды (volatile), неопределённость (uncertain), сложность (complex) и многозначность (ambiguous). Гибридность новых войн как раз заключается в избирательном, комбинированном отношении к противнику: здесь торгуем, здесь воюем; этот союзник хорош в одном, но вредит нам в другом; асимметричный удар по противнику в экономической сфере повлиял на состояние энергобезопасности союзника.

Постчеловеческие технологии паразитируют на эмоциональности потребителя, провокативности, хаосмосе, сарказме, гибридизации, симулякрах, фиктивности, лицемерии, фальсификации. Эту реальность можно назвать «виртуальный реализм», «синтетический реализм» [Кутырев 2022, с. 47].

Реальность – это то, в чем уверены люди, что транслируют. Постмодернистский консенсус позволяет держать аудиторию, кормить её информационными нарративами про малазийский Боинг, отравления. Спекулятивная финансовая система, виртуальная коммуникативная реальность, рост стоимости нематериальных активов – таковы результаты деонтологизации.

Добавление постмодернистского оператора смыслов призвано скрыть ухудшение качества жизни, снижение качества информации. В условиях деградации классического бытия образцы культуры деконструируются не просто в помой, а симулякры помоев.

«Вечное присутствие» Кутырёва в отечественной философии воплощает время, которое самостоятельно осуществляет торможение, протестуя против самодовольного безальтернативного прогрессивизма. Кутырёв противопоставляет фатальному трансгуманизму антропологию традиции. Миссия Человека во Вселенной должна быть выполнена до конца и Кутырев надеется, что содействовал её осуществлению. Нам он завещает в своей итоговой книге оставаться человеком и иметь мужество быть. «Девиз глобального антропоконсерватизма: Живые люди всех стран – соединяйтесь!».

Выставляя напоказ маркетинговые манипуляции с образом ИИ (являющимся на самом деле программированием обратной связи), В.А. Кутырёв делает такой комментарий: «В теории познания в качестве ее достижения официально провозглашено возникновение чудовищной в своем патологизме категории: «постистина», которая все шире распространяется (вариант перевода: постправда)! Поистине говоря, категория/концепт лжи, поиск которой теперь и становится содержанием со(по)знания человека. Где, как замаскировать от себя знание/истину того, что происходит – вот чем озабочено множество теоретиков. Большинство бессознательно, но появляются и циничные, «акселеративные», требующие ускорения чего угодно любой ценой. Включив в свой категориальный аппарат

«постистину», теория познания покончила самоубийством. Это самострел Homo sapiens в голову, проявление его Dementia в связи с началом замены естественного сознания Искусственным Интеллектом. «Расчистка места» для его следующего этапа. Лежащая на поверхности связь между успехами науки и технологий с разрушением человекоориентированного мышления как условия продолжения жизни на Земле не обсуждается, а если обсуждают, то запутывая суть дела пылевым облаком непрерывно из(за)меняемой терминологии, бесплодного или ядовитого ученого праздномыслия» (с. 12–13).

В.А. Кутырев своим заключительным аккордом резонирует, что философ сопротивления должен сдерживать бездумный прогресс через феноменологический консерватизм; против засилья коммуникаций и трансгуманизма; в защиту природы и культуры от агрессии манипулятивных, внешних и проникающих внутрь, в наследственность и в мозг человека технологий, против космизма и виртуализма ради сохранения жизни жизни и людей на Земле.

Список литературы

- Кутырев В.А. 2009. Человеческое и иное: борьба миров. СПб., Алетейя, 262 с.
Кутырев В.А. 2009. Бытие или ничто. СПб., Алетейя, 496 с.
Кутырёв В.А. 2012. Время Mortido. СПб., Алетейя, 336 с.
Кутырёв В.А. 2015. Последнее целование. Человек как традиция. СПб., Алетейя, 312 с.
Кутырёв В.А. 2016. Унесённые прогрессом: эсхатология жизни в техногенном мире. СПб., Алетейя, 300 с.
Кутырёв В.А. 2018. Сова Минервы вылетает в сумерки (Избранные философские тексты XXI века). СПб., Алетейя, 526 с.
Кутырёв В.А., Хусьяинов Т.М., Слюсарев В.В. 2020. Человечество и технос. Философия коэволюции. СПб., Изд. Алетейя, 260 с.
Кутырев В.А. 2022. Человек технологий. Цивилизация фальшизма. СПб., Алетейя, 288 с.

References

- Kutyrev V.A. 2009. Chelovecheskoye i inoye: bor'ba mirov [Human and Other: The Struggle of the Worlds]. SPb, Publ. Aleteyya, 262 p.
Kutyrev V.A. 2009. Bytiye ili nichego [Being or nothing]. SPb, Publ. Aleteyya, 496 p.
Kutyrov V.A. 2012. Vremya Mortido [Mortido time]. SPb, Aleteyya, 336 p.
Kutyrov V.A. 2015. Posledneye tselovaniye. Lyudina yak traditsiya [Last kiss. Man as tradition.]. SPb., Publ. Aleteyya, 312 p.
Kutyrov V.A. 2016. Unesonnyu progress: eskhatologiya zhizni v tekhnogenom mire [Carried away by progress: the eschatology of life in the technogenic world]. SPb., Publ. Aleteyya, 300 p.
Kutyrov V.A. 2018. Sova Minervi vilitaê v sumerki (Izbrannyye filosofskiye teksty XXI veka) [The Owl of Minerva Flies at Twilight (Selected Philosophical Texts of the 21st Century)]. SPb., Publ. Aleteyya, 526 p.
Kutyrov V.A., Khusyainov T.V. M., Slyusarev V.V. 2020. Chelovechestvo i tekhnos. Filosofiya koevolyutsii [Humanity and technos. Philosophy of co-evolution.]. SPb., Publ. Aleteyya, 260 p.
Kutyrev V.A. 2022. Chelovek tekhnologii [The man of technology. Fake civilization.]. Tsivilizatsiya fal'shizmu. SPb., Publ. Aleteyya, 288 p.

Поступила в редакцию 28.11.2022
Принята к публикации 30.08.2023

Received November 28, 2022
Accepted August 30, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тимошук Алексей Станиславович, доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Владимирский юридический институт ФСИН России, г. Владимир, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey S. Timoshchuk, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Humanitarian and Social and economic sciences of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia